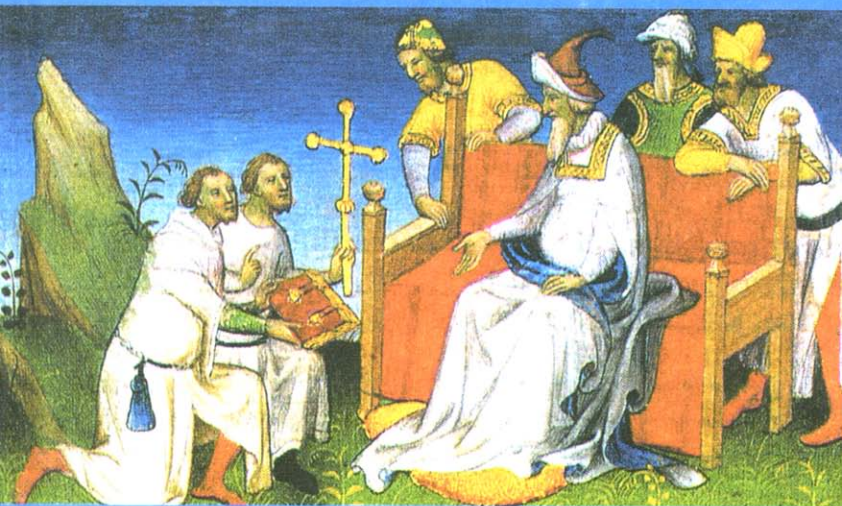

ХРИСТИАНСКИЙ МИР И ВЕЛИКАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

Материалы
францисканской миссии
1245 года

б а р б а р и с м

b a r b a r i c u m

ХРИСТИАНСКИЙ МИР И «ВЕЛИКАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ»

**Материалы францисканской миссии
1245 года**

Критический текст, перевод с латыни

«Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа

С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко.

Экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко

Санкт-Петербург
2002

ББК 63.3(2)43
УДК 94
Ю83

*Исследование подготовлено при финансовой поддержке
Международного научного фонда (Фонд Сороса),
номер гранта ZZ 4000/301.
Название проекта — «Путешественники XIII века»*

Подготовка латинского текста и перевод
С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко.
Экспозиция и исследование А. Г. Юрченко

Ю83 Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. — СПб.: Евразия, 2002. — 478 с.

ISBN 5-8071-0111-1

В книге представлены текст и перевод литературного памятника XIII в. «История Тартар» брата Ц. де Брида, созданной по материалам первого дипломатического посольства римской курии к великому хану монголов. Издание сопровождается развернутыми историко-литературными комментариями. На русском языке памятник издается впервые.

ББК 63.3(2)43
УДК 94

ISBN 5-8071-0111-1

© Юрченко А. Г., экспозиция и исследование, 2002
© Аксенов С. В., Юрченко А. Г., перевод, 2002
© Издательская группа «Евразия», 2002
© Лосев П. П., оформление, 2002

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Имя францисканца Иоанна де Плано Карпини хорошо известно читающей публике. Его знаменитое описание дипломатического путешествия по просторам империи Чингис-хана сегодня переведено почти на двадцать языков мира. Текст, рожденный 750 лет назад, не утратил живых красок и волнующей новизны открытия неведомых европейцам азиатских культур. Меньше известно, что в цели миссии не входила поездка ко двору великого хана, и остается тайной, что же побудило францисканцев подчиниться приказу Бату-хана и отправиться на всемонгольский курултай в Центральную Азию. Результат этого странствия превзошел все ожидания современников. Донесение брата Иоанна остается одним из самых ярких документов эпохи монгольского триумфа в Евразии.

Еще меньше известно о личности спутника и переводчика брата Иоанна — Бенедикта Поляка, сыгравшего, как можно предполагать, ключевую роль в сборе информации о монголах. Напомним, что брат Иоанн в своем предисловии к донесению отметил важность участия брата Бенедикта. Однако остается неясным, что скрыто за этой почтительной фразой. И что уж совсем неизвестно исследователям, так это какими сведениями и в каком объеме обладал брат Бенедикт, выполняя функции переводчика при особе папского нунция. Вместе с тем у нас есть основания полагать, что «информационный портфель» миссии находился в руках брата Бенедикта. В одном из городов Восточной Европы, где участники посольства нашли приют в обители братьев францисканцев, по настоянию отца Богуслава, управителя ордена в Богемии и Польше, некий аноним сделал краткую копию с донесения брата Бенедикта. Судьба самого донесения на сегодняшний день неизвестна. Что же касается копии, выполненной анонимом (которого принято называть Ц. де Бридиа, ибо он подписался только инициалом С), то она сохранилась до наших дней в рукописи XV в. Наличие этого текста позволяет со всей определенностью утверждать, что авторство большей части сведений миссии, ранее безоговорочно приписываемых брату Иоанну, принадлежит брату Бенедикту, поскольку в его донесении они сохранили завидную полноту, монгольскую терминологию и ее адекватный перевод. Более того, масса эпизодов, опущенных братом Иоанном из дипломатических соображений, братом Бенедиктом изложена со ссылкой на информаторов. И наконец, легендарная история завое-

ваний Чингис-хана, насыщенная фантастическими эпизодами и вызывающими подробностями, сохранилась в полном виде только в материалах брата Бенедикта. Стоит отметить, что этот текст известен в европейской науке как «История Тартар» брата Ц. де Бридиа.

В настоящем издании мы представляем отечественному читателю первый перевод донесения брата Бенедикта на русский язык. В состав книги также включен текст «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа на языке оригинала. Комментарий построен в виде 55 новелл, в которых исследуются основные сюжетные линии донесений францисканской миссии 1245 года. Историко-критический анализ основан на сравнении латинского первоисточника с параллельными восточными текстами. Материалы донесения рассматриваются с трех точек зрения — исторической, литературной и этнографической. В первом исследовании во главу угла поставлен вопрос о достоверности тех или иных сведений и возможных источниках информации миссии. История легендарных походов Чингис-хана погребовала для прояснения смысла описываемых событий привлечения восточных космографий и вылилась в отдельную книгу, которая готовится к выходу в свет в издательстве «Евразия». Историко-этнографические аспекты донесения, фиксирующие реалии повседневной жизни в Монгольской империи, также потребовали отдельного изложения. Таким образом, издательство планирует выпустить трилогию, охватывающую все грани столь необычного средневекового источника. Если в первой книге рассматривается история рождения текста, то во второй анализируется тема «империя и космос», а в третьей отражены структуры повседневности и механизмы власти Монгольского государства. Такой подход позволяет с наибольшей полнотой оценить значение «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа для формирования наших представлений о средневековой истории Евразии.

В книге представлены материалы и исследования следующих авторов:

Дмитриев С. В.	43,3.
Кляшторный С. Г.	2; 4; 13; 15; 51.
Кычанов Е. И.	2; 9; 14; 15; 26; 51.
Малинин Ю. П.	3; 5,3; 32; 54.
Напольских В. В.	27; 32; 39,1.
Рыкин П. О.	4; 17,2; 28; 29; 30.
Цибулько Г. Ф.	3; 5,3; 32; 54.

(цифры обозначают номера комментариев)

ЭКСПОЗИЦИЯ

1. ИМПЕРИЯ КАК ТЕКСТ

Факт рождения и существования Монгольской империи сомнения не вызывает. Сомнение вызывают лишь исследования, которые не учитывают существование различных средневековых концепций происхождения власти. Таких концепций и созданных на их основе исторических сочинений несколько и они естественным образом не совпадают. Мы не знаем того, что было «на самом деле», но мы знаем как интерпретировались современниками те или иные события (или думаем, что знаем). Так называемая «реальная история», которая видится некой хронологической картотекой, — один из мифов современного научного сознания, нашедший свое законченное воплощение в школьных учебниках. Другой крайностью является попытка создать «новую хронологию». Картотека событий, имен и дат — удобный исследовательский инструмент и не более. Видимо, стоит напомнить, что каталогизации поддаются лишь мертвые останки, а не бурные потоки жизни и ветры перемен. Трудно представить себе картотеку, куда внесены мировые слухи и тревожные ожидания, связанные с первыми известиями о монголах. По какой шкале можно измерить степень ужаса, охватившего европейскую элиту перед лицом азиатского вызова?

Исторические летописи всегда писались личностями и были ориентированы на личности. Созданный при дворе Газанхана под патронажем Рашид ад-Дина «Сборник летописей», или универсальная хроника Монгольской империи, задает иную перспективу восприятия мировых событий, нежели фрагментарная история монголов, изложенная в энциклопедии Винцента из Бове. Тема происхождения власти монгольского императора в восприятии Марко Поло, вполне разделявшего установки китайских царедворцев, существенно расходится с изложением этой темы в записках его современника, странствующего францисканца Одорико де Порденоне, ко-

торый прошел пешком Китай и Тибет. Армянские средневековые источники демонстрируют поразительную эволюцию в восприятии азиатских кочевников, начиная событийный ряд с апокалиптических картин и заканчивая восхвалением новых владык мира, разрушивших в 1258 г. политическую и культурную столицу мусульманского мира Багдад.

В нашем распоряжении имеется несколько категорий текстов, описывающих феномен Монгольской империи. В этих текстах при желании можно вычлениить некоторые взаимосвязи социального или военно-политического характера между лидерами, кланами или государствами. Помимо прочего в них также декларируются политические утопии. Современный историк, стремящийся исследовать механизмы функционирования Монгольской империи, имеет дело только с текстами. Другие категории источников (предметы имперского обихода, воинские знаки, миниатюры) несомненно, важны, но вторичны по отношению к текстам. Упрощая ситуацию, можно утверждать: сколько существует письменных источников (и их интерпретаций), столько же таится возможностей для реализации тех или иных представлений о том, как создавалась, развивалась и пришла к упадку Монгольская империя. На практике это означает выработку взаимоисключающих концепций. Картина азиатского мира, воссозданная на базе латинских (западных) источников, будет иметь мало общего с картиной, выстроенной на основе монгольских и китайских источников. И дело не только в культурной или религиозной дистанции, отделяющей средневекового автора от описываемых им событий, причина различий лежит глубже и определяется иной ментальностью. Что же касается исследовательских оценок, которые, как правило, носят эмоциональный характер, то они колеблются от отрицания какой-либо положительной роли монгольских завоеваний до признания мироустроительной роли Чингис-хана. А любая «объективная позиция», опирающаяся на анализ тех или иных текстов, произвольно разделяет декларируемую ими концепцию происхождения власти. В этой неопределенности, связанной с существованием источников, не сводимых к общему знаменателю, ибо эти источники порождены разными культурами, и заключена тайна истории.

Монгольская элита манифестировала собственный имперский миф, отраженный в текстах официальных документов, и это может окончательно запутать ситуацию. Воображаемая реальность вытеснила из источников, видимо, мало чем примечательную повседневность. Из документов прошлого мы можем узнать лишь «идеальные сценарии» событий. Не случайно с середины XIII в. монгольские курултаи отличаются особой представительностью: несколько тысяч правителей городов, провинций и государств обязаны были явиться в центр империи и принять участие в пышном празднестве. Смена цвета одежд двора и гвардии наглядно демонстрировала космический цикл обновления и обретение статуса мирового правителя сыном Неба. Благодаря праздничным церемониям реальность обретала черты имперского мифа. Даже францисканцы, члены первой западной миссии к великому хану (1246), приветствуя сына Неба, были вынуждены облачиться в шитые золотом монгольские халаты, признав тем самым в глазах двора приоритет хана над папой римским.

Возникает вопрос, существует ли критерий, позволяющий выделить в средневековых источниках фонд «реальных» сведений и фонд политических мифов. Например, стоит ли полагать, что идеология монгольской экспансии имела мифологизированный характер и ее разрабатывали интеллектуалы или эта идеология складывалась стихийно? Как правило, исследователи средневековых текстов, в которых описываются проявления тех или иных имперских механизмов, испытывают определенные трудности при различении «реальных» и «мифологических» сведений. Эти трудности настолько велики, что часто возникает естественное желание игнорировать их или обойти. Например, разброс известий о смерти Чингис-хана в западных и восточных источниках не поддается различению по обозначенному критерию: «реальность» или «миф». Чего в таком случае следует ожидать от оценки столь масштабных явлений, как монгольская экспансия? Мы имеем дело с мифологизированной реальностью, причем мифологизированной уже в момент свершения тех или иных событий. В круговорот были вовлечены сразу несколько цивилизаций, что с неизбежностью означало столкнове-

ние западных и восточных политических мифов. Монгольская формула «Чингис-хан — сын Неба» однозначно переводилась на латынь как «Чингис-хан — сын Бога», что гарантировало бурное неприятие этой формулы дипломатами христианского Запада. И обратная ситуация — претензии папского престола на всемирное признание наталкивались на саркастическую реакцию представителей монгольской элиты.

Источники, отражающие историю рождения Монгольской империи, условно можно разделить на две группы (по критерию «внутренние»/«внешние»). В первую входят тексты, созданные внутри империи. Как правило, в этих текстах описываются не столько «исторические события», сколько заданные сценарии событий. Ключевым пунктом для понимания содержательной стороны названных текстов является их идеологический или программный характер. Иными словами, эти сочинения отражают доминирующие интересы элитарных групп либо же борьбу и соперничество между правящими группами. Можно предположить, что в противовес сочинениям, реализующим имперский миф, создавались сочинения антиимперского характера. До сих пор такие сочинения не были обнаружены, потому что отсутствует общая типология текстов, описывающих феномен Монгольского государства. Одна из целей настоящего проекта, связанная с открытием интеллектуального антиимперского текста, — показать реальное существование такого рода сочинений. Этой теме будет посвящено специальное исследование.

Вторая группа текстов по нашей классификации включает описания, созданные авторами из «наблюдающих культур». Эти тексты носят оценочный характер, что также ставит под сомнение их объективность. Для ответа на вопрос о различении мнимых и действительных сообщений следует выделить ряд основных системных единиц и сравнить их характеристики во «внутренних» и «внешних» источниках. В результате мы получим «нейтральный» фонд сведений и оценочную шкалу этих сведений, зависящую в первую очередь от позиции или статуса того или иного средневекового автора.

Кажется очевидным, что образ Монгольской империи, воссозданный на основе латинских или древнерусских источников, будет существенно отличаться от концепции Монгольского всемирного государства, реализованной в официальных сочинениях персидских историков XIII — начала XIV вв. Другой источник, а именно, имперские легенды, основанные на традиционных фольклорных сюжетах, рисуют особую картину империи. И, наконец, в нашем распоряжении имеется литературный текст, изображающий вымышленную панораму монгольского универсума (так называемый «Роман о Чингис-хане»).

Известно, что «объективных» исторических сочинений не существует. Однако обычно этот факт в исследованиях игнорируется. Скажем, по сей день оценка катастрофических последствий монгольского вторжения в Восточную и Западную Европу опирается на апокалиптическое видение ситуации средневековыми интеллектуалами середины XIII в. Подобного рода оценки сомнительны сами по себе и к тому же не имеют надежной точки опоры.

Исследователи непроизвольно работают в русле той или иной средневековой концепции власти, не оговаривая свою позицию относительно используемых источников, что открывает простор для манипуляций. Разница между манипулированием и моделированием заключается в первую очередь в пренебрежении важными блоками социальных связей, что на практике проявляется в некорректном цитировании источников либо же в умолчании контекста. Например, опираясь на латинские известия, можно подобрать ряд живописных свидетельств каннибализма и безумной жестокости монголов, игнорируя мифологический контекст этих описаний, построенных на отрицании чужой и враждебной культуры, или, наоборот, приписать все победы монголов их немыслимому численному превосходству над противниками. Можно говорить об удивительной терпимости монголов в сфере вероисповедания, а можно возродить религиозный миф на факте убийства в орде князя Михаила Черниговского. Однако это частности. Настоящие проблемы возникают, когда игнорируется возможность существования различных картин Монгольской империи и участия интеллектуалов в разработке тех или иных идеологических конструкций. Отчеты папской мис-

сии 1245 г. со всей очевидностью свидетельствуют, что западные дипломаты при желании могли получить исчерпывающие объяснения даже самых загадочных проявлений имперского культа Чингис-хана.

Вернемся к началу наших размышлений. Существование «внешних» и «внутренних» описаний позволяет констатировать наличие плавающей системы координат, облегчающей переход от одной картины к другой. Мы можем мысленно вслед за средневековыми наблюдателями перемещаться от центра империи к периферии, пересекать границу и приближаться к другому центру. Донесения францисканской миссии 1245 г., проделавшей путь от апостольского престола в столицу великого хана и обратно, документируют реальность подвижной системы координат. Именно поэтому содержание отчетов миссии не стыкуется с предшествующей западной традицией. Опыт францисканцев уникален в том смысле, что они осознали важность вхождения в чужой мир. Статичному и апокалиптическому видению Азии они противопоставили динамичную и истинную картину, основанную на наблюдениях. То же самое можно сказать о книгах Вильгельма де Рубрика и Марко Поло. Дело не в массе любопытных подробностей, запечатленных этими авторами, а в привнесении ими личностного масштаба в восприятие другой культуры. Я не призываю, скажем, отказаться от рассмотрения пронизанных эсхатологическим ужасом материалов хроники Матфея Парижского, наоборот, активно их использую, но, видимо, стоит напомнить, что это лишь один из вариантов описания монгольского мира в зеркале христианской культуры.

Важно подчеркнуть, что различные культурные модели сосуществовали одновременно. Их конфликтное столкновение и потенциальная взаимная угроза рождали то высокое напряжение, которое определяло поступки и мысли людей, влиявших на жизнь социума, как восточного, так и западного. Речь идет о «зеркалах», в которых отразились некие реальности Монгольской империи. Мы можем реконструировать систему координат каждого «зеркала», но не может быть и речи о создании некой единой картины. Тексты, созданные в разных культурах, невозможно свести к общему знаменателю.

Обозначим эти культурные модели:

- официальная (собственный монгольский политический миф);
- картина империи, отраженная в текстах христианской культуры:
 - а) империя, описанная в апокалиптическом коде;
 - б) описания империи в донесениях западных миссий:
- имперские легенды (обработка фольклорных сюжетов);
- фантастическая картина империи (*Роман о Чингис-хане*).

Таким образом, предметом нашего исследования являются тексты XIII–XIV вв., созданные представителями разных культур и описывающие те или иные структурные единицы и символы Монгольской империи. В исследовании используются четыре категории текстов, а также космографические сочинения.

1. *Тексты официального характера:*

- 1.1. «Секретная история монголов» (1241);
- 1.2. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цзя;
- 1.3. «История покорителя мира» Ала ад-Дина Джувейни (1254);
- 1.4. «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (1303);
- 1.5. «Книга» Марко Поло как представителя монгольской элиты (1298);

2. *Тексты, созданные «наблюдающими культурами»:*

- 2.1. Девять вопросов Лионского собора о монголах (1245);
- 2.2. «Великая хроника» Матфея Парижского (1259);
- 2.3. Письмо Иннокентия IV великому хану и ответное послание хана Гуюка (исторический и семиотический аспекты);
- 2.4. Донесения европейских дипломатов и миссионеров XIII в.: отчет брата Юлиана (1239); «Книга о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини (1247); «История Тартар» Ц. де Бридиа (1247); реляция Бенедикта Поляка (1247); донесение Симона де Сент-Квентин (1247); итинерарий Вильгельма де Рубрука (1256); «История короля Людовика» Жуанвиля (1255); донесение Одолика де Порденоне (1330);

- 2.5. Донесения южнокитайских дипломатов Сюй Тина и Пэн Да-я (1236); записки о путешествии Чань-Чуня — «Си ю цзи»; путевые записки Чжан-дэ-хой (1248);
- 2.6. Сведения мамлюкских дипломатических миссий XIII в.;
- 2.7. Армянские, грузинские и русские источники XIII в.;

3. Имперские легенды:

- 3.1. Легенда о разделении войска, покоряющего мир, на три части;
- 3.2. Легенда о победе Чингис-хана над пресвитером Иоанном;
- 3.3. Легенда о рождении Чингис-хана от солнечного луча;
- 3.4. Легенда о золотом орле, который принес Ясу Чингис-хану;
- 3.5. Легенда о том, как Чингис-хан стал императором;
- 3.6. Легенда о героической смерти Чингис-хана;
- 3.7. Легенда о выходе предков монголов из горной долины Эргене Кун.

4. Сочинение фантастического характера

- 4.1. «Роман о Чингис-хане» (1245).

Реконструкция текста по версии латинского перевода Иоанна де Плано Карпини.

Реконструкция текста по версии латинского перевода Бенедикта Поляка.

Объектом исследования нашей трилогии является культурно-политический феномен Монгольской империи, зафиксированный в разных культурных моделях. Для целей настоящей книги безразлично, имело ли место в реальности то или иное событие, важно другое — как оно описывается в источниках.

Задача исследования определяется необходимостью проследить перемены в восприятии Западом Монгольской империи с момента военного вторжения монголов в Европу до возвращения первых западных миссий из Азии. Более конкретно, речь пойдет о смене апокалиптической картины монгольского нашествия на более-менее рациональную картину, связанную не в последнюю очередь с осознанием новых сведений, принесенных францисканской миссией 1245 г.

В заключение укажем основные структурные единицы империи, подлежащие в дальнейшем описанию и анализу:

I. Символы и формулы власти:

Фигура великого хана;
Золотая статуя Чингис-хана;
Имперская мода;
Имперские легенды;
Толерантность в империи;

II. Этногеография империи:

Границы империи;
Экспансия.

III. Механизмы осуществления власти:

Организация армии;
Элита Монгольской империи;
Имперские праздники и курултай;
Дипломатический церемониал;
Дипломатические послания;
Официальные языки и письменность в империи;
Функции и роль гадателей в системе власти.

В полном соответствии с поставленной задачей в первой книге из трилогии рассматривается текст донесения брата Бенедикта Поляка, сохранившийся в изложении брата Ц. де Бридиа. Комментарием к переводу служит выборочный историко-литературный анализ 55 сюжетов. В центре нашего внимания — наблюдательный западный дипломат и переводчик брат Бенедикт, создающий из слухов и чужих свидетельств картину империи, во многом созвучную имперскому мифу. Может возникнуть впечатление, что брат Бенедикт попал в ловушку, доверившись информации осведомленных в делах империи людей. На самом деле это не так. Брат Бенедикт вполне осознает то обстоятельство, что сведения приходят из разных источников, и часто называет их, что косвенным образом снимает с него ответственность за их достоверность. К тому же следует учесть, что реальность, с которой столкнулись францисканцы, побывав в орде Батухана, среднеазиатских городах и в кочевой ставке великого

хана, отличалась ошеломительной новизной (чего стоит только встреча с корейским послом) и располагала к восприятию устных сведений самого невероятного толка. Итак, мы ведем наблюдение за наблюдающим, передавшим свое сочинение в чужие руки. Дело в том, что текст донесения брата Бенедикта был скопирован и отредактирован его современником, братом Ц. де Бридиа, и сохранился до наших дней только в этом варианте. Тем интереснее ситуация, поскольку отчет опытного дипломата обработан переписчиком, имевшим об Азии самые непритязательные представления.

Во второй книге, под названием «Повседневная жизнь в Монгольской империи», анализируются историко-этнографические сюжеты донесения брата Бенедикта. Хотя францисканцев меньше всего интересовала повседневная жизнь азиатских кочевников, в силу обстоятельств, путешествуя по дорогам империи, они участвовали в разных церемониях и зафиксировали серию поведенческих конфликтов, позволяющих обрисовать существенные черты монгольского социума. Вот одна из любопытных ситуаций, видимо до конца непонятая францисканцами: по пути к великому хану в юртах знатных монголов их просили располагаться на левой стороне жилища, на обратном же пути, после аудиенции у великого хана, им полагалось находиться на правой стороне. Несомненно, это связано с обретением нового статуса, поскольку дипломаты рассматривались уже как подданные хана. Францисканцы оказались особо чувствительны к религиозно-магической стороне жизни кочевников; особенно их тревожило то, что они считали идолопоклонством; участвовали они и в религиозных спорах. Ясно, что подобного рода сюжеты требуют специального рассмотрения.

И, наконец, третья книга — «Империя и космос» — посвящена расшифровке сведений фантастического характера о войне трех армий Чингис-хана с монстрами и столкновении с загадочными природными явлениями. В донесении брата Бенедикта эти сведения содержатся с § 11 по § 22, а в книге Иоанна де Плано Карпини они включены в пятую главу. Поскольку в первом случае материалы легендарного характера

сохранились в компактном виде, то это позволяет с достаточной степенью уверенности реконструировать сочинение, включенное в донесения миссии. Сочинение принадлежит перу неизвестного восточного автора, и его содержание может быть раскрыто на фоне персидских космографических представлений, что и обусловило необходимость самостоятельного исследования.

2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ФРАНЦИСКАНСКОЙ МИССИИ 1245 года

Пятого марта 1245 г. в Лионе папа Иннокентий IV подписал буллу к «царю и народу тартарскому». Доставить послание папы по адресу было поручено францисканцу Иоанну де Плано Карпини, который в связи с возложенной на него миссией получил широкие полномочия папского легата. Брату Иоанну шел шестьдесят четвертый год. Очевидно, что дипломатическое путешествие в Центральную Азию не планировалось. Папа не передал с послами ни одного подарка. Посланник должен был доехать до ближайшего монгольского войска и для этого был выбран путь через Восточную Европу. Участники миссии покинули Лион 16 апреля и направились в Богемию. По пути в Польше к ним присоединился брат Бенедикт Поляк. О важной роли этого участника миссии говорит в прологе своей книги брат Иоанн: «У нас было повеление Верховного Первосвященника все тщательно исследовать и рассмотреть; это делали ревностно, как мы, так и брат Бенедикт Поляк [принадлежащий к] тому же ордену, который был [нам] в нашей нужде спутником и переводчиком». Выбор был сделан исключительно удачно. Брат Бенедикт проявил самый живой интерес к различным аспектам жизнедеятельности Монгольской империи, а его фиксация полученных сведений отличается меньшим количеством оплошностей и ошибок. Долгое время в науке был известен только короткий рассказ брата Бенедикта о его впечатлениях о путешествии к монголам, записанный неким кельнским схоластом. Схоласт, стремясь блеснуть классической образованностью, украсил рассказ причудливыми подробностями, что окончательно

лишило возможности по достоинству оценить наблюдения брата Бенедикта.

В 1965 г. американский историк Г. Д. Пейнтер опубликовал по латинской рукописи XV века текст «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа, которая является не чем иным, как сокращенным переложением донесения брата Бенедикта. Более правильным будет утверждение, что брат Ц. де Бридиа тщательно и без сокращений переписал ту часть донесения, где излагалась вымышленная история рождения империи Чингис-хана (которую принято называть «Романом о Чингис-хане»), но опустил сведения о вооружении, одежде кочевников, женских головных уборах и прочие подробности, показавшиеся ему не столь полезными (см. НТ, § 37).

Настоящее исследование предлагает на суд читателей первый перевод на русский язык «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа. На самом деле речь пойдет, как уже не раз сказано, о донесении брата Бенедикта, которое дошло до нас в передаче третьего лица. Учитывая то обстоятельство, что брат Бенедикт был переводчиком миссии и, следовательно, на один шаг стоял ближе к информантам, не будет слишком смелым следующее предположение: все отчетные материалы миссии и в полном объеме были подготовлены именно им. Для того чтобы получить более полное представление о сведениях, которыми обладала миссия, мы должны «суммировать» донесение брата Иоанна и «Историю Тартар» брата Ц. де Бридиа. Речь идет о создании и последующем анализе общего фонда сведений францисканской миссии 1245 г. Подобная задача была поставлена и отчасти выполнена польскими историками, издавшими в 1993 г. полную подборку материалов, связанных с историей дипломатического странствия брата Иоанна (см.: SDS). Следующим шагом является тематическое структурирование материалов миссии. Необходимость разбивки материалов по темам осознавалась самими францисканцами. Донесение брата Иоанна, поделенное им на девять глав, с последующей разбивкой глав на подтемы, — лучший тому пример.

В нашем исследовании выделено свыше сотни сюжетов, каждый из которых представляет собой вполне самостоятель-

ную тему. Какие перспективы открывает такой подход к материалам миссии? В первую очередь он позволяет отвергнуть «этнографический» характер собранных францисканцами сведений. Францисканцев интересовало иное: механизм функционирования империи (униформа, исполняемость приказов, наказание за проступки); ресурсы империи, отсюда интерес к обыденной реальности кочевого быта; организация и мобильность армий; идеология и верования. Перед нами с необходимостью встает вопрос о характере содержания донесений. Сопоставив выделенные темы с параллельными восточными известиями, мы убедимся, что францисканцы транслируют монгольский имперский миф. Имперский миф и был той единственной реальностью, которую зафиксировали папские послы, стремясь проникнуть в тайны кочевой культуры. Но об этом чуть ниже.

Принимать брата Иоанна или брата Бенедикта за авторов тех или иных сведений, отраженных в их отчетах, было бы сегодня непростительной ошибкой. Видимо, стоит отметить очевидную вещь. Несомненно, францисканцы — авторы донесений, тогда как сведения получены ими на территории империи из рук весьма осведомленных людей. Папские послы добросовестно зафиксировали то, что им сообщалось. На их счет мы можем лишь отнести ошибки и искажения при записи полученных сведений. Вопрос об источниках миссии далеко не праздный. Например, подробная и ясная картина погребальных ритуалов монгольской знати, отраженная в донесениях, не имеет аналогов в других средневековых источниках. Исключено, что францисканцы лично наблюдали подобные ритуалы, поскольку в противном случае их, по причине ритуальной нечистоты, не допустили бы к аудиенции с великим ханом. Вместе с тем известно, что погребальные ритуалы монгольской знати были окружены глубокой тайной. Брат Вильгельм де Рубрук не смог выяснить и малой толики подобных сведений. Несомненное достоинство участников первой дипломатической миссии к монголам — это умение находить важные источники информации.

Сравнивая две версии одного и того же отчета — «Историю Тартар» брата Ц. де Бридиа и «Книгу о Тартарах» брата

Иоанна, мы можем оценить механизм отсеивания той или иной информации. Например, брат Иоанн умолчал, что на аудиенцию с великим ханом они должны были явиться в шитых золотом монгольских халатах (но сообщил об этом в частной беседе брату Салимбене из Пармы). Напомню, что францисканцы, вступая в орден, давали обет бедности, что исключало ношение дорогих одежд. Показательна позиция брата Ц. де Бридиа, опустившего описание женского головного убора *бокка* и, скорее всего, даже не догадывавшегося, что речь идет не о женской моде, а об имперской униформе. Брат Иоанн, в отличие от брата Бенедикта, счел возможным отнести вымышленную биографию Чингис-хана к главе, посвященной истории происхождения империи. Так или иначе, сегодня изучение и использование «Книги о Тартарах» брата Иоанна без учета параллельных известий из донесения брата Бенедикта невозможно. Оба письменных памятника взаимно дополняют друг друга и, что важно, позволяют оценить дистанцию между средневековым наблюдателем и материалом. То, что было интересно брату Бенедикту, например монгольские термины, напрочь отсутствует в донесении брата Иоанна. Наличие параллельных сюжетов, авторство которых ранее безоговорочно приписывалось брату Иоанну, позволяет поставить вопрос об общих источниках информации участников миссии. Скажем, у нас появился реальный шанс оценить способ конструирования пятой главы донесения брата Иоанна, где сюжеты «Романа о Чингис-хане» свободно перетасованы с вполне реальными наблюдениями. В донесении брата Бенедикта материалы легендарного характера изложены компактно и сохранили исходный порядок изложения. Что же касается фонда «реальных» сведений, то их сопоставление позволяет получить панорамную картину и выявить дополнительные нюансы. По этой причине мы отказались от формы традиционного комментария, в данном случае малопродуктивной, тем более что существуют английский и польский переводы «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа с краткими комментариями. Вместо комментария мы предлагаем по каждой теме небольшое исследование, иногда ограниченное параллельными восточными материалами. Подчеркнем, что истинная оценка сочинений

францисканской миссии 1245 г. возможна только в евразийском масштабе. Обсуждение материалов миссии на фоне официальных монгольских и персидских известий позволяет глубже обосновать главную гипотезу исследования, а именно: папские послы транслируют монгольский имперский миф. О так называемой «реальной» картине империи не может быть и речи. Было бы непростительной ошибкой с нашей стороны ограничиться сравнением донесений лишь с европейской традицией, как поступила, например, немецкий историк Ф. Шмидер, издавшая в 1997 г. новый перевод книги брата Иоанна.

3. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

3.1. В 1800 г. в Москве в университетской типографии у Ридигера и Клаудия вышла книга под названием «Любопытнейшее путешествие монаха францисканского Ордена Жана дю План-Карпино, посланного в 1246 г. в достоинстве Легата и Посла от папы Иннокентия IV к татарам, им самим писанное и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могуществе татар; об их одежде, пище и питии; о политическом и гражданском правлении; об образе богопочитания их; о поведении их на войне; об обрядах, наблюдаемых при свадьбах и погребениях и о многих достопамятных происшествиях, касающихся до Российских великих князей». Это был перевод с французского издания 1735 г., опубликованного Пьером Бержероном, которое, в свою очередь, восходило к печатному латинскому тексту средневековой исторической энциклопедии Винцентия из Бове. Первый русский перевод не преследовал научных целей. В 1825 г. Дмитрий Языков подготовил научное издание книги Иоанна де Плано Карпини. Этому же автору принадлежала блестящая идея выпустить в свет всю серию текстов исторических путешествий к монголам в XIII–XV вв., но она не была реализована. В 1957 г. был переиздан перевод А. И. Малеина (подготовленный в 1911 г.), и с тех пор книга брата Иоанна прочно вошла в обиход отечественной науки. Практически любое исследование по средневековой истории Средней и

Центральной Азии не обходится без активного использования сведений этого донесения. Книга брата Иоанна оказалась «расщепленной» на некую сумму фрагментов, ценных, с точки зрения пользователя, лишь в том или ином частном аспекте (историческом, археологическом, этнографическом). В результате уникальный средневековый текст остался непонятым и неоцененным по сей день. Кажется, существует убежденность в прозрачности содержания донесения, а все неясные эпизоды обычно списываются на наивность или ошибки брата Иоанна. Никто не ответил на вопрос, каковы были источники информации папского посланника и для какой аудитории предназначался его отчет. «Книга о Тартарах», рожденная как ответ на таинственную игру мировых слухов и явившаяся опровержением этих слухов, была связана со становлением новой картины мира в средневековой Европе.

3.2. Традиционный историографический обзор по заявленной в названии главы теме в данном случае малопродуктивен и не способен выявить тупиковые направления исследований. Существуют ряд концепций, построенных на некритическом отношении к текстам донесений францисканской миссии 1245 г. В первую очередь это касается этногеографии Центральной Азии. Количество же этнографических статей, где папский посланник предстает любознательным первооткрывателем, которому до всего есть дело, необозримо.

Обозначим проблему яснее. Вопрос, который меня занимает, звучит так: к какой категории текстов относятся донесения францисканской миссии? Известно, что дипломаты согласились с требованием Бату-хана отправиться в Центральную Азию, чтобы участвовать в курултае, связанном с выборами нового великого хана. Полномочий на такую поездку у францисканцев не было, как, впрочем, не было и запрета. Римская курия не могла предугадать такое развитие событий. Выбор в пользу поездки был сделан лично братом Иоанном и братом Бенедиктом, что, возможно, свидетельствует об осознании ими значимости такой поездки для реализации контактов на высшем уровне и сбора материалов. К слову сказать,

параллельная миссия доминиканцев во главе с братом Асцелином, направленная в Малую Азию в 1245 г., наотрез отказалась от аналогичного предложения монголов. Таким образом, брат Иоанн и его спутник и переводчик брат Бенедикт оказались при дворе великого хана. Они стали первыми европейцами, владевшими наиболее полной информацией о монголах, и изложили свои наблюдения и полученные сведения в форме исторических описаний. Все, что было известно о монголах в Европе до этого момента, пронизано апокалиптическим видением мира и не может претендовать на объективность. Донесения францисканцев удивительным образом не стыкуются с предшествующей западной традицией, что отмечено большинством исследователей, но оставлено без каких-либо разъяснений.

Истинной целью полуторалетнего странствия папских посланников был сбор достоверных сведений, касающихся происхождения, верований и образа жизни кочевых орд, а также намерений их предводителей. Путешествие западной миссии к границам познанного мира призвано было раздвинуть занавес неизвестности и снять напряжение ожидаемой вселенской катастрофы. Вызов, брошенный Азией и заставивший европейскую элиту пристально вглядываться в горизонты, лежащие далеко за пределами христианского мира, обладал необычайной силой. В нем странным образом слились воедино реальная мощь Монгольской империи и страх, связанный с ожиданием Судного дня. Следует помнить, для какой аудитории предназначались новые известия об Азии.

Дипломатическое путешествие францисканцев не имело характера престижной поездки. Папа не передал великому хану ни одного подарка, потому что не был уверен в благополучном исходе миссии. Францисканцам предстояло открыть неизвестный и враждебный мир, о котором в Европе ходили самые невероятные слухи. Это была разведка, преследующая ряд конкретных целей. И одновременно — странствие в мир другой культуры.

Казалось бы, на поставленный выше вопрос о статусе текстов донесений можно дать однозначный ответ: перед нами дипломатические отчеты, представленные на рассмотрение

римской курии. Формально с этим можно согласиться. По крайней мере, так они воспринимались современниками. С исследовательской же точки зрения остается неясным вопрос о содержательном характере донесений. Можно ли их отнести: а) к историко-этнографическим источникам; б) к материалам, описывающим исключительно монгольский имперский феномен; в) к литературным сочинениям в историческом жанре. Вопрос не праздный. Дело в том, что, на мой взгляд, в донесениях содержится ряд загадок и непонятных сюжетов, прояснить которые можно, лишь решив вопрос о типе текста. Вот некоторые из них: как могло появиться известие о походе монгольской армии на самоедов (напомню, что самоедами древнерусские летописи именовали племена, живущие за Северным Уралом, — так далеко монголы не заходили); кто мог сообщить францисканцам детальные сведения о погребении знатных лиц; входило ли наказание за вредоносную магию в систему юридических законов империи; действительно ли за проступок, связанный с пролитием молока на пол юрты, виновного ждала смерть; почему о золотой статуе Чингис-хана, перед которой должны были преклонить колена францисканцы, молчат другие источники; кто и почему сообщил францисканцам о гибели Чингис-хана от удара грома; какой интерес для курии заключался в подробном описании монгольского женского головного убора *бокка*; о каком оружии в виде медных статуй, изрыгающих огонь на расстояние полета стрелы, идет речь? Особенно загадочно выглядит содержание пятой главы, где описаны походы трех монгольских армий против монстров и фантастических народов.

Независимо от того, осознает тот или иной исследователь проблему статуса текста, он использует материалы донесений в одном из трех обозначенных выше качеств. В результате, создается картина, которую невозможно свести к общему знаменателю. С одной стороны, донесения считаются достоверными источниками, с другой, констатируется масса ошибок и искажений исторических фактов, а часть сведений признана легендарными. Продолжим вопросы. На каких основаниях историки иллюстрируют свои исследования по истории империи Чингис-хана сведениями из фран-

цисканских донесений, априори предполагая их объективный характер? Археологи, напротив, удивляются полному несоответствию своим полевым наблюдениям картины погребальных ритуалов, описанных францисканцами. Этнографы демонстрируют «потребительское» отношение к различным, как они предполагают, этнографическим подробностям из донесений францисканцев, видя в них коллег по полевым исследованиям.

3.3. На эти размышления меня натолкнули наблюдения, полученные во время проведения двух трансконтинентальных экспедиций в 1990 и 1991 гг. по маршруту францисканской миссии 1245 г. Это был эксперимент, связанный с созданием параллельного историко-литературного текста (взгляд современного историка-путешественника на сочинение средневекового путешественника), что однако не исключало работу над реальным комментарием и историко-географической реконструкцией маршрута миссии. Польза такого рода экспедиций заключалась в единственном моменте. Благодаря странствию современный исследователь может попытаться оценить содержание средневекового источника в реальном пространственном масштабе и раздвинуть свой внутренний горизонт (как заметил в свое время ал-Масуди, путешествия избавляют от многих предрассудков). Как правило, те, кто занимается историей средневековых странствий, редко имеют возможность увидеть своими глазами большую часть знаменитых маршрутов. В этом отношении, например, исследование Анри Кордые книги Марко Поло, опирающееся на впечатления от путешествия по Юго-Восточной Азии, сохраняет свою актуальность и сегодня.

Что же касается этнографической фото- и киносъемки (костюмов, базаров, бытовых сцен, обрядов, святых мест, свадебных ритуалов и т. д.), то оказалось, что большая часть этих материалов практически не имеет точек соприкосновения с картиной, нарисованной францисканцами. Причина расхождений в том, что францисканцы описывали жизнь кочевой империи в ее расцвете, а мы наблюдали жизнь кочевого сообщества, переживающего не лучшие времена.

Одновременно экспедиция дала импульс для пересмотра общепринятого в мировом исследовательском сообществе взгляда на загадочное содержание пятой главы книги брата Иоанна как наивной попытки собрать воедино легенды о Чингис-хане и обработать их в стиле известного «Романа об Александре». В Средние века преодолеть маршрут из Европы в Монголию и собрать точные сведения мог только наблюдательный и открытый к диалогу человек. Именно так отзывались о брате Иоанне его современники. В пятую главу включено самостоятельное сочинение, но к его созданию францисканцы не имеют никакого отношения.

3.4. Иоанн де Плано Карпини назвал свое донесение *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»). Один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название и получилось следующее: «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*). В 1247 г. брат Ц. де Бридиа, переписавший с сокращениями донесение брата Бенедикта Поляка, дал своему труду название «История Тартар» (*Historia Tartarorum*). Энциклопедист Винцент из Бове (ум. 1264) почти целиком использовал донесение брата Иоанна, когда работал над составлением своей энциклопедии *Speculum historiale* («Историческое зеркало»). Итак, францисканцы-дипломаты и их современники восприняли донесения, привезенные из Азии, как исторические повествования. Сегодня мы можем уточнить содержательные аспекты этих текстов и выявить их многоуровневый характер. В донесениях брата Иоанна и его спутника брата Бенедикта содержатся два совершенно различных описания Монгольской империи. Назовем их условно «реальное» и «фантастическое». «Реальная» картина, рисуемая францисканцами, коррелирует с широким кругом восточных источников, несущих на себе отпечаток имперской идеологии. В определенном смысле можно утверждать, что западные дипломаты транслируют имперский миф. При этом в их донесениях нет места легендам имперского характера. Например, отсутствуют сведения о том, что будущий основатель империи зачат от солнечного луча, и не говорится о вручении Ясы Чингис-хану ангелом, явившимся ему в виде златокрылого орла, о чем сообщают армянские историки XIII в.

Сведения францисканской миссии 1245 г. разительно отличаются от европейских апокалиптических описаний азиатских кочевников, собранных в «Великой хронике» бенедиктинского монаха Матфея Парижского, имевшего доступ к архиву английского короля Генриха III. Францисканцы принесли в Европу новую картину Монгольской империи, которая во многом совпадает с собственным монгольским мифом. Заключительный аккорд этой темы особенно ярко прозвучит в книге Марко Поло. Один из парадоксов миссии 1245 г. заключается в том, что францисканцам известны обе картины: и «европейская», и «монгольская». Культурная задача миссии была связана со сменой ирреальной картины новой картиной, основанной на наблюдениях и сведениях, полученных на территории империи. Францисканцы справились с этой задачей. С какой целью они подробно описали монгольскую мужскую прическу, женский головной убор (*бокка*), большие неразборные юрты, устройство орды, обычаи, магические запреты, церемониалы и т. п.? Менее всего в этом следует видеть «этнографический» интерес западных дипломатов к диковинкам чужой культуры. Известно, что средневековые общества были обществами высокой знаковости. Знаковая сущность явлений и вещей доминировала над их реальной сущностью. И одновременно мир высокой знаковости воспринимался как социально организованный. Внешним наблюдателям бросалась в глаза не странная форма прически или головного убора, но их однообразие. Францисканцы, описывая форму мужской прически, на самом деле описывают имперскую униформу. Сведения о неразборных юртах показывали современникам мобильный характер кочевой культуры, открытой к экспансии. Францисканцы описывают империю как высоко организованный социальный мир, а не мир хаоса, в чем были убеждены их западные современники.

Второй парадокс миссии связан с переводом необычного восточного сочинения, где изображается фантастическая империя Чингис-хана. В этом тексте символам Монгольской империи придан гипертрофированный и инвертированный характер. «Фантастическое» описание империи может быть понято лишь при сопоставлении с сюжетами из

персидских и арабских космографий и восточных версий поэмы об Искандере. Францисканцы зафиксировали перевод этого сочинения, не разгадав его истинный смысл. Мотивацией для включения его в донесения послужило отсутствие других источников, раскрывающих раннюю историю происхождения империи и легендарных деяний Чингис-хана.

Суммируя эти наблюдения, мы приходим к следующему заключению. Донесения францисканской миссии 1245 г. являются литературными сочинениями, призванными ответить на ряд ключевых для Запада вопросов, где доминирующее положение занимает тема божественной санкции на существование ранее неизвестных Западу народов. Материалом для них послужили самые разнообразные сведения, полученные на территории империи от весьма осведомленных лиц, и лишь отчасти — собственные наблюдения францисканцев. Вновь открытая культура носила ярко выраженный имперский характер, где управление было построено по военно-административной вертикали. Отчеты миссии являются своеобразным зеркалом, в котором отразились разнообразные проявления имперской культуры. Поскольку францисканцы являлись «наблюдателями», представляющими интересы другой культуры, то созданные ими сочинения с необходимостью являются текстами-посредниками, призванными обрисовать реальность азиатского мира в категориях, понятных их европейским адресатам.

3.5. Вывод, к которому мы пришли, кажется, делает бесперспективной идею научных путешествий по маршрутам средневековых странствий, поскольку моделированию поддается лишь незначительная часть исчезнувших культурных связей. Однако вопрос не так прост. Опыт, полученный во время путешествия, оказывается необходимым условием для понимания истинного масштаба проделанной францисканцами работы. Сегодня можно определенно утверждать, что дипломатическое путешествие францисканцев преследовало единственную цель: дать в руки европейской политической элиты «реальные» сведения о монгольском мире, что объективно обернулось вытеснением иррациональных представле-

ний. Задачи первой миссии носили религиозно-ментальный характер, тогда как, например, странствие брата Вильгельма де Рубрука по тому же маршруту в 1255 г. и его донесение являются идеальным объектом для этнографического исследования. Брат Вильгельм не был дипломатом и вел образ жизни странствующего проповедника.

* * *

Цитируемые источники обозначаются следующим образом.

«Книга о Тартарах» брата Иоанна де Плано Карпини — ЛТ, следующие затем цифры, например, V. 13, указывают, соответственно, на номер главы и параграф.

«История Тартар» брата Ц. де Бридиа — НТ, а цифры указывают параграф.

Если перевод того или иного источника был разбит издателем на главы, то при цитировании указывается только глава, откуда заимствованы сведения, например: *Киракос Гандзакец*. 52; *ан-Насави*. 6; *Фома Сплитский*. XXII. «Сборник летописей» Рашид ад-Дина цитируется с указанием тома, книги и страницы. Во всех остальных случаях ссылка идет на страницу соответствующего издания, например: *Английские источники*, с. 56.

Часть первая

**ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ
ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ**

1. СИЛА СЛУХОВ

Бог один ведает, кто они и откуда пришли.

Новгородская летопись. 1223 г.

В христианском мире один из первых слухов о монголах передает армянский историк Киракос Гандзакеци: в 1220 г. «нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, — людей, скот и вплоть до собак даже — они предавали мечу. <...> И распространилась о них ложная молва, будто они — *моги* и христиане по вере, [будто] творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто есть у них церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают ее перед крестом, [затем] оттуда все войско берет [корм] для лошадей своих, и [ячмень] не убавляется; а когда все кончают брать, там остается ровно столько же. Точно так же и с продовольствием для людей. И эта ложная молва заполнила страну» (*Киракос Гандзакеци. 11*)¹. Стремительное вторжение на Кавказ было лишь разведывательным рейдом двух отрядов под руководством прославленных полководцев Чингис-хана — Субедея и Джебе.

Киракос Гандзакеци был не единственным автором, кто критически отнесся к первым известиям о монголах. Многие современники событий оценивали слухи о монголах как ложные. Арабский историк Ибн аль-Асир, писавший со слов очевидцев о монгольском нашествии на государство хорезмшаха, свидетельствует: «Рассказывали мне про них такие вещи, которые едва можно слушать: они ложны вследствие страха, который Аллах вселил в сердца людей» (*Ибн аль-Асир, с. 42*). Личный секретарь хорезмского султана Джелал ад-Дина ан-Насави передает один из таких слухов: тюрки в войске султа-

на «считают, что татары не из рода людского, не знают страха, нет на них следа мечей и не уходят они, ибо на них не действуют копья» (*ан-Насави*. 36).

Сообщение русских послов о первом появлении неизвестного азиатского народа на границах Руси в 1223 г. облетело все русские княжества и в том же году достигло западноевропейских стран. «Том же лете, по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и котораго племени суть, и что вера их <...>»; «Бог един весть, кто суть и отколе изидоша <...>: мы же их не вемы, кто суть <...>»; «<...> и не сведаем, откуда суть пришла, и где ся деша опять; бог весть, отколе приде на нас, за грехы наша» (НПЛ, с. 43). Это известие отразилось в западных хрониках в почти дословной передаче. Цезарий Гестербахский в 47-й главе X книги своей хроники пишет о битве на реке Калке: «В прошедшем году еще какой-то народ вошел во владения Руссов и истребил там весь народ унамский: нам неизвестно, что это за народ, откуда идет и куда стремится»². В тексте — *ипат*, возможно, речь о *кунах*, одном из кипчакских племен. Тех кипчаков, которые ушли на Дунай, венгры называли их именем — кунами, но одновременно появилось другое их название — *команы*, как полагают, по имени одного из их вождей³.

В «Истории французского королевства» при описании событий 1236 г. говорится о страхе, вызванном во Франции известиями о татарах (HRF. Т. XXVI. Р. 604—605). В той же хронике приводится обращение к Людовику IX магистра тамплиеров Понса де Обон, указывающего, что, если татары не будут сокрушены, ничто их не остановит на пути к Франции (*Понс де Обон*, с. 7). «<...> Тут впервые прошел слух по земле нашей, что нечестивое полчище тартарейское многие земли разорило; истинно ли это, будущее покажет» (*Английские источники*, с. 98). Эта весть занесена в анналы Мельрозского монастыря в Южной Шотландии в 1238 г. Хроника бенедиктинского монастыря Святого Эдмунда содержит сообщение, датированное 1239 г.: «Племя нечестивое, тартаринс называемое, которое недавно нахлынув с островов, наводнило собою поверхность земли, опустошило Венгрию с прилежащими к ней областями» (*Английские источники*, с. 101). Таковы были са-

мые ранние слухи о монгольском нашествии на Восточную Европу, докатившиеся до крайних пределов Запада — Британских островов. Авторы этих хроник не только не представляют масштабов азиатского вторжения, они не знают ни точного имени завоевателей, ни откуда те пришли. Согласно хронике города Сплита, в 1239 г. появилась звезда с ярким хвостом, которая зависла на севере, оставаясь неподвижной много дней над Венгерским королевством, и казалась знамением предстоящего великого события. В эти самые дни, по словам очевидца, всеобщим достоянием стала печальная весть о том, что несущее погибель племя тартар обрушилось на христианские пределы, напав на русские земли, но многие считали это сообщение вздорным (см.: *Фома Сплитский. XXXIII*).

Что же показало будущее? Не прошло и трех лет, как в 1241 г. «полчища тартареев» разгромили рыцарские армии Польши, Германии и Венгрии и, сея панику в Европе, стремительно продвинулись к берегам Адриатического моря. Вспоминая события этих лет, сплитский архидьякон Фома писал: «На пятый год царствования Белы, сына короля Венгрии Андрея, и на второй год правления Гаргана губительный народ тартар приблизился к землям Венгрии. А ведь тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространились по всему свету. Они прошли от восточных стран до границ рутенов, разоряя земли, которые они пересекали» (*Фома Сплитский. XXXVI*). Во время западного похода, когда монголы во главе с Каданом подошли к городу Сплиту, среди горожан, по словам Фомы Спитского, стали распускаться нелепые слухи: одни утверждали, что монголы сооружают громадные машины и множество военных орудий, с помощью которых будут разрушать города; другие уверяли, что они собирают в кучи землю и камни наподобие гор и, оказываясь таким образом выше городов, легко ими завладевают (*Фома Сплитский. XXXIX*). На самом деле «нелепые слухи» не являются таковыми. Монголы действительно обладали невероятными возможностями для взятия самых неприступных городов. Вот, например, тактика осады неприступной крепости Мансуркух в Хорасане. По словам Ибн аль-Асира, монголы осаждали крепость шесть месяцев и было убито множество их воинов. «Видя это, царь их приказал собрать, сколько мож-

но было, мелкого и крупного леса. Сделав это, они стали класть слой дерева, а поверх его слой земли, и не переставали [делать] это до тех пор, пока образовался высокий холм напротив крепости» (*Ибн аль-Асир*, с. 29). Возникает вопрос о путях распространения подобных слухов в пространстве Евразии. Южносунский дипломат Чжао Хун писал в 1221 г. о том, как монголы с помощью пленного населения засыпают рвы (см. коммент. 33.2). Дело, разумеется, не в сооружении каких-то мифических гор напротив осаждаемых городов и не в обыденной практике осадных работ. Монгольские армии имели на вооружении специальные катапульты и прочие механизмы, поражающие своими размерами. Совершенной новостью было использование ими пороховых зарядов. Особенностью монгольской тактики было массовое привлечение пленных при организации осад городов. «[Некоторых] используют для обслуживания [колесниц, напоминающих] гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других [работ]. [При этом татары] не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей [они] все без исключения бывают взяты» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 67). Чжао Хун в своем описании указывает на использование монголами китайских специалистов, обслуживавших механизмы при осаде городов: колесниц с возвышением для доставки штурмующих на городские стены, куполов для штурма и камнеметных машин. Ан-Насави пишет, что при осаде городов монголы использовали защитные стены (*матарис*), подвижные башни (*даббаба*), катапульты и тараны. При осаде Нишапура в 1222 г. монголы установили 200 катапульт (*ан-Насави*. 23) ⁴.

Вернемся к событиям в Европе, правители которой имели, видимо, смутные представления о том, какие битвы разворачивались в пространстве Евразии. К этому времени монголы покорили половину континента и слухи о них распространялись, как эпидемия, один мрачнее другого. «Явился некий народ, называемый тартарами, сыны Измаиловы, вышедшие из пещер числом до 30 миллионов и более» — эти малодостоверные сведения анналов Тьюксберийского монастыря относятся к 1240 г. (*Английские источники*, с. 106). Под тем же годом известие о монголах значится в английском средневековом сочинении «Деяния королей»: «Бесчисленное мно-

жество варваров, нахлынув с востока, все королевства, вплоть до Венгрии и Руси, невзирая ни на образ жизни, ни на вероисповедание, без различия уничтожило. Они зовутся тартарами» (*Английские источники*, с. 104). Какими были реальные масштабы разорения, установить почти невозможно, ведь большинство свидетельств современников написаны рукою страха. Византийский историк Георгий Пахимер вспоминает случай, породивший необычную панику в городе Никее: вынесена была для поклонения икона Божией Матери, за нею шло множество женщин, возглашавших молитву о заступлении от персов и монголов; окружающие приняли их возгласы за свидетельство о вторжении врагов, и город охватила паника (*Георгий Пахимер*, с. 228). «Некогда Иоанн Дука, только еще прослышав о славе их, — пишет Георгий Пахимер, — велел снабжать крепости съестными припасами <...>. А жертвователям приказал, — после святых икон вписывать в книгу пожертвований и оружие; ибо нельзя знать, когда двинется из своих ущелий этот народ и с каким расположением, — мир ли принесет он или войну. Эти люди до такой степени были тогда неизвестны, что многие представляли их с собачьими головами; рассказывали, что они питаются отвратительною пищей и даже едят человеческую плоть» (*Георгий Пахимер*, с. 123).

Минуло более семи столетий, но до сих пор между исследователями не утихают споры о смысле и значении монгольского вторжения. Каждое столетие устами историков дает свой ответ на этот непростой вопрос. Сегодня необычайно трудно разобраться, что было ложным, а что истинным в рассказах об азиатских кочевниках⁵. Не исключено, что слухи о непобедимости армий Чингис-хана были умело созданы самими монголами. Так или иначе, эффект превзошел все ожидания. Вспоминается древнее изречение: «Миром правят слухи».

В Армении в городе Харберте в 1236 г. неизвестный инок сделал памятную запись на полях Евангелия: «Нас постиг страшный божий гнев, появились с востока дикообразные, жестокие и кровожадные люди <...>. Их отношение к людям было беспощадней, чем у зверей, и их настоящее имя было Харататар» (*Армянские источники*, с. 44).

В 1238 г. ко двору французского короля Людовика IX прибыло мусульманское посольство с сообщением о том, «что с

северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию и с грозными посольствами разослало устрашающие послания» (*Английские источники*, с. 135). Вызывавшие панику военные поражения и слухи были страшны, как предвестники конца света. Ужас, охвативший средневековую Европу, не поддается описанию. Казалось, что сбылось мрачное предсказание Апокалипсиса о пришествии сатанинских полчищ и начале «страшного суда». Как смерч из глубин Азии вырвался неизвестный воинственный народ — «тартареи». Этим именем средневековые писатели называли монголов. И первые известия о них внушали европейцам немалые опасения. Видимо, на воображение ученых монахов произвела сильное впечатление случайная игра слов: «тартары» и «Тартар»⁶. В послании папы Иннокентия IV патриарху Аквилеи (от 21 июля 1243 г.) содержится просьба побудить христиан Тевтонии к тому, чтобы они «подняли знамя креста против посланников Сатаны и служителей Тартара» (RPR. № 11096). Согласно Исидору Севильскому, автору первой средневековой энциклопедии (VI в.), Тартар был местом вечного холода и оцепенения, в темноту которого не проникает даже свет солнца. Там не дуют ветры и не возникают под воздействием лучей испарения. Одно напоминание об этом слове вызывало боязнь, ужас и слезы. В античной традиции «Тартар» описывался как пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже Аида — царства мертвых; Тартар отгорожен медной стеной и ночь окружает его в три ряда. Бездны Тартара страшатся даже боги⁷.

С нарастанием монгольского натиска невероятные слухи множатся и достигают своего апогея к 1241 г. Короли, герцоги и архиепископы обмениваются тревожными посланиями, содержание которых проливает свет на состояние умов христианских правителей. Обратимся к некоторым письменным свидетельствам.

Одно из первых в западной традиции подробных описаний монголов сохранилось в «Великой хронике» Матфея Парижского. Осведомленность Матфея, монаха бенедиктинского монастыря в Сент-Олбансе, неудивительна, ибо он имел доступ к архиву короля Англии Генриха III. В одном из пи-

сем, адресованных королю, о монголах утверждалось, что «го-
ловы у них слишком большие и совсем несоразмерные туло-
вищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим.
Они отличные лучники. Через реки они переправляются в
любом месте на переносных, сделанных из кожи лодках. Они
сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны. Язык их
неведом ни одному из известных нам народов. Они владеют
множеством крупного и мелкого скота и табунов коней.
А кони у них чрезвычайно быстрые и могут трехдневный путь
совершить за один день. Дабы не обращаться в бегство, они
хорошо защищены доспехами спереди, а не сзади. <...> В вой-
не они непобедимы, в сражениях неустоимы <...>. Пролитую
кровь своих животных они пьют, как изысканный напиток.
Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду
<...>. Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обу-
чены военному искусству, как и мужчины. Стремительные,
как молния, достигли они самых пределов христианских и,
учиня великое разорение и гибель, вселили во всех невыра-
зимый страх и ужас. Вот почему сарацины возжелали заклю-
чить союз с христианами и обратились к ним, чтобы объеди-
ненными силами они смогли противостоять этим чудовищ-
ным людям. Полагают, что эти тартары, одно упоминание
которых омерзительно, происходят от девяти племен, кото-
рые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тель-
цами и которых сначала Александр Македонский пытался
заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями.
Когда же он увидел, что это дело свыше человеческих сил, то
призвал на помощь бога Израиля, и сошлись вершины гор
друг с другом и образовалось место, неприступное и непро-
ходимое <...>. Однако, как написано в «Ученой истории» *,
они выйдут незадолго до конца света, чтобы принести лю-
дям великие бедствия» (*Английские источники*, с. 138). Итак,
какие бы деяния ни совершали монголы, они будут воспри-
ниматься на Западе через призму апокалиптической «тео-
рии катастроф», в ожидании вселенской битвы Христа с
Антихристом и конца земной истории ⁸. Любопытно, одна-

* Речь идет об «Ученой истории» Петра Коместора, где в разделе
«История книги Эсфирь», гл. 5, говорится о запертых народах.

ко, что многие подробности этого описания окажутся достоверными.

Сила слухов, подкрепленная библейской традицией описания стихийных бедствий, была такова, что в некоторых деталях они закрепились в сознании европейских ученых до наших дней. Апокалиптический сценарий нашествия, созданный интеллектуалами XIII в., преследовал единственную цель — найти место монголам в христианской картине мира. И в результате проявление неизвестной и враждебной силы получило не только объяснение, но и оправдание. С этой точки зрения, активное и, как правило, неосознанное использование современными исследователями литературных формул XIII в. для воссоздания «исторических» описаний встречи двух культур выглядит более чем странно. Какие у нас есть основания, чтобы придать сакральной хронике событий, реализующей ментальные установки исчезнувшей эпохи, статус достоверных сообщений? Кризисная ситуация, охватившая христианский мир в середине XIII в., почти мгновенно достигла пикового развития и столь же быстро потеряла напряжение. Кризис имел глубокую ментальную составляющую; амплитуда страха зависела не от реальных факторов, а определялась апокалиптическим видением мира.

Разрыв традиционных торговых связей между Востоком и Западом, непобедимость монголов и, казалось, сбывшиеся пророчества о конце света вселяли ужас в сердца европейской элиты. Возможно, стремление справиться каким-то образом с волной страха объяснит нам скрытые причины первых дипломатических посольств из Европы к великому хану монголов. Впервые Евразийский континент ощутил себя единой целостностью и для Запада стало жизненно важной потребностью узнать реальности мифического Востока. Из лабиринта слухов был только один выход — отправить представителей нищенствующих орденов в самое сердце Азии для диалога с предводителем кочевых полчищ. И такая встреча состоялась. Миссией, открывшей Азию Европе, стало посольство, направленное к монголам папой Иннокентием IV в 1245 г. Посол папы францисканец Иоанн де Плано Карпини и его спутник брат Бенедикт Поляк достигли монгольской кочевой столицы Сира Орда, близ Каракорума, южнее озера Бай-

кал, и по возвращении описали свое путешествие. Сочинение брата Иоанна было названо им «Книга о Тартарах». Это повествование сохранилось до наших дней в двенадцати рукописях XIII и XIV вв. и представляет уникальное свидетельство европейца о культуре и обычаях монголов и иных азиатских народов. Отчет брата Бенедикта лег в основу «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа (сохранился в рукописи XV в.).

Истинной целью их странствия был сбор достоверных сведений. Столь же важной для францисканцев была проповедь Евангелия среди племен, которые, по их мнению, никогда не слышали слова Божьего. Как уже сказано, путешествие западной миссии к границам познанного мира призвано было снять напряжение ожидаемой вселенской катастрофы. В мифологических представлениях средневековых европейцев Азия была тем пространством, откуда в Судный день появятся дикие орды, несущие гибель миру.

Миссия выполнила свою «терапевтическую» роль. В год возвращения миссии европейцы открыли для себя новый неизведанный континент и множество новых народов — китайцев, тибетцев, уйгуров, киргизов, найманов. Благодаря свежим известиям францисканцев монголы будут вписаны в круг культурных народов, с которыми возможно не только общение, но и заимствование множества их достижений. Потрясение, вызванное вторжением монголов, сменится пристальным интересом к истории степной азиатской империи, и папская курия начнет скрупулезный сбор сведений, чтобы следить за малейшими нюансами политики новых властелинов мира. Аналогичная работа по сбору всевозможных сведений о европейцах велась и в канцелярии великого хана монголов. Это одна из самых неизвестных страниц в истории контактов Востока и Запада в Средние века. «Книга о Тартарах» и «История Тартар», рожденные как ответ на таинственную игру мировых слухов, явятся опровержением этих слухов. Именно поэтому они тщательно копируются в десятках монастырских библиотек Запада. В середине XIII в. сочинение брата Иоанна почти целиком включается в знаменитую историческую энциклопедию Винцента из Бове⁹; нунций апостольского престола к «тартарам и другим народам Вос-

тока» приковывает к себе внимание всего образованного христианского мира. Армянский дипломат Смбат Спарапет в письме кипрскому королю Генриху Лузиньяну, написанном им в 1247 г. по пути в Каракорум, сообщает о целях папской миссии и ответе хана (см. коммент. 55). Сочинения францисканцев самим фактом своего появления представляют загадку столетия катастроф. Обстоятельствам рождения этих книг и будет посвящено дальнейшее исследование. В занимательных записках наблюдательных путешественников, насыщенных удивительными подробностями быта и привычек кочевников, нет страха перед монголами. Европейцы, посланные в Тартар, вернулись оттуда живыми.

Начиная с XIII в., Европа каждое столетие посылала своих гонцов в глубины Азии, и эта традиция не утратила своего значения до Нового времени. Средневековые сообщества периодически испытывали потребность знать, что творится за гранью освоенного ими пространства. Ведь, к примеру, социальный стереотип о средневековых монголах, доживший до наших дней, связан с впечатлением о крайней жестокости последних, тогда как в реальности они очень часто проявляли себя вполне терпимыми по отношению к чужеземцам и их вере и были довольно восприимчивыми к влияниям извне.

2. ДЕВЯТЬ ВОПРОСОВ О ДЕЯНИЯХ МОНГОЛОВ

В середине XIII в. Азия представлялась Европе загадкой, таящей опасность. Римская Церковь, претендующая на роль вселенского государства, столкнулась с силой, также стремящейся к неограниченной экспансии. Кровавой битве мечей предшествовала битва слухов. Однако стремительное и драматическое вторжение монголов в Европу не должно заслонить от нас историю первых интеллектуальных контактов между правящими элитами Востока и Запада.

На Западе братья нищенствующих орденов, последователи св. Франциска и св. Доминика, оказались единственными и наиболее подготовленными к этой миссии людьми. Известно, что IV Латеранский собор в 1215 г. санкционировал

обновление христианского поведения и чувствования, и это открыло врата осознанию новизны переживаемого времени. Поборниками переоценки ценностей выступили нищенствующие ордена¹⁰. Братство францисканцев отличалось от обычного монашеского ордена отсутствием земельных богатств, близостью к мирской жизни и чрезвычайной подвижностью братьев. Церковь, желая предугадать ход и направление мировых событий, именно им доверила столь трудное и рискованное дело, как путешествие в мир другой культуры. Незвестными были пути и истинное имя народа, к которому они направлялись. Как поведут себя образованные христиане, оказавшись в столь необычных обстоятельствах? С современной точки зрения вопрос заключается не столько в том, что именно предстояло разведать францисканцам. Проблема сложнее и шире: как мировосприятие средневековых людей, тяготеющее к священным авторитетам и избегающее новизны, справилось с проявлением неизвестной стихии?

Первыми из христианских народов Европы столкнулись с неведомыми азиатскими племенами русские. В Новгородской Первой летописи это событие отражено так: «<...> По грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их <...>» (НПЛ, с. 267). В словах новгородского летописца впервые в неявной форме проступает та сумма вопросов, поиск ответов на которые к середине XIII в. разрешит проблему «неизвестного племени» и изменит границы познанного мира. Каковы скрытые причины исследований, предпринятых первыми путешественниками в пространстве Евразии? Ответ заключен в донесениях францисканской миссии 1245 г.

«Отправляясь по поручению апостольского престола к тартарам и другим народам Востока и зная волю Господина Папы и достопочтенных кардиналов, мы решили сперва двигаться к тартарам. Ведь мы боялись, как бы не стала угрожать от них опасность Церкви Божией в ближайшем будущем. И как бы мы ни боялись быть убитыми или навечно плененными тартарами либо другими народами, или подвергнуться почти свыше сил голоду, жажде, холоду, зною, поруганиям и чрезмерным трудам (это все, за исключением смерти или вечного

плена, случалось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы сперва думали), однако не щадили самих себя, чтобы иметь возможность исполнить, следуя воле Божьей, поручение господина Папы и чтобы быть в чем-нибудь полезным христианам, либо по крайней мере иметь возможность, достоверно узнав их волю и намерение, открыть их христианам», — писал в прологе своей книги брат Иоанн (ЛТ, Пролог. 2). «Поручение Господина Папы» заключалось в сборе наиболее полных сведений о происхождении, вероисповедании и различных сторонах жизни монголов. Требовалось «все тщательно исследовать и рассмотреть» — подчеркнет папский нунций. Иными словами, перед францисканцами стояла грандиозная познавательная задача: выяснить тайну происхождения и появления монголов на культурном горизонте западного мира.

При контакте двух разных культур с особой остротой и неизбежностью обнаруживается потребность в сопоставлении и сравнении. Парадокс встречи христианского мира с азиатским заключался в том, что неизвестен был язык, пригодный для ведения диалога. «Язык их неведом ни одному из известных нам народов», — писал о монголах Матфей Парижский и добавлял: «Никто из них не знает иных языков, кроме своего, которого не ведают все остальные [народы], ибо вплоть до сего времени не открывался к ним доступ, и сами они не выходили, дабы стало известно о людях или нравах их через обычное общение людей» (*Английские источники*, с. 136; 138). Живя в мире, где контакты культур и языков образуют исключительно плотную и традиционную структуру, унаследованную чаще всего из далекого прошлого, нам трудно представить себе значительность первой, потрясающей своей неожиданностью встречи двух культур, двух языков и огромность последствий этой встречи.

«Средние века, всегда находившие чувственный образ для своих идей, для изображения зла разноязычия использовали символ Вавилонской башни», — утверждает Жак Ле Гофф¹¹. Сюжет о трагической судьбе строителей «башни до небес» вошел в большинство всемирных хроник средневековой Европы и не утратил своей популярности до наших дней. После потопа потомки Ноя, говорившие на одном наречии, заду-

мали построить город и башню высотой до небес. «И сказал Господь: <...> Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле» (*Быт.* 11:1–9). И хотя история о Вавилонской башне призвана была объяснить многообразие культур в реальном мире, ее образу в Средние века придавали зловещий, катастрофический характер. Рангерий Луккский в начале XII в. утверждал: «Как некогда Вавилон умножением языков к старым бедам прибавил еще худшие новые, так и умножение народов увеличивает жатву злодеяний». В Средние века призрак Вавилона возникал как вестник грядущих бедствий и ожидаемой вселенской катастрофы, которую возвестят неведомые племена Азии.

В средневековом мире встреча и сравнение культур реализовывались в категориях «свое — чужое». «Человеческому», освоенному крестом пространству Запада, противостояло чужое и враждебное пространство Востока. Слухи о монголах и их стремительный западный поход поставили европейскую элиту перед трагическими и трудно разрешимыми вопросами об истинном смысле божественных символов, предвещающих день Страшного суда. Какую роль при этом играла личность собирателя сведений? И какова была сила традиционных представлений и общепринятых взглядов? Сумма вопросов, державших в напряжении христианский мир, позволяет представить, каким образом личный опыт путешественника смог превратиться в сведения, значимые для целого социума. Видимо, в то время вопрос о месте монголов в картине мира средневекового Запада входил в круг самых тревожных и нерешенных проблем. Что же интересовало европейцев в первую очередь?

В 1245 г. русский архиепископ Петр прибыл в резиденцию папы Римского перед открытием Лионского собора. Открывая собор, Иннокентий IV указал на пять главных бедствий христианского мира, одно из которых — монгольская угроза. Неудивительно, что архиепископ Петр, живой свидетель рокового жребия, нависшего над Европой, «муж честный, набожный и достойный доверия», был тщательно расспрошен политиками и богословами Италии и Франции. Он подтвердил наихудшие опасения курии: монголы готовятся к «жес-

токой схватке с римлянами и другими латинянами» и им свыше предопределено подчинить себе весь мир. Архиепископ Петр на вопросы о деяниях монголов отвечал в следующем порядке: 1) о происхождении; 2) о вероисповедании; 3) о совершении религиозных обрядов; 4) об образе жизни; 5) о мощи; 6) о численности; 7) о намерении их; 8) о соблюдении договоров; 9) о приеме послов (*Английские источники*, с. 151–153, 180–182).

Иерархия вопросов имеет свою логику: средневековый человек воспринимал мир через призму священной триады, включавшей сотворение мира, земную историю и завершавшейся концом света. В вопросах, заданных архиепископу Петру, главенствует божественная тема, за ней следует глубокий интерес к образу жизни неизвестного народа и в конце вполне практические проблемы. Тема конца света займет особое место в этих расследованиях. Скорее всего, и от брата Иоанна, первого западного посланника к монголам, ждали ответа на те же самые вопросы. Опросник, в котором возвышенное и земное слились в едином познавательном порыве, позволяет проанализировать истинные интересы европейской элиты и приблизить современного читателя к пониманию главной цели путешествия францисканской миссии.

Потрясение, вызванное тем, что в Библии ничего не сказано о монголах, могло повлечь за собой кризис картины мира. Но этого не случилось. Средневековое мировосприятие отличалось цельностью: в любом событии земной истории виделся символ событий священной истории. Вторжения чужеземцев, равно как и природные катастрофы, не были исключением из этого ряда. Все повторялось от начала времен и на все была воля Божья. Чтобы оправдать ужасные ожидания и неминуемые бедствия, требовалось отыскать их прототип в прошлом. Древняя история сливалась с современной перед лицом божественной вечности. Архиепископ Петр, отвечая на вопрос о происхождении монголов, ссылается на «Откровение» Псевдо-Мефодия. Псевдо-Мефодий пророчествовал, что к скончанию времен явятся те, кого изгнал Гедон, и пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понта Эвксинского (Черного моря), кроме Эфиопии¹². Откровение Псевдо-Мефодия приобрело свой особый смысл для

событий XIII в. «Неслыханная рать безбожных тартар» была признана моавитянами, бежавшими в глубокой древности от лица библейского Гедеона «до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него и они названы Тартарами <...> Они, хотя и были взращены в горах высочайших и почти недоступных, грубые, не признающие закона и дикие и воспитанные в пещерах и логовах львов и драконов, которых они изгнали, все же были подвержены соблазнам» (*Английские источники*, с. 180—182). И выйдя из-за гор с бесчисленными полчищами, они покорили тюрков, вавилонян и направили своих вождей против Руси, Польши и Венгрии. Благодаря пророческой силе слов Псевдо-Мефодия, соединились пространство и время иной эпохи с XIII столетием, и монголы обрели свое место в священной истории Запада. Временное событие перешло в вечность.

Рукописное наследство, дошедшее до нас от Средних веков, — История, запечатленная в летописях, памятных записях на полях священных книг, отчетах путешественников, — несет в себе представления и ценности, весьма отличающиеся от современных. Язык средневековья был знаковой системой, которая всякий раз особым образом расшифровывалась в зависимости от сферы человеческой деятельности. Монголов в Европе первоначально принимали либо за потомков десяти колен израилевых, ушедших за золотым тельцом и канувших в неизвестность, либо за другие библейские народы, исчезнувшие в древности. «Возникает все же сомнение, — писал Матфей Парижский о событиях 1240 г., — являются ли ими ныне вышедшие тартары, ибо они не говорят на еврейском языке, не знают закона Моисеева» (*Английские источники*, с. 138). Наиболее распространенное мнение связывало монголов с легендарными народами древности Гогом и Магогом, приход которых возвестит гибель мира. Послы Людовика IX на Восток, рассказывали, по словам Жуанвиля, следующее: «Они осведомились, как татары достигли такого могущества, что перебили и уничтожили столько людей, и позднее сообщили королю то, что узнали. Татары выходцы из обширных песчаных равнин, где ничего не произрастало. Эти равнины

начинались у подножья удивительно скалистых гор, что находятся на краю земли, на Востоке, и эти горы, как утверждают татары, никогда не преодолел ни один человек; и говорили они, что там обитает народ Гог и Магог, который должен выйти в конце света, когда явится Антихрист, дабы все разрушить» (*Жуанвиль*. § 473)¹³. Таким образом, христианство вновь обнаружило — но уже за пределами своего опыта — границы воображаемого мира, география которого по-прежнему основывалась на Библии.

Интересно, что европейцам XIII столетия была известна оценка монголами своей экспансии как исполнения божественной воли и своеобразным образом учитывалась при описании азиатского вторжения. «Намерены они весь мир себе подчинить и предопределено свыше, что должны они весь мир за 39 лет опустошить, подтверждая это тем, что как некогда божественная кара очистила мир потопом, так и теперь нашествие их очистит этот мир разрушительным мечом» — свидетельствовал русский архиепископ Петр на Лионском соборе (*Английские источники*, с. 182). Средневековые люди Востока и Запада в равной мере верили в божественную предопределенность мировых событий. Рашид ад-Дин описывает любопытную ситуацию. После покорения Бухары Чингис-хан заставил явиться все население города на загородную площадь, где обычно совершались праздничные моления, взошел на кафедру мечети «и после изложения рассказа о противлении и вероломстве султана сказал: “О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи — предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я — кара господня. Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!”» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 205).

Монголы в момент своего появления воспринимались на Западе как одно из проявлений гнева Божьего. Но благодаря хорошо налаженному сбору сведений в течение короткого промежутка времени произойдет демифологизация образа монголов. Наступит период контактов, торгового обмена и даже совместных проектов по освобождению Святой земли, а в XIV в. в Европе уже появятся сочинения, идеализирую-

шие добрые нравы и обычаи кочевников Великой степи¹⁴. Все это свидетельствует об известной условности и переменчивости человеческих оценок, определяемых в конечном счете общепринятым видением мира. В таком случае история диалога двух великих культур представляется взаимным отражением в символических зеркалах. Истинным знаком времени оставались жажда экспансии и интерес к народам, обитающих в чуждых пространствах.

«Казалось бы, христианство XIII века хотело выйти из своих границ. Оно начало заменять идею крестового похода идеей миссии и вроде было готово открыть объятия всему миру», — пишет Жак Ле Гофф. И тем не менее христианская Европа оставалась замкнутым сообществом¹⁵. Оно либо отвергало, либо держало вне своих границ пестрый мир язычников. Не-христианин не был по-настоящему человеком. С появлением на культурном горизонте западного мира нового народа — монголов — встал вопрос о вероисповедании последних. Архиепископ Петр «ответил, что они веруют в единого владыку мира; поэтому, когда направляли к рутенам [русским] посольство, поручили обратиться с такими словами: “Бог и сын его — на небе, Чиркан [Чингис-хан] — на земле”» (*Английские источники*, с. 181). В донесении другого очевидца о религии монголов сказано, «что они верят, что есть один бог, и имеют свои обряды, которые всеми должны соблюдаться под угрозой наказания» (*Английские источники*, с. 161). Известия о «едином боге монголов» дали необычайный толчок одному из наиболее любопытных мифов средневекового Запада — легенде о пресвитере Иоанне, таинственном христианском государе, чье могущественное царство европейцы искали в Азии.

Римская Церковь считала, что монголы готовы принять христианство и лишь ожидают повода, чтобы заявить об этом. Запад вплотную подошел к тому, чтобы признать человеческое достоинство обитателей восточных границ мира. Брат Иоанн при первой встрече с монголами на вопрос ханского вестника о цели приезда ответил: «Мы — послы Господина Папы, который является господином и отцом христиан. Он посылает нас как к царю, так к князьям и ко всем тартарам потому, что ему угодно, чтобы все христиане были друзьями

Тартар и имели мир с ними; сверх того, он желает, чтобы Тартары возвеличились на небе перед Господом. Поэтому Господин Папа увещевает их как через нас, так и своей грамотой, чтобы они стали христианами» (LT, IX. 8). Для столь страстной веры светских и духовных князей Запада в обращение монголов имелись существенные поводы, как реальные, так и мифические. Благоразумный и осторожный брат Иоанн пытался выяснить отношение к этому вопросу «императора Тартар» — великого хана Гуюка, расспрашивая его приближенных. «Говорили нам также христиане, принадлежавшие к его челяди, что они твердо веруют, будто он должен стать христианином; и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских клириков и дает им содержание, также пред большим своим шатром всегда содержит христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане, как бы велика там ни была толпа Тартар» (LT, IX. 43). Наблюдения западного посла отражают тот факт, что христианство несторианского толка занимало твердые позиции в империи монголов. При великом хане Гуюке большую роль играли несториане Кадак и Чинкай, ведавшие всей ханской канцелярией, и, по всей вероятности, именно, их мнение отражено в отчете францисканца. Рашид ад-Дин (1250—1316) так характеризовал деятельность влиятельных несториан при дворе Гуюка: «Так как в должности атабека при Гуюк-хане состоял Кадак, который был христианином с детства, то это наложило отпечаток на характер Гуюка, <...> и по этой причине Гуюк всегда допускал учение священников и христиан. Когда молва о том распространилась, то из страны Шама, Рума, Осов и Русов в его столицу направились христианские священники» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 121).

Кроме божественных категорий (происхождение, вероисповедание, религиозная обрядность) средневековая картина мира включала социальные категории — богатство, собственность, справедливость. История знает крайне мало примеров, когда образ жизни иноплеменников не вызывал бы живого интереса у представителей другой культуры. «Государством своим они управляют справедливейшим образом», — писал брат Андрей Лонжюмо после путешествия к монголам через

Переднюю Азию. «Они сурово наказывают [за] преступления, а именно [за] грабежи, воровство, прелюбодеяния, убийства, смертной казнью», — утверждал русский архиепископ Петр (*Английские источники*, с. 161; 181).

Почти во всех ранних донесениях о монголах подробно описывается, чем питаются кочевники. На первый взгляд, это вызывает удивление. В чем причина пристального интереса именно к этой стороне монгольского быта? Напомним, что с древнейших времен запреты и предписания, связанные с пищей (священной, обыденной и табуированной) служили одним из основных критериев отнесения того или иного сообщества к человеческому племени.

Средневековые авторы, описывая нравы и обычаи древних и современных им народов, делили их на «культурные» и «дикие», причем критерием выступал образ жизни, включавший всевозможные пищевые запреты. Так, составитель «Повести временных лет», стремясь подчеркнуть «правильность» христианских традиций, обращается за многочисленными примерами к византийской хронике Георгия Амартола, излагающей всемирную историю от «сотворения мира» до середины IX в. «Говорит Георгий в своем летописании: “Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые — сирийцы, живущие на краю света. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и особенно не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами, или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх божьей веры. Иначе — у соседних с ними индийцев. Эти — убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны — там едят людей, и убивают путешественников, и даже едят, как псы <...>» (ПЛДР. XI — начало XII в., с. 33). Завершая обзор нравов различных народов, русский летописец добавляет: «Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов <...>».

Признание факта существования «чужой» культуры влекло за собой ее сакральное отрицание. Язычники, «не знающие закона божьего», характеризовались обычно как существа, живущие в лесу, словно звери, и потреблявшие в пищу все нечистое. В категорию «нечистой» пищи, как правило, включалось то, что было неприемлемо с религиозной точки зрения той или иной культуры. Например, широко известен запрет на потребление свинины у мусульман. Последнее связано с тем обстоятельством, что в архаические времена предками арабов свинина использовалась в качестве ритуальной пищи при погребальных обрядах ¹⁶.

В древнерусских полемических сочинениях против латинян, унаследовавших традицию богословских споров между греками и римлянами, иногда звучали весьма резкие и нетерпимые суждения, построенные на вымышленных пищевых пристрастиях. Игумен Печерского монастыря Феодосий писал, что следует избегать любого общения с лицами латинской веры, даже есть или пить с ними из одного сосуда либо принимать пищу из их рук, ибо «едят они со псами; едят диких коней и ослов и удушенину, и мертвечину, и медведину, и бобровину, и хвост бобров» ¹⁷.

Потребление или отказ от разного рода пищи было в глазах внешнего наблюдателя особым тестом, и результаты «проверки» имели иногда роковые последствия. Известен поразительный факт. Прибыв в Новый Свет, европейцы не могли поверить, что на этом континенте уже жили люди. Из Европы посылались десятки ученых комиссий для установления человеческой природы индейцев. Долгое время не было даже уверенности в том, что это люди, а не животные или какое-то порождение дьявола. Таковым было мнение короля Фердинанда, поскольку в 1512 г. он ввез белых рабынь в Западную Индию, как называют Новый Свет, с единственной целью: «воспрепятствовать испанцам жениться на индейских женщинах, которым далеко до разумных существ». Одна из наиболее известных комиссий, состоявшая из монахов ордена Св. Иеронима, вынесла туземцам обвинительное заключение: «Они едят человеческое мясо, у них нет правосудия, они ходят нагишом, едят сырыми блох, пауков и червей <...>».

Вернемся к сообщению архиепископа Петра об образе жизни монголов: «Они едят мясо лошадей, собак и других презираемых обычно животных, также, в крайних случаях, человеческое, однако не сырое, а вареное. Пьют кровь, воду и молоко» (*Английские источники*, с. 152). «Питаются они сырым мясом, также и человеческим, — откликаясь на слухи, писал Матфей Парижский, — <...> они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человежье и пожирают его» (*Английские источники*, с. 136–137). Заметим, что во все времена обвинение представителей иной культуры в каннибализме было самым чувствительным, но, как правило, обвиняемые об этом даже не догадывались. На Лионском соборе изучалось и донесение доминиканца Андрея Лонжюмо, папского посланца к монгольскому войску на Ближнем Востоке. Достигнув за 45 дней расположения кочевых ставок, он неожиданно встретился там с христианами-несторианами, которые находились на службе у монголов. Брат Андрей нашел у них почтительный и приветливый прием и пробыл в их среде некоторое время. Может быть, поэтому ответы доминиканца об образе жизни кочевников более реалистичны: «Вооружение у них легкое и [сделано] из кожи. Баллистами они не пользуются, но зато они — отличные лучники. Пища их довольно скромна; ибо вяленое и высушенное мясо лошадей и тому подобных животных они измельчают в порошок и растворяют порошок в воде или в кобыльем молоке и пьют и так насыщаются» (*Английские источники*, с. 161).

Если же сравнивать мощь монголов с европейскими рыцарями, то, по сведениям архиепископа Петра, «они сильнее и подвижнее нас. Женщины, наподобие мужчин, скачут верхом, сражаются и стреляют из луков <...>. Спят они под открытым небом, не обращая внимания на суровость климата». «О численности он [Петр] не дал точного ответа; однако сказал, что будто бы от всех народов и всех вер многие присоединились к ним» (*Английские источники*, с. 152, 182).

«Средневековый человек не видел никакого смысла в свободе в ее современном понимании, — пишет Жак Ле Гофф в книге «Цивилизация средневекового Запада. — Свобода —

это гарантированный статус <...>. Она могла реализоваться только в состоянии зависимости, где высший гарантировал низшему уважение его прав»¹⁸. Принимая этот взгляд, мы по-иному оценим необычные сведения отважного доминиканца: «Ведь король тартаров домогается только власти над всеми и даже монархии над всем миром и не жаждет чьей-нибудь смерти, но позволяет каждому пребывать в своем вероисповедании, после того как [человек] проявил к нему повиновение, и никого не принуждает [совершать] противоположное его вероисповеданию» (*Английские источники*, с. 133). Веротерпимость монголов XIII в. окажется непревзойденной в мировой истории. Отношения же господства и подчинения были нормой средневековой жизни, и право господства принадлежало сильнейшему. В этом не было и грана уничижения. Выше свободы стояло истинное служение, подчинение своей воли Богу, королю либо иному сильному правителю. Не случайно русские книжники именовали монгольских ханов «царями», присвоив им титул правителей некогда могущественной Византийской империи¹⁹. Русские князья, как и вожди других стран, вошедших в пределы монгольской империи, стремились упрочить свой новый статус. Не здесь ли кроется смысл следующего события? Зимой 1243 г., когда вернувшиеся из Западной Европы монголы во главе с Бату-ханом расположились в причерноморских степях, киевский князь Ярослав первым из русских князей поехал в ставку монгольского хана за ярлыком на княжение (ПСРЛ. Т. I. Стб. 470). Новгородская летопись так описывает эту встречу: «Батый же почти Ярослава великого честью и мужи его и отпусти и рек ему: “Ярославе. Буде ты старей всем князем в Русском языке”. Ярослав же возвратился в свою землю с великою честью»²⁰. Стремительные перемены в геополитической карте Евразии вызвали рождение новых связей в масштабе целого континента, и изменившаяся реальность потребовала осмысления. Вселенский Лионский собор 1245 г. вынес постановление о монголах. В этом документе отражен весь ужас Запада перед разрушительной и непредсказуемой силой монгольского натиска. Вразумительные доводы редких свидетелей были опрокинуты волной слепого страха.

Приветствуя распространение христианской веры по всему миру, начинаем мы несказанно печалиться о том, что в этой благородной задаче пытаются нам противостоять, вопреки чувственным и материальным свершениям, причем стремятся всю веру нашу, а также всю мощь ее благодетания абсолютно стереть с лица земли. Истинно, что нечестивый род тартарский, желая или подчинить себе, или уничтожить христианские народы, уже давно собирал силы. И вот, вторгнувшись в Полонию, Россию, Венгрию и другие христианские страны, они произвели такое опустошение, что мечам было некогда ни осечься, ни даже передохнуть, но безостановочно сталь обрушивалась на людей и рубила, а потому ныне в этих пределах царит невиданное безлюдье. Но, проникая в другие страны, они не желают и в мыслях опустить мечи свои в ножны ради короткой передышки, а поэтому сеют вокруг вечное опустошение. А впоследствии, вторгнувшись вглубь твердыни и оплота христианства, они безгранично смогут упражняться в своей свирепости. И так, ранее лишив верующих людей земли, ныне пытаются отнять у них саму веру, между тем как, подчиняя себе другие народы, этот род и сам страдает от жестокости предводителей. А поэтому, дабы не смогло осуществиться стремление этого нечестивого рода распространиться [по всему миру], но, наоборот — дабы оно убыло с Божьей помощью — и ход событий пошел бы противоположным образом, необходимо тщательно обдумать вопрос об объединении столпов христианства по всей Вселенной, а также надлежит внимательно исследовать, что же может помешать их продвижению, да так, чтобы они не могли избавиться от этих препятствий мощью своей вооруженной десницы. И по этой причине, полагаясь на совет Святого собора, всем вам напоминаем, предлагаем и призываем вас: внимательно изучите те тропы и пути, по которым они могут проникнуть в ваши земли, защитите их рвами или стенами или прочими сооружениями и постройками и следите, чтобы они были оснащены вооружением, а также находились в надежных руках, и позаботьтесь тщательно об их укреплении, дабы этот народ не мог проникнуть к вам по незащищенным дорогам. Но, возможно, они придут прежде, чем до вас дойдет сообщение апостольского престола об этом, посему вы, заручившись содействием единоверцев, должны иметь достаточно сил, чтобы вместе со всеми людьми выступить против нападений и притязаний этого народа. Мы же, осознавая всю необходимость тех денег, которые будут истрачены вами, дабы воплотить все вышеперечисленное, сами выделяем на такое важное дело

немалую сумму, а также, дабы предотвратить этим всеобщую гибель, распределяем по христианским странам пропорциональные доли расходов. И кроме того, ко всем прочим людям, верующим во Христа, пределы которых может затронуть нашествие этого народа, направляем сие послание.

Обратимся к двум последним вопросам Лионского собора: о соблюдении договоров и о приеме послов монголами. Архиепископ Петр имел основания утверждать, что они «вполне соблюдают договоры с теми, кто немедленно им сдается, отбирая из них воинов, ремесленников для различных служб, нисколько не щадя тех, кто ожидает их натиска». «О приеме послов ответил, что благосклонно их принимают, расспрашивают и отпускают» (*Английские источники*, с. 182).

И все же картина будет неполной, если мы опустим следующую подробность из показаний брата Андрея Лонжюмо: «Упомянутый брат рассказал многое другое, что перешло бы границы достоверного, если бы его авторитет не являлся подтверждением истинности сказанного. Знает он также арабский и халдейский языки, и от него не могло утаиться ничего из того, о чем они говорили» (*Английские источники*, с. 162). На этом автор хроники прерывает свою запись. Подобная участь ждала многих путешественников, сетовавших на недоверие соотечественников. Не минует она и папского нунция брата Иоанна, который отметит в начале своей книги: «Но если ради уведомления читателей мы пишем что-либо такое, чего в ваших странах не знают, вы не должны из-за этого называть нас лжецами, потому что мы сообщаем вам то, что видели сами или слышали как достоверное от других [людей], относительно которых мы считаем, что они достойны доверия: в самом деле, это очень жестоко, когда человек, сделавший что-нибудь с добрым намерением, подвергается поношению со стороны других [людей]» (LT, Пролог. 4). Именно ему, увидевшему своими глазами неизвестный континент, удастся прикоснуться к живым тайнам Азии и собрать сведения, «переходящие границы достоверного». Францисканцу, первому из европейцев, будет суждено задать вопросы Запада «царю тартарейскому».

В свою очередь, Азия столь же пристально следила за Европой и монгольская разведка во многом превосходила евро-

пейскую. Об этом писал в 1241 г. английскому королю Генриху III германский император Фридрих II: «Через лазутчиков своих, которых они повсюду высылают вперед, они хотя и не направляемые божественным законом, но все же сведущие в военном искусстве, узнали об общественном разногласии и о беззащитности и ослабленности земель [Европы], и услышав о раздоре королей и распрях между королевствами, они еще более воодушевляются» (*Английские источники*, с. 195).

Канцелярия великого хана собирала и тщательно проверяла сведения о всех доступных монголам странах и народах. Марко Поло уверяет, что «видел он и слышал много раз, как к великому хану возвращались гонцы, которых он посылал в разные части света; о деле, зачем ходили, доложить, а новостей о тех странах, куда ходили, не умели сказывать великому хану; а великий хан называл их за то глупцами и незнайками и говаривал, что хотелось бы услышать не только об одном том, зачем гонец послан, но и вестей и о нравах, и об обычаях иноземных» (*Марко Поло*, с. 51). Новости о Западной Европе для монголов не были исключением. Известен случай, когда для выяснения истины придворные хана использовали прием очной ставки между французским и никейским посольствами (*Вильгельм де Рубрук*. XXVIII. 10). Монгольскую элиту интересовал тот же круг вопросов, которые волновали европейцев относительно монголов. Вот одно из первых свидетельств, принадлежащее западным купцам. Когда венецианцы братья Поло достигли резиденции великого хана, то последний о многом их расспрашивал, прежде всего «об императорах, о том, как они управляют своими владениями, творят суд в своих странах, как они ходят на войну, и так далее обо всех делах; спрашивал он потом и о королях, князьях и других баронах. Спрашивал он их еще об апостоле [папе Римском], о всех делах римской церкви и об обычаях латинян. Говорили ему Николай и Матфей обо всем правду, по порядку и умно» (*Марко Поло*, с. 46). Нет сомнений в том, что эти расспросные сведения, как и многие другие, записывались и хранились.

Третьей силой, способной влиять на политический климат в Евразии, был исламский мир. Тайные сведения о европейских посольствах к монголам быстро достигли дворов му-

сульманских правителей. Восточные миссии Иннокентия IV вызвали беспокойство в Сирии и Египте. Сохранилось несколько писем мусульманских властителей, направленных папе Римскому²¹. Эмир Хомса Малик аль-Мансур в письме 30 декабря 1245 г. от своего имени и от лица египетского султана Салех-Айюба закликает Иннокентия IV не доверяться монголам (13 марта 1245 г. папа подписал письмо «царю и народу тартарскому»), «этим исчадиям антихриста, опустошающим мир наподобие злой чумы».

Наступило время великих ожиданий, завершившееся великим разочарованием. Никогда прежде Восток и Запад не вглядывались столь пристально друг в друга, как в середине XIII столетия.

3. БИЧ БОЖИЙ

И предам землю в руки злым, и рукою иноземцев
опустошу землю и все, наполняющее ее.

Я — Господь — сказал это.

Иез. 30: 12.

Попытки выяснить тайну монголов предпринимались задолго до Лионского собора 1245 г. Свидетельства многочисленных очевидцев буквально захлестнули встревоженную Европу. О чем же поведали первые свидетели и участники мировой драмы?

Некий англичанин был осужден из-за какого-то преступления на вечное изгнание из страны. Вероятно, изгнанник прибыл на Ближний Восток вместе с крестоносцами, так как участникам походов в Святую землю Церковь отпускала грехи. Однако он проигрался в кости и был вынужден скитаться под видом немого. Странствуя по Востоку, он выучил многие языки, записывая и запоминая чужие слова. После многих злоключений он оказался на службе у монголов в качестве посла и переводчика. «Он от лица презреннейшего короля татарского дважды приходил к королю Венгрии [как] посол и толмач». Во время венгерского похода 1241 г. англичанин был пленен королем Далмации и допрошен с пристрастием гер-

цогом австрийским. «Когда же его наши государи заставили говорить правду о татарах, — пишет Ивон из Нарбонны, — он, как кажется, ничего не утаил, но приводил такие сведения, что можно было поверить и в самого дьявола <...>» (*Английские источники*, с. 149). Послание Ивона, заключающее рассказ «монгольского посла», было разослано многим христианским государям, в том числе и королю Англии. Какие же сведения о монголах пытались выяснить у пленного переводчика европейские правители? «[Говоря] о нравах их и верованиях, о телосложении их и росте, о родине и о том, как они сражаются, он клятвенно заверил, что они превосходят всех людей жадностью, злобой, хитростью и бессердечием; но из-за строгости наказания и жестокости кар, назначаемых их властителями, они удерживаются от ссор и от взаимных злодеяний и лжи. Родоначальников своих племен они называют богами и в установленное время устраивают празднества в их честь <...> И они убеждены, что только ради них одних все было создано. Проявление жестокости по отношению к оказывающим сопротивление они вовсе не считают грехом. А грудь у них крепкая и могучая, носы расплюснутые и короткие, разрез глаз идет от висков до самой переносицы, зрачки бегающие и черные, взгляд косой и угрюмый, конечности когтистые и жилистые <...>. Родина их, земля некогда пустынная и огромной протяженности, [лежит] далеко за всеми халдеями, откуда они львов, медведей и прочих хищников изгнали при помощи луков и другого оружия. Из их кож они изготовили себе хотя и легкие, но все же непробиваемые доспехи <...>. Они все, как один человек, настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству» (*Английские источники*, с. 149—150).

В 1241 г. из Киева в Вену бежали, спасаясь от монголов, монахи ирландской обители Святой Марии. В руках монахов находилось послание аббата, излагавшего удивительные подробности монгольского нашествия. «Говорят, что прошло сорок два года с тех пор, как сошли они с гор, [в которых] находились в заключении. Они, идя из проклятых, как мы думаем, мест, дабы жестоко разорить провинции Азии, четырех царей с князьями этой земли бесчеловечно умертвили. Ведь весьма могущественного короля Каппадокии, царя персов с

его приближенными, равно как 25 могущественнейших князей в России, блаженной памяти князя Генриха Польского уничтожили с сорока тысячами людей за один день, как за одно мгновение. Кроме того, они обратили в бегство славного короля венгерского <...>» (*Английские источники*, с. 156).

О том, какую трактовку событиям придавали ученые люди XIII в., повествует архидьякон Фома Сплитский: «Когда в конце концов над венгерским народом была одержана победа и слух о величайшем несчастье быстро разнесся повсюду, почти весь мир содрогнулся, и все провинции охватил такой страх, что, казалось, ни одна из них не сможет избежать нечестивых рук. Говорят, сам римский император Фридрих думал не о сопротивлении, а о том, как бы ему укрыться. Тогда многие ученые люди, изучавшие древние писания, заключали, главным образом со слов Мефодия²² мученика, что это и есть те народы, которые должны явиться перед пришествием Антихриста. Тогда начали укреплять города и замки, волнуясь, что они хотят пройти до Рима, опустошая все на своем пути» (*Фома Сплитский. XXXVII*). Согласно свидетельству Фомы Сплитского, появление монголов первоначально трактовалось как предвестие пришествия Антихриста, но вскоре эти идеи уступили место более трезвому взгляду на вещи. Нас же интересуют основные координаты апокалиптической картины.

Появление монголов на культурном горизонте христианского мира было воспринято как прорыв запертых до времени сил зла. В сознании европейской элиты историческое событие почти мгновенно перешло в разряд мифологического. Событиям приписывалось сверхценное религиозное значение. «Они — меч гнева господня на прегрешения народа христианского, чему свидетель блаженный Мефодий, который называет этих тартар измаильтянами» (*Английские источники*, с. 155). Причину этого превращения следует искать в области воображения, питаемого страхами близящегося конца света. Вторжению азиатских кочевников было найдено объяснение и оправдание, соответствующее божественному архетипу небесной кары. Серапион Владимирский порицал современников, не внявших божественным предзнаменованиям монгольского нашествия: «И все равно не раскаялись мы, пока не пришел на нас немилостивый народ, как наслал его

Бог; и землю нашу опустошили, и города наши полонили, и церкви святые разорили, отцов и братьев наших избили, над матерями и сестрами нашими надругались. И теперь, братья, все это признав, убоимся страшного этого наказания и припадем к Господу своему с обещанием: да не падет на нас еще больший гнев Господень, да не наведет на нас казни больше прежней» (ПЛДР. XIII в. С. 441–443)²³. От века бич Божий периодически испепелял грехи человечества. Грозное событие XIII в. обрело смысл и значение в эсхатологической перспективе христианской истории. Монголы были явлены как последнее предупреждение миру, погрязшему в суете и тщеславии. Они ворвались внезапно, «как молния грозы, которая, мы убеждены, разразилась по слову Божьему, ибо мир запятнан разными позорными делами и охладела любовь во многих», — с горечью восклицал один из земных владык (*Английские источники*, с. 145).

Те же самые образы используются в «Поучении» Серапиона Владимирского, размышляющего о «погибели Земли Русской» после Батыева нашествия. Используя библейские сюжеты, Серапион говорит о «погибели», посланной Богом на Русь за людские грехи: «Знаем о граде Ниневии: велик был обильем людей, но и полн беззаконья. Как только Бог пожелал истребить его, как Содом и Гоморру, послал Иону-пророка, чтоб предрек он погибель их града. Они же, услышав, не медля, тотчас отошли от грехов своих <...> умолили Господа, от казни его освободившись, божью ярость переменили на милость — и погибель избыли <...> Что же мы скажем об этом? Чего мы не видели? Чего не свершилось над нами? Чем не накажет нас Господь Бог наш, желая нас отворратить от беззаконий наших? <...> Видев наши прегрешенья умножившимися, виде нас, его заповеди отвергших, предзнаменований много явив, много страха насылал, много рабами своими поучал — и ничем не смог нас наставить! Тогда навел на нас народ безжалостный, народ лютый, народ, не щадящий красоты юных, немощи старых, младенчества детей; воздвигли мы на себя ярость Бога нашего, по Давиду: “Быстро распалилась ярость его на нас”. Разрушены Божьи церкви, осквернены сосуды священные, честные кресты и святые книги, затоптаны священные места, святители стали пищей меча, тела пре-

подобных мучеников птицам брошены на съедение, кровь отцов и братьев наших, будто вода в изобилие, насытила землю, сила наших князей и воевод исчезла, воины наши, страха исполнясь, бежали, множество братий и чад наших в плен увели; многие города опустели, поля наши сорной травой поросли, и величие наше унизилось, великолепие наше сгинуло, богатство наше стало добычей врага, труд наш неверным достался в наследство, земля наша попала во власть иноземцам» (ПлДР. XIII в., с. 447–449).

«И свершилось то, чем грозил Господь устами пророка: “Навуходоносор — чаша в руках моих; напою из нее кого захочу”, — писал о непобедимых азиатских полчищах армянский инок Григор Акнерци, — таким образом, этот безобразный и звероподобный народ не только из чаши, но и осадком горечи напоил нас за множество разнообразных грехов наших, которыми мы постоянно возбуждали гнев Творца нашего. И Он воздвиг их на нас, чтобы наказать нас за то, что мы не соблюдали предписаний Его» (*Григор Акнерци*, с. 5). В мифологической истории азиатского нашествия на христианский мир монголы выступают как слепое орудие в руках Бога.

«Бог хочет, чтобы все спаслись, поэтому иногда Он являет свое человеколюбие и милость, иногда же казнит, посылая беды: голод, смерть, бездождие, засуху, грозные тучи, набег поганых, пленение городов. И этими бедами Он обращает нас и приводит к себе, поскольку мы не безгрешны», — сказано в Житии Авраамия Смоленского (ПлДР. XIII в., с. 85). Перечисляя кары небесные, русский инок сливает воедино природные стихии и социальные бедствия, ибо то и другое, по мнению средневекового человека, зависело лишь от воли Бога. Авраамий Смоленский слезно просил Деву Марию избавить Русь от злоумышлений сатаны и всех его демонов, и от всякого раздора и от нашествия поганых: «И теперь, Господи, также уничтожь измаилтянские народы, рассей и разгони их молитвами Пречистой твоей матери, как ветер разносит пыль от гумна, и возвесели избранное стадо новых людей, оставь свой гнев, дай нам милость и избавление» (ПлДР. XIII в., с. 100–101). В памятной записи за 1244 г. армянского переписчика Григора Сисеци сказано: «В горестные и злые времена появились с востока неизвестные варварские племена

на, которых называют татарами. <...> и никто из правителей не смог устоять против них, так как это была Божья кара за наши грехи» (*Армянские источники*, с. 70).

Средневековое мышление стремилось разгадать в случайных земных событиях божественные смыслы. Уверенность и надежда обреталась тем, что конкретные факты истории соединялись с божественным промыслом. Ужас истории был преодолим при условии, что история приобщалась к вечности. Библейский миф преобразовывался в мирскую историю, а земное бытие включалось в сферу божественного, тем самым история выходила из своих границ и растворялась в вечности.

Кризисная ситуация с необходимостью порождала собственную мифологию, чья функция заключалась в разрешении кризиса. С момента вторжения монголов на Кавказ и в Европу тема Божьего суда в христианском мире звучала с особой силой. «Справедливый и праведный суд Божий вспомнил о беспорядках и несправедливостях в стране, и после длительного терпения и прощения Он дал испытать из чаши гнева своего многим племенам и народам, в числе которых были признаны виновными и мы, за что нам воздано было с лихвой», — утешал братьев по несчастью католикос армян владыка Константин (*Киракос Гандзакец*. 43). Страшны были удары жезла гнева Божьего, но «поскольку постигшее нас горе — от Господа Бога, которого “велико милосердие” <...> то милосердие его сохранило нас», — заключал владыка Константин (*Киракос Гандзакец*. 42). У теологов нет и тени сомнений в божественной предопределенности событий, всколыхнувших Евразию. Истина была дана Богом, задачей авторов был комментарий, заметки на полях священных книг. На долю писателей оставалось лишь толкование фактов бытия.

«Страдание» и «горе» ни в коем случае не были бессмысленным испытанием, испытание всегда соответствовало какому-то прототипу, ценность которого не подвергалась сомнению. «Почти всюду мы встречаем архаическую концепцию, согласно которой, — пишет М. Элиаде, — страдание объясняется божественной волей — вмешивается ли она прямо, причиняя страдание, или позволяет сделать это другим силам — демоническим либо сакральным, вызывающим его»²⁴.

В проповедях владимирского епископа Серапиона (70-е годы XIII в.) поражение Руси в войне с монголами предстает как божественное наказание, которое можно отвести, избегая пороков. Серапион полагал, что после искоренения пороков — злобы, ненависти к друг другу, язычества — «гнев божий престанет <...> мы же в радости проживем в земли нашей»²⁵.

Состояние умов в Средние века характеризует следующий любопытный рассказ. В 1252 г. в Армении «появилась саранча и было ее так много, что, когда она поднималась, от тени ее мерк свет солнечный. Прилетев из областей персидских, она съела в Армении все <...>. Страна впала в ужас <...>. А милосердный Бог скоро послал лекарство против жестоких ран и “тот, кто поразил, тот и исцелил”. <...> Мы-то веруем в то, что все делается по промыслу Божьему, который позволяет беде настичь страну за грехи ее, но снова исцеляет благодаря милосердию своему, как того желает. Так, Он послал как кару саранчу эту и дал как лекарство и облегчение множество птенцов, уничтоживших саранчу» (*Киракос Гандзакец*. 56). Любое бедствие получало свое объяснение в божественном балансе, где силы добра доминируют над силами зла. Христианское человечество расценивало страдание как средство очищения и духовного возвышения.

«Дабы не была вечной радость смертных, дабы не пребывали долго в мирском веселии без стенаний, в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища татар; внезапно появился из местности своей, окруженной горами, — писал Матфей Парижский в 1240 г. — И, пробившись сквозь монолитность недвижных камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара, словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Оконечности восточных пределов подвергли они плачевному разорению, опустошая огнем и мечом. Вторгнувшись в пределы сарацин, они сровняли города с землей, вырубали леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей» (*Английские источники*, с. 137). Только демонические силы могли столь яростно противостоять Природе и Культуре. Воображение средневековых писателей творило иную реальность в попытке разгадать волю Провидения. Для христиан середины XIII в. мировое зло нашло свое

воплощение в азиатских ордах. Могло ли быть иначе? Видимо, нет. Появление никому не известного народа, имевшего необычный внешний вид и странные обычаи, говорящего на неведомом языке и непобедимого в своем натиске, не могло восприниматься средневековыми людьми иначе как божественная кара и знамение грядущих бедствий. О том, что это впечатление родилось исключительно в среде книжников и носило кратковременный характер, свидетельствует тот факт, что образ монголов практически не отразился во французском средневековом эпосе²⁶. Пройдет несколько лет, и смелые интеллектуальные путешествия францисканцев развеют мистический страх перед монголами.

В видениях Апокалипсиса и в основанных на них пророчествах конца света нетрудно распознать очень древний сценарий ежегодного умирания и возрождения Космоса, путем повторения акта творения²⁷. В середине XIII столетия пространство Евразии представлялось ареной битвы Царя последних времен с Антихристом. «Ибо претворились в жизнь все пророчества святых, предсказавших задолго до этого напасти, кои должны были случиться и на деле случились с нами <...>» (*Киракос Гандзакец*. Пролог). Эти слова армянского историка могли быть сказаны любым писателем христианского мира.

Первые известия о монголах рисовали грандиозную панораму наступления сил тьмы и мрака. «Как будто мраком был объят весь свет, и полюбили люди ночь пуще дня. Страна осталась без обитателей своих, и бродили по ней сыны чужие <...>. И на такую горькую долю обрекли они многие народы и племена, ибо Господь в возмездие за злодеяния наши и прегрешения перед ним, которыми мы возбудили справедливый гнев его, излил на землю всю чашу гнева своего», — оплакивал поражение армян Киракос, побывавший в плену у монголов (*Киракос Гандзакец*. 22). «Племя огромное, люди бесчеловечные, закон которых — беззаконие, гнев — ярость, бич гнева господня, безграничные земли проходя, жестоко их разоряет, яростно снося все преграды огнем и мечом» (*Английские источники*, с. 148) — таков яркий символ вмешательства Бога в человеческую историю. Именно Бог в гневном своем позволив силам хаоса нарушить естественный ход событий. Че-

людей средневековой цивилизации не признавал за историческим событием собственной его ценности. Значимость приобретало лишь то, что соответствовало трансгисторической модели: истинной реальностью обладало лишь божественное. Земные события только указывали на скрытый за ними сокровенный смысл. В силу того, что нашествие монголов предвосхищало гибель грешного мира, вселенский пожар, в огне которого, несомненно, возродится новое человечество, а история найдет свой конец, нашествие осмыслялось с помощью символов зла и тьмы. «Всему христианскому миру грозит всеобщее уничтожение», — предупреждал европейских правителей в 1241 г. император Фридрих II (*Английские источники*, с. 141). История столкновения Востока и Запада в середине XIII столетия писалась на языке Апокалипсиса. Автор «Исторического зеркала» Винцент из Бове утверждал: когда Батый «вторгся в Венгрию, то принес жертву демонам, спрашивая их о том, хватит ли у него смелости пройти по этой земле. И демон, живущий внутри идола, дал такой ответ: “Иди беззаботно, ибо посылаю трех духов впереди деяний твоих, благодаря действиям которых противники твои противостоять тебе будут не в силах”, — что и произошло. Духи же эти суть: дух раздора, дух недоверия и дух страха — это три нечистых духа, подобных жабам, о которых сказано в Апокалипсисе» (*Симон де Сент-Квентин*. XXXI. 149). В «Откровении» сказано: «И увидел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам. Это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (*Откр.* 16:13–14).

Значимость ситуации определялась тем, что неизвестные ранее азиатские племена воспринимались как «спутники Антихриста», чье появление в Судный день предсказано в Священном Писании. Страх и панику в Европе вызывали не столько сами монголы, сколько предвещаемый их вторжением конец света. «Из-за греховных деяний людей и приумножения в мире плевел настигло нас давно предвиденное и предреченное, но словно нежданное-негаданное возмездие», — писал в апреле 1242 г. викарий провинции Польши брат Иордан (*Английские источники*, с. 157).

У теологов на устах было пророчество «Откровения»: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской» (*Откр.* 20:7). Особой популярностью пользовались мистические подсчеты времени, направленные на прояснение предсказанного будущего: «Когда же минует год тысяча двести пятидесятый после рождения Девы благой, будет Антихрист рожден, преисполненный демонической силой» (*Английские источники*, с. 157). Это пророчество было ответом на ужасные слухи о монголах.

«Наступил конец света, и предтечи антихристовы предвещают пришествие сына погибели. И нас смущают откровения святых и боговдохновенных мужей, внушенные им Святым Духом, предостерегавшим их от грядущего», — объяснял появление монголов армянский летописец Киракос (*Киракос Гандзакец*. 20). «Предсказание мужа божьего святого Нерсеса относительно племени стрелков и разорения страны нашей армянской ныне претворено в жизнь племенем, называемым татарами: многие племена и народы были стерты ими [с лица земли]» (*Киракос Гандзакец*. Пролог).

Картина ужаса обладала каким-то очаровывающим свойством; все послания о монголах начинались с покаяния в грехах, а подробности нашествия рисовались в категориях космической катастрофы. Эпитеты, которыми награждались воинственные племена Азии, свидетельствовали в первую очередь о силе и мощи христианского Бога, чье соизволение допустило неожиданную победу варваров. «Несчастья, издревле в Священном Писании предреченные, по грехам нашим посланные, и поныне не иссякают и ширятся. Ведь некое племя жестокое, бесчисленное, незаконное, вторглося в соседние с нами пределы и заняло [их] и уже до самой Польской земли дошло, многие другие земли пройдя и народы [их] истребив», — утверждал граф Тюрингенский (*Английские источники*, с. 139).

Победа сил хаоса над порядком, в глазах средневековых авторов, влекла превращение большей части мира в безлюдную пустыню, в которой даже земля переставала плодоносить. «Первый ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешан-

ные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела» (*Откр.* 8:7). «Не без умысла божьего сохранился варварский народ до сего времени — для порицания и исправления божьего народа. О, если бы не для истребления всего христианского мира», — восклицал император Фридрих II. «Ведь нашествие принесло с собой всеобщее бедствие, опустошение всех королевств и гибель плодородной земли, по которой прошел народ нечестивый, не щадя никого» и намереваясь уничтожить весь род человеческий — (*Английские источники*, с. 157).

Средневековые писатели довольствовались описанием периодичности событий, включая их в космические ритмы и в астральную неизбежность. «Более того, — утверждает М. Элиаде, — поскольку исторические события зависели от циклов и от положения звезд, они становились доступными пониманию и даже предвидимыми, потому что для них находилась трансцендентная модель; войны, голод, несчастья, вызываемые современной историей, были всего лишь имитацией архетипа, определенного звездами и небесными законами, которым никогда не была чужда божественная воля. <...> Эти новые выражения мифа о вечном повторении ценились прежде всего интеллектуальной элитой»²⁸.

«Страшному суду будут предшествовать три события, — писал Яков Ворагинский в „Золотой легенде“, — устрашающие знамения, появление Антихриста и всеобщий пожар. Знамений накануне Судного дня будет пять, ибо св. Лука сказал: „И будут знамения в солнце, и в луне, и в звездах, а на земле уныние народов и недоумение“»²⁹. «Этому разгрому предшествовали явные знамения: земля потрескалась и оттуда вышла черная вода, — писал армянский историк о взятии монголами города Гандза, — а находящееся у самого города очень высокое сосновое дерево упало и вновь встало на свое место, как прежде. Так повторялось три раза, затем оно все же упало» (*Армянские источники*, с. 24). Это была исключительно иррациональная картина бедствия, без остатка поглотившая те немногие реальные сведения о монголах, что передавались в виде слухов.

«О горе! Они вторглись в пределы [нашей] церкви и стремительно миновав бурные реки и непроходимые леса, они

непостижимым образом заняли большую часть могущественного Венгерского королевства, о чем со всей точностью из-за расстояния сообщить не можем», — писал викарий францисканцев из Польши. «Их дерзость, благодаря гневу божьему, настолько возросла, что прелаты, а именно архиепископы, епископы, аббаты, правители и народ в смятении бегут перед разнузданными варварскими вождями, не ожидая ничего иного, кроме смерти» (*Английские источники*, с. 156—157). Тех, кто не успел бежать, ждала страшная участь. «Их трупами вожди со своими и прочими лотофагами, словно хлебом питались, [и] оставили они коршунам одни кости. Но что удивительно — голодные и ненасытные коршуны побрезговали тем, чтобы доесть случайно оставшиеся куски плоти. А женщин старых и безобразных они отдавали, как дневной паек, на съедение так называемым людоедам» (*Английские источники*, с. 148). Только рука страха могла вывести такие строки. В Европе оживали самые архаические мифы.

Печать ужаса легла на рассказы свидетелей страшных и удивительных событий. Но признание этого факта не объясняет истинного содержания посланий. Ответ следует искать в истории страха, рожденного Великой чумой VI в., которая укрепила веру в близость и неминуемость Страшного суда. На протяжении всего средневековья представления о грядущих катастрофах обладали наибольшей притягательной силой. В мире, где идея поединка главенствовала в религиозной жизни, ожидаемая битва последних времен владела воображением людей.

Предвестие светопреставления — вторжение монголов казалось особенно явным христианам XIII столетия. «Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это начало болезней», — возвещало Евангелие от Матфея (*Матф.* 24:7—8). «Внемлите острова и все народы христианской веры, крест Господень исповедающие, в пепле и рубище, посте и рыдании, и плачем возрыдайте, исторгните потоки слез, ибо грядет день Господень, великий и горький чрезмерно, когда явится неслыханное гонение на крест Христа с севера и от моря, когда смятутся умы и опечалятся сердца, лица омоются слезами, а души отягчатся вздохами, [лишь] временами обретая

покой. В меру своих возможностей мы сообщаем вам, — смиренно писал герцогу Брабантскому ландграф Тюрингенский, — что бесчисленные племена, ненавидимые прочими людьми, по необузданной злобе землю с ревом попирая, от востока до самых границ нашего владения подвергли всю землю полному разорению, города, крепости и даже муниципии разрушая, не только христиан, но даже язычников и иудеев, никого не щадя, всех равно без сострадания предавая смерти. <...> Людей они не поедают, но прямо пожирают <...>. Даже команы, люди воинственные, не смогли в земле своей выстоять против них, но двадцать тысяч команов бежали к христианам и вступили в союз с христианами; и готовы они сражаться против каждого народа, кроме вышеупомянутого. Что удивительного? Ведь у них страшное тело, яростные лица <...>» (*Английские источники*, с. 154—155). Как известно, не сюжетами характеризуется культура, а отношением к ним.

Парадокс ситуации заключался в том, что сценарий начавшегося вселенского бедствия предопределял и вопросы и ответы на них. Это был заколдованный круг, рожденный страхом. Время начала и конца мировой истории принадлежало Богу. Казалось бы, в этой ситуации диалог с самими монголами должен был прояснить суть происходящего. И такой случай представился. В 1239 г. некий венгерский епископ имел возможность расспросить двух пленных монгольских лазутчиков (*Английские источники*, с. 174—176). Вопросы епископа, адресованные монголам, почти не отличаются от тех, что прозвучат на Лионском соборе 1245 г., но ответы или, вернее, понятые епископом объяснения монголов в высшей степени любопытны. «Я спросил, где лежит земля их, сказали они, что лежит она за какими-то горами и близ народа, который называется Гог; и полагаю я, что народ этот — Гог и Магог». В эсхатологических мифах христианства Гог и Магог — воинственные противники «народа божьего». Именно с этими легендарными народами связаны средневековые пророчества о последних днях мира. Запад жил ожиданием прорыва великой Преграды, запиравшей, по воле Бога, нечестивые народы севера.

«Я спросил, как они вышли из-за гор, за которыми были? Они сказали, что предки их до того, как вышли, добрых три-

ста лет и [даже] больше трудились, прорываясь [через] деревья и камни, чтобы суметь выйти». Из древнего предания монголов, записанного персидским историком XIV в. Рашид ад-Дином, следует, что некогда их предки занимали «недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги». Далее, как гласит монгольское предание, «когда среди тех гор и лесов этот народ размножился и пространство занимаемой им земли стало тесным и недостаточным <...> то они, не имея другого выхода, расплавили горный склон, состоявший из железной руды, и вышли из той теснины на простор степи» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 153–154). Отголосок этой легенды слышал и Марко Поло (*Марко Поло*, с. 87). В мифологической памяти монголов земля их предков предстает как труднодоступная местность, окруженная непреодолимыми преградами. Вырваться из тесного пространства они смогли, лишь расплавив железные горы. Это предание могло быть воспринято в иудео-христианском мире как зеркальное отражение легенд о Гоге и Магоге, запертых Александром за огромной стеной из бронзы и смолы. Венгерский епископ, задавая вопрос пленным монголам о том, как им удалось «выйти из-за гор», имел в виду преодоление божественной преграды на пути диких племен, возведенной божественным Александром. Ответ монголов о столетиях упорного труда их предков создает впечатление, что библейская легенда о запертых народах, вернулась в средневековую Европу. На самом же деле, такова интерпретация сведений самим епископом. Перед нами один из удивительных парадоксов истории: пространство мирового мифа пересеклось со случайным эпизодом встречи и диалога европейца с монголами. Взаимопонимание стало достижимым только в рамках единой мифологемы. «Я спросил о вере их; и дабы быть кратким, скажу, что они ни во что не верят; однако же буквы у них иудейские, и начали они их учить, когда отправились на завоевание мира. Ибо они думают завоевать весь мир». Собеседниками епископа были образованные монголы, которые смогли начертать свои письма. Они, несомненно, попытались разъяснить ему содержание центрально-азиатского культа Неба — религиозной доктрины, согласно которой государь, как сын Неба, получил в удел управление

всеми землями мира. «Я спросил, кто те, что учат их грамоте; они сказали, что это какие-то бледные люди, которые много постятся и носят длинные одежды и никому не причиняют зла. И поскольку они сообщили о людях этих много подробностей, которые схожи с религиозными обрядами фарисеев и саддукеев, я полагаю, что они — фарисеи и саддукеи». Фарисеи и саддукеи были древнееврейскими религиозными сектами, причем фарисеи более известны как толкователи Божественного закона. Они притязали на особую святость и строго исполняли многочисленные обряды. Их образованность не осталась без внимания средневековых писателей, хотя Иисус Христос внушал Своим ученикам «беречься закваски фарисейской и саддукейской» (*Матф.* 16: 6, 12). Разумеется, никакого отношения к монголам эти учителя не имели. Пленные лазутчики рассказывали об уйгурах-несторианах, чью письменность монголы заимствовали в 1204 г.: «Я спросил, разделяют ли они пищу на чистую и нечистую? Они сказали, что нет; ведь едят они лягушек, змей, собак, и всех [прочих] животных без разбора». «И пьют они кобылье молоко и [молоко] других неразумных животных и сильно пьянеют». Вопрос о «чистой и нечистой» пище имел исключительно религиозное значение, так как речь шла о сакральной чистоте. Священным Писанием запрещено было употреблять нечистых животных, все мертвое, растерзанное, удушенное (*Исх.* 22:31; *Лев.* 17:18; *Втор.* 14:21). Библейский запрет гласил: «Не ешь никакой мерзости. Вот скот, который вам можно есть: воны, овцы, козы <...> Только сих не ешьте: верблюда, зайца и тушканчика; потому что, хотя они жуют жвачку, но копыта у них не раздвоены: нечисты они для вас. <...> Из всех животных, которые в воде, ешьте всех, у которых есть перья и чешуя; а всех тех, у которых нет перьев и чешуи, не ешьте: нечисто это для вас» (*Втор.* 14:3—20). Пищевые запреты и предписания, действующие в различных культурах, как правило, не совпадают, и в силу этого соблюдение либо отрицание известных норм позволяло отличать «свое» от «чужого» и враждебного. Сведения о том, что кочевники потребляют запретную, с точки зрения христиан, пищу, призваны были показать Европе дикий, нечеловеческий образ жизни пришельцев из Азии.

Ключевые для Запада вопросы и ожидаемые ответы на них, возникшие от столкновения с неизвестным воинством — о происхождении, вере, обычаях и запретах — предreshены средневековым видением мира, в глубине которого таился призрак Апокалипсиса. Исторические события превращались в мифологические категории. Именно поэтому рождались невероятные слухи о том, что монголы, «в какую бы землю они ни вошли, они уничтожают все население земли, кроме младенцев, которым Чингис-хан печать свою раскаленную налагает на лицо, закабалая их». Сюжет, в котором владыка диких орд (он же предтеча дьявола) клеймит печатью своих новых подданных, обладал истинной реальностью в глазах средневековых людей, потому что он имел свой прообраз в Апокалипсисе. Речь идет о следующих пассажах: зверь с двумя рогами «сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их» (*Откр.* 13:16). И возгласит третий Ангел громким голосом: «Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией» (*Откр.* 14:9–10). По мысли нынешних теологов, зверь с двумя рогами есть лжепророк, он изображает языческих жрецов и чародеев-чудотворцев, сила которых, когда она настоящая, — от дьявола³⁰. Интересно, что пленные монголы разъяснили имя-титул «Чингис-хан» как «Царь царей», что было близко к истине. Но и этот ответ был истолкован европейской элитой как свидетельство последней битвы с Антихристом.

В известиях, рождавшихся за пределами христианского мира, средневековое воображение легко стирало границу между чудесным и реальным. Чужие культуры воспринимались через призму символов и древних мифов. Из послания венгерского доминиканца Юлиана папскому легату известно, что во время путешествия по Поволжью в 1237 г. брат Юлиан встретил посла монгольского князя, который сообщил ему удивительные вести: «За страной татар обитает чрезвычайно многочисленный народ, телосложением выше и крупнее всех прочих людей на свете, а еще головы у них такие огромные, что как будто вовсе не подходят к своим телам. И вроде бы этот народ собирается покинуть свою страну с тем, чтобы

сразиться со всеми, кто пожелает им противостоять и чтобы опустошить все царства, какие только им будет по силам» (*Рихард*. 4. 10—14). В одном из первых сообщений, переписанных Матфеем Парижским, монголы рисуются существами с большими головами, несоразмерными туловищам (*Английские источники*, с. 149).

Епископ Вацкий спросил у пленных монголов, каково их войско. Ответ лазутчиков заставляет предположить, что в плену они оказались не случайно, а были специально подосланы, чтобы своими рассказами внушить еще больший страх. Подобным же образом монголы поступили при осаде Киева, когда был взят в плен удивительно осведомленный воин, сообщивший русским князьям имена девяти вождей во главе с Бату-ханом (см. коммент. 37). О войске, которое вторглось в Европу, пленные «сказали, что в длину оно простирается на двадцать дневных переходов, а в ширину — на десять дневных переходов; ведь за войском следует 13 тысяч всадников, защищающих его». Скорее всего, такое пространство занимали разнородные орды, включавшие переносные жилища, табуны коней и стада овец. «И кони у них хорошие, но злые, и много коней следует за ними без всадника, так что, когда скачет хозяин, за ним следует 20 или 30 коней». Вернувшись из второго путешествия в Поволжье, брат Юлиан докладывал: «О полной численности их войска я Вам не сообщу ничего, за исключением того, что по всем завоеванным странам они собирают воинов, годных к битве, которых отправляют в сражении впереди себя» (*Рихард*. 3. 12). «Также татары утверждают, — сообщает брат Юлиан, — будто у них такое множество воинов, что его можно разделить на сорок частей, причем на земле не найдется силы, которую можно было бы противопоставить хоть одной из этих частей. А еще они говорят, что в войске вместе с ними пребывают двести сорок тысяч рабов-неединоверцев, а также сто тридцать пять тысяч отборнейших [мужей] единоверцев, стоящих в строю» (*Рихард*. 6. 4—5). Эта совершенно легендарная арифметика, как ни странно, подтверждается современными исследователями³¹. «Пусть остерегаются все, кто это услышит и верит этому», — завершает свое послание венгерский епископ. Навряд ли в Европе нашлись бы люди, сомневающиеся в достоверности известий венгерско-

го епископа. Его послание долетело до берегов Англии и попало во всемирную хронику Матфея Парижского.

Неизвестный ирландский автор XIII в. искал ответ на вопрос о происхождении монголов в пророчествах Иезекииля, где предрекается нашествие народов севера, подобное туче, покрывающей землю, ибо явятся «сидящие на конях, собрание великое и войско многочисленное» (*Иез.* 38:15). В средневековой истории границы между небесным и земным оказываются стертыми. История мыслилась как вечно длящийся священный миф, но при этом являла собой открытый времени случай. Силой обстоятельств первыми авторами, которые переведут миф о монголах в плоскость хроники деяний, будут францисканцы Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк.

Часть вторая

**КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
И ПЕРЕВОД
«ИСТОРИИ ТАРТАР»
БРАТА Ц. ДЕ БРИДИА**

* * *

Латинский текст дается по изданию: *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi / Ed. et annot. A. Önnersfors. Berlin, 1967. В настоящем издании учтены все поправки к тексту, предложенные Книпкенсом, см.: *Kneepkens C. H. Randbemerkungen zum Text der Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi // Mitteleinisches Jahrbuch* 14. 1979, ss. 273—277.

* * *

В публикуемом переводе в квадратных скобках [] указываются номера параграфов, на которые предварительно был разбит латинский текст.

Нумерация примечаний в круглых скобках в переводе означает ссылку на соответствующий комментарий в третьей части книги «Исследования и материалы».

HYSTORIA TARTARORUM FRATRI C. DE BRIDIA

Incipit Hystoria Tartarorum.

[1] R[e]uerentissimo patri, fratri Boguslao ministro fratrum minorum in Boemia et Polonia degencium,* frater C. de Bridia inter minores minimus filialis obediencie subieccionem tam debitam quam deuotam! Perfecta obediencia hoc exposcit officium, ut, si quis in ea exercitari desiderat, non solum facilia uerum eciam ardua sibi uolenti aggrediatur animo secundum sui superioris voluntatem. Vestre paternitati quamuis supra vires ingenij mei obaudiens que [vidi] de Tartaris intellexi cum venerabilibus fratribus nostri ardinis, fratre uidelicet Iohanne sedis apostolice legato ad omnes externas naciones, precipue tamen ad Tartaros †cacoros†, et fratre Benedicto Polono et fratre Ceslao Boemo socijs eius, breuiter in scripto posui cauens fastidium lectorum et ut uestra hec audiens deuocio, que de terrenicis nouit utilia elicere ex mirabili[li]bus dei omnipotentis iudicijs tam occultis, que in fine iam clarescunt seculorum, in quo appropinquat sanctorum redempcio, exurgat in laudem eius pariter et amorem.

[2] Sciendum igitur quod secundum Tartaros et quosdam alios habitabilis mundi huius machina diuiditur in duas principale [partes], orientalem uidelicet et occidentalem, large sumptas secundum quod sol oritur et occidit estiuo tempore et brumali. Inchoatur autem occidens a terra Liuonie et uadit a Prusia usque in Greciam et deinceps et continet in se uniuersam ecclesiam catholice fidei. Vnde et Tartari appellant apostolicum ‘magnum papam’ per totum occidentem. Reliqua uero pars dicitur orientalis, in qua posita

* В рукописи *regencium* ‘правлящий’, Пейнтер и Оннерфорс предлагают исправление *degencium* — ‘пребывающий’. Мы принимаем чтение рукописи.

est terra Tartarorum ubi oriens iungitur aquiloni, habens contiguum mare oceanum aquilonis, et appellatur Moal.

[3] Erat autem in ea vir quidam nobilis quidem genere sed moribus crudelis, nomine Cingis, a quo et principium Tartari habuerunt. Hic cum paucis hominibus suis cepit spolia excercere. Tandem crudelior effectus homines furtim capiebat et in sue iniquitatis dominio adiungebat. Cumque triginta satellites sibi coaceruasset, prorumpens in uesaniam publicam totam terram sue natiuitatis, scilicet Moal, sue dominationi per omnia subiugauit. Quo facto cepit, ut moris est elatorum, appetere ampliora et congregato exercitu processit uersus terram eis contiguam ex parte orientis que ab eisdem denominatur Zumoal, id est Aquatici Mongali. ‘Zu’ enim Tartarice ‘aqua’ dicitur Latine, ‘moal’ ‘terra’, ‘Mongali’ ‘incole’ dicuntur ‘terre’. Ipsi autem appellabant se Tartaros a fluuio magno et impetuoso qui transit terram eorum et dicitur Tatar. ‘Tata’ enim ‘trahere’, ‘tartar’ ‘trahens’ dicitur in lingua eorum. Isti sibimet ipsi superordinabant ducem, eo autem tempore prefecerant sibi ducem nomine Cauli, quem Cingis deuincens homines subiugatos suo exercitui adunauit. Consueuerat enim deuictos semper sibi aggregare, ut maioris fortitudinis uirtute alias terras superaret, sicut patet in eius posteris manifeste, qui ipsius malicie sunt sequaces.

[4] Deinde cum toto exercitu properauit ad terram que dicitur Merkit, que etiam Tartaris est contigua ex parte occidentis estiuialis, quam manu ualida sue dominationi subiciens apposita fortitudine suo exercitui terram Merkitis coniunctam que appellatur Mecrit intrauit et sibi continuo subiugauit. Iste quatuor, scilicet Moal, Zumoal, Merkit et Mecrit, sunt unius labij, sed parum differunt inter se, sicut Boemi et Poloni et Rutheni, uel sicut Romani, Lombardi et de Foro Iulij, aut sicut Australes, Turingi et Sueui seu Saxones, Flamingi et Westfali. Homines terrarum istarum assimulantur sibi in facie competenter.

[5] Post hec Cingis collecto exercitu processit uersus terram que dicitur Vihur. Incole terre huius christiani erant de secta Nestorianorum. Quibus superatis acceperunt Mongali eorum litteras ad scribendum (non enim antea litteris utebantur), et sic reuersi sunt in terram propriam.

[6] Deinde Cingis mox fortitudine grauiori collecta adiit terram orientalem nomine Esurscakita. Homines vero terre appellant se Kitai, quibus Mongali et relique tres prouincie lingue eorum quondam fuerant tributarij. Hec terra est magna et spaciosa ualde, et erat opulentissima, habens imperatorem strenuum et potentem, qui huiusmodi perceptis rumoribus indignatus uehementer occurrit Cingis et exercitui eius cum multitudine copiosa in quadam uasta solitudine, et tanta strages facta est Mongalorum, quod de viris Mongalis tantummodo septem remanserunt, aliarum tamen nationum plures homines euaserunt. Quod cernens iam dictus imperator contempsit eciam spolia colligere occisorum. Cingis vero clam in terram fugiens per temporis modicum sue malicie pacem dedit.

[7] Est autem [autem] quedam terra Tartaris contigua a plaga occidentali que appellabatur Nayman montuosa ualde et frigiditate[m] modum excedens. Huius terre regi Tartari et omnes circumadiacentes prouincie tunc temporis tributa regalia persoluebant. Hic mortuus est eo tempore quo Cingis a proelijs quiescebat. Reliqui[t] tamen sui regni tres paruulos filios successores. Quo audito Cingis cepit aspirare ad regnum puerorum et collecto exercitu cepit inuadere regnum Naymanorum. Qui uidentes fortitudinem eius retrosum cesserunt et associatis sibi Karakitais vel Nigris Kitais * ('kara' enim Tartarice Latine 'nigrum' dicuntur) occurrerunt Mongalis in quadam ualle inter duos montes altissimos, et occupantes uiam, qua solus introitus patebat in terram, ex parte illius lateris diutissime restiterunt. Hanc vallem et terram fratres nostri ordinis transiuerunt ad Tartaros iter faciendo. Tandem Mongali quidam longe ualde ab exercitu montes inferiores transiuerunt, alij uero per ipsa abrupta moncium, que solis ybicibus sunt peruia, per que etiam frater Benedictus equitare attemptabat, sed a Tartaris non est permissus, ne equum perderet et personam. Residui autem in ipsa acie exercitus accesserunt, et sic commissum est prelium magnum ualde nimis ex omni parte Naymanorum in quo[rum]³² maior pars eorum interempta est et residua Cingis dominio se subiecit. Tunc interfectis tribus filiis regis cum ampliori exercitu Cingis ad propria est reuersus.

* По рукописи следует читать: *Karakitais*, (i.e.) *id est Nigris Kytais (Kneepkens)*.

[8] Deinde progrediens ad bellum inter meridianam plagam et orientalem cepit quatuor terras videlicet Voyrat, Sarihuiur, Karanitas et Cosmir. Et sic iterum ad propria remeavit.

[9] Verum quia cupiditas eum dominandi non sinebat quiescere, aggregata omni qua poterat robustorum fortitudine iterato processit aduersus imperatorem Kytaorum. Tandem post diuturnum bellum fugato exercitu imperatoris ipsum imperatorem in metropoli, ciuitate fortissima, obsedit, quo adusque obsidentes pre nimia penuria precepto Cingis, decani cum suis, decimum hominem inter se manducarent. Obsessi uero cum iam sagitarum ac lapidum [def]ectum paterentur, iactare argentum ceperunt contra hostes et precipue liquefactum. Erat enim hec ciuitas habundans diuiciis huiusmodi. Ad vltimum autem obsidentes fecerunt uiam subterraneam usque ad medium ciuitatis, per quam in nocte irruentes in ciuitate imperatore cum potentibus interfecto vniuersa que in ea fuerant possederunt. Cingis ergo parte terre quam ceperat ordinata cum gaudio ad propria est reuersus. Est enim quedam pars terre maritima, quam etiam usque ad hodiernam diem Tartari non preualent obtinere. Ex tunc Cingis precepit se ‘can’, id est ‘imperatorem’, appellari.

[10] Predicti autem Kitai quamuis pagani sint habent tamen nouum et uetus testamentum et litteras speciales, vitas patrum multas, et heremitas et domos quasi ecclesias in quibus orant statuto tempore. Dicunt preterea se habere sanctos speciales quosdam. Huiusmodi deum colunt et credunt in dominum Iesum Christum, credunt etiam uitam eternam. Elemosinas dant largas et reuerentur christianos, licet minime baptizentur. Barbam non habent, nec in facie lati sunt ut Mongali, et habent ydioma speciale.

[11] Igitur cum Cingis ‘can’ esse[t] appellatus et quieuisset per vnum annum sine bellis, ordinauit eo tempore tres exercitus ad tres mundi partes, ut subiugarent cunctos homines qui habitant super terram. Vnum direxit cum filio suo Tossuc, quem etiam can nominabant, contra Comanos, qui siti [sunt] super Az ad plagam occidentalem, alterum uero cum alio filio contra Maiorem Indyam ad orientem hyemalem.

[12] Ipse autem cum tercio processit contra montes Caspeos, et cum trans[is]set terram, que Solangia dicitur, tunc temporis eam

sibi non subiciens assidue ibat tribus mensibus homines non inueniens per desertum. Cumque venisset prope montes Caspeos, ubi dicuntur esse inclusi ab Alexandro Iudei quos ipsi appellabant Gog et Magog, et ecce subito omnia ferramenta, sagitte de pharetris, cuttelli et gladij de uaginis, strepe de sellis, habene de frenis, ferramenta de equorum pedibus, lorice de corporibus, galee de capitibus, versus montem cum impetu ac maximo strepitu processerunt. Et, sicut ipsi fratri nostro Benedicto commemorantes hec, in quadam referebant leticia quod grauiora ferramenta, ut pote lorice et galee, super terram ad montes properando cum impetu magnum nimis puluerem et strepitum excitabant. Vnde ipsos cecitas et horror nimius inuadebant. Creduntur autem hij montes esse addamantini.

[13] Territus ergo Cingis can fugit cum exercitu dimittensque montes a[d] dextris processit inter aquilonem et orientem. Tandem cum per tres alios menses continue in itinere per deserta laborasset, precepit deficientibus alimonijs ut [decimi] decimum inter se deuorarent hominem. Post hos tres menses uenit ad montes magnos terre que appella[n]tur Narayrgen, id est ‘homines solis’; ‘nara’ enim Tartarice ‘sol’ dicitur Latine, ‘irgen’ ‘homines’. Cumque inuenisset itinera trita et nullos homines, mirari cepit cum suis uehementer. Postmodum inde inuento vnico viro cum vxore cepit per multos interpretes querere de terre hominibus, ubi essent, et percepto quod in domibus subterraneis sub montibus habitarent misit uirum, quem ceperat, muliere retenta, interrogans si uellent egredi ad bellandum. Sed illo redeunte Tartari facto mane in ortu solis prostrati sunt super terram propter strepitum solis ascendentis, et plures ibidem mortui sunt ex eis. Incole autem terre perceptis hostibus irruerunt in nocte super illos et plures de Tartaris occiderunt. Quod cernens Cingis can affugit cum residuis, vxorem captiuam nichilominus secum deducens.

[14] Que postmodum, sicut ipsi Tartari referebant fratribus, cum ipsis mansit longo tempore, affirmans absque dubio quod dicta terra in extremis mundi partibus sit posita nec ulterius terra nisi solummodo mare oceanum inuenitur. Vnde nimia vicinitate solis ascendentis e mari in regione [ea] estiuale tempore tantus ac talis fragor et sonitus ex contrarietate solis et firmamenti auditur in ea quod nullus hominum audet sub diuo habitare super terram quo

adusque sol ad meridiem per suum zodiacum progrediatur, quin statim moriatur tamquam per tonitruum aut ledatur. Inde est etiam quod eo tempore tympana maxima et alia instrumenta percuciunt in cauernis moncium ut sono tympanorum solis strepitum intercludant. Hec terra post transitum moncium plana est et fertilis, sed non est magna.

[15] Dum autem de hac terra Cingis can deuictus ad propria cum suis redire festinaret et dum in reditu montes Caspeos conspexisset, ad eos propter timorem pristinum non accessit. Videns tamen homines iam de montibus processisse propter strepitum ante factum, quod ad montes properabant ferramenta, cum eis certare cupiebat. Cumque utrique sibi appropinquare cepissent, et ecce nubes diuisit eos stans in medio sicut quondam Egypcyos et filios Israel. Vnde satis credibile est eos esse Iudeos quos Dominus muniuit et monuit signis patrum. Et quodocunque Tartari ad nubem ascendebant, cecitate percuciebantur et quidam etiam plaga mortis. Poterant tamen se videre per nubem ad inuicem quoquomodo. Postquam autem ad utramque partem nubis per duas dietas transire non possent, quin super nubem haberent oppositam, ceperunt cepto itinere proficisci.

[16] Igitur iter facientes Tartari pedestre et fame deficientes inuenerunt aluum seu viscera integra vnus animalis satis fetencia que, ut ipsi credunt, prius eis ibidem manducantibus fuerant relicta, et cum ad Cingis can essent delata, precepit ut tantummodo grosso fimo manibus expresso absque ulla rupcione uel lesione uiscerum coquerentur. Quod et factum est, et sic Cingis can cum ceteris iam quasi fame moriens manducauit et exinde statuit Cingis can, ut nichil de uisceribus * reicerent[ur] preter fimi grosiciem interiorem, de quo plenius dicitur cum de tradicionibus dicitur Tartarorum. Hijs gestis reuersus est in terram suam et a tonitruo diuino iudicio est percussus.

[17] Secundus uero excercitus, qui cum secundo filio Cingis can missus fuerat contra Indos, deuicit Minorem Indiam, id est

* В рукописи: *pectoribus*; Пейнтер и Оннерфорс предлагают исправление *uisceribus*.

Ethyopiam, in qua sunt homines nigerrimi et pagani. Cumque peruenissent ad Maiorem, quam Thomas apostolus conuertit, statim rex terre qui semper appellatur Prespiter Iohannes, quamuis non bene premunitus misit exercitum contra eos. Fecerunt quandam nouam et inauditam artem contra Tartaros: ordinauerunt enim specialiter tria milia pugnatorum, im quorum sellis in anteriori parte posuerunt quasdam ferreas siue ereas ymages, ignem viuum habentes in sua concauitate. Et ante quam sagitte Tartarorum ad ipsos attingere possent, ceperunt contra ignem emittere sufflando cum follibus, quos habebant ex utraque parte selle sub utroque femore. Post ignem uero sagittas iacere ceperunt, et sic turbatus est exercitus Tartarorum. Alij quidem exusti, alij uero uulnerati fugam inierunt, quos persequentes Indi multos strauerunt et reliquos de suis finibus eiecerunt, nec ultra ad Yndos Tartari sunt reuersi. Hec eadem ipsi Tartari fratribus nostris referebant dicentes quod Yndi in congressu ordinata acie super equos se in strepis eleuauerunt. «Cumque miraremur, quid hoc esset, resederunt subito super sellas, et ignis mox prosiliit aduersum nos, quem eciam sagitte eorum sunt secute, et sic noster exercitus est fugatus». Cumque Yndi Tartarorum, [postquam] ad se red[i]erint, infra xviii annos aut paulo plus nichil uidissent, miserunt nuper ad eos nuncios sic dicentes: «Vos in terram nostram intraueratis sicut fures et non milites bellicosi, sed nunc scitote, quoniam aduentum uestrum cottidie prestolamur. Quare, etsi ad nos uenire nolueritis, nostrum ad uos aduentum cicius expectetis».

[18] Tartari autem redire non presumentes ad propria ante statutum tempus a Cingis can, ne subirent sententiam capitalem, processerunt inter orientalem plagam et meridianam. Ambulantes plus quam mensem per desertum peruenerunt ad terram canum, que appellatur Tartarice Nochoy Kadzar. 'Nochoy' enim Tartarice 'canis' dicitur Latine, 'kadzar' uero Tartarice 'terra' dicitur Latine. Inuenerunt tantummodo mulieres preter viros, quibus captis remanserunt duobus [diebus] iuxta flumen, quod medium terre transit, cumque int[e]r[rog]assent de viris, quales et ubi essent, responderunt quod canes naturales [essent], et audita fama hostium flumen transiuisse. Tercia autem die canes omnes qui in terra fuerant coadunari apparuerunt, sed Tartaris iocum de eis facientibus transito flumine inuoluerunt se sabulo, quod propter temporis frigiditatem

congelatum est. Sicque secundo et tercio fecerunt, et quia canes pilosi erant, glacies cum sabulo congelata est ad spissitudinem vnus palme. Quo facto super Tartaros irruerunt. Qui risum facientes sagitis eos impetere ceperunt. Sed quia nisi per os et oculos ledi non poterant, paucissimos peremerunt. Canes vero accurrentes cicius vno morsu equum deiciebant, altero Tatarum strangulabant. Tartari ergo cernentes quod canibus nec sagite nec gladij nocere poterant, fugam inierunt. Quos canes persequentes per triduum interfectis plurimis a suis eos finibus eiecerunt. Et sic pacem ab eis de cetero habuerunt. Narrauit eciam quidam fratri B Tartarus patrem suum a canibus tunc temporis interemptum. Frater preterea B. credit pro certo inter Tartaros vnam de canum mulieribus se uidisse, quam eciam dicit peperisse a Tartaris, sed pueros monstruosos. Dicti autem canes sunt magis pilosi, intelligentes omnia uerba mulierum (et mulieres nutus canum). Si mulier parit feminam, humanam formam matris habet, si masculum, canis efficitur sicut pater.

[19] De hac terra Tartari ad propria reuertentes ceperunt terram que appellatur Buritheet. 'Burith' dicitur 'lupus' et bene congruit incolis terre, qui tamquam lupi seuientes patrem mortuum parentela congregata comedere consueuerunt. Isti pilos in barba non habent, sed si pili nascuntur, extrahunt eos ferro tenaculo ad hoc facto. Multum preterea sunt deformes.

[20] Tercius autem exercitus qui ad occidentem iuit cum Tossucan, [cum] filio Cingis can, subiugauit primo terram que dicitur Terkemen, secundum Biserminos, postea Kangitas, ad ultimum intrauerunt terram Cuspcas, id est Comaniam. Comani autem coadunati cum Ruthenis omnibus pugnaverunt cum Tartaris iuxta duos riuulos — nomen vnus Calc, alterius uero Coniuzzu*, id est 'ouium aqua', 'coni' enim [grece] Tartarice 'oues' dicuntur Latine, 'vzzum' vero 'aqua' — et deuicti sunt a Tartaris. Effusus est sanguis ex utraque parte usque ad frenos equorum, sicut qui bello interfuerant referebant. Victis ergo istis Tartari redire ceperunt ad terras proprias et in reditu ceperunt ab aquilone quasdam terras, uidelicet Bastarchos, id est Maiorem Hungariam, que est contigua mari oceano ab aquilone.

* В рукописи — *coniuxzu*.

[21] Ab hac terra venerunt ad Paroscitas, qui longe sunt stature, sed graciles sunt et debiles, habentes ventrem paruulum et rotundum ad modum cippi modici. Hij nichil manducant penitus sed uapore viuunt. Habent enim foramen paruum loco oris, et dum carnes in olla obs[t]ructas decocunt uapore suscepto per apperturam modicam sustentantur. Carnes uero non curantes proiciunt ante canes. Hos itaque non curauerunt, quia multum res abhominantur monstruosas. Post hec uenerunt ad quosdam qui Zamogedi appellantur. Sed neque istos curauerunt eo quod sint homines pauperes siluestresque et de uenacione tantummodo uitam sustentantes. Postremo uenerunt ad eos qui uocantur V[co]l — ‘ucor’ Tartarice Latine dicitur ‘bos’, ‘colon’ ‘pedes’ — quasi ‘bouis pedes’, uel dicuntur Nochoyterim: ‘nochoy’ ‘canis’, ‘terim’ [‘caput’] dicitur, id est ‘canis caput’, * Latine uero dicuntur ‘canina capita’. Habent bouinos pedes a talis deorsum, caput hominis ab occipite usque ad aures, faciem autem per omnia sicut canis, et ideo a parte denominantur [in]digniori **. Isti duo uerba locuntur et tercium latrant, et idcirco eciam canes possunt nominari. Sunt eciam siluestres et in cursu agiles competenter. Et hos similiter contempserunt. Reuertentes itaque ad terram suam Cingis can percussum a tonitruo inuenerunt.

[22] Retulerunt preterea Tartari fratribus nostris, quod fuissent in terra quorundam hominum qui vnum pedem hab[er]ent tantummodo et vnam manum, quibus nichil potuerunt nocere propter eorum uelocitatem et fortitudinem sagittarum. Nam vnus tenet arcum, alter uero dirigit sagitam forcius omni gente. Velocitate eciam sua excedere dicuntur non solum homines terrarum aliarum uerum eciam cuncta quadrupedia super terram. Vnde ante aduentum fratrum nostrorum ad Tartaros duo ex iam dictis hominibus, pater et filius, ad curiam imperatoris Tartarorum uenientes sic[ut] dixerunt: «Ob quam causam nos bellis inquietate attemptastis? Nonne in sagitarum iaculis et cursus uelocitate uos excedimus?» Cumque equs uelocissimus statutus fuisset cum eis publice [ad predicandum] ad

* По рукописи следует читать: *dicitur*, (.q.=) *quasi* ‘canis caput’ (Kneepkens).

** В рукописи: *digniori*; Пейнтер читает: *de generi*; Оннерфорс: [in]digniori.

currendum, miserunt equum quidem cursu ueloci procedere. Ipsi uero modo mirabili se uelut rotam uelocius [se] ceperunt uoluere et equum sunt subito insecuti. Tandem equo et Tartaris tegra uertentes ad terram propriam cucurrerunt. Quod cernentes Tartari eos amplius inuadere noluerunt. Isti autem 'vnipedes' uocantur.

[23] Hijs gestis Occoday, filius eius, imperio ei successit per electionem aliorum. Reliquerat enim Cingis can quatuor filios, scilicet Occoday, qui et successit ei[s], Tosuc, Schahaday; quarti nomen nec a fratribus nec ab alijs intellexi. Filii Occoday sunt tres, scilicet Cuiuc, qui modo est can, id est imperator, et Cocten et Cyrenen. Filii secundi, scilicet Tossu[c] can, filii Bati (iste est potencior post can), Ordu. Iste senior est inter duces et honorabilior ualde. Alios duos filios habuit de alia uxore, scilicet Syban et Chauth. Tercij scilicet Scha[ha]day sunt filij Ca[da]n et Buri, quarti cuius nomen non intellexi filij sunt Mengu (hic fuit senior, cuius mater Serectam, que post matrem imperatoris est inter Tartaros nominata, et est potencior preter quam Bati), alter Bechac. Aliorum filiorum nomina non intellexi. Hec sunt autem nomina ducum: Ordu (iste transiuit per Poloniam in Hungariam), Bati, Buri[n], Kadan, Syban, Bugiec (esti fuerunt in Hungaria), Cyrbodan (iste adhuc contra soldanum Damasci preliatur); sed in terra Tartarorum remanserat Mengu, Cocten, Syrenen et alij quamplures, quos nominare non oportet.

[24] Occoday uero cum esset fortis multitudine, tres ex patris excercitus ordinauit.* Primo prefecit Bati, filium fratris, et misit ad occidentem contra ecclesiam dei et omnes prouincias occidentis. Qui ueniendo subiugauit terram Altisoldani et terram Biserme-norum. Hij Sarraceni erant, Comanicum loquentes. Cepit jbidem eciam fortissimam ciuitatem nomine Barchin, licet cum bello diuturno. Alia uero ciuitas sponte se reddidit nomine Ia[n]kint, qua de re ciuitatem non destruxit sed acceptis spolijs et interfectis, ut moris eorum est, nobilioribus, alijs hominibus ciuitatem locans incolas transferri fecit et processit aduersus Ornas ciuitatem maximam

* Книпкенс указывает на ошибку чтения издателей текста: в рукописи стоит не *ex*, а *ex°* = *exemplo*, следовательно, нужно читать: *tres exemplo patris excercitus ordinauit*. Эта поправка учтена при переводе.

repletam christianis, scilicet Gazaris et Alanis necnon et alijs Saracenis parcium diuersarum. Est autem sita super fluuium magnam habentem partem maris et qui transibat ciuitatem. Tartari obstruentes in superiori parte fluuium dimiserunt aquam cum impetu et submerserunt ciuitatem cum omnibus que in se ciuitas continebat.

[25] Preterea Bat[i] tunc temporis subiugauit terram Terkomen et terram Kangitarum atque Magnam Comaniam nec non et Rusiam, et capta Kyouia, metropoli Rusie, ciuitate maxima et nominatissima, per stragem multam populorum et bella plurima, que ad presens transeo, quia scriptorem exigit speciale.

[26] Cumque* filius Occoday, patruelis Bati, qui modo est can, reuersus est patris occulte interitu intellecto. In reditu autem cepit terram Gazarorum et terram Alanorum, postea terram † Th'et †, ad ultimum terram † Tartarorum † — ... Iste sunt terre christianorum, sed diuersorum ydiomatum, et posite sunt ad meridiem iuxta mare. Hijs actis ad terram propriam est reuersus.

[27] Bati uero exinde** in Rusia contra Bileros, id est Bulgariam Magnam, et Morduanos [processit] et captis eis suo eos excercitui subiugauit. Ex tunc postea processit contra Poloniam et Hungariam, diuisoque excercitu in metis terrarum cum fratre suo Ordu misit contra Poloniam decem milia pugnatorum, ex quibus in terre principio a Polonis *Cracouiensis* et Sandomericij ducatus perturbati plurimi in prelio ceciderunt. Verum quia inuidia est fomentum uiciorum plurim[or]um, ideo Poloni, non fouentes vnitate mutua bonum quod ceperant, ob fastum superbie inuidentes inuicem a Tartaris miserabiliter sunt percussi.

[28] Tartari uero ulterius procedentes in Zlesiam cum Henrico duce tunc temporis christianissimo eiusdem terre in prelio sunt

* Как убедительно показал Книпкенс, *cumque* следует читать, как имя *Cuius*. Эта очень важная поправка учтена при переводе.

** Книпкенс не принимает ни чтения Пейнтера, который следует рукописи (*exiuit*), ни исправление Оннерфорса (*exinde*), указывая, что в тексте, на самом деле, сокращение *excs*, следовательно, это место нужно читать так: *Bati uero existens in Rusia*.

congressi, et dum iam, sicut ipsi fratri Benedicto referebant, fugere uoluissent, ex insperato christianorum cunei ad fugam subito sunt conuersi. Tunc ducem Henricum capientes Tartarj et totaliter spoliantes coram duce mortuo qui in Sundomia[m] occisus fuerat flectere genua preceperunt. Sicque caput eius uelut oui[s] per Morauiam in Hungariam ad Bati detulerunt et inter cetera capita cadauerum postmodum proiecerunt.

[29] Ipso autem Bati intrante Hungariam ultra medium terre ipsius spacium occurrerunt ei iuxta quemdam fluuium cum multitudine copiosa duo reges fratres vterini, Bela uidelicet, qui adhuc regnat, et Colomanus felicitis memorie, qui manu propria de ponte ipsius fluuij principalem ducem Tartarorum in primo congressu cum equo et armis mortis precipitauit in abyssum. Sicque restitit eis eciam secundo et tercio, quo adusque in fugam Tartari sunt conuersi. Medio autem tempore Bati misit exercitum ultra flumen in superiori parte ad dietam vnam sive duas, qui istis in ponte pugnantibus caute super hostes irruerent ex aduerso. Quod et factum est. Nam rei euentus se mirabiliter hic probauit. Spernentibus enim Vngaris monita regis Colomani pontem Tartari transiuerunt et, quod eciam ipsi Tartari referebant, uidelicet quod ipsis iam fugientibus ante Vngarios Bati euaginato gladio redire eos compulit ad bellandum et dum Hungari quasi securi quiescerent, uilipendentes Tartaros. Quod Polonis Inuidia, hoc Hungaris presumptuosa Superbia ministravit. Nam Tartari irruentes strauerunt plurimos et usque ad mare Belam regem Hungarie sunt secuti.

[30] Bati uero in Hungaria existens percepta morte Occoday can, qui impocionatus perijt a sorore et sepultus est cum diuite in inferno, statim redijt in Comaniam. Quem eciam uiderunt fratres ibidem ad dominum papam a Tartaris redeundo. Dicunt preterea fratres quod iam ad Cuiuc can ex ipsius imperio reuertatur. Insuper inter eos est discordia magna, que si processum habuerit, christiani poterunt per plures annos a Tataris respirare.

[31] Secundus autem exercitus, cui preerat Gyrpodan, qui iuerat contra meridiem, subiugauit terram que appellatur Kirgiz. Homines terre huius pagani sunt nec habent pilos in barba, et cuiusque pater moritur, ab vna aure usque ad aliam per mentum incidit

corrigiam, de morte patris ostendens gemitum et dolorem. Item subiugauit Armeniam, item Georgianiam, item Nubiam, item Turciam, item Baldac et Sarracenorum soldanos, alios quamplures. Iste adhuc soldanum Damasci dicitur impugnare.

[32] Tercius autem excercitus pugnat contra quosdam orientales, qui adhuc non subiacent per omnia dominio Tartarorum.

[33] Mortuo igitur Occoday can Tartarj caruerunt can vii annis et ideo ad plagam occidentalem minime pugnaverunt. Presentibus autem fratribus nostris Cuiuc, filium eius, in can per vnus arbitrium elegerunt. Qui mox ut electus est erexit vexillum triumphale contra dei ecclesiam et christianorum imperium et regna omnia occidentis, et de omni sua fortitudine destinauit partem terciam ad bellandum. Veniunt autem xviii annis continue pugnaturi, nec apreciantur, qui[n] nec potentem nec imperatorem neque reges [reuerentur], et quamuis sciant quod debeant interfici medio tempore [a] christianis, nec tamen diem neque terram in qua hoc deus disposuerit fieri, ut ex insperato sanguinem inultorum ulciscatur deus ulcionum.

[34] Nomina autem terrarum quas subiugauerunt Tartari sunt hec: Kytai, Solangi, Etyopia, Vóyrath, Keranite, Buritebet, Vihur, Kyrgiz, Saruihur, Merkit[e], Mecrit, Nayman, Karakitai, Turkia, Nubia, Baldac, Vrumsoldan, Bisermini, Cangite, Arm[i]enia, Georgiania, Alani qui dicunt se Azzos, Circasi, Gazari, Comani qui dicunt se Kusscar, Mordui, Bascart, id est magna Vngaria, Billeri, Corola, Cassidi, Parossiti, Canina, Zamogedi, Nestoriani, Nusia,* Persarum Soldani (omnes isti Sarraceni per se vocantur).

[35] Descriptis igitur bellis Tartarorum et vnde ortum habuerint, ubi etiam eorum terra sit nunc [dicendum est].** Sciendum est, quod terra eadem est in parte aliqua montuosa multum, in aliqua plana valde. Infertilis quia arenosa est, in aere nimis distemperata,

* Рукописное *Nusia* оставляют в тексте оба издателя, хотя для них очевидно, что речь идет о *Rusia*.

** Книпкенс предлагает следующее чтение: *Descriptis igitur bellis Tartarorum et unde ortum habuerint, ubi etiam eorum terra sit, nunc sciendum est quod terra...*

et hoc forte ratione moncium et pla[ni]ciei. Ventis fortissimis habundat: sunt etiam ibi fulmina, tonitrua et tempestates et extra tempus. Dicebant enim fratribus, quod a paucis annis incepissent mirabiliter apud eos tempora immutari. Nam sepe nubes contra nubes iuxta terram quasi pugnare videntur. Dicebant enim preterea quod parum ante aduentum fratrum ad eos ignis de celo descendit et consumpsit equorum multa milia et pecorum cum seruis omnibus pascentibus preter paucos. Fratribus autem presenti bus in electione can, id est imperatoris, tanta grando cecidit, quod ex sui resolutione subita plus clx homines submersit et res cum habitaculis procul duxit, fratrum uero habitaculum, quod prope erat, penitus non offendit. Fratribus insuper uidentibus et cum alijs hoc idem patientibus maximus uentus exurgens tantum puluerem excitauit, quod nemo equitare poterat neque stare.

[36] Isti Tartari sunt stature mediocris generaliter et satis graciles ratione lactis iumentini, quod subtilem facit hominem, et laboris. In facie uero sunt lati, genas prominentes habentes, coronam preterea sicut nostri clerici habent in capite, a qua radere [solent] uersus utramque aurem spacium trium digitorum. In fronte uero habent crines usque ad supercilia, in modum lunule depectentes,* reliquos autem crines componunt et nectunt sicut Sarraceni.

[37] De vestibus eorum sciendum est, quod uniformes uestes habent viri cum feminis, et ideo non subito disnoscentur. Et quia hec magis curiosa quam utilia uidentur, idcirco de uestibus cetera et ornatu eorum scribere non curaui.

[38] Domus eorum staciones vocantur et sunt rotunde, facte de uirgis et de sudibus. Superius rotundam habent fenestram propter fumum et lucem. Tectum et hostium sunt de filtro. Differunt tamen in quantitate et duci possunt; secundum quod quantitas exigit, [unus bos uel tres uel quatuor uel etiam plures sufficiunt] ad portandum. Staciones can et principum 'ordea' Tartarice appellantur. Villas non

* В рукописи: *deprehendentes*; этого же чтения придерживается Пейнтер. Оннерфорс исправляет на *depectentes*; Книпкенс предлагает следующее чтение: *crines usque ad supercilia in modum lunule depectentes*.

habent, sed in diuersis locis per staciones ordinantur. Ciuitatem vnā habent que Caracaron dicitur, iuxta quam fratres nostri fuerunt ad dietam dimidiam quando erant apud Syram ordea, imperatoris scilicet curiam meliorem. Habent fomentum ignis non nobiles et simplices propter lignorum paucitatem nisi de boum stercorebus et equorum.

[39] Tradicione quorundam [religionum] eorum Cingis caninuē extitit, sed plurimos auctores fratres inter eos longo existentes tempore minime inuenerunt. Credunt tamen vnum deum creatorem rerum uisibilium et inuisibilium et datorem bonorum in hoc seculo pariter et malorum. Nec tamen ideo eum venerantur sicut decet, habent enim ydola diuersa. Quasdam ymages hominum de filtro habent quas ponunt ex utraque parte hostij stacionis super ubera de filtro similiter, et has affirmant esse custodes pecorum et eis offerunt lac et carnes. Sed quedam ydola ceric[e]a plus honorant ponentes super currum tectum ante hostium stacionis, et si quis in eo quid furatus fuerit mox necatur. Millenarij autem et centenarij pellem ircynam repletam feno uel stramine habent in medio stacionis, offeruntque ei lac omnis generis. Ydolo uero quod est in curru comedere siue bibere incipientes offerunt cor animalis in scutella quod mane auferunt et manducant. Fecerunt preterea primo Cingis canidolum quod ante stacionem cuiuslibet canis ponunt offerentes ei munera. Equi autem qui ei offeruntur ulterius non equitantur. Animalia eciam que occidunt ad manducandum ei prius offerunt, os animalis non confringunt. Eidem ydolo inclinant ad meridiem quasi deo et ad idem multos compellunt, precipue nobiles subiugatos.

[40] Vnde nuper accidit, quod dominus Michael de maioribus Rusie ducibus, dum se eorum dominio subiaceret et nollet dicto ydolo inclinare, dicens hoc illicitum esse christianis, et dum constans in fide Christi persisteret, iussus est calce pedis ad precordia percuti ad destrum. Exortante autem eum milite suo ad constanciam martyrii guttur ei cuttello precisum est et caput amputatum militi exhortanti. Libant eciam munera soli, lune, aque, terre, et hoc precipue mane facere consueuerunt.

[41] Habent preterea quasdam tradiciones a Cingis canis, quas obseruant: qui statuit ut interior grossicies ventris animalis, sicut

dictum est superius, per apercionem uiscerum non purgetur sed exprimatur manibus et uenter sic purgatus ad comedendum preparetur. Item si quis per superbiam auctoritate propria can esse voluerit, mox necatur. Ideo ante electionem Cuius can nepos Cingis can occisus fuit, quia ad imperium aspirauit. Item statuit ut omnes terras mundi subiugarent et cum nullis pacem facerent, nisi simpliciter se eis redderent sine pacto, et tunc precepit, quod omnes nobiliores interficiantur, rusticis reseruatis. Prophetatum est etiam eis, quod ad ultimum debent omnes interfici in terra christianorum, pauci tamen residui tenebunt legem terre, in qua patres eorum diuersis mortibus occiduntur. Item statuit esse tesserarios in exercitum decanos, [centenarios], millenarios et decamilenarios, id est decem milia sub vno, quod Ruteni solent 'tumbas'* appellare.

[42] Ex terrore preterea patrum suorum peccata quedam asserunt esse magna. Vnum est figere ignem uel quoquomodo tangere in cutello. Item carnes de caldario extrahere cum cutello. Item iuxta ignem ligna scindere cum securi. Post hoc enim caput ignis asserunt amputari. Item appodiari ad flagella equorum (quia calcaribus non utuntur) uel flagello sagittas tangere uel iuuenes auiculas de nido accipere. Item cum freno equum percutere. Item in stacione urinare, quod si facit voluntarie, tunc necatur, si non oportet ut pecuniam cantatori, qui purificet inter duos ignes, per ipsos stacionem cum rebus faciens pertransire; et priusquam fiat hoc nullus audet res stacionis attrectare. Item si quis morsellum, siue bolum, quod idem est, sibi impositum de ore eicit deglutire non preualens suffoditur stacio eius et per illud foramen extrahitur et mox necatur. Item si quis calcit limen stacionis ducis absque misericordia uita caret. Ideo fratres nostri super limen docti fuerant non calcare. Item peccatum reputant in terra sua sponte lac effundere iument[um], et quando fratres dicebant eis peccatum esse humanum sanguinem fundere, jnebrari, aliena rapere et huius[modi cetera], ridebant et penitus non curabant. Non enim credunt esse sanctorum uitam eternam

* Оннерфорс принимает исправление, предложенное Пейтером (Painter, p. 90, n. 6), заменившего неясное *tumbas* на *tenebras* 'туман, тьма'; правомерность замены подтверждается чтением параллельного пассажа у брата Иоанна: *pro hac uoce tenebras habet*.

nec dampnationem perpetuam, sed tantummodo quod post mortem uiuant iterum et greges multiplicant et manducent. Attendunt eciam ueneficia et incantationes. Responsa uero demonis credunt dei, quem deum appellant Iuga, sed Comani Codar. Nec cogunt quempiam fidem suam relinquere dum modo per omnia eis obediat in preceptis. Alioquin cogunt uiolenter aut occidunt. Vnde fratrem iuniorem ducis Andree in Rusia, quem falso iudicio interfecerunt, coegerunt fratris relictam accipere, eciam [in] eos in vno lecto coram alijs publice componentes.

[43] Item in principio lunacionis uel in plenilunio solent incipere quodque opus. Item dicunt lunam magnum esse imperatorem et genibus flexis adorant eam. Solem uero dicunt esse matrem lune eo quod ab eo lumen recipiat et quia ignee nature est, quam ipsi pre omnibus reuerentur. Credunt enim per ignem omnia purificari. Vnde nuncios qualescumque et munera que portant inter duos ignes ad dominos eorum transire oportet, ut venenum si quod portauerint aut malerificium expurgetur. Qua de re ad [curiam inter] ignes transiuerunt eciam fratres nostri.

[44] Cum aliquis inter eos infirmatur grauiter, hasta nouem cubitorum circumdata filtro nigro erigitur circa stacionem eius, et extunc nullus alienus audet intrare terminos illarum stacionum. Cum autem agonizare ceperit, raro aliquis apud eum remanet, quia nullus posset qui morti interesse[t] ordan ducis alicuius aut imperatoris introire, nisi prius nona* lunacio inchoaretur.

[45] Quod si diues moritur, occulte in campo sepellitur cum stacione sua sedendo in ea et cum alueolo pleno carnibus et cifo lactis iumentu[ni]. Sepellitur eciam cum eo iumentum cum pullo, equus cum freno et sella, arcus cum *pharetra* et sagitis. Vnum autem equum comedunt amici et coreum eius repleto feno eleuatur super ligna. Credunt quod hijs omnibus indigeat in futuro, iumento scilicet ad lactandum, equo ad equitandum, et sic de alijs. Simili modo ponitur aurum et argentum.

* Очевидная ошибка переписчика рукописи. По мнению издателей, «девятый месяц» следует заменить на «новый месяц», ср. у брата Иоанна: *ad nouam lunationem* (LT, III. 11).

[46] Quosdam eciam maiores sic sepeliunt: Vnam occultam foueam in campo faciunt, cuius orisum est quadrum et satis paruum, interius autem ad utramque partem dilatatur, et aliam faciunt prope staciones publice et aperte, in quam se mortuum simulant sepelire. Seruum uero, quem pre ceteris dilexit in uita, ponunt sub corpus mortui sepulcro apperto remanente; qui si tercio sub eo agonizando surrexerit, liber erit et in tota parentela illa honorabilis atque potens. Post hoc sepulcrum operientes iumenta seu peccora e[x]ci[t]ant per noctem desuper locum, ut planato loco non possit ab extraneis thesaurus cum eo positus inueniri. Quandoque eciam prius reposita gramina supponunt.

[47] Duo preterea cimiteria habent in terra propria, vnum simplicium, aliud imperatorum, ducum et nobilium, et si quo modo fieri potest, de omnibus terris in quibus occiduntur ad istud mortui nobiles redducuntur, sicut de hijs factum fuit qui in Vngaria fuerunt interfecti. Si quis ad hoc cimiterium accesserit exceptis custodibus male multimodis pertractatur. Vnde et fratres nostros, qui ignoranter intrauerant, offendissent grauiter, quin fuissent nuncij magni pape, quem vocant Tartari 'yul boba', id est 'magnus papa'.

[48] Mortuo autem aliquo oportet purificari omnia que ad eius pertinent stacioni. Preparantur itaque duo ignes, iuxta quos eriguntur in directum due haste [in directum], in cacumine colligate zona, habente in se quasdam scissuras de bukerano alligatas. Sub hac zona inter hastas et ignes oportet transire homines, bestias et stacionem. Due autem incantatrices stant hinc atque inde aquam proicientes et carmina recitantes. Quod si currus transeundo frangitur seu [t]res aliquae ceciderint, mox eas incantatrices accipiunt ipso iure. Similiter si quis a tonitruo percussus moritur, omnia que habuit contempnuntur ab hominibus, quousque dicto modo fuerint expurgata.

[49] Quotquot possunt in expensis tenere uxores, tot habent. Emunt autem eas generaliter omnes, ideo sunt quasi proprie preter nobiliores, et dicunt indifferenter excepta matre et filia et sorore ex eadem matre. Nouercam mortuo patre ducunt et relictam fratris junior frater uel cognatus. Vxores faciunt omnia opera, scilicet calceos, pellicea et huius[modi] cetera, viri sagittas tantummodo et exercent cum arcubus sagitando. Compellunt eciam pueros trium

aut quatuor annorum hoc similiter excercere. Mulieres preterea quedam et precipue uirgines utuntur sagittis et equitant generaliter sicut uiri. Si qui in adulterio et stupro deprehensi fuerint, uir et mulier pariter occiduntur.

[50] Obediunt preterea dominis suis plus quam ceterae nationes aut etiam religiosi prelatis suis, et eo potius quo apud eos transgressoribus locus misericordiae non prestatur, et ideo imperator eorum habet eos ad omnimodam potestatem. Nam siue ad mortem siue ad uitam mittuntur, celerius explere hoc oportet. Potest etiam imperator tollere sibi quando uult filias aut uxores quorum uult [filias] aut sorores; * postquam autem eas habuit et pro se retinere noluerit, tribuit ei cui placet.

[51] Nunciis, quos mittit uel qui mittuntur ad ipsum, dantur gratis expense et equi subducticij, extraneis tamen nuncijs dantur expense tenues. Nam duo uel tres comederent, quod v hominibus ministratur. Ideo quae quot et qualia mala fratres nostri passi fuerunt perhoresco scribere, cum et ipsi qui hoc tollerauerunt fratres mirentur, qualiter ipsos contra naturam humanam sustentauerit gracia Iesu Christi. O quam sepe plus quam xxx boemica miliaria una die equitabant super equos subducti[c]ios Tartarorum non gustantes panem neque aquam, sed tantummodo in meridie aut in nocte parumper de tenuissimo brodio cocti milij uix habebant. Nec mirum, si tantum equitabant; deficientibus enim equis etiam priusquam pausare poterant alios fortes et recentes Tartari aducebant.

[52] Ad imperium etiam cunctae omnes manent stationes et mouentur; ipse namque assignat loca ducibus, qui millenarijs, qui centenarijs, qui decanis. Omnes insuper nobiles et pauperes auarissimi

* Оннерфорс принимает чтение Пейнтера. Однако по смыслу этот пассаж выглядит более чем странно, поскольку в нем утверждается, что император может взять себе дочерей, жен или сестер у кого бы то ни было. Книпкенс предлагает остроумное решение для объяснения возникшей у копииста ошибки, связанной с переносом слова *filias*. Мы принимаем чтение Книпкенса: *Potest etiam imperator tollere sibi quando uult ut uxores quorum uult filias aut sorores*, тем более что оно подтверждается соответствующим пассажем в тексте брата Иоанна (LT, V. 22), где говорится, что хан дочерей и сестер берет *как* жен.

sunt et maximj munerum extorsores. Statim eciam si [si] munera non recipiunt, multa fame ac cause protellacione nuncios affligunt, ita ut qui sponte dare neglexerint cogantur offerre munera postmodum sine sponte. Hinc est quod fratres nostri elemosinam bonorum hominum, quam peragendo precepto [et] nuncio sedis apostolice spirituali acceperant, pro magna parte in muneribus expendunt. Alioquin multum fuissent in negotio vniuersalis ecclesie impediti pariter et contempti.

[53] Item hominum aliarum nacionum sunt latissimj contemptores. Vnde eciam interpretes Tartarici, licet contemptibiles, precedunt tamen nuncios sibi commendatos in ambulando et sedendo siue sint nuncij uel legati sedis apostolice siue regum. Item nullam ueritatem seruant alienis. Sunt enim multa bona in principio promittentes sed ad ultimum infinitas crudelitates inhumaniter exercentes. Eorum namque promissio est ut scorpio, qui licet facie blandiri uideatur percutit tamen subito caude aculeo venenoso.

[54] Item inebriantur suoer omnes naciones huius mundi. Quodcumque enim de nimia potacione per uentrem se euacuant, bibere statim in eodem loco incipiunt iterato, et hoc in die vna sepius facere consueuerunt. Solent preterea lactis bibere omne genus. Item omnia immunda comedunt absque modo, lupos, uulpes, canes, morticina, adluu[i]ones, mures, et in necessitate carnes humanas. Similiter et inter volatilia nulla reiciunt sed comedunt munda pariter cum [im]mundis. Pannis et mensalibus ad prandia non vtuntur et ideo jmmunde comedunt super modum. Scutellas raro et pessime lauant. Simili modo fit de coclearijs.

[55] Sed tamen inter se pacifici; fornicacio et adulterium inter eos perci[pi]tur valde raro. Mulieres eorum castitate excedunt feminas aliarum nacionum excepto quod in trufa sepe proferunt uerba impudica. Furtum inter eos esse non consueuit; ideo staciones et omnes res earum non serantur. Si qui autem equi aut boues aut aliqua huiusmodi inuenta fuerint, aut libere ire permittuntur aut ad proprios dominos reducuntur. Habundant enim equis et jumentis, bobus, vaccis et ouibus magis quam aliqui homines super terram. Satis eciam humani sunt inter se et res suas libenter communicant ad jnuicem concedendo. Pacientes preterea sunt multum. Sepe namque licet per diem aut per duos nichil comedant, tamen cantant et

iocantur tamquam peroptime manducassent. Libenter [namque] eciam vnus alium promouet ad honorem. Raro autem sediciones inter eos excitantur, nec mirum si seruant talia, quia, vt dixi superius, transgressores inter eos absque misericordia puniuntur.

[56] Nunc de prelijs eorum et qualiter eisdem occurri possit breuiter est notandum. Quandocumque Tartari terras aliquas proponunt impugnare, exercitus, qui ad eas dirigitur expugnandas, cum omnj familia, uxoribus uidelicet, pueris et ancillis, tentoriis et omni superlectili cum armentis et ouibus in curribus et in equis properat valde caute ducens secum in maxima multitudine arma, arcus, pharetras et sagittas. Cumque Tartari propinquare ceperint, premittunt uelocissimos cursores, qui terreant ex insperato homines et occidant, [et] ne possit contra eos exercitus subito congregari. Quod si obstaculum non habuerint, procedunt semper, et multitudo sequitur cum suis omnibus satis plane.

[57] Si autem uiderint turbam insuperabilem confestim ad suos resiliunt et exercitum ordinant tali modo. Robur exercitus disponunt circa uexillum triumphale in medio cum multitudine copiosa, in cuius lateribus duas minores ponunt, vtrimque vnam, parum distantes et eminentes ante magnam. Paucos autem relinquunt in custodia mulierum, debilium, puerorum et eorum que duxerunt.

[58] Cum itaque congredi debent cum hostibus, plures ex ipsis se pluribus muniunt pharetris et sagittis, et antequam aduersariorum eos possint sagitte attingere, suas dirigunt, quandoque eciam ante tempus ad plenum iacere non valentes. Quando vero sine obstaculo sagittis possint attingere, compluere potius dicuntur quam iacere cum sagittis, et hoc propter sagitarum nimiam densitatem. Quod si hostes incautos reperierint, circundant eos in modum corone subito dimittentes eis vnicam viam ad fugiendum. Eos impetunt iaculis ualde absque modo ita ut si quis in medio exortus non fuerit, pereat fugiendo. Qua de re melius arbitror pugnando bene mori quam circumspicere malam fugam.

[59] Notandum preterea, si eis prosperatum fuerit, quod semper procedendo ordinant post tergum staciones per millenarios [uel] centenarios, secundum quod eis expedit, cum hominibus et iumentis, ordinant tamen viciniore sibi forciores et maiores staciones.

[60] Et si que ciuitates siue castra in terris, quas expugnauerunt, manserunt, et bene possunt subsistere ante eos, ubi sagitarum impetus potest dirigi et iactus machinarum; et ubi expense, cibi et potus defuerint aut ligna, potest tamen situm loci supplere fortitudo aut audacia interclusorum. Sic in terra antiquorum Saxorum fuit factum,* qui sepius pauci egressi de ciuitate plures ex Tartaris occidebant et mulieribus extinguentibus succensam ciuitatem a Tartaris viri menia deffendebant; necnon egressos Tartaros jn medio ciuitatis per viam subterraneam peremerunt et reliquos fugauerunt. In nullis autem siluis abscondi possunt homines ubi estate et hyeme accedi potest; morantur homines tamquam feras. In mari tamen securitas est et in locis superius pretaxatis.

[61] Qualiter autem Tartaris sit occurrendum satis intelligi potest ex diuersis regum Machabeorum hystorijs, ubi et precedentes sagittarij excercitum et insidie hostibus diuersimode posite describuntur. Summe tamen necessariam arbitror pacem princip[i]um ob hoc factam, ut in vnum congregati ex aduerso hostium tres aut plures excercitus ordinent, prout pugnancium qualitas hoc exposcit, ex latere nichilominus [in] insidijs in equis optimis adaptatis. Ballistarij vero ad minus tribus ordinibus ante excercitus disponantur, qui iacere sagittas debent prius eciam quam possint Tartarorum aciem attingere, bono modo, ut sit tempestiue, [ne] nostrorum** acies aut fugiat aut turbetur. Quod si hostes fugam ceperint, ballistarij eos cum sagittarijs arcuum necnon et hijs qui sunt in insidijs persequantur, paulatim excercitu subsequente. Si autem alii ballistarij non fuerint, tunc faleratis equis utentes ponantur anterieus, qui se inclinantes sub fortissimis clipeis iunctis in equorum frontibus sagitta[rio]s confundant subito Tartarorum. Cetera de bellis supplenda relinquo hijs qui in huiusmodi sunt excercicio edocti experimento plus quam scripto.

[62] Vestre igitur paternitati supplico, quatinus, si qua minus ordinate in scripto posui, non voluntati sed ignorancie mee pocius imputetis. Actum ab incarnatione domini m^o. cc^o. xl^o. vii^o iii^o kalendas augustj. Explicit vita et hystoria Tartarorum.

* Пейнтер и Оннерфорс читают рукописное *situm* (*sit*) и исправляют на *sic*. По мнению Книпкенса, следует читать *sicut*.

** М. Плезия читает термин *nostrorum* как *ipsorum*, см.: Plezia M. Das taktische Kapitel der neuentdeckten «Historia Tartarorum» // Philologus 115. 1971, ss. 234–239.

«ИСТОРИЯ ТАРТАР» БРАТА Ц. ДЕ БРИДИА

Начинается История Тартар

[1] Почтеннейшему отцу, брату Богуславу, управителю братьев миноритов в Богемии и Польше, брат Ц. де Бридиа,* наименьший среди младших [братьев] с сыновьим послушанием [являет свое] подчинение как с чувством долга, так и преданно! Совершенное послушание накладывает такую обязанность, что тот, кто желает достичь в нем совершенства, приблизился бы одинаково охотно не только к легкому, но также и к трудному [делу], согласно воле своего наставника. Послушный Вашей отцовской милости, я вкратце переложил на письмо, хотя это и было выше моих природных сил, то, что я понял о тартарах [из общения] с почтенными братьями нашего ордена, а именно с братом Иоанном, легатом апостольского престола⁽¹⁾ ко всем внешним [за пределами христианской Церкви] народам, и при этом в первую очередь к [нечестивым]** тартарам⁽²⁾, и его спутниками — братом Бенедиктом Поляком и братом Чеславом Богемским. При этом я опасался излишне утомить читателей и [стремился к тому], чтобы Ваше благочестие, когда Вы слушаете это, вознеслось бы в восхвалении Его и, в равной степени, любви [к Богу] и, узнав об [этих] землях, [вы сумели бы] извлечь то полезное из чудесных суждений всемогущего Бога, доселе скрытых, но которые уже в конце столетий прояснятся и в которых приближается искупление святых.

* По мнению Пейнтера, название города *Bridia*, скорее всего, искажено. Если *C. de Bridia* был уроженцем Восточной Европы, о чем свидетельствует его знание польского или, возможно, греческого, то речь идет о городе Бриг (Brieg) в Силезии, см.: *Painter*, p. 54, п. 1.2; другие возможные интерпретации см.: *SDŚ*, s. 83–84.

** Предполагается, что в оригинале эта характеристика отсутствовала. По крайней мере, ни в одной из рукописей книги брата Иоанна резко негативного отношения к монголам не высказывается.

[2] Итак, следует знать, что, согласно тартарам и некоторым другим [народам] обитаемого мира, * его устройство делится на две главные [части], а именно Восток и Запад, широко распростершиеся от [точки] восхода солнца до [точки] его захода в зимнее и летнее время. Запад же начинается от земли Ливонии и простирается от Пруссии до самой Греции и непосредственно за нее и включает в себя Вселенскую Церковь католической веры. ** Поэтому и тартары называют папу [римского] « великим папой » всего Запада. *** А прочая же часть, именуется Восток, в которой расположена земля тартар ⁽³⁾, где восток соединяется с севером, соседствуя с северным морем-океаном, и называется Моал ⁽⁴⁾.

[3] И был же в этой [земле] некий муж из некоего знатного рода, но нравов жестоких, по имени Чингис, от которого тартары и повели [свое] начало. Он с малым [количеством] людей своих начал захватывать добычу. В конце концов, став более жестоким, он тайком захватывал людей и присоединял [их] к владычеству своего беззакония. И когда он собрал себе тридцать сообщников и впал в явное безумие, тогда он полностью подчинил своей власти всю землю, в которой он родился, то есть Моал ⁽⁵⁾. Сделав это, он, будучи нрава высокомерного, начал стремиться к большему и, собрав войско, выступил в землю соседнюю, прилегающую к ним со стороны востока, которая ими же называется Су-Моал, то есть водные монгалы, ведь су по-тартарски означает на латыни *aqua* (вода) ⁽⁶⁾. Моал [по-тартарски] — земля, монгали — означает [имя] жителей земли. Однако сами [они] называют себя тар-

* Вероятно, это отражение слов из письма Иннокентия IV к хану Гуюку от 13 марта 1245 г.: *mundialia elementa machinae*, см.: Painter, p. 55, n. 2.1.

** Это разделение между Западом и Востоком скорее политико-религиозное, чем географическое, так как вместо традиционного меридиана Иерусалима или разделительной черты по Танаису восточная граница Римской Церкви взята как разделяющая линия.

*** В «Хронике» брата Салимбене Пармского приводится рассказ брата Иоанна, согласно которому великий хан Гуюк спросил у папского посла, кто наиболее могуществен на Западе — папа или император, и брат Иоанн, исполненный сознанием долга, отвечал: папа.

тары от [названия] большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Татар⁽⁷⁾. Ибо *tata* на их языке означает на латыни *trahere* (тащить), а *tartar* — *trahens* (тянущий). Они сами себе назначали вождя, а в то время они поставили над собой вождя, по имени Каули,* победив которого, Чингис [его] поверженных людей присоединил к своему войску. Потому что он привык побежденных всегда присоединять к себе, чтобы доблестью большей силы превосходить другие земли, таким же образом, как это со всей очевидностью проявляется в его потомках, которые суть последователи самого коварства.

[4] Оттуда со всем войском он устремился к земле, называемой Меркит, прилегающей к тартарам со стороны северо-запада, и властной рукой подчинил ее своему владычеству. После того как он увеличил мощь своего войска, он вступил в землю, прилегающую к Меркит, которая называется Мекрит⁽⁸⁾, и немедленно ее себе подчинил. Эти четыре [народа], а именно Моал, су-моал, меркит и мекрит, едины по языку, но [все же] немного отличаются друг от друга, как, например, богемцы, поляки и русские, или как римляне, ломбардцы и фриульцы, или же как австрийцы, тюринги и швабы, или саксонцы, фламандцы и вестфальцы. Люди этих земель внешне очень похожи друг на друга.

[5] После этого Чингис, собрав войско, выступил в направлении земли, которая называется Уйгур⁽⁹⁾. Жители этой земли были христианами и [принадлежали] к учению несториан. Подчинив их, монголы переняли их буквы для писания, [потому что] раньше они не пользовались буквами⁽¹⁰⁾. И затем они вернулись в свою землю.

[6] Вскоре после этого Чингис, наскоро собрав более мощную силу, пришел в восточную землю под названием Эзурс-

* *Cauli*. Такого имени в монгольских источниках нет. Пейнтер предположил, что это искаженное *Kao-li* — название правящей династии в Корее, которую, например, брат Вильгельм де Рубрук называет *Caule*, см.: *Painter*, p. 56, n. 3.4. Китайское название Кореи — Каоли известно и Марко Поло, см.: *Марко Поло*, с. 102.

какита. Однако люди этой [земли] называют себя китаи, и монгалы и остальные три области, говорящие на их языке, когда-то платили им дань. Эта земля велика и очень обширна, и была она очень богата, и император [ее] был могущественный и деятельный. И когда до него дошли такого рода слухи, он крайне разгневался и в некоей бескрайней пустыне напал на Чингиса и его войско с великим множеством [воинов], и такое поражение было нанесено монголам, что из [знатных] мужей монгальских спаслись всего лишь семеро, однако множество людей из других племен бежали. Увидев это, названный выше император пренебрег даже [тем, чтобы] собрать добычу, принадлежащую убитым. А Чингис же, тайным образом сбежав в [свою] землю, на некоторое время смирил свое коварство⁽¹¹⁾.

[7] Есть же некая земля, прилегающая к тартарам с западной стороны, очень гористая и чрезмерно холодная, которая называется Найман⁽¹²⁾. Правителю этой земли тартары и все окрестные области в то время выплачивали царственную дань. Он умер в то время, когда Чингис отдыхал от сражений. Однако он [правитель найманов] оставил наследниками своего царства трех маленьких сыновей. Услышав это, Чингис возжаждал [завладеть] царством мальчиков и, собрав войско, начал вторжение в царство найманов. Они же, увидев его мощь, отступили назад и, объединившись с кара-китаями, то есть черными китаями, [ибо] *кара* по-тартарски означает на латыни *nigrum* (черный)⁽¹³⁾, напали на монгалов в некоей долине между двух высочайших гор и, заняв дорогу, которая открывала единственный проход в землю [найманов] с этой стороны, сопротивлялись в течение очень длительного времени. Через эту долину и эту землю проехали братья нашего ордена, держа путь к тартарам. Наконец, несколько монгалов [со своими людьми] пересекли более низкие горы в значительном удалении от войска, а другие [прошли] по самым отвесным скалам, доступным только горным козлам, через которые также брат Бенедикт пытался проехать верхом, но тартары его не пустили, чтобы он не погубил лошадь и самого себя. А оставшиеся же подошли к боевому строю войска [найманов], и, таким образом, со всех сторон [войска] найманов за-

вязалось очень большое сражение, в котором большая часть их погибла, а оставшуюся [часть] Чингис подчинил своей власти. Тогда, убив трех сыновей правителя [найманов], Чингис с увеличившимся войском вернулся восвояси ⁽¹⁴⁾.

[8] Затем [Чингис] пошел войной на юго-восток и захватил четыре земли, а именно Войрат, Сары-уйгур, Каранитов и Космир [Кашмир] ⁽¹⁵⁾. И затем он снова вернулся восвояси.

[9] Но поскольку жажда власти не позволяла ему пребывать в бездействии, собрал он всю огромную мощь, какую только мог, и выступил против императора китаев. В конце концов после длительной войны, обратив в бегство войско императора, самого императора осаждал в столице, очень сильно укрепленном городе, до тех пор пока осаждающие, вследствие величайшей нужды, были вынуждены съесть по приказу Чингиса [каждого] десятого человека из десятки. А осажденные же, когда у них проявился недостаток в стрелах и камнях, начали метать во врагов серебро, особенно расплавленное. Ибо в этом городе богатства такого рода находились в изобилии. И в конце концов осаждающие сделали подземный ход до самого центра города, через который ночью ворвались в город и, убив императора с влиятельными [людьми], завладели всем, что в нем было ⁽¹⁶⁾. Итак, Чингис, приведя в порядок часть земли, которую он завоевал, с радостью вернулся восвояси. Есть также некая часть земли, прилегающая к морю, которой вплоть до сегодняшнего дня тартары не могут завладеть. С этого времени Чингис начал именоваться *каном*, что означает «император» ⁽¹⁷⁾.

[10] А вышеназванные китаи, хотя они и язычники, имеют тем не менее Новый и Ветхий Завет и особые письмена, [а также] многочисленные жития отцов [Церкви]. Имеют они также отшельников и дома, [построенные] наподобие церквей, в которых они молятся в установленное время. Кроме того, они говорят, что у них есть некие особые святые. Они поклоняются единому Богу и верят в господу Иисуса Христа; верят также в вечную жизнь. Они дают щедрую милостыню и

уважают христиан, хотя совершенно не соблюдают [обряд] крещения. Бороды у них нет, и они не [столь] широки в лице, как монгалы, и у них особый язык.

[11] Итак, когда Чингис стал именоваться каном и год отдыхал без войн, он в это время распределил три войска [идти воевать] в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле⁽¹⁸⁾. Одно он отправил со своим сыном Тоссуком, который тоже именовался каном, против команов, которые обитают над Азами в западной стороне, а второе с другим сыном — против Великой Индии на юго-восток.

[12] А сам же он [т. е. Чингис-кан] вместе с третьим [войском] направился к горам Каспийским. Миновав землю, называемую Солангия⁽¹⁹⁾, в то время не подчинив ее себе, он все время, в течение трех месяцев, не встречая людей, шел через пустыню. Когда же он достиг окрестностей гор Каспийских, где, как говорят, Александром заперты были иудеи, которых остальные иудеи именовали Гог и Магог, тут-то вот вдруг все железные вещи (стрелы из колчанов, ножи и мечи из ножен, стремяна от седел, трензеля от уздечек, конские подковы, панцири с людей, шлемы с их голов) с грохотом и величайшей скоростью устремились в сторону гор. Причем (как сами они, вспоминая эти события, рассказывали нашему брату Бенедикту с каким-то весельем), железные вещи потяжелее — панцири и шлемы, которые были вынуждены нестись по земле к горам с большой стремительностью, подымали чрезвычайно густую пыль и сильный грохот. Поэтому их охватили слепота и чрезвычайный ужас. Считают же, что эти горы [состоят] из адаманта⁽²⁰⁾.

[13—14] Итак, в страхе Чингис-кан бежал вместе с войском в направлении северо-востока, оставляя горы от себя с правой стороны. Наконец, двигаясь постоянно через пустыню еще в течение трех месяцев, он приказал, ввиду нехватки съестных припасов, съедать каждого десятого человека из десятки. По истечении этих трех месяцев он приблизился к земле у великих гор, которая называется Нараирген, то есть 'люди солнца', ибо *нара* по-тартарски переводится на латынь как

sol (солнце), [а] *ирген* — *homines* (люди). Когда он нашел переходы [через горы] и не обнаружил там ни одного человека, он и его приближенные безмерно удивились. Затем же, встретив [на своем пути] единственного мужчину с женой его, он через многочисленных переводчиков начал спрашивать о земле обитаемой, то есть где живут люди. И, узнав о том, что они живут в подземных домах, вырытых под горами, послал захваченного ранее в плен мужчину спросить их, хотят ли они выступить для сражения; его же жена осталась в плену. Но когда он возвращался, наступило утро и татары распростерлись на земле, обратившись в сторону восхода солнца из-за шума, произведенного восходящим солнцем, и многие из них здесь умерли. А жители же земли, узнав о врагах, напали на них ночью и многих из тартар убили. Увидя это, Чингис-кан с оставшимися людьми бежал, уведя при этом тем не менее с собой захваченную женщину. Впоследствии она, как сами тартары сообщали [нашим] братьям, в течение долгого времени оставалась с ними и утверждала, что названная земля, без сомнения, находится в крайних частях мира, на самом краю земли, за которой находится только лишь море-океан. Ибо там, где солнце и море сближаются в период летнего времени, слышится такой ужасный и такой страшный шум и гром из-за того, что солнце сталкивается с небесной твердью, что никто не осмеливается находиться под открытым небом на земле до тех пор, пока солнце не продвинется по своему зодиакальному пути на юг, дабы избежать смерти и не быть убитым громом или избежать другого вреда. Поэтому существует также [обычай] в это время бить в громаднейшие барабаны и в другие инструменты в пещерах [внутри] гор, чтобы грохотом барабанов защититься от шума солнца⁽²¹⁾. Эта земля, если перейти через горы, равнинна и плодородна, но невелика.

[15] Когда же Чингис-кан, будучи побежден, спешно возвращался со своими людьми из этой земли к себе домой и увидел на обратном пути Каспийские горы, то он не приближался к ним по причине прежнего страха. Однако видя, что из гор вышли люди вследствие грохота, произведенного ранее (из-за того что железные вещи неслись к горам), он

возжаждал с ними сразиться. А когда обе стороны стали приближаться друг к другу, тут-то вот их и разделило облако, встав посредине, как некогда [оно разделило] египтян и сынов Израиля. Поэтому вполне вероятно, что они — иудеи, которых Господь защитил и предостерег знаменiem [их] отцов. И каждый раз, когда тартары подступали к облаку, их поражало слепотой, а некоторых даже смертельным ударом. Однако они могли, как бы то ни было, видеть друг друга сквозь облако. А после того как они не смогли пройти с обеих сторон облака на расстоянии двух дней пути так, чтобы оно больше не стояло перед ними, они двинулись в дорогу своим путем.

[16] Итак, тартары, совершая путь пешком и слабея от голода, нашли кишки или все внутренности некоего животного, достаточно зловонные, которые, как они сами считают, были оставлены прежде, когда они в том самом месте ели; и когда кишки были принесены к Чингис-кану, он приказал [их] сварить, выжавши только большой кал руками, никоим образом не разрывая и не повреждая внутренности. Это и было сделано, и при таких обстоятельствах Чингис-кан вместе с прочими, уже почти умиравший от голода, [их] съел. И с тех пор Чингис-кан постановил ничего из внутренностей не выбрасывать, кроме большого внутреннего кала, о чем подробнее говорится [тогда], когда говорится о традициях [неписанных законах] тартар. Совершив эти вещи, он вернулся в свою землю и был поражен [ударом] грома согласно божественному приговору.

[17] А второе войско, посланное со вторым сыном Чингис-кана против индийцев, победило Малую Индию, то есть Эфиопию, в которой живут люди наичернейшие, и [к тому же] язычники⁽²²⁾. Когда же [тартары] достигли Великой [Индии], обращенной [в христианство] апостолом Фомой, царь [этой] земли, которого обычно именуют пресвитер Иоанн, тотчас, хотя и не был хорошо подготовлен к войне, послал против них войско. Они использовали против тартар некую новую и неслыханную хитрость: они подготовили особым образом три тысячи всадников, впереди которых на седла поса-

дили некие железные или бронзовые фигуры, которые содержали в своей полости живой огонь. И, прежде чем стрелы тартар могли их достичь, они начинали испускать огонь, раздувая кузнечные меха, которые располагались на седле под бедром каждой [фигуры]. Вслед за огнем они начали метать стрелы, чем войско тартар было приведено в беспорядок. Одни обожженные, а другие раненые, они пустились в бегство, [а] индийцы, преследуя их, перебили многих, а остальных изгнали из своих границ, так что впоследствии тартары к индийцам не возвращались. Сами тартары рассказывали нашим братьям, что индийцы расположили войско к бою, подняв воинов на стремянах над [крупам] коней. «И прежде чем мы успели понять происходящее, [говорили они], те внезапно опустились в седла, и в нашу сторону брызнул огонь, за которым последовали их стрелы. Таким образом, наше войско было обращено в бегство». Поскольку в течение следующих восемнадцати лет индийцы не видели тартар, то они им сказали через вестников: «Вы вторглись на нашу землю, как воры, а не как доблестные воины, но теперь знайте, что мы каждодневно готовы к вашему нападению. Так что несмотря на то, что вы сами не осмелитесь прийти к нам, ожидайте довольно скоро нашего нападения»⁽²³⁾.

[18] А тартары, не решаясь вернуться к себе домой раньше установленного Чингис-каном срока, дабы избежать смертного приговора, двинулись в юго-восточном направлении. Пройдя более месяца по пустыне, они достигли Земли псов, называемой по-тартарски Нохой-Кадзар. Ведь *нохой* по-тартарски означает на латыни *canis* (собака), а *кадзар* по-тартарски означает на латыни *terra* (земля). Они нашли там только лишь женщин без мужчин [и], захватив их в плен, остались на два [дня] возле реки, которая протекает посередине [этой] земли, а когда спросили [их] о мужчинах, каковы они и где находятся, [те] ответили, что [их мужчины] от природы — псы и что они, прослышав молву о врагах, переправились через реку. На третий же день обнаружилось, что все псы, которые обитали в [этой] земле, объединились, но, [поскольку] тартары насмехались над ними, они, переправившись через реку,

стали кататься по песку, который вследствие холодного времени замерзал на них. И так они проделали дважды и трижды, а поскольку псы были покрыты шерстью, то лед смерзся с песком на толщину ладони. Сделав это, они ринулись на тартар. Те же, смеясь, начали метать в них стрелы. Но поскольку им не мог быть причинен вред иначе, чем через рот и глаза, они уничтожили очень немногих. Псы же, быстрее добегая [до них], одним укусом валили коня, а другим душили татарского [всадника]. Итак, тартары, видя, что ни стрелы, ни мечи не могут повредить псам, пустились в бегство. Псы, преследуя их в течение трех дней [и] умертвив очень многих, изгнали их из своих границ. И таким образом обрели впредь мир от них. Некий тартар также рассказал брату Б[енедикту], что его отец был в то время убит псами. Кроме того, брат Б[енедикт] твердо уверен в том, что он сам видел среди тартар одну из песьих женщин, о которой он даже говорит, что она рожала от тартар, но [рожала] мальчиков чудовишных. А вышеописанные псы очень волосаты, они понимают полностью речь женщин, а женщины — [смысл] знаков псов. Если женщина рождает дитя женского пола, у него человеческий облик матери, [а] если мужского, то он делается псом, как отец.

[19] Возвращаясь восвояси из этой земли, тартары захватили землю, которую называют Буритебет ⁽²⁴⁾. *Бурит* означает 'волк', что хорошо подходит к жителям [этой] земли, которые имеют обыкновение, словно дикие волки, поедать, собрав родню, умершего отца. У них нет волос на подбородке, но, если волосы появляются, они выщипывают их железными щипчиками, изготовленными для этой цели. Кроме того, они очень безобразны.

[20] Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссуканом, сыном Чингиса, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен, во-вторых — бисерминов, затем — кангитов, [и] наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Коману ⁽²⁵⁾. А команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с тартарами между двумя ручейками — название одного из них Калк, а другого Кониуззу, то есть «вода

овец», ведь *кони* по-татарски означает на латыни *oves* (овцы), а уззу — *aqua* (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении ⁽²⁶⁾. Итак, когда тартары их победили, то возвратились в свою землю и на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно бастархов, то есть Великую Венгрию, которая соседствует с морем-океаном на севере ⁽²⁷⁾.

[21] От этой земли они пришли к паросцитам, которые высоки ростом, но щуплы и немощны. Имея живот маленький и круглый, в виде небольшой чаши, они никогда не едят глотая, но живут паром. Ведь у них вместо рта маленькое отверстие. И в то время, когда они варят мясо, положенное в горшок, они кормятся, ловя пар через [упомянутое] маленькое отверстие. А мясо, не заботясь о нем, бросают собакам. Итак, их [тартар] эти [люди] не заботили, потому что они испытывают сильное отвращение ко всему чудовищному. После этого они прибыли к неким [людям], которые называются самоеды. Но и эти люди их не заботили, потому что они люди бедные и дикие и живут только охотой. Наконец они прибыли к тем, которые зовутся *укорколон*. *Укор* по-татарски означает на латыни *bos* (бык), *колон* — *pedes* (ноги): [получается], так сказать, «ноги быка». Они же называются *нохойтерим*: *нохой* означает *canis* (пес), *терим* — *caput* (голова), то есть «голова пса», но на латыни же говорится *canina capita* (песьи головы). У них бычьи ноги вниз от лодыжек и человеческая голова от затылка до самых ушей, но лицо во всех отношениях как [морда] пса, и поэтому они именуются по своей отличительной части. Они говорят два слова, а третье пролаивают, и ввиду этого они также могут называться *псами*. Они также [люди] дикие и в беге соответствующим образом проворны. И они [тартары] последних сходным образом презируют. Итак, вернувшись в свою землю, они нашли Чингис-кана пораженным [насмерть] ударом грома.

[22] Кроме того, тартары сообщили нашим братьям, что они побывали в земле неких людей, у которых были только одна нога и одна рука [и] которым никто не мог причинить

вред вследствие скорости их [передвижения] и силы стрел. Ведь один [из них] натягивает лук, а другой пускает стрелу сильнее, чем любой [другой] народ. Говорят также, что своей скоростью они превосходят не только жителей других стран, но даже всех четвероногих на земле. Поэтому перед появлением наших братьев у тартар двое из уже названных людей (отец и сын), явившись ко двору императора тартар, спросили: «По какой причине вы пытаетесь беспокоить нас войнами? Разве мы не превосходим вас в метании стрел и скорости бега?» И когда самый быстрый конь был поставлен бежать с ними [наперегонки] на виду у всех, согласно ранее сказанному, они [тартары] пустили коня мчаться быстрым бегом. А эти [люди] удивительным образом начали быстро вращаться, подобно колесу, и внезапно настигли коня. Наконец, обратясь спиной к коню и тартарам, они побежали в свою землю. Тартары, увидев это, больше не захотели к ним вторгаться. А зовутся они *унипедами* (одноногими).

[23] По свершении этих [событий, *т. е. гибели Чингис-кана*] Оккодай, сын его, наследовал его империю посредством избрания среди других. Ведь Чингис-кан оставил четырех сыновей, а именно: Оккодая, который и наследовал ему; Тоссукка, Чагадая, имя четвертого я не узнал ни от братьев, ни от других ⁽²⁸⁾. Сыновей у Оккодая трое, а именно: Куюк, который с недавнего времени является каном, то есть императором, Коктен и Киренен. У второго сына, а именно Тоссуккана, сыновья: Бати (он является самым могущественным после кана) и Орду. Он — старший среди вождей и наиболее уважаем. Других двух сыновей он имел от другой жены, а именно Сибана и Хаута [Тангута]. Сыновьями третьего [сына Чингис-кана], а именно Чагадая, являются Ка[да]н и Бури. Сыновья четвертого [сына Чингис-кана], имени которого я не знаю, — Менгу (он был старшим, чья мать — Серекта, которая [наиболее] известна среди тартар после матери императора; [Менгу] является наиболее могущественным после Бати), а другой — Бехак. Имен других сыновей я не узнал. ⁽²⁹⁾ А имена вождей таковы: Орду (он прошел через Польшу в Венгрию), Баты, Бурин, Кадан, Сибан, Бутiek (эти были в Венгрии), Хирбодан (он до сих пор сражается против султа-

на Дамаска); но в земле тартар остались Менгу, Коктен, Сиренен и многие другие, называть которых нет необходимости.⁽³⁰⁾

[24] А Оккодай, будучи очень силен множеством [людей], подобно тому как ранее сделал его отец, организовал три [войска]⁽³¹⁾. Над первым он назначил Бати, сына брата, и послал его на Запад против церкви Божьей и всех областей Запада. Он [Бати], придя, покорил землю Альтисольдана и землю бисерменов⁽³²⁾. Они были сарраценами, говорящими по-комански. Там же он взял, хотя и после долгой войны, очень укрепленный город по названию Барчин⁽³³⁾. А другой город, по названию Иакинт, сдался сам, и поэтому он его не разрушил, а, взяв добычу и умертвив наиболее знатных по своему обычаю и заставив переселить жителей, поселил других людей в этом городе⁽³⁴⁾. И проследовал по направлению к Орнасу, огромному городу, наполненному христианами, то есть газарами и аланами, а также разными сарраценами из различных частей [света]⁽³⁵⁾. И расположен он на реке (занимающей большую часть [берега] моря⁽³⁶⁾), которая протекала через город. Тартары, перекрыв реку в верхней части, пустили воду стремительным потоком и потопили город со всем, что в нем было.

[25] Кроме этого Бати в то время подчинил землю Теркомен [Туркмен] и землю Кангитов, а также Великую Команию, а также Русию, и захватил Киев, столицу Руси, город очень большой и известнейший⁽³⁷⁾. [Достиг он этого] уничтожением большого количества людей и многочисленными сражениями, [описание] которых в настоящий момент я опускаю, потому что это требует особого повествователя.

[26] Куйук, сын Оккодая, двоюродный брат Бати, который с недавнего времени является каном, возвращался [с западного похода], тайно узнав о смерти отца, и на обратном пути захватил землю Газаров и землю Аланов, потом землю Тх'ет, и в конце концов землю Тартар. Это земли христиан, разных по языку, и расположены они на юге вблизи моря. Сделав это, он вернулся в свою землю⁽³⁸⁾.

[27] А Бати выступил затем, будучи на Руси, против билевров, то есть Великой Булгарии, ⁽³⁹⁾ и мордванов, и, захватив их [знать], присоединил их к своему войску ⁽⁴⁰⁾. Затем он двинулся оттуда против Польши и Венгрии и, разделив войско на границах [этих] земель, послал против Польши десять тысяч воинов со своим братом Орду, из которых многие были приведены в замешательство и пали в битве в самом начале этой земли от [рук] поляков из княжеств Краковского и Сандомирского. Но поскольку зависть (что соответствует истине) является пищей для многих пороков, то поляки, не стремясь во взаимном единстве ко благу, которого они достигли, из-за спеси высокомерия и зависти друг к другу жалким образом были разбиты тартарами ⁽⁴¹⁾.

[28] Тартары же, проследовав дальше в Силезию, вступили в битву с князем Генрихом, который в те времена был самым [благочестивым] христианином в своей земле, и в тот момент, когда, как [тартары] рассказывали самому брату Бенедикту, они уже хотели бежать, неожиданно клинообразно сомкнутые ряды христиан вдруг обратились в бегство. Тогда, схватив князя Генриха, тартары раздели его полностью и заставили преклонить колена перед мертвым [тартарским] князем, который был убит в Сандомире. Затем голову Генриха, словно овечью, послали через Моравию в Венгрию к Бати и затем бросили ее среди других голов убитых ⁽⁴²⁾.

[29] Когда сам Бати вошел в Венгрию и [его войско] прошло больше половины этой земли, возле некой реки они [встретили] многочисленное [войско] двух [венгерских] королей, братьев единокровных, а именно: Белы, который и ныне правит, и блаженной памяти Коломана, который в первой же схватке собственноручно сбросил главного вождя тартар с моста над этой рекой вместе с лошадей и оружием в бездну смерти. Также он выдержал их второй и третий [натиск] и [сражался] до тех пор, пока тартары не обратились в бегство. А Бати тем временем послал войско через реку в верхнем ее течении на расстояние одного или двух дней пути, чтобы они неожиданно с тыла напали на сражающихся на мосту противников. Что и было сделано. Вследствие этого исход дела

принял неожиданный оборот. И после того как венгры пренебрегли предупреждением короля Коломана, татары перешли через мост. И, как рассказывали сами же татары, уже после того, как они побежали от венгров, Бати обнажил меч и принудил их [вернуться] к битве, в то время как венгры, считая, что они, словно в безопасности, отдыхали, презрев татар. Венграми же двигала преждевременная гордыня, точно так же, как и поляками — зависть. А татары, напав [на них], побили многих и преследовали Белу, короля венгров, вплоть до самого моря ⁽⁴³⁾.

[30] А когда Бати был в Венгрии и узнал о смерти Оккодай-кана, который умер, отравленный [своей] сестрой ⁽⁴⁴⁾, и похоронен «с богатым в аду», то он немедленно вернулся в Команию. Его также видели и братья [францисканцы], возвращаясь к господину папе от татар. Кроме того, братья говорят, что из своих владений он уже направляется к Куюккану. К тому же между ними возник большой разлад, и если бы он имел продолжение, [то] христиане смогли бы получить в течение многих лет передышку от татар ⁽⁴⁵⁾.

[31] А второе войско, которое возглавлял Гирподан и которое пошло на юг, покорило землю, которая называется Киргиз. Люди этой земли — язычники, и у них нет волос на подбородке, и [когда] у кого-то умирает отец, то он, выражая скорбь и боль из-за смерти отца, вырезает на подбородке ремень от одного уха вплоть до другого ⁽⁴⁶⁾. Также он [Гирподан] завоевал Армению ⁽⁴⁷⁾, также Георгианию ⁽⁴⁸⁾, также Нубию, также Туркию, также Балдак ⁽⁴⁹⁾, и [земли] многих других сарраценских султанов. Говорят, что он доныне сражается с султаном Дамаска.

[32] Третье же войско сражается с какими-то восточными [народами], которые до сих пор не полностью подчинились власти татар.

[33] Итак, после смерти Оккодай-кана татары были лишены кана в течение семи лет, и поэтому они совсем не воевали в западном направлении. Сына его, Куюка, избрали ка-

ном единогласным решением, когда наши братья присутствовали [при этом в орде]. Он же, после избрания, поднял триумфальное знамя против Церкви Божией, и господства христиан, и всех государств Запада и третью часть всей своей мощи направил на войну⁽⁵⁰⁾. И приходят они, чтобы сражаться непрерывно в течение восемнадцати лет, и они не остановятся до тех пор, пока не останется [в живых] ни знатного, ни императора, ни королей. И хотя они знали, что рано или поздно они должны быть убиты христианами, но, однако, они не знают ни дня и ни земли, в которой Бог назначил этому случиться, когда неожиданно Бог мщения отомстит кровь неотмщенных.

[34] Названия же земель, которые тартары завоевали, суть таковы: Китай, Соланги, Эфиопия, Войрат, Кераниты, Буритебет, Уйгур; Киргиз, Саруйхур, Меркит, Мекрит, Найман, Каракитай, Туркия, Нубия, Балдак, Урумсолдан, Бисермины, Кангиты, Армения, Георгиания, Аланы, которые называют себя Аззами, Киркасы [Черкесы], Газары, Команы, которые называют себя Кусскара [Кыпчаками], Мордвины, Баскарт, то есть Великая Венгрия, Билеры, Корола, Кассиды, Паросситы, Песьи [народы], Замогеды [Самоеды], Несториане, Нусия [Русия], [земли] персидских султанов, которые именуют себя сарраценами⁽⁵¹⁾.

[35] Итак, описав войны тартар и их происхождение, [отметим], где бы ни была их земля, сейчас известно, что земля эта в некоторой части очень гориста, а в другой — совершенно равнинна. Она не плодородна, потому что песчана. Климат [ее] крайне переменчив, и это, вероятно, из-за чередования гор и равнин. [Эта земля] изобилует сильнейшими ветрами. Бывают там также молнии, громы и грозы, и [к тому же] вне сезона, ибо говорили они братьям, что несколько лет тому назад климат у них начал удивительным образом меняться. Поэтому часто кажется, что вблизи земли тучи словно сражаются с тучами, и рассказывали они дальше, что незадолго до приезда [наших] братьев к ним сошел огонь с небес и уничтожил лошадей многие тысячи и скота со всеми рабами, пасущими [его], за исключением немногих. А когда братья

присутствовали на [церемонии] избрания кана, то есть императора, выпал такой сильный град, что после его внезапного таяния утонуло более ста шестидесяти человек, и [поток] далеко унес вещи вместе с жилищами. А жилищу братьев, которое находилось рядом, не было нанесено совершенно никакого ущерба. К тому же, когда братья страдали вместе с другими при виде этого [бедствия], начался сильнейший ветер, поднявший такую пыль, что никто не смог бы удержаться на лошади или даже устоять на ногах.

[36] Эти тартары в основном среднего роста и достаточно стройные благодаря, [во-первых, употреблению] молока кобылиц, которое делает человека худым, и, [во-вторых, повседневному] труду. Лица у них широки. [Они] имеют выдающиеся вперед скулы. И кроме того, они выбривают на голове круг, наподобие наших клириков, имеющих [тонзуру], от которого они обыкновенно выбривают в направлении каждого уха [полосу] размером в три пальца. А на лбу они носят челку до самых бровей, ниспадающую в виде полумесяца. А оставшиеся же волосы они отпускают и заплетают [в косы], как саррацены.

[37] Об их одежде необходимо знать, что у мужчин и женщин одежда одинакова, и поэтому их невозможно сразу различить. Однако это представляется более любопытным, чем полезным. По этой причине далее я не озаботил себя описанием прочих их нарядов и одежды.

[38] Жилища их называются юртами. Они круглые и сделаны из веток и кольев. Наверху они имеют круглое окно для [выхода] дыма и света. Крыша и вход — из войлока. Однако они различаются по размерам и могут переноситься [с места на место]; в соответствии с тем, что требует величина [юрты] (достаточно одного быка, или трех, или четырех, или даже большего [количества]) для ее переноски. Стойбища кана и принцев называются по-татарски *орды*. Городов они не имеют, но в различных местах они устраивают стойбища [наподобие городов]. Есть у них один город, который называется Каракарон⁽⁵²⁾, возле которого наши братья были в полдня пути,

когда они находились в Желтой Орде, то есть лучшем дворе императора. Из-за малого количества дров, как знатные, так и простые [люди] для разжигания огня не имеют ничего другого, кроме бычьего и конского навоза.

[39] Согласно некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права], но в большинстве случаев наши братья, будучи среди них достаточно долго, почти ничего не узнали об исполнителях [этих традиций] ⁽⁵³⁾. Однако [выяснили, что] тартары верят в единого Бога, создателя вещей, видимых и невидимых, и подателя благ, [отмеренных] на этот век, равно как и зла. Однако они не почитают Его должным образом, потому что имеют разных идолов. У них есть некие изображения человеческих фигур из войлока, которые они помещают по обеим сторонам от входа в юрту над выменем, сделанным ими из войлока подобным же образом, и утверждают, что они являются хранителями скота и приносят им в жертву молоко и мясо. Но в большей степени они почитают шелковых идолов, которых они кладут на крытую повозку [внутри ее], [или] у входа в юрту. Если кто-либо из этого что-нибудь украдет, то его немедленно убивают. А тысячники и сотники имеют в центре юрты козлиную шкуру, наполненную сеном или соломой, и приносят ей в жертву молоко всякого рода. И когда они начинают есть или пить, то идолу, который находится в повозке, предлагают на блюде сердце животного, которое утром убирают и съедают. Кроме того, когда-то они сделали идол Чингис-кана, который они устанавливают перед юртой всякого [правлящего] кана и приносят ему дары. Кони же, принесенные ему в дар, в дальнейшем не используются для езды. Также животных, которых они убивают для употребления в пищу, сначала предлагают ему, то есть идолу, [и] кости животного не ломают. Этому же идолу кланяются на юг, словно Богу, и к этому же многих принуждают, в особенности покоренную знать.

[40] Поэтому недавно случилось так, что правитель Михаил, из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам, и когда он упорно настаивал на [не-

поколебимости своей] веры в Христа, было приказано бить его пяткой ноги в грудь до смерти. И когда его воин поощрял к стойкости в мученичестве, то ему перерезали горло ножом, а воину, который поощрял, отсекали голову. Также они приносят в жертву дары солнцу, луне, воде, земле, и привыкли они делать это в особенности по утрам.

[41] Кроме того, у них есть некие традиции, [созданные] Чингис-каном, которые они соблюдают. Он установил не очищать внутренности брюха животного, как сказано выше, путем вскрытия кишок, но выжимать [кал] руками и очищенное таким образом брюхо готовить для еды. А также если кто-нибудь, движимый гордыней, по собственной воле захочет стать каном, то он должен быть немедленно убит. По этой причине, перед избранием Куйука-кана, племянник Чингис-кана был убит, потому что возжелал [захватить] власть. Он [Чингис-кан] также установил, чтобы [тартары] покорили все земли мира, и не заключали бы мира ни с кем, разве только те сами открыто и безоговорочно не сдадутся им, и на этот случай приказал шадить простых людей, а всех более знатных умерщвлять⁽⁵⁴⁾. Он им [т. е. тартарам] также предсказал, что в конце концов все они будут убиты в земле христиан, однако немногие оставшиеся [в живых] будут соблюдать закон [той] земли, в которой отцы их погибли различными смертями⁽⁵⁵⁾. Также он повелел, чтобы в войске были предводители — десятники, сотники, тысячники и десятитысячники, то есть десять тысяч [воинов] под [началом] одного, что русские имеют обыкновение называть *тьма*.

[42] Страх Божий [явился причиной] их утверждений о существовании неких больших грехов. Один [из грехов] — пронзать огонь или каким-либо образом касаться [огня] ножом, также извлекать мясо из котла ножом. Также вблизи огня рубить дрова, потому что, как они утверждают, этим отсекается голова огня. [Запрещено] также садиться на конскую плеть (ибо они не используют шпоры), или прикасаться плетью к стрелам, или брать птенцов из гнезда. Также [запрещено] уздой бить коня, также мочиться в юрте. Если [кто-либо] сде-

лает это намеренно, после этого его убивают, если же нет, то необходимо, чтобы он заплатил заклинателю, чтобы тот очистил их, [проведя] между двух огней таким образом, чтобы они сами вместе с юртой и с тем, что в ней есть, прошли сквозь [огни]. И прежде чем это не произойдет, никто не смеет прикасаться к чему-либо [находящемуся] в юрте. Также если кто-либо, положив себе [в рот] кусок, (или же *болус*, что означает то же самое), не будет в состоянии [его] проглотить и выплюнет изо рта, то юрта подкапывается и через это отверстие его вытаскивают и немедленно убивают. Также если кто-либо наступит на порог юрты вождя, то безжалостно лишается жизни; поэтому наши братья научены были не наступать на порог. Также они считают грехом проливать с намерением кобылье молоко на землю. Когда же братья сказали им, что грех — проливать человеческую кровь, напиваться допьяна, присваивать чужое и многое другое в этом духе, то они засмеялись, совершенно нимало не заботясь об этом. Они также не верят в вечную жизнь святых и не [верят] в вечное проклятие, но [верят] только лишь в то, что после смерти они вновь будут жить, приумножать стада и поглощать [пищу]. Обращаются они также к изготовлению зелий и заклинаниям и верят, что ответы демона — это [ответы] Бога, коего Бога называют Иуга, а команы — [называют] Кодар. Они никого не принуждают оставлять свою веру, только бы повиновался во всем их приказам. В противном случае они принуждают [к подчинению] насильно или же убивают. Так, они принудили младшего брата князя Андрея в Руси (убитого ими по ложному обвинению) взять в жены вдову брата, уложив их на одно ложе в присутствии других людей.

[43] Также они имеют обыкновение начинать какое-либо дело в начале лунного месяца или в полнолуние. Также они говорят, что луна — это великий император, и, преклонив колени, поклоняются ей. А солнце, говорят они, это мать луны, потому что от него [луна] получает свет и потому что у него [солнца] огненная природа, которую они сами почитают превыше всего, ибо они верят, что через огонь все очищается. Поэтому каким бы то ни было послам

с дарами, которые они приносят их владыкам, надлежит пройти между двух огней, чтобы яд, если они его принесли, или же дурное намерение очистились. По этой причине даже наши братья прошли между огней, [перед тем как были допущены ко двору].

[44] Когда кто-нибудь среди них серьезно заболевает, то около его юрты воздвигается шест [длиной] девять локтей, обмотанный черным войлоком, и с этих пор никто чужой не осмеливается войти в [обозначенные таким образом] границы стойбища. Когда же [у умирающего] начиналась агония, редко кто-нибудь остается возле него, потому что никто [из] тех, кто присутствовал при смерти, не смог бы войти в орду какого-либо вождя и [тем более] императора до начала нового лунного месяца.

[45] Если умирает богатый, его хоронят тайно в поле вместе с его юртой сидящим в ней, и вместе с [деревянным] копытцем, полным мяса, и чашей кобыльего молока. Также с ним хоронят кобылицу с жеребенком, коня с уздой и седлом, лук с колчаном и стрелами. Одного же коня съедают друзья, и шкура его, наполненная сеном, поднимается на деревянных опорах. Они верят, что в будущей [жизни умерший] будет нуждаться во всем этом, а именно в кобылице для получения молока, в коне, для того чтобы ездить, и также в другом [из того, что положено с ним]. Подобным же образом кладут золото и серебро.

[46] Некоторых более важных хоронят так: выкапывают тайно в поле яму, края которой квадратны и достаточно малы, а внутри с обеих сторон [яму] расширяют, а другую [яму], в которой они имитируют похороны [умершего], роют рядом со стойбищем публично и открыто. Раба же, которого [умерший] при жизни ценил сверх остальных, кладут под мертвое тело, оставляя могилу открытой. Если [раб] на третий день из-под него в муках поднимался, то он становился свободным и во всем этом роду [т. е. роду умершего] уважаемым и могущественным. После этого, зарыв [истинную] могилу, они в течение ночи над [этим] местом гоняют

кобылиц или овец, чтобы выровнять место, дабы чужеземцы не смогли найти сокровища, положенные вместе с ним [умершим]. Иногда также они укладывают сверху ранее снятую [с этого места] траву.

[47] Кроме того, они имеют в своей земле два кладбища: одно — для простых [людей], другое — для императоров, вождей и знати. И они прилагают все усилия к тому, чтобы похоронить на этом кладбище всю знать, принявшую смерть на чужбине, как это было в Венгрии. Если кто-либо, за исключением зрителей, приблизится к этому кладбищу, то к нему относятся со всяческим злом, поэтому наши братья, которые, не зная [об этом запрете], вошли [на территорию кладбища], были бы оскорблены жестоко, если бы они не являлись послами великого папы, которого тартары называют *юл-боба*, то есть «великий папа».

[48] А после того как кто-либо умер, необходимо очистить все, что относится к его стойбищу. Поэтому разводят два костра, рядом с которыми вертикально воздвигаются два шеста, на верхушке связанные поясом, к которому прикрепляются несколько кусков букерана. Под этим поясом между шестами и кострами надлежит пройти людям, животным и провести юрту. Как с той, так и с другой стороны [шестов] стоят две заклинательницы, которые брызгают водой и произносят заклинания. А если же повозка, проезжая [между огней], сломается или если какие-либо вещи [с нее] упадут, то заклинательницы сразу же берут их по своему праву. Сходным образом, если кто-либо умирает, пораженный громом, то все, что он имел, всячески отвергается всеми [как нечистое] до тех пор, пока не будет очищено упомянутым образом.

[49] Они имеют столько жен, сколько могут содержать. В целом же они их всех покупают, поэтому они [жены] являются словно их собственностью, кроме знатных. И они берут себе в жены безразлично [кого], исключая мать, дочь и сестру от той же матери. После смерти отца берут в жены мачеху и вдову брата [берет в жены] младший брат или [дру-

гой] родственник. Жены делают всю [домашнюю] работу, а именно короткие сапоги, [мелкие] кожаные вещи и другие подобные [вещи]. Мужчины [делают] только стрелы и упражняются [в стрельбе] из луков. Они также заставляют трехлетних или четырехлетних мальчиков таким же образом в этом упражняться. Кроме того, некоторые женщины, и в особенности девушки, используют стрелы и вообще ездят верхом, как мужчины. Если кого-либо застали за прелюбодеянием и развратом, то умерщвляются как мужчина, так и женщина.

[50] Кроме того, они также послушны своим господам более, чем другие народы, или даже больше, чем лица духовного звания своим прелатам. У них нет места для жалости по отношению к перебежчикам, поэтому у их императора над ними всевозможная власть. Ибо у них нет выбора перед смертью или жизнью, раз так сказал император. Император может, когда бы он ни захотел, взять себе в жены дочерей и сестер у кого бы то ни было. А после того как он ими обладал и не захотел оставить при себе, он их отдает, кому захочет.

[51] Послам, которых он [император] посылает или которые посланы к нему самому, выдается бесплатно содержание и почтовые лошади, однако иноземным послам выдается ничтожное содержание, ибо тот [минимум], что съели бы двое или трое, выдавался на десятерых. Меня охватывает дрожь, когда я пишу о том, сколько и какие злоключения наши братья претерпели из-за этого, потому что даже они сами, которые пережили [все] это, удивляются, как милость Иисуса Христа оберегла их наперекор человеческой природе. О, сколько часто они проезжали на сменных лошадях тартар в течение одного дня более чем тридцать богемских миль, не отведав хлеба и воды, но на скорую руку имели лишь только днем или ночью, и то не всегда, ничтожнейшую похлебку из вареного проса. И неудивительно, что они столь много проехали на лошадях, поскольку всякий раз они могли остановиться и поменять истощенных ранее лошадей на сильных и свежих, которых им подводили тартары.

[52] Все стойбища устанавливаются и перемещаются по повелению кана; поскольку он сам определяет места для вождей, которые [в свою очередь назначают места] для тысячников, а они — для сотников, а те — для десятников. К тому же все они, как знатные, так и бедные, крайне скупы и величайшие вымогатели даров. Если же они не получают даров немедленно, то истязают посланников мучительным голодом или затягивают дело так, что тот, кто по своей воле отказался дать [дары], впоследствии вынужден предлагать их вопреки своему желанию. Поэтому случилось так, что наши братья по большей части отдали в [качестве] даров милостыню добрых людей, которую они приняли для того, чтобы довести до конца возложенную на них апостольским престолом специальную миссию. В противном случае они оказались бы в большом затруднении, а также в пренебрежении, [служа] делу Вселенской Церкви.

[53] Также они в высшей степени презирают людей других народов, поэтому даже тартарские переводчики, хотя они и низкого происхождения, тем не менее опережают вверенных им послов, в шествии и сидении [во время приемов], даже если это послы или легаты апостольского престола или же королей. Также они совершенно не придерживаются правды по отношению к чужим. Потому что вначале они обещают многие блага, а в конце беспощадно творят бесконечные жестокости. Ведь их обещание подобно скорпиону, который внешне кажется вкрадчивым, однако внезапно наносит удар ядовитым жалом [своего] хвоста.

[54] Они также упиваются более чем другие народы мира, потому что всякий раз, когда от чрезмерной выпивки они опорожняют свой желудок, сразу начинают пить в том же самом месте, и они привыкли делать это многократно в течение одного дня. Кроме того, они имеют обыкновение пить молоко всякого рода. Также они едят без меры все нечистое — волков, лисиц, собак, падаль, пометы, мышей, и в случае необходимости, человеческую плоть. Сходным образом они не отвергают ничего из того, что летает, но едят чистое в равной степени с нечистым. Тряпками для рук и столовыми скатер-

тиями для еды они не пользуются, и потому едят неопрятно, сверх меры. Блюда они моют редко и очень плохо, то же самое происходит и с ложками.

[55] Однако между собой они живут мирно; разврат и супружеская измена встречаются среди них очень редко. Их замужние женщины своим целомудрием превосходят женщин других народов. За исключением того, что в шутку они часто высказывают непристойные слова. Воровство среди них является необычным [делом], поэтому юрты и все их вещи не запираются. Если же кем-то будут найдены лошади или быки или что-нибудь в этом роде, им либо свободно позволяют идти [своей дорогой], либо их отводят к настоящим [их] владельцам. Они имеют в большом изобилии коней и кобылиц, быков, коров и овец, чем [какие-либо] люди на земле. Они достаточно дружелюбны между собой и свои вещи охотно разделяют между собой по причине взаимной уступчивости. Кроме того, они очень выносливы, ибо часто они поют и шутят, словно превосходным образом наелись, хотя в течение дня или двух ничего не ели. Охотно один другого возвышает в почестях. А беспорядки между ними возникают редко, и неудивительно, что они следуют этому [правилу], потому что, как я говорил выше, нарушителей среди них наказывают безжалостно.

[56] Сейчас вкратце необходимо отметить их [способы ведения] битв и каким образом им же можно противостоять. Всякий раз, когда тартары собираются захватить чужие земли, войско, которое ими направляется для завоевания [этих земель] стремится вперед с большой осторожностью со всеми домочадцами, то есть женами, детьми, рабынями, [а также] шатрами и всей утварью, со стадами рабочего скота и овец, в повозках и верхом. Также они везут с собой в большом количестве оружие, луки, колчаны и стрелы. Когда тартары начинают приближаться [к противнику], они посылают вперед очень быстрых лазутчиков, которые внезапно своей наводят ужас на людей и убивают [их], для того чтобы против них сразу же не собралось войско. И если они не встретили препятствия, то они всегда продолжают двигаться вперед

вполне открыто и за ними следует [все это] множество со всем своим [скарбом].

[57] Если же они [т. е. отряды лазутчиков] увидят непреодолимое множество [противников], то немедленно скачут назад к своим и войско организуют следующим образом. Ядро войска располагают вокруг триумфального знамени в центре с великим множеством [воинов], а на его флангах помещают два меньших [войска], с каждой стороны по одному на малом расстоянии [от центра] и сильно выступающие вперед. Немногих же оставляют для защиты женщин, немощных, детей и того [имущества], которое они привезли.

[58] Когда же они должны сойтись с врагами, многие из них вооружаются большим количеством колчанов и стрел, и прежде чем стрелы противника достигнут их, они выпускают свои, даже если это преждевременно и они не могут выпускать [стрелы] прицельно. А когда они могут достать [противника] стрелами беспрепятственно, говорят, что [это напоминает] скорее дождь, чем летящие стрелы. И это [происходит] по причине крайней густоты [летающих] стрел. Если же они застают врагов неготовыми [к сражению], то неожиданно окружают их, словно венцом [т. е. со всех сторон] и гонят их по одному [специально оставленному] пути, с тем чтобы они побежали, и как бы обрушиваются на них, метая без меры [стрелы]. Так что если кто-либо в середине [не продолжает] сражаться, то погибает, спасаясь бегством. Поэтому я полагаю, что лучше умереть, достойно сражаясь, чем высматривать [путь] для позорного бегства.

[59] Замечательно то, что в случае удачного продвижения вперед они, сами продвигаясь далее, оставляют позади себя стойбища для тысячников или сотников, и в зависимости от потребности [оставляют] людей и вьючных животных. При этом наиболее крупные и укрепленные стойбища находятся ближе всего к основным силам войска.

[60] А если в землях, которые они захватили, остались города или укрепленные замки (которые могут успешно

противостоять им), где может вестись натиск стрелами и метание машинами и где запасы, продукты и питье или дрова кончаются, создавшееся положение может исправить мужество и смелость людей [находящихся в осаде]. Подобно тому, как случилось в земле древних саксонцев, которые часто малым количеством выходили из города и убивали многих из тартар, и пока женщины гасили подожженный тартарами город, мужчины защищали кольцевую стену; а когда тартары проникли в центр города по подземному ходу, то [осажденные] перебили [многих], а остальных обратили в бегство. Люди совершенно не могут скрываться в лесах, где летом и зимой их можно обнаружить. Они [тартары] выслеживают людей, словно диких зверей. Однако безопасно [находиться] в море и в местах вышепечисленных.

[61] В какой степени можно противостоять тартарам, можно в достаточной мере уяснить из различных историй царей Маккавейских, где описываются впереди войска идущие лучники и различным образом устроенные засады. К тому же я считаю, что в высшей степени необходимо заключение мира [между нашими] правителями, чтобы, собравшись воедино, они выставили против врагов три или более войска, в зависимости от того, как этого требует подготовка воинов. Кроме того, следует устраивать на фланге засады на отборных лошадях. А баллистарии, расположенные перед войском и расставленные по меньшей мере в три [ряда], должны метать стрелы, прежде чем они могут достичь боевого порядка тартар, [то есть] лучшим образом и своевременно, чтобы их собственные боевые ряды или побежали, или были приведены в замешательство. Если же враги обратятся в бегство, баллистарии с лучниками, а также те, кто находится в засаде, преследуют их, в то время как войско понемногу движется за ними. Если же не будет других баллистариев [для преследования], тогда вперед выдвигаются [всадники] на закованных в броню конях. Заслоняясь очень мощными щитами, сомкнутыми перед лошадьми, они внезапно приводят в смятение тартарских лучников. Прочие дополнения о [ведении] войн я остав-

ляю тем, кто в такого рода занятии обучен более на опыте, чем по написанному.

[62] Итак, я молю Ваше Преподобие, поскольку если я записал что-либо менее упорядоченно, то это скорее приписывается не воле, но незнанию моему. Изложено в III календы августа [30 июля] 1247 [года] от Воплощения Господа. [На этом] завершилась «Жизнь и история Тартар».

Часть третья

**ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

1. ПОСОЛ АПОСТОЛЬСКОГО ПРЕСТОЛА (НТ, § 1)

Брат Иоанн так характеризует свой статус: *Sedis Apostolice nuntius ad Tartaros et ad nationes alias orientis* ‘посол апостольского престола к тартарам и к другим народам Востока’ (ЛТ, Пролог. 1). Это значит, что кроме миссии к монголам брат Иоанн имел полномочия выполнять поручения папы в любой из стран, которые он мог посетить во время дипломатического путешествия³³. В частности, брат Иоанн вел переговоры с русским князем Даниилом Галицким³⁴.

Брат Ц. де Бридиа именует папского дипломата легатом. Иннокентий IV в письме, адресованном князю Александру Невскому и датированном 22 января 1248 г., называет брата Иоанна протонотарием (*Johanne de Plano Carpino de Ordine Fratrum Minorum, Protonotario nostro ad gentem Tataricam destinato referente dedicimus*)³⁵.

Легат (*legatus*) — дипломатический агент или посланник. В соответствии с «Nova Compilatio Decretalium» (глава «De officio legati» — «О службе легатов») папы Григория IX различались два типа легатов: 1) *legatus natus* (назначенный) и 2) *legatus datus*, или *missus* (посвященный); последний мог быть также *delegatus*, или *nuncius apostolicus*, или *legatus a latere*. Права *legatus natus*, которые включали конкурентную юрисдикцию по отношению ко всем епископам, были сильно урезаны в XVI в. Полномочия легата-делегата (в основном ими являлись члены местной церкви) были ограничены и фиксировали функцию посланника с поручением. Апостольский нунций имел привилегию носить украшение красного цвета на одежде, пользоваться белой лошастью и золотыми шпорами. Он обладал обычной юрисдикцией в пределах провинции, в которую он посылался, но его власть ограничивалась сроком мандата. Тайный легат (всегда кардинал) обладал полнотой неограниченной власти, высочайшей прерогативой, при на-

личии мандата имел право отстранять всех епископов своей провинции.

Папа Иннокентий IV покровительствовал францисканцам³⁶. В XIII в. курия охотно назначала легатов из среды новых нищенствующих орденов. Так, Матфей Парижский описывает двух миноритов, посланных Иннокентием IV в Англию в 1247 г.: «<...> они пришли, вооруженные многочисленными папскими буллами, проникли к королю, сохраняя внешнюю простоту, с опущенным лицом, с льстивыми словами; скрывая под овечьей шкурой волчью прожорливость, они блуждали по стране и выпрашивали подавание на дело папы»³⁷. Поручения, выполняемые братьями, носили самый разнообразный характер. Поначалу они ограничивались духовной сферой, потом были дополнены наблюдениями за клиром, борьбой с ересями, миссионерством и, наконец, поручениями фискального характера. Важно, что вследствие полученных привилегий нищенствующие ордена находились под контролем папы, епископы не могли давать им никаких поручений. Францисканцам и доминиканцам принадлежала ведущая роль в осуществлении дипломатических контактов христианского Запада с Монгольской империей³⁸.

2. ЭТНОНИМ ТАТАРЫ (НТ, § 1)

Со времени первых сообщений о появлении монголов на границах христианского мира они именуются тартарами (*Tartari*). Так они названы уже в письме грузинской царицы Русудан папе Гонорию III (1224 г.)³⁹. У Генриха Латвийского в рассказе о битве на Калке противники русских названы *tatari*⁴⁰. В Лаврентьевской летописи, в рассказе о событиях 1223 г., слышится некоторая неуверенность автора в точном наименовании новых пришельцев из Азии: «Явишас языци их же никто же добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша и что язык ихъ. И зовуть я татары, а инши глаголють таумены, а друзии печенези, ини глаголють яко се суть о них же Мефодии Патомьскый епископъ свидетельствует: яко си суть ишли ис пустыня Етриевъскы суще межю востоком и севером» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 445—446). В Ипатьевской летописи об

этих же событиях говорится: «Приде неслыханая рать безбожнии моавитяне рекомыи татаръве, придоша на землю половецькою» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 740). Название «татары» пришло к русским через посредство половцев. И хотя русские авторы знали, что самоназванием племени Батыя было *монголы*, в письменных источниках закрепилась форма «татары».

В донесении брата Юлиана они именуются только «татарами». В письме Ивона Нарбонского архиепископу Бордо фигурируют *tartari*, *tattari* и *tatari* (*Английские источники*, с. 122). В послании Людовику IX, отправленном в 1242 г. Понсом де Обоном, магистром ордена тамплиеров во Франции, описан поход монгольских войск на Польшу в 1240 г., Моравию и Венгрию в 1241 г. Понс де Обон, как и большинство западных средневековых авторов, именует монголов *tartarins* (*Понс де Обон*, с. 3–7). В хронике Матфея Парижского последовательно используется термин *tartar*⁴¹. В Трогирском кодексе один раз употреблен вариант *Tatar* (*secundum quosdam tatar idem sonat, quod multitudo* ‘по мнению иных, *tatar* [по-монгольски] означает множество’)⁴². Фома Сплитский, называя азиатских кочевников, вторгнувшихся в XIII в. в Европу, *tartari*, сообщает дополнительно, что «упомянутые племена на своем родном языке называют себя монголами» (*gentesque ille secundum proprietatem lingue sue Mongoli appellantur*)⁴³. Он же уточняет: «Как считают некоторые, “татар” означает “множество”». Брат Салимбене Пармский, передавая свой разговор с Иоанном де Плано Карпини, пишет: «И сказал он нам, что они называются не татары, а таттары», и поэтому в своей хронике брат Салимбене далее использует «таттары» вместо «татары»⁴⁴. Китайские дипломаты XIII в., совершавшие поездки ко двору монгольских ханов, в своих отчетах именовали татар словом *да-дань*. Слово *татары* транскрибировалось по-китайски как *та-тань* или *дада*.

Этноним *татары* впервые появляется в древнетюркских рунических памятниках, обнаруженных в Северной Монголии (*Орхонская надпись* 732 г.)⁴⁵. В надписях говорится о племенных союзах *отуз-татар* (букв.: ‘тридцать [племен] татар’) и *токуз-татар* (букв.: ‘девять [племен] татар’). Из орхонских надписей известно, что татары были одним из самых мятеж-

ных племенных союзов в составе тюркского каганата (VI—VIII вв.). В китайских источниках этот этноним в форме *да-да* в первый раз встречается в 842 г. в письме китайского сановника Ли Дэ-юя, адресованном уйгурскому кагану⁴⁶. Под *хей-да* или, при полном написании, *хей-дада* — ‘черные татары’ имеются в виду монголы (см.: *Хэй-да ши-люе*, с. 133).

В «Полном описании монголо-татар» татары, в соответствии с древней китайской литературной традицией, подразделяются на белых, черных и «диких» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 45—48). Под *белыми* имеются в виду племена, кочевавшие вдоль Великой китайской стены, под *черными* — племена глубинных районов Монголии, а под «*дикими*» — монгольские племена северных, таежных районов. Южносунский дипломат Чжао Хун (1221 г.) пишет: «Так называемые дикие татары весьма бедны да еще примитивны и не обладают никакими способностями. [Они] только и знают, что скакать на лошадях вслед за всеми [другими]. Нынешний император Чингис, а также все [его] полководцы, министры и сановники являются черными татарами» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 48). Далее Чжао Хун отмечает, что название династии звучит как «Великое монгольское государство» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 53). В тексте «Тайной истории монголов», перетранскрибированной при помощи китайских иероглифов, этноним «монгол» передается через *ман-хо* с надстрочным переводом *да-да* (татары).

Рашид-ад-Дин сообщает, что еще в глубокой древности, то есть в дочингизову эпоху, существовало шесть отдельных татарских «государств». Крупнейшим из них был «татарский юрт» у озера Буир-нор в Восточной Монголии. Вот сведения о татарах, тех татарах, племена которых, по версии «Сокровенного сказания», полностью истребил Чингис-хан: «Их имя издревле было известно в мире. От них отделились и многочисленные ветви <...>. Места их кочевий, стоянок и юртов были определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Китая. Их же основное обитание [юрт] есть местность, называемая Буир-Наур. Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. I. С. 101)⁴⁷. Из источников X—XI вв. известно о существо-

вании другого татарского юрта на западе провинции Ганьсу близ границы с Восточным Туркестаном. Точная локализация других татарских «государств» дочингизовой эпохи неизвестна. Татары властвовали над монголами в дочингизово время. По словам Рашид ад-Дина, «если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единоплеменные, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и [вообще] ни одна тварь не была бы в состоянии противостоять им. И тем не менее при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом [от других]. Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами». Далее Рашид ад-Дин добавляет, что ныне, то есть в XIV в., по тем же причинам тюркские племена именуют себя монголами, «хотя в древности они не признавали этого имени» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. I. С. 102). Сила и могущество центральноазиатских татар были в свое время столь велики, что и в конце XIII в., от Китая до Дешт-и Кипчак и Магриба, тюркские племена называли татарами. Термин «татары» рано утратил свое этническое содержание и приобрел престижное этнополитическое значение. Обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном именовался «Татарской степью». Это название объясняет, почему столетие спустя монголы, занявшие то же пространство, в тюркской и мусульманской среде, равно как и в Китае, именовались татарами. Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли⁴⁸.

В китайской политической традиции решительно преобладало поименование монголов татарами. Даже в тех случаях, когда для служащих военных и дипломатических ведомств не было сомнений, как на самом деле надлежит именовать новых соседей империи Сун, тексты редактировались желательным образом и этноним «монгол» заменялся либо на «татарин», либо на «монголо-татары». Напомним также, что один

из средневековых переписчиков книги брата Иоанна изменил ее название (*Книга о Тартарах*) на «Историю монгалов, именуемых нами тартарами». А ученый францисканец доктор Роджер Бэкон был вынужден объяснять современникам, что «хотя по этой причине мы называем тартарами этот народ, которому принадлежит власть и господство, все же императоры и вожди [его] всегда принадлежат к народу моал. И они хотят называться не тартарами, а моалами, ибо первый их император, а именно Цингис-хам, принадлежал к народу моал». Вопреки здравым суждениям средневековых интеллектуалов, восторжествовало наименование «татары»; и даже в XVI в. обширные степные территории на восток от Европы воспринимались не иначе, как «Великая Тартария»⁴⁹. Однако наиболее наблюдательные путешественники осознавали условность этого термина. Барон Герберштейн замечает: «Если кто пожелает описать татар, тому придется описать множество племен, ибо это имя они носят только по их вере, сами же суть различные племена, далеко отстоящие друг от друга» (*Герберштейн*, с. 165). Отметим, что до конца XVIII в. русские продолжали именовать татарами большинство своих восточных и южных соседей, тогда как обиходное словосочетание «татаро-монголы» по своему происхождению является исключительно «ученым» термином⁵⁰.

В качестве курьеза приведем особую точку зрения, высказанную Г. Дёрфером⁵¹. Он пишет о так называемых «чужих» названиях, которые неоднократно появлялись в исторических источниках как обозначения, не соответствующие самоназванию тех или иных народов. Как табуированное название он рассматривает и обозначение *татары* в отношении монголов XIII–XIV вв. в западных источниках: «Хотя сами татары были, собственно говоря, истреблены, их название стало общепринятым обозначением монголов, их заклятых врагов. Возможно, что его себе избрали сами монголы, с целью избежать возмездия со стороны божеств завоеванных стран (после истребления такого большого количества людей). По мнению Э. Хэниша⁵², монголы, выдавая себя русским и другим народам за татар, отводили от себя ярость местных богов и направляли ее на вражеское племя». Существуют и другие теории⁵³, но их обзор не входит в нашу задачу.

3. ЗЕМЛЯ ТАРТАР (НТ, § 2)

В этой части исследования мы рассмотрим вопрос о том, как новые известия францисканской миссии 1245 г. повлияли на изменение традиционных европейских представлений об Азии. В определенном смысле, можно говорить о смене картины мира и чрезвычайном расширении географических горизонтов. С момента знакомства европейцев с донесениями миссии апокалиптические построения уступают место вполне рациональным суждениям об азиатских кочевниках и их родине. Для того чтобы убедиться в этом факте, следует сравнить описания земли тартар западными авторами до путешествия францисканцев и после. Прежде всего, претерпели изменения суждения, связывавшие появление монголов с Судным днем, в то же время легендарные представления об Азии оказались непоколебимыми. Наиболее любопытный материал для анализа последней темы дает записка кельнского схоласта, интерпретирующая донесение и устные рассказы брата Бенедикта. Два фантастических сюжета из «Романа о Чингис-хане» о походах монголов в Землю псов и в область «питающихся паром» в восприятии схоласта предстают как два традиционных для западной культуры сюжета. Это достигается путем игнорирования существенных расхождений между восточными и западными версиями легендарных сведений о кинокефалах и астомах.

«In Ruscia vero in antea habuerunt Morduanos a sinistris, hi sunt pagani et habent capud retro rasum pro maiori parte; postea Byleros et hii sunt pagani; postea Bascardos qui sunt antiqui Ungari; postea Cynocephalos capud caninum habentes; postea Parocitas qui habent os parvum et angustum, nec quidquam possunt masticare, sed sorbicia sumunt et vaporibus carniū et fructuum reficiuntur» (*Relatio Fr. Benedicti Poloni*. § 7). «В левой части Руссии раньше жили мордваны: они язычники, и на голове у них сзади большая часть волос выбрита; далее билеры, и они язычники; далее баскарды, которые и есть древние венгры; далее кинокефалы, имеющие собачьи головы, затем пароциты, у которых рот очень маленький и узкий, и они не могут что-либо жевать, но в качестве пищи потребляют похлебку и насыщаются парами мяса и плодов». Например, в сочинении

французского теолога XII в. Гонория Отенского «Об образе мира», в главе, посвященной Индии, повторяются античные описания диковинных народов, в том числе, говорится, что «есть другие, у истока реки Ганг, которые живут только запахом некоего древесного плода и, отправляясь в дальний путь, берут плод с собой, а умирают, если вдохнут испорченный запах» (*Honorius Augustodunensis*. XII) ⁵⁴.

У папских дипломатов был предшественник, венгерский доминиканец, брат Юлиан, чьи сведения относятся к 1238 г. В своем отчете для курии он пишет, что страна, откуда происходят тартары, называется Готта ⁵⁵ (*Gotta* = *Cathay*, т. е. Китай). Скорее всего, эти сведения исходили от монгольских послов (как правило, это были мусульмане), плененных суздальским князем. В восприятии мусульманских историков исконная земля монголов представлялась частью Китая (ас-Сина). Пассаж брата Юлиана, как и последующая легендарная история, связанная с мексью за смерть воинственной сестры гур-хана, ⁵⁶ должны быть сопоставлены с аналогичными сведениями ан-Насави, секретаря султана Джалал ад-Дина, описывающего историю восхождения Чингис-хана (*ан-Насави*. 2—4; см. коммент. 17.2).

До вторжения монголов в Польшу и Венгрию слухи о них не вызывали особого интереса у европейцев. Например, Фома Сплитский пишет: «Когда весть о пагубном нашествии тартарского народа дошла до венгров, она была принята ими за шутку или бессмысленный вздор — то ли потому, что такие разговоры они часто слышали беспричинно, то ли оттого, что полагались на силу войска своего королевства» (*Фома Сплитский*. XXXVI). После событий 1241 г. ситуация изменилась.

Послание Ивона Нарбонского, опирающееся на сведения пленного англичанина, служившего у монголов в роли посла, гласило: «Родина их, земля некогда пустынная и огромной протяженности, [лежит] далеко за всеми халдеями, откуда они львов, медведей и прочих хищников изгнали при помощи луков и другого оружия» (*Английские источники*, с. 150) ⁵⁷.

Русский архиепископ Петр, отвечая на вопрос Лионского собора (1245 г.) о происхождении монголов, ссылаётся на «Откровение» Псевдо-Мефодия. Согласно пророчеству Псевдо-

Мефодия, к скончанию времен явятся те, кого изгнал Геденон и пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Черного моря. «Откровение» Псевдо-Мефодия приобрело свой особый смысл для событий середины XIII в. «Неслыханная рать безбожных тартар» была признана мадианитами, бежавшими в глубокой древности от лица библейского Геденона «до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. <...> Они, — по словам Петра, — хотя и были возвращены в горах высочайших и почти недоступных, грубые, не признающие закона и дикие и воспитанные в пещерах и логовах львов и драконов, которых они изгнали, все же были подвержены соблазнам. И вот вышли отец и сыновья с бесчисленными полчищами, и некий величайший город, название которого Эрнак,* осадив, захватили <...>» (*Английские источники*, с. 151). По свидетельству Фомы Сплитского, «тогда многие ученые люди, изучавшие древние писания, заключали, главным образом со слов Мефодия мученика, что это и есть те народы, которые должны явиться перед пришествием Антихриста» (*Фома Сплитский*. XXXVII).

Матфей Парижский, следуя книжной христианской традиции, пишет, что бесчисленные полчища монголов внезапно появились из местности, окруженной горами, «пробившись сквозь монолитность недвижных камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара» (*Английские источники*, с. 137)⁵⁸. В 1241 г. германский император Фридрих II в послании английскому королю утверждал, что монголы долго скрывались «в выжженном солнцем поясе, в раскаленной пустыне» у крайних пределов мира (*Английские источники*, с. 141). Со времени вторжения монголов в Восточную Европу вопрос об их исконной земле приобрел на христианском Западе особое эсхатологическое звучание. Пространство, откуда вышли монголы, их язык и верования, были никому неизвестны. Напряжение неизвестности было снято следующим способом: представления о монголах и любая поступавшая о них

* Эрнак — Ургенч, упоминается также в НТ, § 24; подробнее см. коммент. 35.

информация были спроецированы в плоскость библейской легендарной географии.

Венгерский епископ Стефан Вацкий передает в письме парижскому епископу сведения, полученные от пленных монгольских лазутчиков: «Я спросил, где лежит земля их; сказали они, что лежит она за какими-то горами и близ народа, который называется Гог; и полагаю я, что народ этот Гог и Магог <...>. Я спросил, как они вышли из-за гор, за которыми были? Они сказали, что предки их до того, как вышли, добрых триста лет и [даже] больше трудились, прорываясь [через] деревья и камни, чтобы суметь выйти» (*Английские источники*, с. 174—175). Сведения о разрушении горной преграды удивительным образом перекликаются с монгольским генеалогическим преданием, изложенным в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 153—154). Согласно этому преданию, далекие предки Чингис-хана расплавили огнем горный склон и вышли на простор степей.

Христианский «центр» земли — Иерусалим — являлся точкой отсчета в европейских средневековых землеописаниях. Удаленность тех или иных частей мира от священного центра заведомо определяла их некую отрицательную характеристику. Разные части света, равно как и разные страны обладали в глазах людей XIII столетия неодинаковым религиозным статусом. Были места священные, были и проклятые места. Как правило, пространства, лежащие за границами христианского мира, считались неосвоенными и труднодоступными. «В Скифии есть много государств, хотя и по большей части незаселенных, потому что во многие места, которые изобилуют золотом и драгоценными камнями, очень редко или никогда не заходят люди из-за змей и огромных грифонов» — писал неизвестный норвежский монах, пересказывая фрагменты из «Исторического зеркала» Винцента из Бове. В Скифии и Гиркании — на Иранском нагорье — обитает множество народов, «много ездящих и путешествующих ради плодов земли. Из них некоторые пашут ради пропитания землю; другие из них, чудовищные и ужасающие, питаются телами людей и пьют их кровь». Это область кочевников, которым из-за бесплодия почвы приходится много странствовать. Имя их Гог и Магог. «Там есть и такой еще

народ, который называется панотий, имеющий такие большие уши, что они полностью закрывают свое тело одним ухом <...>. Есть там и гипподы, которые имеют человеческий облик, кроме ног, которые являются конскими»⁵⁹. Считается, что этими мифологическими сведениями ограничивались известия о Центральной Азии до великих сухопутных путешествий XIII в.

Опыт брата Иоанна и брата Бенедикта, совершивших путешествие к восточному краю земли, позволил им ввести неизвестные воинственные племена Азии в круг культурных народов мира. И, если в 1241 г. Фридрих II утверждал, что монголы долго скрывались «в выжженном солнцем поясе, в раскаленной пустыне» у крайних пределов мира, то есть в царстве хаоса, отгороженном непреодолимой природной преградой, то в «Книге о Тартарах» брата Иоанна земля монголов слита с единым человеческим пространством. Эта земля, пишет брат Иоанн, «расположена в той части востока, в которой восток, как мы думаем, соединяется с севером, а к востоку [от нее] расположена земля китаев, а также земля солангов; с юга — земля сарраценов, с юго-запада расположена земля уйгуров, с запада — область найманов; с севера она окружена морем Океаном» (ЛТ, I. 3). Другой европейский путешественник — Марко Поло также считал, что великий хан монголов «жил на краю земли между востоком и северо-востоком» (*Марко Поло*, с. 241). Считается, что Фома Сплитский цитирует брата Иоанна, когда пишет о земле монголов: «Их страна расположена в той части света, где восток соединяется с севером, и упомянутые племена на своем родном языке называют себя монголами. Доносят, однако, что расположена она по соседству с далекой Индией и король их зовется Цекаркан» (*Фома Сплитский*. XXXVII).

Первые достоверные сведения о Центральной Азии не сразу изменили мифологическую картину мира, в которой «Иерусалим» и другие освоенные человеком пространства имели свой божественный прототип на небе, а пустынные области, населенные чудовищами, невозделанные земли, неведомые моря, куда не осмеливался заплывать ни один мореплаватель — уподоблялись хаосу, бесформенному бытию. Согласно М. Элиаде, описать новый и неизвестный край рав-

носило было акту творения⁶⁰. Средневековые путешествия к земным пределам сужали пространство хаоса.

Ирландский географический трактат XIII в., озаглавленный «Описание земель», имеет характерное начало: «Дабы узнать о том, откуда произошел, как рассеялся и какие обычаи имеет народ, именуемый татарами, следует [вначале] отметить, что обитаемая земля разделена на три основные части. Это явствует из различных исторических сочинений. Сыновья Ноя — Сим, Хам и Иафет — по смерти отца заселили их и заполнили своими потомками. Это [во-первых] Азия, принадлежавшая сынам Симовым. Она берет начало у великой реки Евфрат и ограничена восточным океаном». Европа начинается «от сицилийских и сирийских гор Тавр и Аман и простирается между востоком летнего солнцестояния и северной стороной тех краев,* где расположена земля татар Монгал <...>».

Завершается вступление следующими размышлениями: «Итак, следует знать, что упомянутое трехчастное членение земли должно рассматривать, учитывая [расположение] средоточия всей земли, где и пророки проповедовали, и Господь в середине ее послужил спасению многих. Это — Святая Земля. В ее северной [части], которая также называется Европой, обитали пятнадцать поколений Иафета сына Ноя, как гласят истории. Пророк Иезекииль открывает [нам], что от их корня в конце времен произойдет народ наихудший и жестокий, то есть Гог и Магог <...>. Два народа согласно Писанию грянут со стороны севера, чтобы в конце времен покарать неверных, так и верных. Пока же представляется неопределенным, эти самые народы придут или другие. Определенно же [известно] то, что из тех мест никогда прежде, при том что прошли [многие] века, такая масса народу не выходила, и на разные части света не нападала без усталости и с таким многочисленным войском» (*Описание земель*, с. 217). Итак, аноним высказывает сомнение, следует ли принимать монголов за Гога и Магога.

* В литературе отмечается, что обозначение страны света — «летний закат» (*estivalis occidens*) — находит соответствие в «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа. Ср. также: *Страбон*. I. 2. 28.

Рыцарь Жуанвиль со слов путешественников на Восток, утверждает: «Татары — выходцы из обширных песчаных равнин, где ничего не произрастало. Эти равнины начинались у подножья удивительно скалистых гор, что находятся на краю земли, на Востоке, и эти горы, как утверждают татары, никогда не преодолел ни один человек; и говорили они, что там обитает народ Гог и Магог, который должен выйти в конце света, когда явится Антихрист, чтобы все разрушить» (*Жуанвиль*. § 473). Эти сведения получены послами франков из уст восточных христиан, причем, как выясняется далее, образ Чингис-хана в пересказанных легендах имеет исключительно положительную оценку (см. коммент. 5.3). Важно в данном случае, что Гог и Магог, которых традиция обычно помещает на границах культурного мира, обитают за неприступными горами, тогда как татары происходят из местности, по эту сторону гор, и уже не соотносятся с «нечистыми» народами.

Интересно, что представления армянских историков XIII в. о положении земли монголов, благодаря путешествиям полководца Смбата и царя Армении Хетума в Центральную Азию, претерпели столь же разительные перемены: мифологическая картина сменилась вполне реальной (*Армянские источники*, с. 64—70). Киракос Гандзакеци пишет, что «в стране, [находящейся] на дальнем северо-востоке, которую они на варварском языке своим называют Каракорум, на границе Гатия [Китая], среди множества неведомых и неисчислимых варварских племен, проживающих там, жило племя, называемое татарами, во главе царей которых стоял [человек] по имени Чингис-хан» (*Киракос Гандзакеци*. 20). В середине XIII столетия границы познанного мира необычайно раздвинулись, потеснив монстров к крайним пределам Земли.

В заключение приведем отрывок из труда арабского космографа XIII в. Закарийя ал-Казвини. Ал-Казвини обращается к священным пророчествам, призванным объяснить непобедимость монголов, которых он именует войсками Аллаха, предуготовленными ко Дню возмездия. «Страна татар. Огромная ветвь тюркских народностей, проживающая на востоке шестого климата. Они чем-то похожи на хищных зверей по своему жестокосердию, резкости характера, крепости тела и грубости нравов. Они любят разбой, кровопролития и

мучить животных. Абу Бурда, со слов своего отца, передает высказывание пророка об их отличительных свойствах: “Он сказал: “Я сидел при посланнике Аллаха (да будет над ним мир!) и слышал, как он говорил: “Невежественный язычник тот, кто вел их — их, с широкими лицами и узкими глазами, лицами — будто щиты, выбитые тремя ударами, которые наносили им, прежде чем они появились на Аравийском полуострове. Первые, кто наносил им удары, уцелели потому, что бежали, вторые — частично погибли, а третьи были истреблены полностью”. Спросили: “А что это за народ, посланник Аллаха?” Он ответил: “Тюрки. И я призываю в свидетели того, в чьих руках моя душа, что именно они станут привязывать своих лошадей к колоннам мусульманских мечетей!” — Со слов его, да благословит его Аллах и приветствует, рассказывали: “У Аллаха на Востоке есть войска, имя которым — тюрки. Они убивают всех, кто бунтует против них. Как много тех, кто страдает от них и просит милосердия! Но не вымолят они пощады! Если вы не видели это, то будьте готовы ко Дню возмездия”. Что касается их верования, то нет для них разрешенного и запретного. Они поедают все, что найдут, а поклоняются солнцу и называют его богом. Язык их отличается от языка остальных тюрков, письменность от письменности остальных народов» (*Закарийя ал-Казвини*, с. 38—39). Ср. с тем, что пишет анонимный персидский автор XIII в.: «В 617/1220 году выступили тюрки-татары. Они дошли до Ирака [Персидского] и совершили бесчисленные убийства. Говорят, будто их правитель знаком с колдовством. Они заклинаниями превращают воду в лед, а на людей и неприятеля насылают ливни и грозы. Это — свойство камня, о котором будет рассказано в своем месте. Не было видно никакого конца продвижению тех тюрков. Наш пророк Мухаммад-Избранник, да благословит Аллах его и его семью и [да ниспошлет] мир, дал знать об их выступлении, а Бакави,* да помилует его Аллах, привел [это] в книге “Шарх ас-Сунна”» (*Чудеса мира*. 151). Оба восточных автора воспринимают монголов как ответвление тюркских племен и поэтому переносят на монголов характеристику тюрков, которая сложилась в арабо-персид-

* *Бакави* — знаменитый толкователь Корана, жил в нач. XII в.

ской литературе в IX—XII вв.⁶¹ Характерно, что оба автора в поисках причин появления очередной волны «тюрков» апеллируют к высшей божественной воле, тем самым придавая событиям земной истории трансцендентный смысл: «Наш пророк Мухаммад-Избранник, да благословит Аллах его, его род и да приветствует, сказал: “Тюрки — [это] люди, которые отберут царство у моего народа» (*Чудеса мира*. 424). Сведения европейских авторов XIII в. о земле монголов (которых считали потомками Гога и Магога) важно сравнить с описанием родины тюрков, которое принадлежит якобитскому патриарху XII в. Михаилу Сирийцу. Михаил Сириец использует предание о железных воротах, построенных Александром Великим. «Земля, где пребывают тюрки, которые есть Гог и Магог, находится на северо-востоке. И не только из пророческого слова мы узнали это, но также из того, что видели и слышали мы и наши предки. [Там] они собирались, вышли оттуда и постоянно выходят. [Они жили от] края востока, или от того места, где восходит солнце, до предела северного, поблизости к стороне западной, в большом протяжении ее долготы [т. е. далеко на северо-запад]. В ширину же — до северного конца обитаемой [земли]. Об этой земле говорится, что она окружена непроходимыми горами. И только в двух местах имеется в них подобие ворот, через которые выходят те, кто там, и входят те, кто желает. Одни [ворота] — в восточной стороне, далеко на восток от Персии, а другие — на севере, в пределах иберских [на Кавказе]. Там есть и строения укрепленные [крепости]. Ворота [в Иберии], о которых мы говорили, построены по приказанию македонца Александра Великого, чтобы обманом народы, которые там, не вышли. И ныне эти ворота находятся во владении иберов. <...> Они выходили оттуда, из числа этого народа тюрков, из той внутренней земли, в которой они жили за горами, называемыми грудями земли» (*Сирийские источники*, с. 47–48).

4. ТЕРМИН МОНГОЛЫ (НТ, § 2)

В тексте брата Бенедикта фигурирует название моал (*Moal*)⁶². Форма *Moal* используется также братом Вильгельмом де Рубруком и представляет тюркское *moghal*. У Марко Поло —

mongul. Монгольская форма была *mongghol*⁶³. У брата Иоанна — *tongal*, и он единственный, кто называет племя Чингис-хана Йека-монгал, что означает «великие монголы»⁶⁴. Последнее является частью официального названия династии. Винцент из Бове, опираясь на донесение Симона де Сент-Квентина, пишет: *Ipsi quoque Tartari proprie loquendo se vocant Mongli sive Mongol, quod verbum fortasse consonat Mosoth* 'Сами же Тартары, особенно в разговоре, называют себя Монгли или Монгол, именем, которое очень похоже на Мозох'.* Во «Всеобщей истории» сирийского автора Абу-л-Фараджа бар-Эбрея (ум. в 1286 г.) используется форма *mogolaje* (*Сирийские источники*, с. 75).

Брату Бенедикту известно, что земля, где родился Чингис-хан, называется Моал. Южносунские дипломаты, равно как и францисканцы, знали официальное название династии и истинное имя жителей империи, но, в силу традиции продолжали использовать термин «татары»⁶⁵. Очень показателен в этом смысле факт, приводимый Ли Синьчуанем: «Когда монголы [*мэнь-жэнь*] вторглись в государство Цзинь, [они] называли себя Великим Монгольским государством [*да мэнь-гу го*]. Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией [*мэнь-гу*]» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 123). Позднее последнее название было заменено на *мэн-да*. Подобные замены были обязательны для официальных текстов даже при описании непосредственных контактов. Так, в отчете сунского посольства 1211–1212 гг., опубликованном Г. Франке, монголы последовательно именуются татарами⁶⁶.

Из китайских источников известно, что начиная с 1211 г. государство Чингиз-хана впервые получило официальное наименование *Да мэнь-гу*, т. е. «Великое монгольское государство», что является калькой с монгольского «Йеке монгол-улус». Это название в его монгольском написании впервые зафиксировано в надписи на печати Гуюк-хана, скрепляющей грамоту, направленную через Иоанна де Плано Карпини папе Иннокентию IV. Записки о монголах, составленные

* *Симон де Сент-Квентин*. XXXII. 34. «Мозох» соответствует «Мешек» в русской транскрипции (*Быт.* 10:2). Обзор латинских источников см.: *Bezzola*, s. 125f.

жужносунским дипломатом Сюй Тином в 1237 г., начинаются такими словами: «Государство черных татар <...> называется Великой Монголией» (*Хэй-да ши-люе*, с. 136). Термин *Yeke monggol ulus* означал 'Великая монгольская империя'. Надпись на печати Гуюк-хана (1246–1248 гг.) начиналась словами: «Müngke tengri-yin küčün-dür yeke Monggol ulus un dalai-yin qan jarliq» («Силой Вечного Неба. Приказ Далай-хана Великой монгольской империи») ⁶⁷. Выражение «Yeke monggol ulus» встречается также в двуязычных китайско-монгольских надписях 1362, 1335, 1338 и 1346 гг. (*Хэй-да ши-люе*, с. 145, коммент. 2). Уничижительная этимология термина *могал* представлена в тюркском эпосе «Огуз-наме», записанном в начале XIV в. Рашид ад-Дином ⁶⁸.

Новый взгляд на историю термина «монгол» в эпоху Чингис-хана представлен в исследовании П. О. Рыкина, который полагает, что в «Сокровенном сказании» термин *mongqol* играл роль не этнонима, а своего рода классификационной категории, куда включаются группы, провозгласившие Чингиса ханом ⁶⁹. Сименом «монгольской» идентичности произошла занимательная трансформация: став обозначением обширной державы, раскинувшейся «от восхода солнца до его захода», термин *mongqol* приобрел престижные коннотации и превратился в нечто вроде статусного индикатора, обладание которым давало право на пользование определенными «корпоративными привилегиями». Для эпохи расцвета монгольской державы было характерно следующее явление. По словам Рашид ад-Дина, «в настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, поскольку они суть монголы, — [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим] именем, — а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. I. С. 103).

5. ЧИНГИС-ХАН. ИСТОРИЯ ВОЗВЫШЕНИЯ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ (НТ, § 3)

5.1. Параллельный пассаж из донесения брата Иоанна одновременно является началом пятой главы, посвященной истории возвышения Чингис-хана: «В восточных краях есть некая страна, о которой рассказывалось выше и которая называется Монгал. В старину в этой стране было четыре народа: один из них назывался йека-монгал, то есть великие монгалы; второй — су-монгал, то есть водные монгалы; сами же они именовали себя называли тартарами по названию некоей реки, которая протекает через их землю и называется Тартар. Другой же [народ] именуется меркит, а четвертый — мекрит. И все эти народы имели сходную внешность и один язык, хотя между ними и было разделение по провинциям и правителям. В стране йека-монгал был некий человек, которого звали Чингис. Он стал “сильным звероловом пред Господом”, ибо он обучился похищать людей и захватывать добычу. К тому же ходил он в чужие земли и не упускал случая захватить кого-либо и подчинить себе. А людей своего рода он склонил на свою сторону, так что они следовали за ним, как за вождем, к свершению всяческих злодеяний. Он же начал сражаться с су-монгалами, то есть тартарами, и после того как он собрал вокруг себя людей, он умертвил их вождя и в великих битвах подчинил себе всех тартар и сделал их своими рабами. После этого он сражался со всеми прочими: с меркитами, [чьи земли] непосредственно прилегали к стране тартар, коих войной он также подчинил себе. Выступив оттуда, он сразился с мекритами и их также победил» (ЛТ, V. 2—3).

5.2. Обычно отмечается, что сравнение Чингис-хана с охотником принадлежит брату Иоанну, который цитирует известную ветхозаветную поговорку, связанную с Нимродом: *Iste incipit esse robustus uenator coram Domino, didicit enim homines furari, capere predam* (ЛТ, V. 3). Соответствующий текст Вульгаты выглядит следующим образом (Gen. 10. 8—9): «porro Chus genuit Nemrod / ipse coepit esse potens in terra / et erat robustus venator coram Domino / ab hoc exivit proverbium quasi Nemrod robustus venator coram Domino» (BS, p. 15). При этом в качестве цитаты рассматриваются только слова, выделенные нами при

помощи курсива. Нетрудно, однако, заметить, что парафраз начинается раньше и слова «Iste incepit esse» соответствуют словам «ipse coepit esse» в Вульгате.

В 10 главе книги Бытия говорится о потомстве сыновей Ноя. О Нимроде сказано: «сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом; потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом. Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне, в земле Сеннаар». Образ и имя Нимрода в средневековой христианской литературе были символом гордыни и жажды славы и власти над людьми, полученной не от Бога. Английский богослов и писатель середины XII в. Иоанн Сольсберийский в сочинении «Поликратик» описывает пороки правителей и их окружения, где осуждает охоту как занятие, порождающее жестокость. Интерпретация образа Нимрода Иоанном Сольсберийским позволяет понять истинный смысл сравнения Чингис-хана с Нимродом в книге брата Иоанна. «Мы не сомневаемся, — говорит о Нимроде Иоанн Сольсберийский, — что он имел дурную славу и все знающие порицали его. Установлено, что он достиг такой гордыни, что не боялся презирать законы природы, ибо он поработил те из ее установлений и видов, которые она создала свободными и равноправными. Поэтому тирания, утвержденная охотником наперекор создателю, находит свой единственный источник в тех, кто среди избиения животных, барахтаясь в крови, учится чувствовать презрение к Господу. Нимрод начал быть силен на земле, поэтому и было написано, что он не ждал получить силу от Господа» (Иоанн Сольсберийский, с. 357).

5.3. Оценка личности и деяний покорителя мира в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина резко контрастирует с жизнеописанием Чингис-хана в донесениях францисканской миссии. «Так как извечно воля всевышнего Бога была такова, чтобы он стал государем вселенной, — пишет составитель «Сборника», — он мало помалу развивался, дабы быть в состоянии одолеть путем выдерживания тягот и перенесения трудностей тяжкие дела <...>. Благодаря [его] щедрости <...>, слава и молва о нем распространилась по окрестностям и в сердцах [людей] зародилась любовь к нему. Племена склонялись и выказывали влечение к нему, так что он окреп и стал

могущественным и сделал [своих] друзей победителями и победоносными, а недругов унизил и покорил. Из-за того что его родичи, двоюродные братья и старшее поколение завидовали ему, а в особенности племена тайджиут, которые были [его] соседями, [то] он прежде всего напал на них и перенес всякие трудности до того момента, пока не уничтожил большую часть тех племен, а оставшихся ввел в ряд [своих] рабов <...>. После того он принял меры в отношении тех монгольских племен, которые сидели в пределах его юрта [мест обитания], [ибо] любой сосед по большей части бывает врагом и завистником» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 65–66). Если Рашид ад-Дин, занимая должность визиря при дворе персидских иль-ханов, мог свободно привлечь в помощники знатков монгольской старины, а также ученых китайцев и персов, то остается неясным, каким образом западным послам за несколько месяцев пребывания в Монголии стали известны удивительные подробности бурной походной жизни Чингис-хана? Несомненно, что часть рассказов брат Иоанн и брат Бенедикт слышали от участников разных битв. Таковы, например, подробности столкновения монголов с найманами в ущелье реки Халха, ставшем ловушкой для последних. Проезжая через эту горную долину, посольство узнало от проводников о победном сражении с найманами (см. коммент. 14). Ибо «это событие весьма известно и знаменито среди монгольских племен» — утверждает Рашид ад-Дин. Однако это не объясняет полноту сведений, собранных францисканцами.

Интересно сравнить сведения миссии с теми историями, которые передавались из уст в уста в образованной среде города Бухары в первой половине XIV в. Вот что рассказывает Ибн Баттута: «Чингис-хан был кузнецом в земле Хата. Он был щедр душой, силен и прекрасно сложен. Вокруг себя он собирал людей и кормил их. Постепенно у них появилась группа людей, которая избрала его своим предводителем, и он захватил свою страну. Могущество его возросло и усилилось. Его дело приобрело большой размах, и он одержал сперва победу над царем Хата, а затем над царем Китая. Его войска увеличились, и он одержал победу над Хотаном, Кашгаром и Алмалыком» (*Ибн Баттута*, с. 80)⁷⁰. Ср. с тем, что сообщает Марко Поло о возвышении Чингис-хана: «Случилось, что в

1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингис-хан, был человек храбрый, умный и удалой; когда, скажу вам, выбрали его в цари, татары со всего света, что были рассеяны по чужим странам, пришли к нему и признали его своим государем. Страною этот Чингис-хан правил хорошо. <...> Увидел Чингис-хан, что много у него народу, вооружил его луками и иным ихним оружием и пошел воевать чужие страны. Покорили они восемь областей; народу зла не делали, ничего у него не отнимали, а только уводили с собою покорять других людей» (*Марко Поло*, с. 85).

Китайский дипломат Чжао Хун писал в 1221 г.: «Нынешний император Чингис родился в [году] *цзя-суй* (14.II.1154—3.II.1155) [по китайскому лунному календарю]. <...> Чингис в малолетстве был захвачен в плен цзиньцами, обращен в рабство и только через десять с лишним лет бежал. Поэтому [он] знает все дела государства Цзинь [Северного Китая]. Этот человек мужествен, решителен, выдержан, снисходителен ко всем, почитает Небо и Землю, ценит доверие и справедливость. Тэмөджин, [имя], под которым известен [татарский владетель], есть не что иное, как [его] детское имя» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 49). В «Сокровенном сказании» об избрании Темучина всемонгольским ханом сказано: «Когда он, [Темучин], направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса [1206] составил сейм и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана. Так же и Мухали нарекли го-ваном. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования найманского Кучлук-хана» (*Сокровенное сказание*, с. 158).

Современник событий начала XIII в., ан-Насави, пытаясь со слов знающих людей составить «рассказ о проклятых татарах, начале их дела и об их родине», на самом деле передает весьма запутанную и малодостоверную историю конфликта Чингис-хана с правителем Северного Китая (*ан-Насави*. 1—4; см. коммент. 17.2). Сведения францисканцев отличаются своим «реальным» содержанием как от известий, излагаемых противниками монголов, так и от имперских легенд, известных участникам других западных миссий и армянским историкам.

Наиболее любопытная имперская легенда была зафиксирована послами Людовика IX в 1248 г. «Был среди татар один

мудрый человек, который объездил все равнины и поговорил с мудрецами из всех мест, и указав им на рабскую зависимость, в которой они находились, предложил собрать совет и решить, как избавиться от рабства, в коем их держали. И собрал он всех их на краю равнины, возле земель пресвитера Иоанна и все изложил им; и они ему ответили, что готовы выполнить то, что он предложит. Тогда он сказал, что они слабы, потому что не имеют над собой ни короля, ни сеньора, и они его послушали. И он предложил, чтобы из 52 родов, которые там собрались, принесли ему помеченные именем рода стрелы⁷¹; и по соглашению со всем народом было решено разложить эти 52 стрелы перед пятилетним ребенком; и из того рода, стрелу которого ребенок возьмет первой, и выберут короля. Когда ребенок поднял одну из стрел, мудрец велел отступить всем прочим родам; и порешили таким образом, что род, из коего должно избрать короля, отберет у себя 52 самых мудрых и лучших человека, какие только у них есть. Когда они выбрали их, каждый принес туда стрелу, помеченную своим именем. Затем было решено, что чью стрелу ребенок поднимет, тот и станет королем. И ребенок поднял стрелу того мудреца, который их наставил; и народ был этим так доволен, что возликовал. Но он велел им замолчать и сказал: “Сеньоры, если вы хотите, чтобы я стал вашим королем, поклянитесь мне Тем, кто сотворил небо и землю, что будете соблюдать мои заповеди”. И они поклялись в этом. Его установления должны были держать народ в мире, так чтобы никто не отнимал чужого добра, и не бил других людей, если не хочет лишиться руки; и чтобы никто не вступал в связь с чужой женой или дочерью, если не хочет лишиться руки или жизни. Много прочих добрых заповедей он им дал, дабы жили в мире. Установив порядок и обустроив их, он им сказал: “Сеньоры, наш самый сильный враг — пресвитер Иоанн. И я приказываю всем вам приготовиться завтра напасть на него; и если случится так, что он нас победит (от чего сохрани Господь!), пусть каждый поступает наилучшим для себя образом. А если победим мы, приказываю, чтобы преследование длилось три дня и три ночи, и чтобы никто не дерзнул протянуть руку к какой-нибудь добыче, но все только убивали бы людей; ибо после того, как мы одержим победу, я поделю добычу между

вами столь хорошо и справедливо, что будет удовлетворен каждый". С этим все согласились. На следующий день они напали на своих врагов и, как угодно было Господу, одолели их. Всех, кто был в доспехах, они перебили; а тех, кого нашли в церковном облачении, священников и монахов, оставили в живых. Все остальные народы земли пресвитера Иоанна, не участвующие в этом сражении, подчинились им» (*Жуанвиль*. § 475–480). Отсутствие правителя у монголов до воцарения Чингис-хана — мотив, совпадающий в рассказах Жуанвиля и Марко Поло. Напомним эти пассажи. Жуанвиль пишет: «Не имеют над собой ни короля, ни сеньора»; то же самое говорит Марко Поло: «Не было у них князей, платили они великому царю и звали его по-своему Унекан», т. е. пресвитер Иоанн (*Марко Поло*, с. 84)⁷². В обоих повествованиях совпадает и итог битвы: победу одерживает Чингис-хан. Тогда как согласно донесениям францисканцев битву выигрывает пресвитер Иоанн (см. коммент. 23).

Памятная запись из армянской рукописи 1248 г. гласит: «Как мы сами услышали от них же, предки татар вышли из страны Туркестан и отправились на восток. Они жили в бедности и занимались разбоем и грабежом, у них не было богослужения. Они поклонялись солнцу и в целях колдовства имели войлочные иконы, которые они носили при себе. Спустя некоторое время кое-кто из них, чувствуя свое тяжелое положение, обратился к Богу, и он пошел им навстречу, сделал все, чтобы помочь [им]. Они [сперва] напали на один небольшой город, прогнали хозяев, захватили его и разместились там, со временем собрав вокруг себя своих единоверцев, укрепились, выступили на Персию и захватили там власть. У магов они научились искусству колдовства и получили повеление от своих бесов выступать и смело покорять все страны, так как все они даны им богом в наследство. И это неудивительно, так как [когда] король Вавилона Навуходоносор зачарованный вошел в Иерусалим — это Господь Бог дал в его руки город, а персидский царь Кир после своей коронации был призван Богом и направлен в Вавилон. Они также признали, что все делается по воле божьей, они сами рассказывали, что их появление произошло по велению самого Бога. Их единоверцы собрались

по их команде, выбрали себе вождя, которого называли ханом. Их разделили на три части: одна часть двинулась в сторону Индии, вторая — в Северные пустыни, а на долю третьей части досталась Персия, через которую они прошли к нам [в Армению]. Говорят, их военачальников было трое» (*Армянские источники*, с. 46).

В грузинской летописи XIV в. «Картлис цховреба» излагается речь хорезмийского султана Джалал ад-Дина, обращенная к грузинскому военачальнику Авагу, с целью заключения военного союза против монголов: «<...> известны ли вам род мой, племя мое, величие и обилие царства моего и то, что ни одному владыке непосильно было равняться со мною? Я сын высокого и великого царя хорезмшаха, и под властью моей была вся Персия от Адарбадагана до Джеона и от Джеона до Индии, а [а также] Туран, Хатаети, Чинмачин и весь Восток. Но по промыслу Всевышнего явились в стране Чинетской, в земле неведомой, называемой Каракурум, люди некие дивные, с чуждым языком и с чуждым жизненным бытом, которые подчинили весь Восток и сокрушили множество государей. Царем же своим они сделали человека дивного, глубоко сведущего в делах, отважного в бою, по имени Чинги-каен. И как только прибрал он к рукам Хатаети, двинулся я на него с войсками из Ирана, Турана, Персии, Туркмана и многожды сражался с ними по ту сторону Джеона, а последний раз и по сю сторону Джеона. Но покинуло счастье дом хорезмшахов, и всюду я был осилён» (*Хронограф II*, с. 123–124).

Одна из имперских легенд, записанных Киракосом Гандзакеци, провозглашала рождение Чингис-хана от луча солнца. «Говорили, якобы Чингис-хан, отец хакана, родился не от семени мужчины, а просто из невидимости появился свет и, проникнув через отверстие в кровле дома, сказал матери [Чингиса]: “Ты зачнешь и родишь сына, владыку земли”. Говорят, так он и родился. Эту [легенду] рассказал нам ишхан Григор, сын Марзпана, брат Асланбега, Саргиса и Амира из рода Мамиконянов, который сам слышал ее как-то от одного знатного человека, по имени Хутун-ноин, из [монгольской] высшей знати, когда тот поучал молодежь» (*Киракос Гандзакеци*. 32)⁷³. Слышал эту легенду и русский историк XVII в. Андрей Лызлов и передает ее с некоторыми «поправками»:

«А о начале своем те ординцы сице повествуют. Яко во странах тех, отнюду же изыдоша, бяше некая вдова, породы между ими знаменитыя. Сия некогда от любодения родила сына, имянем Цынгиса, юже первые ее сынове прелюбодейства ради хотеша убити. Она же обрете вину ко оправданию си глаголющи: “Аз от лучей солнечных зачала есмь сына. И тако той ея сын время от время мужественным возрасте юношею и ту Заволскую орду распространил и умножил, яже множеством жителей, и дел мужественных деянием» (Лызлов, с. 19).

6. СУ-МОНГАЛЫ (НТ, § 3)

Су-моалы — *Zumoal* (у брата Иоанна — *Sumongal*); брат Иоанн также приводит пояснение этнонима су-монгалы как «водных монголов». Разъяснения, полученные братом Бенедиктом от переводчиков, касательно того, что *su* означает «вода», верны; тюркское *su*, монгольское *usu* — ‘вода’⁷⁴. Брат Иоанн говорит о четырех народах в «земле Монгал»: йекамонгал, су-монгал, меркит и мекрит. Как видим, татар нет в этом списке. Идентификация су-монгалов с татарами у брата Иоанна с современной точки зрения носит сомнительный характер (см. коммент. 7), хотя большинство исследователей рассматривает ее как объективную информацию⁷⁵. Брат Вильгельм де Рубрук (XXIX. 45) использует форму *Su-Moal*, но, в отличие от брата Иоанна, не идентифицирует их с тартарами. Брат Вильгельм также объясняет, что су-моалы означает «моалы вод». М. П. Алексеев, комментируя этот пассаж, приводит сведения восточных писателей: Вассафа (*су-монгал*) и Абуль-Феды (*су-моголь*)⁷⁶. По сведениям Пелльо, эта форма присутствует также в персидских⁷⁷ и китайских источниках, в последних как *Shui Ta-ta*⁷⁸. В «Кратких сведениях о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина имеется следующий пассаж в главе 48: «Обращение с побежденными», где упоминается некий водный народ (кит. *Hu-su i-lü-yü*, что соответствует монг. *Usu irgan* ‘водный народ’). Поясняющие дополнения Сюй Тина к отчету Пэн Да-я даны в квадратных скобках.

«Их жестокости против других стран. Те народы, которые уже были уничтожены и с которыми они дальше не воюют:

на юго-западе — белые татары и варвары Цзинь [чжурчженей], на северо-западе — найманы, уйгуры, сари, сарты и канглы [имя мусульманского народа]. Прямо на север — да-та [они племя урсутов] и меркиты, прямо на юг — сихи. Те народы, с которыми уже были битвы, но они еще не закончились: на востоке Корея и Ван-ну в Ляотунде [империя джурдженей]. Их министр Ван Хин-цо старше 90 лет и у него есть дар предвидеть будущее. На востоке *Ni-shu* [не идентифицированы]. *Noqai irgan* [то есть, земля псов. Мужчины имеют грубые лица в форме кулака и их грудь волосата. Они могут бегать быстрее галопирующей лошади. Женщины красивы и обаятельны. Татары атаковали их, но не успели победить их] и *Usu irgan* [татан воды]» (*Meng-Ta Pei-lu*, s. 209, 216—217б комм. 15). Сюй Тин отождествляет *Noqai irgan* с *Kou-Kuo* — ‘земля собак’.

7. «РЕКА ТАРТАР».

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ «ТАТАР» (НТ, § 3)

Воба донесения францисканской миссии 1245 г. включены сведения, согласно которым название «тартары» восходит к наименованию реки «Тартар». Каково происхождение этой этимологической конструкции? Привлечем для анализа все доступные материалы. Картина выглядит следующим образом. Эти сведения францисканцы получили на Востоке и не от русских информаторов. Однако другой путешественник, брат Юлиан, которому известна эта этимология, определенно ссылается на русский источник: «Один русский священник, выписавший нам сообщения о некоторых событиях из книги Судей, утверждает, что тартары — это мадианиты, которые одновременно с хетями напали на сынов Израиля, но были побеждены Гедеоном, как о том повествуется в книге Судей. Бежав из тех мест, названные мадианиты поселились возле некой реки, по имени Тартар, почему и называются тартарами»⁷⁹. Происхождение последнего пассажа не ясно. В пророчестве Мефодия Патарского, где повествуется о библейском Гедее, изгнавшем нечестивые племена в необитаемую пустыню, о реке ни говорится ни слова.

Матфей Парижский фиксирует эту этимологию со ссылкой на известия, полученные от исмаилитского посольства⁸⁰. Известно, что исмаилиты Ирана поддерживали тайные отношения с монголами, а караваны исмаилитских купцов являлись прикрытием для послов к монголам и переписки монголов с правителями Малой Азии и Сирии, которые вели переговоры за спиной у хорезмшаха⁸¹. В сербском пророческом сказании 1259 г., где также говорится о реке Тартар, указан источник этой конструкции: некие халдейские языки.

Определенно можно утверждать, что существовало племя под названием су-монгалы или «водные монголы». Неясно, кому принадлежит попытка связать между собой два имени — су-монгалов и тартар, однако, кажется, именно с этой целью и придумана река Тартар. Возможно, что во всех перечисленных выше известиях отражена одна и та же ироничная этимология, сделанная по всем правилам, принятым у восточных филологов, и получившая в силу каких-то неясных причин широкое распространение. Основанием для этого предположения является то обстоятельство, что она включена в ту часть донесений францисканской миссии, где излагается «Роман о Чингис-хане». Дело в том, что роман построен на этимологических парадоксах.

Очевидно, что многие средневековые авторы интересовались происхождением имени татар. Следовательно, не было недостатка в различных версиях, призванных дать объяснение этому имени. Интеллектуалам также было известно, что названия «монголы» и «татары» не связаны друг с другом. Например, Стефан Орбелиани, митрополит Сюнийский (XIII в.), пишет: «Народ стрелков, т. е. Мугал, называемых простолюдинами *татар* — народ без Бога и религии» (*История монголов*, с. 31). Широкое распространение получил этноним «татары» (см. коммент. 2), в то же время этноним «монголы», вследствие престижного характера, практически превратился в общеимперский политоним. Империя была открытой системой, ориентированной на включение и адаптацию новых групп. «Монголами» стали все, кто обрел свое место в новой иерархии власти. Причина этого стремления — величие и могущество монголов. «Ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурджэ, нангясов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, ка-

лачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. I. С. 103). На этом фоне попытка поставить знак равенства между «татарами» и «монголами» выглядит крайне вызывающе. Но именно эти сведения мы находим в отчетах францисканской миссии.

Кому могло принадлежать авторство интересующей нас этимологии? Не исключено, что это были сирийцы. Вот размышления ал-Бируни о происхождении слова «еврей»; ал-Бируни ссылается на книгу христианского автора Яхьи ибн ан-Нумана: «Евреи [“ибраниюн”]. Их название возводят к берегам реки, которая называется Эбер. Так [обстоит дело] со всеми названиями, под которыми известны различные народы» (*ал-Бируни*. Памятники минувших поколений, с. 215). По этому же принципу создана интересующая нас этимология. Западноевропейские средневековые авторы обыгрывали имя «тартары», сопоставляя его с «Тартаром» (Τάρταρος, Tartarus — бездной ада), соответственно, тартары выглядели как выходцы из ада⁸², однако река не фигурирует в этих построениях. Возведение имени «тартары» к названию несуществующей реки Тартар удовлетворяет традиционным нормам восточной учености и одновременно обыгрывает названия *сумонгалы* (водные монголы) и *йека-монгал* (великие монголы), к последнему возводил свой род Чингис-хан.

Согласно версии брата Иоанна: «В восточных краях есть некая страна, о которой рассказывалось выше и которая называется Монгал. В старину в этой стране было четыре народа: один из них назывался йека-монгал, то есть великие монгалы; второй — су-монгал, то есть водные монгалы; сами же они именовали себя называли тартарами по названию некоей реки, которая протекает через их землю и называется Тартар» (LT, V. 2). В версии брата Бенедикта содержатся дополнительные сведения: «*Моал* [по-тартарски] — земля, *монгали* — означает [имя] жителей земли. Однако сами [они] называют себя тартары от [названия] большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Татар. Ибо *тата* на их языке означает [по-латыни] ‘тащить’, а *тартар* — ‘тянуший’⁸³». Относительно этимологии этнонима *татар* Е. И. Кычанов пи-

шет: «В чжурчжэньском языке был глагол *tatambi* — ‘располагаться лагерем’. Причастие настоящего времени от этого глагола *tatara* — ‘располагающиеся лагерем, стойбищем’, на наш взгляд, может служить одной из рабочих гипотез для объяснения имени “татары”»⁸⁴.

Как уже сказано, сходная этимология (от названия реки) приводится и Матфеем Парижским: «Полагают, что они, именуемые тартарами (от [названия] реки Тар) [и] весьма многочисленные, обитая в северных краях, то ли с Каспийских гор, то ли с соседних [с ними], словно чума, обрушились на человечество»; «А называются они тартарами от [названия] одной реки, протекающей по горам их, через которые они уже прошли, именуемой Тартар, так же как река Дамаска именуется Фарфар»⁸⁵» (*Английские источники*, с. 136, 138). Однако русскому архиепископу Петру, выступавшему на Лионском соборе, эта этимология, видимо, неизвестна (*Английские источники*, с. 151, 181).

В послании 1241 г. император Фридрих II замечает: «И нам неизвестно, по месту или по происхождению называются они Тартарами». Фома Сплитский, со ссылкой на тех, «кто с особым вниманием исследовал этот предмет», сообщает: «Название же тартары не является собственным именем народа, но они зовутся так по названию какой-то реки, которая протекает в их краях; или же, как считают некоторые, *тартар* [по-монгольски] означает ‘множество’» (*Фома Сплитский. XXXVII*). Сведения Фомы Сплитского, знакомого с донесениями францисканской миссии 1245 г., отражают ученые споры второй половины XIII в. В частности, он цитирует книгу брата Иоанна, когда пишет: «Их страна расположена в той части света, где восток соединяется с севером, и упомянутые племена на своем родном языке называют себя монголами» (*Фома Сплитский. XXXVII*). Вместе с тем Фома, кажется, осознает искусственный характер этимологии, привязанной к названию реки.

В так называемом «Пандеховом пророческом сказании» 1259 г. (сербская рукопись начала XIV в.) приводится эта же этимология имени *татар*: «Тар’та река есть велия. Прему граду тому, име еи наричь се Тар’та. Темь же хальдеисци езыци наричють се Тар’тарие. Два мьча и вьторымь изидуть на землю. Дващи бо имь изити на землю гневомь. Кумане нигдере не будуть и погибнуть. Руси влььчки повиють и разидуть ее,

люту казань примуть, истають акы воскъ от лица ог'ну» (*Пандехово сказание*, с. 164). В данном случае интересна ссылка на халдейские (сирийские? либо, более широко, восточные) источники. Итак, в четырех независимых друг от друга источниках (донесении брата Юлиана, хронике Матфея Парижского, отчетах францисканцев 1245 г., сербском сказании 1259 г.) сообщается о том, что тартары получили свое название от реки Татар (Тар, Тарта). Источником сведений Матфея Парижского послужили письма, прибывшие с мусульманского востока. Сербское сказание прямо ссылается на халдейские источники. Что же касается францисканских версий, то они передают фрагмент «Романа о Чингис-хане», авторами которого, вероятнее всего, были восточные христиане. Пока лишь ясно, что этимологическая конструкция, в которой этникон восходит к названию реки, попала в европейские источники с Востока. Впоследствии, из польских источников, она вошла и «Скифскую историю» Андрея Лызлова: «Но от пятисот лет и больши, егда скифове народ, изшедши от страны реченныя их языком Монгаль, ея же и жители назывались монгаилы или монгаили, поседоша некоторые государства, измениша и имя свое, назвашася тартаре, от реки Тартар или от множества народов своих, еже и сами любезнее приемлют или слышат» (*Лызлов*, с. 9).

Известны и другие средневековые этимологии имени *татар*. Армянский писатель XIII в. Григор Акнерци пишет: «Из смеси трех родов: Агари, Кетуры и Исава, под влиянием зла, возник безобразный народ татар, что означает: острый и легкий. Но Св. Нерсес называет их остатками родов Агари, смешанными с народами Гога, потомками Торгома, которые владеют Скифией, т. е. частью земли, заключенной между рекою Атилем, горою Имаусом и Каспийским морем. На этом пространстве живут 43 народа, которые на варварском языке называются *Хуж* и *Дуж*, т. е. народы, живущие отдельно. Главный из этих народов называется Бушх [Булх?], а другой — Тугары, которые, по моему мнению, и есть *татары*» (*Григор Акнерци*, с. 3).

По мнению Патканова, армянские писатели XIII в. *тугарами* называли древних *тохаров* и отождествляли последних с татарами. Византийский писатель Георгий Пахимер также называет монголов *тохарами*⁸⁶. В «Истории» армянского пи-

сателя Михаила Асори частично повторяется этимология, предложенная Григором Акнерци: «<...> ученые производят имя татар от этих слов [легкие и острые], или же может быть, оно произошло из слов *тур* и *таг*, т. е. бей и уноси, как бы *татар*, ибо они беспощадно уводили в неволю детей Сиона» (цит. по: *Григор Акнерци*, с. 58).

В записках о монголах, составленных южносунским дипломатом Сюй Тином в 1237 г., сказано: «Государство черных татар <...> называется Великой Монголией. В пустыне имеется гора Мэнгушань, а в татарском языке серебро называется *мэнгу*. Чжурчжэни называли свое государство “Великой золотой династией”, а потому и татары называют свое государство “Великой серебряной династией”» (*Хэй-да ши-люе*, с. 136).

8. МЕРКИТЫ И МЕКРИТЫ (НТ, § 4)

Брат Иоанн также пишет о четырех монгольских племенах: йека-монгал, су-монгал, «другой же [народ] именуется меркит, а четвертый — мекрит. И все эти народы имели сходную внешность и один язык⁸⁷, хотя между ними и было разделение по провинциям и правителям» (LT, V. 2). Меркиты — одно из крупнейших монгольских племен; они упоминаются в «Сокровенном сказании» как обитатели областей к югу от Байкала⁸⁸. Чингис-хан неоднократно сражался с меркитами, и последняя война, окончившаяся полным разгромом меркитов, относится к 1204—1205 гг. Остатки меркитов во главе с вождем Токтай-беки бежали на Алтай. Обратимся к сведениям, сообщаемым Рашид ад-Дином. В 1177 г. «Чингис-хан выступил против Токта, эмира меркитов. Несмотря на то что племя меркит было от монголов отдельное, оно было сильно и велико. Дав сражение в местности Карас-Мурас, не доходя до [реки] Кэлурэн, поблизости от реки Селенги <...> он разбил удуит-меркитов, которые являются одной из ветвей меркитов». Спустя 20 лет союзник Чингис-хана Он-хан «выступил на войну с меркитами и поразил их в местности Букуркэхэр», семья Токты попала в плен. А сам «Токта-беки бежал в местность, называемую Баргуджин⁸⁹, а эта местность расположена выше реки Селенги, на востоке Монголии, — к од-

ному из монгольских племен, которое называют баргут» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 111). Осенью 1204 г., когда Чингис-хан выступил с намерением сразиться с государем найманов Таян-ханом, к последнему на помощь прибыл Токтай-беки, государь меркитов. Эти события происходили на реке Алтай у горного хребта Хангай к северу от Алтая⁹⁰. В монгольском тексте «Жизнеописания Чингис-хана» названа страна Барху (вар.: Бархучжин), в которую бежали меркиты, разбитые Чингис-ханом. Согласно «Юань-чао-ми-ши», меркиты принадлежали к разряду племен юрточных, т. е. кочевых или степных, тогда как исконное население Бархучжина принадлежало к лесным племенам⁹¹. Историко-этнографическая загадка заключается в том, что в местности Баргу, куда бежали меркиты, согласно Марко Поло, обитали лесные племена мекритов, занимавшихся оленеводством.

Марко Поло пишет о мекритах: «На север от Каракорона [Каракорума] и от Алтая <...> есть равнина Бангу*, тянется она на сорок дней. Народ тамошний дикий и зовется *мекри*, занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар; они [люди] великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь, и они охотятся и на зверей, и на птиц; а зимою от великого холода там не живут ни зверь, ни птица. Через сорок дней — море-Океан» (*Марко Поло*, с. 92). Касаясь названий меркит и мекрит, Рашид ад-Дин поясняет: «Их также называют племенем удуит, хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами, [но] смысл обоих [названий] один и тот же» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 114). Это уточнение окончательно запутывает проблему⁹².

Пелльо⁹³ и Пейнтер⁹⁴ видели в мекритах кераитов. Эта точка зрения основывается на следующем не очень ясном пассаже брата Вильгельма де Рубрука, излагающего легендарную историю правителя по имени Унк, брата пресвитера Иоанна. Пелльо принимает Унка за Онг-хана кераитского. Согласно брату Вильгельму, Унк правил народом, именовавшимся крит и меркит: *populum qui dicebantur Crit et Merkit, qui erant christaini nestorini*. Отсюда делается вывод, что народ *crit* (мекриты) есть

* Бангу — Баргу — Забайкалье.

кераиты⁹⁵. Однако вышеприведенные сведения Марко Поло и Рашид ад-Дина не позволяют разделить уверенность Пелльо. Определенно известно лишь, что мекриты — большое племя, занимавшее земли юго-восточнее Байкала, и что францисканцы разграничивают мекритов и меркитов не только терминологически, но и территориально. Согласно Марко Поло, мекриты занимались оленеводством и охотничьим промыслом. М. П. Алексеев отождествляет мекритов с тунгусами⁹⁶.

9. УЙГУРЫ (НТ, § 5)

9.1. Уйгуры — одно из древнейших тюркоязычных племен — впервые упоминаются в Орхонских надписях VIII в. В VII—VIII вв. «десять племен уйгуров», или *он-уйгур*, как они обозначены в Орхонских надписях, возглавляли крупнейшую племенную конфедерацию Центральной Азии *токуз-огузов*, т. е. ‘девяти племен огузов’. В эту эпоху племена токуз-огузов составляли основное население тюркского каганата. В 844 г. уйгуры в союзе с другими токуз-огузскими племенами, а также карлуками и басмылами сокрушили власть тюркских каганов из династии Ашина и создали новую могучую центрально-азиатскую державу — Уйгурский каганат, который возглавила династия Яглакаров. В 756—762 гг. уйгурские ханы помогли императорам династии Тан подавить восстание Ань Лу-шаня и его преемников, опустошившее Срединную империю. В течение короткого периода уйгуры обладали всем центральноазиатским регионом. Позднее уйгуры соперничали с тибетцами за власть над Восточным Туркестаном и в начале IX в. имели в этой стране преобладающее политическое влияние. После принятия уйгурами манихейства (762) большинство городов-оазисов Таримского бассейна, где эта религия была одной из преобладающих, признало протекторат уйгурских ханов. Затяжная двадцатилетняя война уйгуров с енисейскими кыргызами закончилась в 840 г. поражением уйгурских сил и разгромом ханской столицы — города Орду-балыка на реке Орхон в Северной Монголии. Большая часть уйгуров вместе с другими огузскими племенами мигрировала на западную периферию своего государства — в Восточный

Туркестан, где вскоре закрепились первоначально в Джунгарии со столицей в городе Бешбалыке, а затем и в Таримском бассейне, где они создали государство Кочо со столицей в Турфанском оазисе. В европейской литературе это государство обычно называется Уйгурским Турфанским царством. Государство Кочо в 1207 г. добровольно подчинилось Чингис-хану, а его государь (*идикут*) стал верным вассалом и союзником монгольских каганов. Уйгурские воины участвовали, в частности, в войне Чингис-хана против хорезмшаха. В 1275 г. уйгурское государство стало частью Чагатайского улуса. Свое автономное существование Уйгурское Турфанское государство прекратило в середине XIV в. Уйгуры сыграли решающую роль в приобщении монголов к письменной культуре. Именно уйгурская письменность, восходящая к согдийскому, а ретроспективно — к арамейскому курсивному письму, была принята монголами. Образованные уйгурские чиновники и писцы играли важную роль в государственном аппарате Монгольской империи. Брат Иоанн упоминает трех высокопоставленных чиновников-уйгуров, с которыми он непосредственно встречался при дворе Гуюка: несториан Чингая, Кадака и Бала. Брат Иоанн именует их *протонотариями*, т. е. составителями ханских посланий. (По возвращении в Лион брат Иоанн был назначен на должность протонотария при папском дворе.) Полиэтнические города Таримского бассейна, где господствовали уйгуры, были вместе с тем и важными центрами, где сосуществовали несколько мировых религий — буддизм, манихейство и христианство несторианского толка. Среди монгольских племен еще в дочингизову эпоху наибольшее распространения получило несторианство, заимствованное через уйгуров, и поэтому францисканцы пишут о стране уйгуров как о стране христиан-несториан.

9.2. Параллельное место у брата Иоанна гласит: «Чингис после краткого отдыха вновь приготовился к битве и пошел войной на страну уйгуров. Эти же люди — христиане из секты несториан; их он также войной покорил. Они [монгалы] приняли их письмо, ибо ранее не имели письменности, а теперь именно его называют письмом монгалов. Выступив оттуда против земли Сариуйгур, и против земли каранитов, и против земли Войрат, и против земли Канана, он все эти земли войной одолел» (LT, V. 8).

В действительности монголы не завоевывали уйгуров. Это обстоятельство было известно брату Вильгельму (*Вильгельм де Рубрук*. XXVIII. 1). Уйгурское Турфанское княжество подчинилось монголам добровольно, хотя и под давлением обстоятельств. После того как властью в государстве кара-китаев завладел найманский хан Кучлук, он стал совершать походы против уйгуров. В 1209 г. правитель уйгуров иди-кут Барчук-арт-тегин убил кара-китайского наместника Шаукама и просил Чингис-хана принять его в свое подданство. В 1211 г. Барчук-арт-тегин лично прибыл ко двору Чингис-хана и привез богатые дары. Чингис-хан выдал за уйгурского идикута свою дочь Алтын-беги и признал идикута своим пятым сыном. «Прибыл с выражением рабской покорности его величеству [Чингис-хану] иди-кут, государь уйгуров. Он преподнес в знак покорности дары и доложил: “Если Чингис-хан окажет [мне] благоволение и возвысит своего раба за то, что тот услышал издалека и быстро пришел к нему, и я получу подарок, состоящий из алого верхнего платья и золотого пояса, и буду пятым [сверх] четырех сыновей Чингиз-хана, то я приумножу [свою] покорность и усердное [ему] служение!” Чингис-хан понял, что тот просит дочь, и соизволил сказать: “Я [ему] отдам дочь, и он станет [мне] пятым сыном”» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 163). Эта же ситуация в «Сокровенном сказании» (§ 238) передана следующим образом: уйгурский идикут обратился к Чингису: «Не пожалует ли меня государь Чингис-хан. Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса». Золотой пояс в Монгольском государстве служил знаком высокого положения его владельца, нашедшего покровительство у реального обладателя власти⁹⁷. Желание получить золотой пояс означало стремление правителя уйгуров занять важное место в иерархии новой власти. Уйгуры приняли участие в походе Чингис-хана на хорезмшаха, воевали с тангутами. С 1238 г. монголы стали назначать к уйгурам своих наместников-даругачи и облагать уйгуров поборами и налагать повинности. Но войн между уйгурами и монголами не было. Это обстоятельство было известно и анонимному грузинскому автору, излагающему легендарную историю воцарения Чингис-хана: «[...] двинулся он на уйгуров, тех, что называли царя своего Едутом. В ту же пору эмиром у уйгуров был некий Сарчук, дивные дела которого сказочны да и суть сказки и поганы, и потому говорить о них ныне не ме-

сто. Но Чингизкаен смилостивился над ним, держал его в уважении, прибрал множество татар и подчинил [их], подчинил он также каркитов» (*Хронограф* II, с. 116). В этой перспективе сведения о войне монголов с уйгурами являются преднамеренной ошибкой информатора францисканцев⁹⁸.

10. МОНГОЛЬСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ XIII в. (НТ, § 5)

Появление монгольской письменности, зафиксировавшей монгольский литературный язык, относится к концу XII— началу XIII вв., причем до сих пор не установлено, какое монгольское племя и при каких обстоятельствах ввело у себя письменность на основе уйгурского алфавита⁹⁹. Считается, что это могли быть найманы или кереиты, наиболее культурные из монгольских племен, жившие в ту пору по соседству с уйгурами. Предполагается, что монгольский письменный язык возник именно у этих племен до эпохи Чингис-хана и что Чингис-хан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык, изображавшийся при помощи уйгурских букв¹⁰⁰. Известно, что так называемый «Чингизов камень» и легенда на печати хана Гуюка (1246 г.) написаны на монгольском языке уйгурскими буквами. В качестве доказательства найманского происхождения монгольской письменности обычно приводится широко известное историческое предание о том, что в 1204 г. Чингис-хан, одержав победу над найманами, захватил в плен уйгура по имени Та-та-тун-а, служившего хранителем печати у найманского Даян-хана. С помощью этого плененного чиновника и была введена Чингис-ханом письменность на уйгурской основе. Эта версия наиболее популярна среди исследователей. Однако никаких найманских памятников до сих пор не обнаружено. Как известно, кереиты задолго до Чингис-хана приняли христианство несторианского толка, длительное время находились в культурных отношениях с уйгурами и другими народами Туркестана и Семиречья и опережали в своем развитии другие монгольские племена. Существует еще одна, третья, версия, связывающая происхождение письменного монгольского языка с семиреченскими киданями (кара-кытаями)¹⁰¹.

Интерес папского посла к монгольским письмам не случаен, ведь он должен был вернуться в Европу с ответом великого хана. «Эти же люди — христиане из секты несториан; их он также войной покорил, — пишет об уйгурах брат Иоанн. — Они [монгалы] приняли их письмо, ибо ранее не имели письменности, а теперь именно его называют письмом монгалов» (LT, V. 8). Спустя 20 лет, в 1266 г. английский францисканец, университетский доктор Роджер Бэкон воспользуется отчетами путешественников в Центральную Азию для характеристики видов письменности восточных народов. Уйгуры, по его мнению, «являются отличнейшими писцами. Вот почему тартары заимствовали их буквы, и являются они великими писцами тартарскими. И пишут они сверху вниз и множат строки слева направо и [так] читают» (*Английские источники*, с. 218). В сирийской летописи Григория Абу-ль Фараджа имеются следующие сведения: «Поскольку у монголов не было письменности, Чингис-хан повелел уйгурским грамотеям обучить письму татарских детей. И посему монгольские слова пишут уйгурскими буквами, так же как египтяне [пишут] греческими буквами, а персы — арабскими. И он также повелел записать следующие постановленные им законы» (цит. по: *Джувейни*, с. 53). В анонимном грузинском сочинении, известном под названием «Хронограф XIV в.», о роли уйгуров сообщается следующее: «Уйгуры же были служителями идола, которого называли Куджном. Обрели они письмо с малым [количеством] букв, ибо пишут они книги¹⁰², имея [в алфавите] шестнадцать букв, которые просты для изучения и легко понимаемы. Они же создали в виде *короникона* [цикл] двенадцать лет по названию двенадцати бессловесных животных и каждого бессловесного животного поставили во главе каждого года, как некогда в древности мудрые эллины [создали] двенадцать зодиаков, что суть звезды и созвездия солнца и луны» (*Хронограф II*, с. 115).

В «Юань ши», официальной истории Китая времен владычества монгольских ханов, содержится историческое предание о введении уйгурской письменности для нужд императорского двора¹⁰³. Оно перекликается со сведениями францисканцев, поэтому мы приводим текст из «Юань ши» полностью.

В 1204 г. во время похода на найманов был захвачен в плен уйгур Та-та-тун-а. При нем обнаружили золотую печать хана найманов, что свидетельствовало о высоком ранге пленника.

«Он был от природы умен и сообразителен и искусен в беседах и рассуждениях. Он глубоко постиг письменность своей страны <...>. Когда Тай-цзу [Чингис-хан] выступил в карательный поход на запад и найманское государство погибло, Та-та-тун-а положил печать за пазуху и бежал. [Когда он] был схвачен, император стал порицать его: “Люди и земли Даяна полностью перешли ко мне! Куда ты шел с печатью?” [Та-та-тун-а] отвечал ему: “Это долг слуги! [Я] собирался сохранить [печать даже ценой своей] жизни, хотел разыскать старого хозяина и вручить ему. Как бы [я] посмел иначе”. Император сказал: “[Это] верный и почтительный человек!” — и спросил [его], для чего употреблялась эта печать. [Та-та-тун-а] ответил ему: “Она употреблялась как свидетельство [подлинности указа хана] во всех делах, когда взимались налоги и назначались люди [на должности]“. Император одобрил это и приказал [Та-та-тун-а] оставить в свите. После этого во всех случаях, когда издавались императорские указы, стала употребляться печать. [Та-та-тун-а] было приказано по-прежнему ведать ею. Император спросил [его]: “Хорошо ли ты знаешь письменность своей страны?”. Та-та-тун-а в ответе изложил все, что [он] знал. [Это] пришлось по душе [императору], и он приказал Та-та-тун-а обучить царевичей и князей писать на своем языке уйгурскими буквами» (цит. по: *Мэн-да бэй-лу*, с. 125–126). Когда Угедей-хан (1229–1241) вступил на трон, было приказано Та-та-тун-а ведать императорской печатью и сокровищами казначейства.

В 1220 г. китайский чиновник Чжао Хун совершил дипломатическую поездку к монголам Северного Китая, встречался с наместником Чингис-хана — Мухали и по возвращении написал небольшую записку о том, что видел и слышал, общаясь с монголами. Представитель Срединной империи, достигшей непревзойденных высот в искусстве управления государством, смотрел на степняков как на варваров: «Нынешние татары очень примитивны и дики и почти не имеют никакой системы управления». Касаясь вопроса о рассылке приказов, Чжао Хун пишет: «При первом возникновении [монгольского государства] у них совсем не было письменных документов. Во всех случаях, когда рассылались приказы, повсюду отправлялись послы, [при этом] вырезались только метки [на кусках дерева], чтобы запомнить их [приказы]. По-

слы не смели прибавить или убавить хотя бы одно слово. [Это] обычай их страны <...>. В документах, применяемых ими самими [в отношениях] с другими государствами, до сих пор во всех случаях употребляется уйгурская письменность. [Она] похожа на китайские нотные знаки для флейты» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 52).

Южнокитайский дипломат Сюй Тин писал в 1237 г.: «Что касается тех [документов], которые имеют распространение в собственном государстве татар, то [они] пользуются только маленькими дощечками длиной 3—4 цунь. [Они] надрезают их по четырем углам. Например, если посылается [куда-либо] десять лошадей, то делается десять нарезок. В общем, вырезается только число их [предметов]» (*Хэй-да ши-люе*, с. 141).

По свидетельству Рашид ад-Дина, «в давние времена у монголов был обычай большинство посланий передавать [устно] искусно рифмованной и иносказательной речью» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 117). Не исключено, что первоначально необходимость использовать уйгурский алфавит для монгольского языка была связана с внешними контактами правящего дома, тогда как внутренние дела оформлялись по-прежнему устно. Посол Сюй Тин специально исследовал этот вопрос. Пишет он о китайском советнике великого хана Елюй Чу-цае и старшем секретаре монгольского двора Чжэньхае. «Что касается тех [документов], которые имеют распространение среди мусульман, то они пользуются уйгурскими буквами. Ведает ими Чжэньхай. Уйгурская письменность насчитывает только 21 букву. <...>. Что касается [документов], имеющих распространение в погибших государствах — среди северных китайцев, киданей и чжурчжэней, — то применяется только китайская письменность. Ведает ими Ила Чу-цай. <...>. В делах [управления] всеми краями [государства] право полностью распоряжаться жизнью и имуществом [населения] при отсутствии [изданных] указов татарского правителя переходит в руки того, кто распоряжается [ханской] печатью. [Я, Сюй] Тин, исследовал это. Только когда дело воспроизводится в документе, они могут проводить в нем личные идеи, ибо татарский правитель не знает грамоты. Что касается таких важных дел, как походы, война и другие, то [они] решаются только самим татарским правителем. Однако он еще обдумывает их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди

не участвуют [в этих обсуждениях]. Правитель обычно называет татар “своей костью”» (*Хэй-да ши-люе*, с. 142).

На протяжении жизни следующего поколения монголов ситуация с распространением письменности изменится. Персидский чиновник и автор «Истории завоевателя мира» Джувейни, путешествуя в 1248 г. по пути из Багдада в Монголию, узнал, что «император издал указ обучать монгольских детей уйгурскому языку». Наиболее древним образцом монгольской письменности на уйгурской основе является так называемый «Чингизов камень» (хранящийся в Эрмитаже), надпись на котором датируется приблизительно 1225 г. Приказы на золотых и серебряных пластинках — пайцзах — также писались по-монгольски буквами уйгурского алфавита. О распространённости уйгурского алфавита в XIII—XIV вв. на всем пространстве Великой Степи свидетельствует следующий факт. В 1930 г. на левом берегу Волги близ села Терновки была найдена золотоордынская рукопись на бересте, датируемая началом XIV в.¹⁰⁴ Рукопись была написана уйгурским алфавитом большей частью по-монгольски, меньшей — по-уйгурски. Берестяной свиток содержал лирические стихи.

По собственному свидетельству Марко Поло, он, проведя в Азии 26 лет в качестве ханского посла, «научился их языку и письменам: <...> четырем азбукам» (*Марко Поло*, с. 51). В его книге, однако, осталось неразъясненным, какие это четыре азбуки. Со слов персидского историка Рашид ад-Дина известно, что при великом хане Хубилае должности по гражданскому управлению занимали представители четырех народов: таджики, китайцы, уйгуры и аркауны, то есть христиане-сирийцы. Так как главные должности, по словам Марко Поло, китайцам не поручались, то, возможно, четыре упомянутых им алфавита — это арабский, уйгурский, сирийский и *басына* (квадратное монгольское письмо, изобретенное при Хубилае).

11. МОНГОЛЬСКИЕ ПОХОДЫ В КИТАЙ (НТ, § 6)

По мнению Пейнтера, название восточной земли Эзурскакита (*Esurscakita*) в искаженном виде обозначает чжурчженей, завоевателей, основавших в 1115 г. династию Цзинь на

территории Северного Китая¹⁰⁵. Цзиньская династия владычествовала в Северном Китае свыше столетия (1115–1234), после чего была свергнута монголами. Брат Бенедикт пишет, что «люди этой земли называют себя китаи»; на самом деле *китайцами* их называли монголы, а у мусульманских историков этот народ носит название *хытай*. О сложностях, возникающих при наименовании тех или иных народов, свидетельствует Рашид ад-Дин. Персидский историк рассказывает о военной кампании Чингис-хана против чжурчженей. Осенью 1211 г. Чингис-хан выступил «на завоевание областей Хитая, Кара-Хитая и Джурджэ, * областей, которые монголы называют Джаукут **, а по-хитайски Хитай называют Ханжин***. Что касается границ этой области, то у Мачина, по ту сторону Кара-мурэна [Желтой реки], она соприкасается с морем, Мачин же хитайцы называют Манзи****; другая граница соприкасается с областью Джурджэ. Слово Джурджэ — название, употребляемое монголами, а на языке Хитая Джурджэ называют Ну-чи; третья граница [прилегает] к области и степи Кара-Хитая. Все те племена — кочевники и родственны монгольским кочевникам» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 163–164).

В донесении брата Иоанна события, связанные с вторжением в Китай, следуют после описания войны с найманами и кара-китаями, что более соответствует реальности: «Монгалы же, вернувшись в свою страну, приготовились к сражению против китаев и, снявшись с лагеря, вошли в страну китаев. А император китаев, услышав об этом, выступил со своим войском против них. Завязалась тяжелая битва, в которой монгалы потерпели поражение и вся монгольская знать из этого войска, кроме семерых, была перебита. И отсюда повелось, что, когда кто-либо угрожает им, говоря: „Войдя в эту страну, вы будете убиты, ибо здесь множество народа готово к смер-

* *Джурджэ* — чжурчжени, см: *Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 77.

** *Джаукут*, в «Сокровенном сказании» (§ 281) в форме *Джаухут*, чему в китайском переводе соответствует выражение *цзинь-жэнь* — цзиньцы, т. е. подданные императоров Цзиньской империи.

*** *Ханжин* — кит. *Хань-жень*, самоназвание жителей Северного Китая.

**** *Манзи* — кит. *Мань-дзы*, жители Южного Китая.

ти и битве“, — то они отвечают: „Нас также некогда перебили и не осталось у нас никого, кроме семи [вождей], и вскоре выросли мы в великое множество, и посему такого мы не боимся”» (ЛТ, V. 7).

Сведения, полученные францисканцами о гибели монгольской знати в каких-то ранних кампаниях, находят подтверждение в персидских и китайских источниках. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина об этих событиях сообщается следующее: «Государь Хитая Алтан-хан, который был весьма великим и уважаемым государем и которому большинство монгольских и тюркских племен, оттого что они жили в пределах страны Хитая, во все времена выказывали покорность и повиновение, — тоже вел себя заносчиво [и], согласно прежнему, ждал от Чингиз-хана покорности и повиновения; кроме того, государи Хитая убили несколько человек из старших поколений [букв. дедов и дядьев] Чингиз-хана <...>. По этим причинам между ними появилась вражда и распря. Когда всевышняя истина даровала Чингиз-хану силу и мощь и к нему собралось множество войска, он счел для себя необходимым приступить к возмездию и мщению за старую вражду [и] выступил с многочисленным войском на войну против Алтан-хана. Он покорил большую часть областей Хитая и уничтожил их государей и гордых их вельмож, а все избежавшие [монгольского] меча покорились и подчинились [ему]» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 66; ср.: там же, с. 263). Для историка ан-Насави, противника Чингис-хана, события выглядят так: «Племя этого проклятого, известное под названием *ат-те-мурчи*, — обитатели пустынь, а зимовьем им служила местность под названием Аргун. Они известны среди тюркских племен своим злом и коварством, и государи ас-Сина из-за их непокорности не считали возможным ослаблять им узду. <...> Покинув своего господина [Алтун-хана] после разрыва, они взаимно поклялись помогать друг другу в союзе, обнажили лицо распри и извлекли зло из его оболочки. Чингис-хан призвал к себе на помощь всех тех, кто примкнул к нему из его племени. Алтан-хан, пытаясь вернуть их к повиновению, неоднократно направлял к ним послания с таким требованием, смешивая в них извинения с предупреждением, а обещания с угрозой. Но его обращение лишь усилило распрю.

Каждый раз, когда он призывал их, “...они вкладывали свои пальцы в уши, и закрывались платьем, и упорствовали, и гордо превозносились” *. Когда он потерял надежду умиротворить их, то прибегнул к сбору войска, стал накапливать силы и готовиться, но в сражении был разбит самым постыдным образом, а они устроили страшную резню джурджа-хита’и и другим племенам тюрок, входившим в состав его войска» (*ан-Насави*. 1–2). Ан-Насави собственное имя Чингис-хана — Темучин — относит к его племени.

Согласно сведениям южносунского дипломата Чжао Хуна (для которого династия Цзинь, правившая в Северном Китае, как и для Чингис-хана, оставалась потенциальным врагом), вражда между монголами и Цзинь имела глубокие корни: «Когда татары находились [еще в пределах] своего собственного государства, [в период правления] Да-дин (1161–1189) в Яньцзине и киданьской земле распространялись слухи о том, что-де татары то и дело приходят и уходят и потеснят императора так, что [ему] будет некуда деваться. [... Правитель этого государства] с тревогой сказал: “Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!” И тогда отдал приказ срочно отправить войска в [их] жалкое захолустье и истребить их. [В дальнейшем] через каждые три года посылались войска на север для истребления и уничтожения [татар], и это называли “сокращением совершеннолетних” [у татар]. <...> При этом, когда их [татар] государство ежегодно представляло дань ко двору, [цзиньцы] принимали их подарки за заставой и отсылали их обратно, даже не допуская на [свою] землю. Татары бежали в песчаную пустыню. Озлобление проникло в мозг [их] костей. <...> Тэмоджин ненавидел [цзиньцев] за их обиды и притеснения и поэтому вторгся в пределы [Цзинь]. Все пограничные округа были разгромлены и вырезаны. [...Цзиньцы] говорили татарам: “Наше государство, как море, а ваше государство, как горсть песка. Как же [вам] поколебать [наше государство]!” У татар и доныне все — и стар и млад помнят эти слова» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 70–71). Удивительным образом последняя фраза об угрозе цзиньцев в адрес монголов переключается с аналогичной угрозой в отчете брата Иоанна.

* Коран. LXXI, 6(7).

12. ОБЛАСТЬ НАЙМАНОВ (НТ, § 7)

Найманы — один из крупнейших монгольских племенных союзов в предчингизову эпоху. Слово *найман* по-монгольски означает «восемь» — некоторые исследователи полагают пережитком древнетюркских числовых обозначений перед названиями крупных племенных союзов и возводят найманов к монголизированным тюркским племенам огузов. Среди найманов было распространено несторианство, и они считались одним из самых культурных монгольских племен. Именно через найманского чиновника Та-та-тун-а, по происхождению уйгура, захваченного в плен Чингис-ханом в 1204 г., монголами было воспринято уйгурское письмо. Основной этнической территорией найманов был Монгольский Алтай. Только после разгрома и подчинения найманов в 1204 г. Чингис-хан смог утвердить свою власть над большей частью территории Монголии.

Сведения францисканцев о местоположении земли найманов достоверны, что лишний раз свидетельствует о надежной ориентации путешественников в пространстве Центральной Азии. Напомним, что маршрут миссии лежал через города Хорезма и Мавераннахра, «страну Биссерминов», как называет ее брат Иоанн. Посольство должно было переправиться через великие среднеазиатские реки — Аму-Дарью и Сыр-Дарью (в отчете упомянуты обе реки, но о переправе через них не говорится) и останавливалось в Янгикенте. Дальнейший путь пролегал вдоль предгорий Тянь-Шаня, по краю пустыни Джунгарии, через земли кара-китаев, где путешественники видели город Эмиль. На землях от реки Эмиль до Иртыша находилась орда хана Угедая. Чань-чунь, проезжавший здесь в 1221 г., упоминает о дороге через Алтай, проведенной во время прохода монгольского войска по приказу Угедая. По дороге, идущей вдоль берега озера Ала-Куль, францисканцы попали в горную страну найманов. Их путь лежал по долине реки Алтай, в пределах горного хребта Хангай к северу от Алтая. Дальше находилась земли Монголии.

Этим же маршрутом в 1254 г. проехал армянский царь Хетум, направляясь в ставку великого хана в Каракорум. Из столицы Киликийской Армении, города Сиса, царь проехал

на Волгу в ставку Батыя. Там «ему был оказан большой почет и гостеприимство. Потом его послали в долгий путь на тот берег Каспийского моря к Мангу-хану. Отправившись в путь от них шестого числа месяца марери [13 мая], переправившись через реку Айех [Яик], они прибыли в Ор, расположенный на полпути между [местопребыванием] Батыя и Мангу-хана. Переправившись через реку Ертич [Иртыш], они вступили в страну Наймана*, [потом] поехали в Каракитай и достигли Татаристана [Монголии] четвертого числа месяца гори [13 сентября] и в день праздника Воздвиженья креста были представлены Мангу-хану, восседавшему во всем величии своей славы» (*Киракос Гандзакец*. 58)¹⁰⁶. Путешествие армянского посольства от ставки Батыя на Волге до Каракорума в Монголии длилось четыре месяца, обратный путь в Киликийскую Армению через Среднюю Азию и Персию, по свидетельству Киракоса, занял более восьми месяцев.

13. КАРА-КЫТАИ (КИДАНИ) (НТ, § 7)

Первые известия о киданях относятся к IV в. н. э., а в середине IX в. окончательно складывается их государство — империя Ляо, которая включала юго-восточную и центральную части Монголии и значительные территории Северного и Северо-Восточного Китая. Во время своего господства в Китае кара-кытай дали своей династии название Ляо, и под этим именем она известна в китайской истории¹⁰⁷. У мусульманских историков этот народ носит название *хытай*. Династия Ляо, может быть, более других чужеземных династий, правивших в Китае, усвоила китайскую культуру; последним представителям ее, однако, пришлось уйти из Китая, когда в Маньчжурии усилились чжурчжэни, народ тунгусского происхождения. Династия Ляо пала в 1125 г. под натиском чжурчжэней, которые заняли ее место в Северном Китае. Часть китаев ушла на запад, другие остались в Китае, подчинились чжурчжэням и потом, во время усиления Чингис-хана и его войны с чжурчжэнями, подняли против них восстание. Му-

* Долина р. Черный Иртыш и оз. Зайсан-нор.

сульманские источники впоследствии дают одно и то же название (кара-кытай) как кытаям, ушедшим на запад, так и кытаям, подчинившимся власти чжурчжэней. Успешным было движение другой части кара-кытаев, которые прошли северным путем через Западную Монголию и земли киргизов в верховьях Енисея и основали город Эмиль в районе Чугучака¹⁰⁸.

Кара-кытай, букв. «черные кытай», — часть племенного союза кытаев (киданей), бежавших в Семиречье после разгрома государства Ляо чжурчжэнями. В 1130 г., овладев Семиречьем, они создали там свое государство со столицей в городе Баласагуне, их глава именовался «гур-хан». В результате успешных походов на запад кара-кытай поставили в зависимость от себя среднеазиатские владения Караханидов. В 1141 г. от кара-кытаев потерпел поражение, в степи к северу от Самарканда, султан Санджар. Это поражение могущественного сельджукского султана в борьбе с неверными произвело сильное впечатление на современников; темные известия о нем дошли до крестоносцев, которые в то время вели борьбу с мусульманами в Палестине и Северной Месопотамии. Событие 1141 г., по-видимому, способствовало созданию в Европе легенды, будто с востока нападает на мусульманский мир и идет на соединение со своими единоверцами в Палестине христианский царь-священник Иоанн. В действительности кара-кытай тогда остановились на Аму-Дарье; их верховной власти подчинился весь мусульманский Туркестан до Бухары включительно и Хорезм¹⁰⁹. Гур-ханы принесли с собой китайские принципы управления и продолжали пользоваться в делопроизводстве китайским языком. Существовал, как впоследствии у монголов, термин *пайцза* для обозначения должностных знаков и грамот. Впоследствии, в империи Чингис-хана, именно кытай возьмут на себя роль переводчиков в администрации и армии монголов¹¹⁰.

Соперником гур-хана выступит хорезмшах 'Ала' ад-дин Мухаммад б. Текеш (1200—1220). При нем государство хорезмшахов достигло предела своего могущества и значительно расширило свои владения; после разгрома кара-китаев были присоединены Мавераннахр, Герат и нынешний Афганистан (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 182 и др.). В персидском географическом сочинении XIII в. этот факт отражен так: «Хата. <...>

Они владели городами Мавераннахра. Великий султан Мухаммад б. Текеш полностью истребил их и отобрал у них всеклады на земле. Та сторона очистилась от них, так что вокруг не встретишь ни одного мужа — [кара-]китай» (*Чудеса мира*. 463). В 1210 г. кара-китай вместе с найманами были разбиты Чингис-ханом, и их государство было ликвидировано. Однако название сохранилось. Например, Киракос Гандзакечи, рассказывая о пути Хетума в Монголию в 1254 г., пишет, что царь проехал землю Найман и Каракитай (*Киракос Гандзакечи*. 58; см. коммент. 12).

Интересно, что по имени этого народа главная культурная страна Дальнего Востока до сих пор носит у русских, монголов и отчасти у мусульман название Китай, хотя господство в этой стране кытаев прекратилось уже в XII в., а народ и его язык, вероятно, прекратили свое существование в эпоху монгольской империи¹¹¹. В тюркских рунических надписях *кидане* называются двояко — либо *qytan* («он много поразил на юге табгачей, на востоке — киданей, на севере — огузов») ¹¹², либо *qytai* («<...> табгач, огуз-татары, кытай и татабыйцы, столько народов прийдя, стонали и плакали») ¹¹³. Перенос этнонима с киданей на китайцев мог произойти лишь со второй половины X в., когда кидане распространили свое влияние на Северный Китай. Именно это наименование китайцев было воспринято теми средневековыми европейскими путешественниками, которые проникали в Китай через Восточный Туркестан¹¹⁴. Брат Иоанн называет собственно Китай термином *Kytaorum*. Он же использует этноним *kumai* (*Kytai*) и в его первоначальном значении, т. е. для обозначения киданей (кара-кытаев — *Karakytai*, *id est nigri Kytai*). Брат Вильгельм также различает кара-кытаев и кытаев. В книге Марко Поло термин *Cathay* употребляется как географическое название для обозначения Северного Китая, Южный Китай фигурирует под названием Манзи. К XIV в. относятся наиболее ранние упоминания о Китае в русских источниках (в Софийской второй летописи) в форме «Китай» (ПСРЛ. Т. 4. С. 125).

Западноевропейские топонимы (фр. *Chine*, англ. *China* и т. п.) восходят к арабо-персидскому названию *Чин* (китайская династия Цинь), поэтому долгое время европейские гео-

графы полагали, что существуют две разные страны — Чин и Катай. То же самое разделение представлено в записках Афанасия Никитина (конец XV в.), который, перечисляя южные морские гавани от Индии до Китая, пишет: «<...> а от Певгу до Чини да до Мачина месяц итьги, морем все то хождение. А от Чини до Кытаа итьги сухом 6 месяць» (*Афанасий Никитин*, с. 24). Ибн-Баттута также называет Южный Китай Сином, а Северный — Хатаем. Лишь после путешествия из Кашмира в Западный Китай Бенедикта Гюэса (ум. 1607) окончательно стало ясно, что в обоих случаях речь идет об одной и той же стране.

14. НАЙМАНЫ И МОНГОЛЫ (НТ, § 7)

Параллельное место у брата Иоанна выглядит так: «Когда найманы прослышали, что Чингис настолько возвысился, они возмутились. Ибо сами они имели императора, который был чрезвычайно решительным и которому платили дань все вышеперечисленные народы. Когда он исчерпал страдания земной юдоли, ему наследовали его сыновья, но были они юны и глупы и не могли удержать народ, а, наоборот, разделились и раскололи [страну]. Вследствие этого вышеозначенный Чингис тем временем сильно возвысился. Однако, невзирая на это, они совершали набеги на вышеуказанные земли, убивали мужчин, женщин и детей и захватывали их имущество. Чингис, прослышав про это, собрал всех подчиненных себе людей. Найманы, а также кара-китай, то есть черные китай, сошлись с обратной стороны в той же узкой долине, расположенной между двух гор, которую и мы пересекли по пути к их императору. И завязалась битва, в которой найманы и кара-китай были разбиты монголами. И большая часть из них была убита, остальные же, которым не удалось спастись бегством, были обращены в рабство» (LT, V. 4—5).

О разногласиях между братьями, правившими найманами, старшим Таян-ханом и Буюрук-ханом говорит и Рашид ад-Дин: «Буюрук-хан не оказывал повиновения брату и имел отдельное [от него] войско и область. Друг с другом они были в крайне плохих отношениях» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 112). Подтверждаются и сведения о битве, закончившейся

разгромом войска найманов. Чингис-хан отправился в этот поход осенью 1204 г. Государь найманов Таян-хан находился в долине реки Алтай, в пределах горного хребта Хангай к северу от Алтая. Битва длилась целый день и закончилась поражением найманов. «Так как была ночная пора и войско Таян-хана было разбито, а войско Чингис-хана преследовало его, беглецы от чрезмерного страха и ужаса бросились в труднопроходимые горы. Ночью многие из войска найманов соскальзывали, скатывались, низвергались вниз с крутых гор и труднодоступного косогора, название которого Наку-Кун, и погибали. Это событие весьма известно и знаменито среди монгольских племен» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 148; ср.: *Сокровенное сказание*. § 196)¹¹⁵.

15. ВОЙРАТ, САРИ-УЙГУРЫ И ДРУГИЕ НАРОДЫ (НТ, § 8)

15.1. В донесении брата Иоанна походы монголов против близлежащих территорий отнесены к событиям после войны с уйгурами: «Выступив оттуда против земли Сариуйгур и против земли каранитов, и против земли Войрат, и против земли Канана, он все эти земли войной одолел» (LT, V. 8).

Земля Войрат (*Voyrat*) — это территория ойратов, одного из монгольязычных племен, входивших в состав так называемых «лесных народов»¹¹⁶. Жили к северу от реки Дельгер, притока Селенги. Принимали участие в коалиции племен во главе с Чжамухой, заключивших союз против Чингис-хана. В 1207 г. во время похода старшего сына Чингис-хана Джочи против «лесных народов» южной окраины таежной зоны Сибири были покорены монголами, их правитель Худуха-беки подчинился и был пожалован главой четырех тысяч ойратов. Его владения простирались до Малого Енисея. Два сына Худуха-беки были женаты на принцессах из Чингисова рода. К концу первой трети XIV в., ко времени падения династии Юань, ойраты составляли четыре тумена.

15.2. Сари-уйгуры (*Sarihuiur*) — кит. *сали взй-у* «желтые уйгуры». Сари-уйгуры проживали на территории тангутского государства Великое Ся (982–1227), прежде всего в долине реки

Эдзин-Гол, а также в областях Ганьчжоу (современный г. Чжэнь, провинции Ганьсу) и к западу вплоть до Шачжоу — Дуньхуана. Тангутское государство было полиэтническим, основное население состояло из тангутов (самоназвание *ми*, *минья*, тибетское название *миняги*, китайское *цяны* или *дансяны*), китайцев, тибетцев и уйгуров. Судя по тангутскому Своду законов середины XII в., часть уйгуров, обитавших в пределах тангутских владений, вела кочевой образ жизни. Монголы совершали походы на тангутское государство в 1205, 1207—1208, 1209—1210, 1217, 1226—1227 гг. Осенью 1227 г. царство Тангут было покорено монголами окончательно¹¹⁷. В биографии монгольского военачальника Субедея в «Юань-ши» сообщается: в 1223 г. «назначен тысячником меркитов, найманов, кереитов [из которых] создали единую армию. В 19-м году [1224] преподнес [Чингис-хану] 10 тысяч лошадей. В 21-м году [1226] захватил народ тегина шара-уйгуров, а также центры округов Дэшунь, Чжэньчжун, Ланьху и Таочжоу, подарил [Чингис-хану] три тысячи кобылиц»¹¹⁸.

15.3. Караниты (*Karanitas*). По мнению большинства исследователей, караниты, равно как и канана у брата Иоанна, загадочные этнонимы¹¹⁹. С. Г. Кляшторный полагает, что под каранитами следует понимать монгольское племя *каранут*, входившее в племенной союз кунгиратов (упоминается у Рашид ад-Дина). Палеографически эта версия может быть подтверждена встречающимся во многих рукописях сочинения брата Иоанна вариантом *Karaviti*. Е. И. Кычанов высказал другую точку зрения. Под каранитами следует понимать кереитов (кит. *кэле*, *кэлеи*). Кереиты кочевали по рекам Орхон и Толе, на востоке соседствовали с монголами, на западе — с найманами, на севере — с меркитами. Подчинены Чингисханом в 1203 г. Во времена междоусобной борьбы в Монголии Чингис-хан являлся вассалом правителя кереитов Тоорил-хана (он же Ван-хан). Следует обратить внимание на то, что в какой-либо иной форме наименование *кереитов*, народа, сыгравшего огромную роль в истории возвышения монголов и личной судьбе Чингис-хана, в книге брата Иоанна не упоминается. Этнолингвистическая принадлежность кереитов точно не установлена. Одни авторы полагают их тюркоязычными, другие — монголоязычными. При правлении в

Северном Китае киданьской династии Ляо (906—1125) керейты числились среди племен цзубу. В 1089 г. правитель керейтов Маркус (керейтская знать приняла несторианство) получил от императора Ляо пожалование и стал управлять всеми племенами керейтов. После распада в середине XII в. первого монгольского государства Хамаг Монгол улуса керейты особенно усилились. В 1177—1178 гг. керейты помогли Темучжину разгромить меркитов и освободить из меркитского плена его жену Борте. В 1189 г. Тоорил-хан керейтский был разгромлен найманами и вернул себе свой улус только при помощи Темучжина. В 1196 г. Тоорил-хан и Темучжин совместно с войсками чжурчжэньского государства Цзинь выступили в поход против татар. Татары были разгромлены. Когда Тоорил-хан решил породниться с Чингис-ханом и женить своего сына на дочери последнего, между ними возникла размолвка, кончившаяся войной. В 1203 г. Чингис-хан разгромил керейтов. Но в отличие от татар, керейты не были подвергнуты всеобщему истреблению.

15.4. Космир (Cosmir). По мнению Пейнтера, *Космир* — еще более темная загадка, чем караниты. Название могло бы означать Кашмир, с которым Чингис-хан тесно соприкоснулся во время экспедиции вдоль верховий Инда. Ан-Насави, описывая родину монголов, говорит, что с наступлением зимы «они переходили воды Ганга вблизи Кашмира, останавливаясь на зимовку в прибрежной местности с ее прекрасными долинами» (*ан-Насави*. 1). Монголы не вторгались в Кашмир до 1253 г. в правление хана Мунке. Однако племена кашмирцев названы в списке завоеванных народов экспедицией Субудея (*Сокровенное сказание*. § 262, 270). По сведениям Рашид ад-Дина, во времена хана Мунке монгольские войска, назначаемые в завоеванные области для поддержания порядка и охраны границ, находились в *стороне* Кашмира и в пределах Балха и Бадахшана (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 279).

Марко Поло сообщает о Кашмире следующее: «В Кесимюре народ также [как и в Бадахшане] идолопоклонники, говорит особенным языком. Просто удивительно, сколько дьявольских заговоров они знают: идолов своих заставляют говорить, погоду меняют заговорами, великую темь напускают. Кто всего этого не видел, и не поверит, что они заговорами

делают. Это самые главные язычники, от них и начинается идолопоклонство. Отсюда можно дойти до Индийского моря. Люди черны и худы, а женщины хотя и черны, да хороши. Едят они мясо и рис. Страна умеренная, не очень тут жарко и не очень холодно. Городов, городков здесь довольно; есть леса, и пустыни, а укрепленных проходов столько, что народ никого не боится, живет самостоятельно; у них свой царь; он и творит суд и расправу» (*Марко Поло*, с. 75). Интересно, что Марко Поло считает область Кашмир неподвластной великому хану, тогда как, судя по Списку покоренных народов из донесения брата Иоанна, Кашмир причислен к землям, покоренным монголами (LT, VII. 9).

16. ОСАДА КИТАЙСКОЙ СТОЛИЦЫ (НТ, § 9)

16.1. История вторжения монголов в Китай в донесении брата Иоанна выглядит так: «После краткого отдыха он созвал всех своих людей и выступил войной, как и прежде, против китаев. И после долгих сражений с ними они покорили большую часть земли китаев. Императора же своего они [китаи] укрыли в своем большом городе, который [монгалы] осаждали так долго, что полностью закончились их припасы. А когда им совсем уже нечего было есть, то сей Чингис-хан приказал отдать одного из десяти человек на съедение. А те, кто был в городе, мужественно сражались против монгалов при помощи машин и стрел. Поскольку им недоставало камней, вместо камней они бросали серебро, по большей части расплавленное *, ибо этот город был полон многими богат-

* Возможно, речь идет об одной из категорий китайских зажигательных снарядов в виде горшков, наполнявшихся расплавленным металлом. В этом случае становится ясен смысл фразы брата Иоанна о бросании серебра в расплавленном виде. Металл расплавляли в специальных переносных горнах. В качестве одного из зажигательных средств расплавленным металлом пользовались для наполнения метательных снарядов *цзинь чжи пао*. Такой снаряд назывался «огненный горшок с [расплавленным] металлом». Расплавленный металл в Китае издавна применялся при обороне крепостей. В 1236 г., когда монголы под командованием Аньчжуря окружили

ствами. И после того как долго сражались и совершенно не могли победить этот город войной, они проложили большой ход под землей от [места расположения] войска до середины города * и, вскрыв внезапно землю, когда те не подозревали, вышли в середине города и бились с его жителями. А те же, которые находились вне [города], точно так же сражались с ними и, сломав ворота, вошли в город и, убив императора и множество народа, захватили город и унесли золото и серебро, и все его богатства **. И когда поставили во главе названной страны китаев своих людей, вернулись в собственную землю. После поражения императора китаев первое, что было сделано, это то, что императором стал вышеназванный Чингис-хан. Однако некая часть страны китаев, которая расположена на побережье, вплоть до сегодняшнего дня осталась совершенно непокоренной ими» (LT, V. 9).

Поход армии Чингис-хана в Северный Китай и осада столицы относятся к известным историческим фактам. Сомнение вызывает лишь версия событий, изложенная в донесениях францисканской миссии 1245 г. Особое удивление вызывает приказ Чингис-хана съедать каждого десятого. Если

чжурчжэньскую крепость Хуэйчжоу, защитники города «собрали все имеющееся в крепости золото, серебро, медь, железо и, смешав их в расплаве, изготовляли пао» (Цзинь ши, цз. 124), цит. по: *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980, с. 183, 193. Школяр полагает, что имела в виду отливка корпусов для пороховых снарядов.

* Войны в средневековом Китае изобилуют случаями употребления минных галерей для разрушения фортификационных сооружений. До появления взрывчатых веществ тоннель, подводимый под стену, укрепляли столбами, которые затем поджигали, в результате обвала тоннеля рушилось и наземное сооружение, см.: *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия, с. 327. Однако прорыв тоннеля до середины города — фантастическое преувеличение. Возможно, таким образом автор «Романа о Чингис-хане» придает монголам статус существ нижнего мира.

** Сведения «Сокровенного сказания» (§ 252) подтверждают факт изъятия золота, серебра, шитых золотом узорчатых тканей, шелка, захваченных в сокровищнице китайского императора. Ср.: *Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 174.

довериться сообщению о голоде в монгольской армии, расположившейся у стен китайской столицы, то придется согласиться, что столица находилась в безлюднейшей пустыне. В противном случае хоть какую-то пищу можно было обнаружить в радиусе 500 километров. Предположим, что Китай превратился в пустыню, а припасы у осаждающих действительно закончились. В таком случае монголы съели бы запасных лошадей, но ни при каких условиях они не стали бы дожидаться того дня, когда пришлось бы съесть последнюю лошадь. На чем бы они отправились в обратный путь? К тому же следует напомнить, что осаждающие в первую очередь были заинтересованы в получении откупных даров, что подтверждают сведения из монгольского источника (*Сокровенное сказание*. § 248, 251). Спрашивается, если съедены все лошади и отдан приказ съедать каждого десятого, на чем оставшиеся в живых повезут захваченные богатства? Да и нужны ли золото и шелка, полученные в обмен на утраченное войско? Известно, что кочевники никогда не затягивали осады городов в ущерб собственному войску. К тому же не ясно, как могли голодные и обессиленные люди проложить подземный ход до середины города и успешно продолжить наступление. Следует согласиться, что францисканцы передают иррациональную версию событий. Возникает вопрос: чей взгляд на события отражает эта версия? Ясно, что он далек как от официальной (монгольской) точки зрения, так и от взгляда противников монголов — китайцев, а характер искажений не позволяет предположить некие фольклорные преувеличения.

Полное несоответствие сведений францисканцев реальной картине событий отметили все исследователи¹²⁰. Известно, что войска Чингис-хана дважды, в 1213 и 1214 гг., осаждали Чжун-ду (Средний стольный город). Первый раз китайский император находился в городе, он смог откупиться от осады подарками и переехал в другую столицу. Впоследствии монголы не раз сражались с его войсками. Император пережил Чингис-хана и умер своей смертью. Об этом знали и союзники монголов, и их противники (см.: *ан-Насави*. 2). Поэтому сведения о пленении и убийстве китайского императора — не искажение фактов, а литературный сюжет, связанный с определенным замыслом. О проведении монголами неве-

роятной длины тоннеля официальные источники не упоминают. Сведения францисканцев о людоедстве в монгольском войске при осаде северной столицы Китая также не соответствуют истине. Наоборот, этой страшной участи подверглось население осажденного города. И, наконец, самое главное — приказ Чингис-хана в ситуации чрезвычайного голода съедать каждого десятого. Несомненно, перед нами картина, граничащая с абсурдом.

Остается ответить на вопрос, кому принадлежит авторство этого эпизода. Полагать вслед за Жере-Лаферте, что «исправления» и «вымыслы» принадлежат францисканцам, озабоченным созданием стройной композиции своих донесений¹²¹, оснований нет. За «недостовверными» сведениями францисканской миссии угадывается анонимная фигура автора «Романа о Чингис-хане». Приписав же вымысел папским дипломатам, мы с неизбежностью попадем в тупик, поскольку объяснить мотивацию подобного творчества невозможно. В анализируемом сюжете Чингис-хан становится императором, прибегая к двум способам, указывающим на хтоническое происхождение его власти: приказав армии съедать каждого десятого (ритуальное убийство) и проложив подземный ход до середины города (в версии брата Бенедикта сохранилась важная деталь — монголы врываются в город ночью).

В известном смысле описание вторжения в Китай и осада столичного города несет в себе скрытый мотив «вселенского разрушения». Длительная осада «истинного» сакрального центра влечет профанацию фигуры предводителя монгольского войска. Дисгармония, внесенная им в мироустройство китайской цивилизации, оборачивается социальной дисгармонией внутри монгольского войска. Идеально организованный монгольский социум, поделенный на военно-административные единицы (десятки, сотни и т. д.), приобретает асоциальную функцию. Армия, чтобы продлить свое существование, вынуждена уничтожать сама себя. При этом порядок уничтожения копирует существующую систему управления. Жесткий сарказм автора «Романа о Чингис-хане» не смогли оценить ни средневековые дипломаты, ни современные исследователи.

16.2. Рассмотрим кратко дальнейшую судьбу вымышленного эпизода о приказе съедать каждого десятого. В четвер-

той главе, посвященной нравам, пище и обычаям монголов, брат Иоанн утверждает, что при необходимости они едят человеческую плоть, и ссылается на эпизод осады китайской столицы (LT, IV. 7). Очевидно, что сведения из пятой главы дублируются им в четвертой главе. И, следовательно, утверждение брата Иоанна о том, что монголы «при необходимости едят человеческую плоть», имеет силу только в рамках сюжета об осаде, придуманного автором романа. Например, Дж. Таттерсаль, не обращая внимания на развернутый сюжет в пятой главе, комментирует пассаж только из четвертой главы книги брата Иоанна. Фраза о «необходимости» поедать людей ставит его в тупик, поэтому в своих объяснениях он пускается в туманные размышления; по его мнению, такого рода представления о чужестранцах близки к идеям эпохи крестовых походов¹²².

В «Истории Тартар» Ц. де Бридиа эти сведения окончательно отрываются от исходного контекста. Исчезает упоминание приказа о съедении каждого десятого. Таким образом, вымышленный сюжет, усилиями переписчика рукописи, перемещается в область апокалиптических представлений европейцев о монголах: «Они едят без меры все нечистое: волков, лисиц, собак, падаль, пометы, мышей, и в случае необходимости — человеческую плоть» (НТ, § 54).

Пассаж о странном приказе Чингис-хана из донесения брата Иоанна попал в энциклопедию Винцента из Бове (*Симон де Сент-Квентин*. XXX. 78)¹²³. Брат Винцент, опираясь на подобные «факты» и собственное воображение, создал «классификацию» монгольского каннибализма, где называет три причины этого явления: голод, месть и стремление внушить ужас врагам (*causa timoris et horroris incutiendi populis hoc audituris*). Эта систематика была воспринята некоторыми исследователями как хотя и далекая от действительности, но своеобразная ученая модель, документирующая «коварную жестокость монголов»¹²⁴. Поразительно, но факт: на обложке последнего немецкого издания книги брата Иоанна воспроизведена средневековая миниатюра из рукописи Матфея Парижского — монголы, пожирающие человеческую плоть¹²⁵. Матфей Парижский пишет, что монголы лакомятся телами поверженных противников, тогда как в донесениях францисканской миссии 1245 г. говорится о том, что монгольское вой-

ско было вынуждено съедать своих. Очевидно, что речь идет о разных вещах. Первую ситуацию следует рассматривать в категориях «свое — чужое», тогда как эпизод, связанный с осадой китайской столицы, должен рассматриваться в категориях «реальное» — «ирреальное». В первом случае говорится о войске Антихриста, а во втором — об императоре и армии, попавшей в «трудную ситуацию». Следовательно, мы имеем разные перспективы для исследования.

17. ТИТУЛ *ХАН* (НТ, § 9)

17.1. В донесении брата Бенедикта сказано, что после взятия китайской столицы титул Чингис-хана изменился: *Ex tunc Cingis precepit se 'can', id est 'imperatorem', appellari* 'С этого времени Чингис начал именоваться каном, что означает император' (НТ, § 9). Параллельный пассаж из донесения брата Иоанна гласит, что Чингис-хан после завоевания Китая был назван императором: *Et tunc primo imperatore Kytaorum deuicto factus est predictus Chingiscan imperator* 'После поражения императора китаев первое, что было сделано, — это то, что императором стал вышеназванный Чингис-хан' (LT, V. 9). Далее, брат Иоанн сообщает о старшем сыне Чингис-хана: «Одного из своих сыновей, по имени Тоссук, которого также называли каном, то есть императором, он послал с войском против команов» (LT, V. 11). Таким образом, францисканцы устанавливают связь между титулами *хан* и *император*.

Ни равенство титулов, ни сведения об изменении титула Чингис-хана после победы над Северным Китаем не соответствуют реальности. Собственно, титулом было новое «имя» Темуджина — Чингис-хан, этимология которого неясна и иногда трактуется как «Завоеватель мира»¹²⁶. В донесении Чжао Хуна, посла Сунского двора к монголам в Пекин в 1221 г., приводится следующее объяснение: «[Татарский правитель] стал называться Чэн-цзи-сы хуан-ди * в переводе [его титула на китайский язык]. Некоторые говорят, что Чэн-цзи-сы есть не что иное, как перевод двух [китайских] слов: *тянь-*

* Чэн-цзи-сы хуан-ди — «император Чингис».

цы, [т. е. “Пожалованный Небом”]» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 50, 118–119, прим. 76). Чжао Хун использует термин *хуан-ди* («император») для передачи тюрко-монгольского титула «хан».

Любопытной параллелью к сведениям францисканцев являются пояснения Рашид ад-Дина к краткой истории государей Китая. Речь идет о государе киданей, основавшем династию Великая Ляо: «Этот государь, завладев областью Кара-Хитая и Джурджэ, нарек себя Дай-Лиу [Великая Ляо], т. е. государь мира. Когда Чингиз-хан захватил государства, население Хитая назвало его соответственно этому термину Дай-ван, т. е. великий государь, приказ которого объемлет [весь] мир» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 77).

Сведения, полученные францисканцами, следует сравнить с монгольскими известиями. В «Сокровенном сказании», которое, как известно, сохранилось в китайской транскрипции, дважды под двумя разными датами упоминается интересное нас событие, связанное с присвоением титула: 1) 1203 г.: «Тэмуджина же нарекли Чингис-хаганом и поставили ханом над собою»¹²⁷; 2) 1206 г.: «Чингис-хану там дали титул хана»¹²⁸. В китайском сказании о Чингис-хане под 1206 г. сказано: «Все, совокупно, поднесли ему титул императора Чингиса» (*Китайское сказание*, с. 180). С какими событиями связана та и другая даты в монгольской истории? В 1203 г. Чингис-хан убил Онг-хана, получив его государство и войско в свою собственность, а 1206 г. был убит им правитель найманов. Разницу в датах присвоения титула Рашид ад-Дин объясняет поздними попытками историков определить начало правления Чингис-хана. В частности, о событиях 1203 г. он замечает: «Астрологи и некоторые историки исходя из этого положили считать начало [его] царствования с этого года» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 252). В любом случае, обретение императорского титула Чингис-ханом не связано с китайской кампанией, развернувшейся в 1213 г., как о том информировали францисканцев. Следовательно, в отчетах отражен вымышленный эпизод, который получает объяснение в рамках более широкого повествования, а именно иррационального по своему содержанию сценария осады китайской столицы (см. коммент. 16). Исследование вопроса о содержании титула *хан* в представлениях монголов XIII в. не входит в нашу за-

дачу, поскольку этот вопрос уже разработан в научной литературе¹²⁹.

17.2. Далее привлечение сравнительных материалов преследует единственную цель — показать культурный фон и отношение к титулам в той среде, с которой контактировали францисканцы. Вопрос о титулах отличался особой значимостью. Ан-Насави, секретарь султана Джалал ад-Дина, знакомый по роду службы с тонкостями дипломатической переписки и требованиями этикета, значение титула *хан* определяет как *государь*. Ан-Насави говорит об этом титуле в контексте ранней истории возвышения Чингис-хана, который рисуется одним из ханов, некогда покорных правителю империи Цзинь, что отчасти перекликается со сведениями «Истории Тартар» о дани, которую монголы платили императору династии Цзинь (НТ, § 6; см. коммент. 11). В книге ан-Насави описываются северные пределы этой империи, причем образ жизни правителей кочевых племен, обитавших около Китайской стены, приписывается владыке Срединного Китая: «Не один из тех, со словами которых считаются, рассказывал мне, что государство Китай [ас-Син] — обширное государство и обойти вокруг него можно за шесть месяцев. Говорят, что он окружен единой стеной, которая прерывается лишь у непреодолимых гор и широких рек. С давних пор ас-Син разделен на шесть частей, каждая из которых протяженностью в месяц пути. В такой части управляет *хан*, то есть “государь” на их языке, от имени великого хана. Их великим ханом, который приходился современником султану Мухаммаду, * был Алтун-хан. ** Они [ханы] наследовали Китай друг за другом — великий от великого, а вернее, неверный от неверного. Обычно они находились в Тамгадже, *** а это самая середина ас-Сина, и в окружающих местностях и перебирались в течение

* Султан Мухаммад правил в 1200–1220 гг. Хорезмом и Хорасаном.

** *Алтун-хан* («золотой хан») — пятый император из чжурчжэньской династии Цзинь, правившей в Северном Китае в 1115–1234 гг. По словам Рашид ад-Дина, всех государей Цзиньской династии монголы называли Алтан-хан (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 167).

*** *Тамгадж* (Тамгач, Табгач) — общее название Северного Китая, где тюрками была создана империя Северная Вэй (IV–VI вв.). Ср.: Махмуд Кашгарский о Китае (XI в.): «Чин в основе своей

лета с одной стоянки на другую, переходя из области в область до тех пор, пока не наступала зима с ее мрачным лицом, а тогда они переходили воды Ганга вблизи Кашмира, останавливаясь на зимовку в прибрежной местности с ее прекрасными долинами и возвышенностями, подобных которым нет в других краях. Охрана всего того, что оставлял государь, была тогда возложена на шестерых ханов, живших на землях ас-Сина. Среди них в упомянутую эпоху был человек по имени Души-хан, который был женат на тетке, по отцу, проклятого Чингис-хана. Племя этого проклятого, известное под названием ат-темурчи, — обитатели пустынь, а зимовьем им служила местность под названием Аргун. Они известны среди тюркских племен своим злом и коварством, и государи ас-Сина из-за их непокорности не считали возможным ослаблять им узду. И случилось так, что, когда умер Души-хан, муж тетки кровавого Чингис-хана, а Алтун-хан отсутствовал, Чингис-хан посетил ее и выразил ей свои соболезнования. Затем она велела известить об этом Кушлу-хана и Чингис-хана *, которые правили областями, граничившими с двух сторон с территорией умершего. Известив их обоих о смерти своего мужа, она еще сообщила им, что покойный не оставил после себя сына и что если его место займет ее племянник Чингис-хан, то он будет следовать по стопам умершего, содействуя обоим ханам и подчиняясь их воле. Тогда они оба одобрили ее мнение о том, что она считала целесообразным, и посоветовали ей облечь его властью и закрыть брешь, образовавшуюся со смертью Души-хана. Они гарантировали ей поддержку такого положения по возвращении Алтун-хана в его резиденцию и пристанище его близким и сподвижникам. Чингис-хан стал

состоит из трех частей: первая — Верхний Чин, который находится на Востоке, его называют Тавгач. Вторая — Средний Чин, это Хытай. Третья — Нижний Чин, это в Кашгарии»; цит. по: *Кононов А. Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // ТС. 1974. М., 1978. С. 82.

Тавгач в форме Тавгаст упоминается в византийском сочинении VII в.: «Тавгаст — известный город, от тех, кого называют тюрками, он находится на расстоянии 1500 миль и сам расположен по соседству с Индией» (*Феофилакт Симокатта*, с. 188).

* Это неизвестное лицо, тоже носившее (по ан-Насави) имя Чингис-хан.

управлять тем, что было у Души-хана, и за небольшое время к нему примкнули зачинщики смут из числа негодяев — его соплеменников и злодеев из его рода — камней для смуты, огонь которой не угас и чьи острия не отскакивают и поныне. Когда Алтун-хан возвратился в свой город, именуемый Тамгадж, хаджибы, согласно обычаю, начали представлять ему ежедневно по несколько дел из тех, которые имели место за время его отсутствия. И когда были преподнесены подарки Чингис-хана, он страшно разгневался, удивляясь, как те двое выдвинули его. Он приказал отрезать хвосты [подаренным] коням и прогнать их. Его хаджибы вышли, браня и упрекая двух ханов, поддержавших его (Чингис-хана), и в своих угрозах дошли до того, что Чингис-хан и двое его друзей увидели, что смерть недалека и гибель ближе, чем шейная вена. И тогда они перестали повиноваться и вместе нарушили заповедь союза [с Алтун-ханом]. Покинув своего господина после разрыва, они взаимно поклялись помогать друг другу в союзе, обнажили лицо распри и извлекли зло из его оболочки. Чингис-хан призвал к себе на помощь всех тех, кто примкнул к нему из его племени» (*ан-Насаби*. 1–2).

В рассказе брата Бенедикта о путешествии миссии в Центральную Азию, записанном с его слов неким кельнским схоластом, великий хан Гуюк фигурирует под титулом *Imperator Thartarorum* — «император Тартарии» (*Relatio fr. Benedicti Poloni*. 12). Сохранился оригинал письма на персидском языке, которое привезли папе францисканцы от хана Гуюка¹³⁰. В письме, адресованном папе Иннокентию IV, Гуюк именуется Далай-хан (Океан-хан)¹³¹. Винцент из Бове, имевший доступ к документам римской курии, передает содержание некой дипломатической реляции, где описана коронация Гуюка. О монгольской титулатуре он сообщает следующее: *Cuyuc, qui et Gog chaam*¹³² id est imperator vel rex dicitur, sublimatus est in Tartarorum regno 'Куйук, который именуется Гог хаам, то есть император или царь, был вознесен на тартарский престол' (*Симон де Сент-Квентин*. XXXII. 32). В другой части исторической энциклопедии Винцента из Бове сведения доминиканской миссии брата Асцелина восприняты следующим образом: «Имя хан или хаам является титулом и обозначает нечто подобное [титулам] *царь* или *император*, то есть *славный*

или *благородный*. Но тартары обращаются так исключительно к своему владыке, умалчивая его личное имя. Сам же он гордится тем, что является сыном Бога, и величается перед людьми этим [титолом]. Что и означает Куйук или, на другом языке, — Гог. Итак, личное имя императора Гог, а брата его — Магог, ибо Господь предсказал через Иезекииля * пришествие Гога и Магога и предрек их поражение и гибель». ** Сопоставление имени Гуюка с Гогом является вольной импровизацией Винцента из Бове.

Монгольская формула о покровительстве Вечного Неба деяниям великого хана: *möngke tengri-yin jarliq qan* *** вполне адекватно переводилась средневековыми европейскими дипломатами: *Cingischam filius Dei dulcis et venerabilis* — ‘Чингисхан сын Бога, сладостный и досточтимый’¹³³. Однако интеллектуалами в христианской Европе эта формула воспринималась крайне негативно.

Вот реакция Винцента из Бове на монгольские титульные формулы: «Они до такой степени нечестивы и надменны, что хаама, своего государя, называют сыном Бога и почитают его как занимающего место Бога на земле, произнося и демонстрируя тем самым воплощение следующего: “Господь неба небесного дал земле сына человеческого”. Так и сам хаам называет себя сыном Бога и в посланиях своих этим именем всеми повелевает». Киракос, рассказывая о начале военной кам-

* Книга пророка Иезекииля. 38–39.

** *Simon de Saint-Quentin*. XXXII. 34: Et hoc quidem nomen chan sive chaam est appellativum idemque sonat quod rex vel imperator, sive magnificus vel magnificatus, sed hoc Tartari singulariter attribuunt domino suo, nomen ejus proprium reticendo. Ipse quoque gloriatur se esse filium Dei, seque sic ab hominibus appellari. Idem autem sonat Cuyuc quod et Gog secundum aliam linguam. Est itaque nomen imperatoris proprium Gog et fratris ejus Magog. Siquidem per Ezechielem Dominus Gog et Magog adventur predicit eorumque interitum se facturum per eundem promittit.

*** Как полагает П. О. Рыкин, эта формула представлена в «Сокровенном сказании» (§ 244): *möngke tenggeri-yin jarliq qan ja'arit übülemü nikente temüjin ukus barituqai ke'emü nikente qasar-i ke'emü* — «Указания [относительно] хана, [которые суть] указ Вечного неба, гаасят: “Пусть какое-то время народом правит Мэмуджин, а какое-то время Касар”» (Перевод П. О. Рыкина).

пании монголов против султана Рума в 1256 г., пишет о сборе предводителей: «Это были знатные люди, стоявшие во главе государства. Вот их имена: Балахай, Тутхар, Гули, которых мы сами видели; это были внуки Чингис-хана, и их называли сыновьями Бога» (*Киракос Гандзакети*. 59).

Анонимному автору персидской космографии (XIII в.) известна почти вся палитра титулов правителей от Китая до Кавказа: «Арабских падишахов называют *амирами*, правителей Хорезма, Ширвана, Киша, Армении — *шахами*, правителя Индии — *райем*. Правителей Абхаза и франков называют *тагаверами*, правителей Китая — *фагфурами*, * правителей Фарса и Азербайджана — *атабеками*, правителей Мисра — *азизами*, правителей Туркестана — *ханами*» (*Чудеса мира*. 576). Ибн Хордадбех, начальник почты и осведомления и визирь багдадского халифа, в «Книге путей и стран» (885 г.) перечисляет «титулы владык Земли»: «Владыка ал-Ирака, которого простонародье называет Кисрой, [носит титул] *шаханшах*. Владыка ар-Рума, которого простонародье называет Кайсар, — *Басил*. ** Все владыки тюрок, тибетцев и хазар — *хаканы*, *** кроме владыки карлуков, которого называют *джабгуйа*, **** а владыка ас-Син — *Багбур*» (*Ибн Хордадбех*. 10). Ал-Бируни в главе «О разрядах царей» приводит обширный список титулов и, в частности, сообщает, что «царь тюрок из хазар и тогузгузов — хакан, царь тюрок гуззов — ханута» (*ал-Бируни*. Памятники минувших поколений, с. 111).

Ала ад-Дин Джувейни, излагая положения Ясы, пишет: «И еще у них похвальный обычай, что закрыли они двери чи-

* *Фагфур* («сын бога») — староперсидский перевод титула китайских императоров («сын неба»). Ср.: Византийский автор VII в. Феофилакт Симокатта пишет, что правитель Северного Китая «называется “таисан”, что на эллинском языке означает “сын бога”» (*Феофилакт Симокатта*, с. 191).

** *Кайсар* — арабская передача латинского «цезарь». *Басил* — арабизированное греч. *василевс* — официальный титул византийского императора.

*** Согласно ал-Хорезми, *хакан* означает «хан ханов», *хан* — предводитель.

**** Тюркский титул *йабгу* см.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. С. 42, прим. 5.

нопочитания, похвальбы званиями и [воспретили] крайности самовозвеличения и недоступности, кои заведены у счастливых судьбы и в обычае царей. Кто не воссядет на ханский престол, одно имя ему добавляют Хан или Каан, и только. Более сего не пишут, а сыновей его и братьев зовут тем именем, что наречено им при рождении, будь то в лицо или за глаза, будь то простые или знатные. Когда пишут обращения в письмах, одно то имя пишут, и между султаном и простолюдином разницы не делают. Пишут только суть и цель дела, а излишние звания и выражения отвергают». Сирийский автор Абу-л Фарадж бар Эбрей использовал сведения из книги Джувейни для описания монгольских правил: «Царям и знати не надо давать многообразных цветистых имен, как то делают другие народы, в особенности мусульмане. Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует — Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным [личным] именем» (*Джувейни*, с. 40, 53).

В древнерусских известиях о монгольских великих ханах обычно употребляется слово «кан». В частности, о Гуюке, третьем великом хане, сказано: «Кююкъ, иже вратися оуведавъ смръть канову и быс каном»; о Менгу: «Меньгоуканови же пришедшоу сглядать град Кыева»; «Чигизаконова мечтанья скверная» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 784; 782; 806). Очень странно в приведенном сообщении о походе на Киев в 1239 г. выглядит титул *кан* у Менгу, который, как известно, стал императором только в 1251 г. Позднее, к XV в., титул *кан* выйдет из употребления на Руси и будет забыт. Н. Серебрянский, анализируя поздние рукописи (*Сказание о св. Михаиле, Васильеву редакцию жития Александра Невского*), пишет: «Можно видеть, каким камнем преткновения для переписчиков XV и следующих веков являлась фраза древних текстов: “кан и Батый”. Они делали разнообразные замены первого слова: къханъ, къхановъ, каинъ; писали: каменеви, на р. Каму, к кановичемъ, даже: “иванновичемъ”; совсем пропускали титул далекого от Руси, номинального ее властителя»¹³⁴. В одном из первых известий о монголах, которое принесли в Европу мусульманские посольства, утверждалось: «У них очень жестокий предводитель по имени Каан» (*Английские источники*, с. 136). В «Истории Армении» Киракоса Гандзакеси употребляется титул *ха-*

кан: «Обычно они [монголы] рассказывают вот что: государь их — родственник Бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю *хакану*» (*Киракос Гандзакец*. 32). Эта формула известна и архиепископу Петру, выступавшему на Лионском соборе 1245 г.: «<...> они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: “Бог и сын его — на небе, а Чиархан — на земле”» (*Английские источники*, с. 152). Брат Роджер Бэкон, со ссылкой на книгу брата Вильгельма де Рубрука, путая термины *хан* и *кам* ‘шаман’, пишет: «Хам — титул и означает то же, что и прорицатель. Ведь предводители там управляют народом с помощью прорицаний и наук, которые сообщают людям о будущем, или являются частями философии, как астрономия и наука об опыте, или магическими искусстваами, которым предан и которыми пропитан весь Восток. И все тартарские властители называются “хам”, как у нас они именуются императорами и королями *».

Австрийский дипломат XVI в. Сигизмунд Герберштейн сообщает: «“Хан” на татарском языке значит “царь”, (а не “собака”, как утверждают иные, а именно итальянцы, как если бы он звался *can* или *canis*)» (*Герберштейн*, с. 161).

П. Пелльо, ссылаясь на сочинение Рашид ад-Дина, считает, что Чингис носил титул *хан*, а не *хаган* или *хаан* ¹³⁵. Существует предположение некоторых тюркологов об общем происхождении и единстве основ *qagan* > *qaan* > *qan* ~ *хан* в значении ‘хан’ ¹³⁶. По мнению Т. А. Бертагаева, *хаган* и *хан* — варианты, означающие ‘посланец неба, отправленный на землю, чтобы стать владыкой данной местности’ или же ‘царствующий с благословения тэнгрия’ ¹³⁷.

В XIV в. власть в Средней Азии от потомков Чингис-хана перешла к военной аристократии, и после многолетней междоусобной борьбы в 1370 г. в Самарканде правителем стал Тимур, унаследовавший от прежнего повелителя этого края — Хусейна — титул *амира*. Тимур создал огромную империю и мог бы называться ханом, но довольствовался титулом *амира*. Здесь дело было, конечно, не в скромности Тимура и не в

* Omnes igitur imperatores Tartarorum vocantur Cham, sicut apud nos vocantur imperatores et reges, цит. по: *Английские источники*, с. 202, 216.

отсутствии у него честолюбия, пишет А. Гафуров¹³⁸. Формально, по представлениям тюрко-монгольской аристократии, ханом мог быть провозглашен только прямой потомок Чингис-хана. А Тимур при всем старании не смог бы возвести свой род к семейству великого монгольского завоевателя. Представителю кочевой тюркской аристократии легче было узурпировать власть, чем присвоить себе чужой титул. Особый кодекс чести осуждал такие действия.

18. ПРИКАЗ О ПОКОРЕНИИ МИРА (НТ, § 11)

18.1. Согласно донесениям францисканцев, завладев титулом императора, Чингис-хан разделяет свои войска на три части и приказывает им покорить всех людей, живущих на земле. Под страхом смертной казни армии не смеют вернуться из походов раньше установленного срока (НТ, § 18). Далее в донесениях следуют космографические описания удивительных народов и загадочных природных явлений, с которыми вынуждены соперничать воины Чингис-хана. Три монгольских похода превращаются в военные экспедиции к границам неосвоенного мира. Большинство исследователей видят в этих сообщениях ряд странных ошибок. Согласно же гипотезе Пейнтера¹³⁹, поддержанной Даффина¹⁴⁰, с этого момента начинается изложение «Романа о Чингис-хане». Поскольку брат Бенедикт и брат Иоанн зафиксировали эпизоды романа с существенными расхождениями, наша задача сводится к уточнению картины перевода романа и восприятию его францисканцами как квазиисторического текста. В данном случае мы должны разъяснить причины расхождений в деталях средневекового перевода, не вдаваясь в анализ истинного смысла вымышленных событий (последняя проблема исследуется в книге «Империя и космос»).

Итак, остается без ответа следующий вопрос. Если войско Чингис-хана направляется к Каспийским горам, а второе войско — против Великой Индии, царства легендарного пресвитера Иоанна, и вымышленный характер этих событий сомнений не вызывает, то северный поход начинается с покорения земли команов и возглавляет его старший сын Чин-

гис-хана, Джучи (*Tossuc*). Исследователей смущал тот факт, что команы — вполне реальный противник монголов, в отличие от запертого в Каспийских горах народа, или армии индийцев, вооруженной медными огненосными фигурами. В балансе между «вымыслом» и «реальностью» чаша весов склонялась в пользу «реальности». Поэтому многие исследователи стремились в литературных описаниях пятой главы донесения брата Иоанна обнаружить историческую правду. Например, игнорируя катастрофическую ситуацию, когда войско Чингис-хана лишается оружия и снаряжения, притянутого магнитной горой, комментаторы принимают Каспийские горы за реальный Кавказ, * страну Нараирген, где с шумом встанет солнце, за Японию¹⁴¹, Великую Индию — за провинцию Мултан** и т. д. Если мы встанем на обратную позицию и откажемся от поиска мифических стран на политической карте XIII в., как следует поступить со сведениями о «реальных» команах? Ситуация видится следующим образом. Сведения о команах, как и о назначении Джучи главой легендарного северного похода, внесены в исходный текст русскими переводчиками и являются своего рода пояснительным комментарием к переводу романа. Рейд Джучи завершается в земле самоедов и паросцитов («паром сытых»). Эти названия появились в латинском тексте исключительно под влиянием русских переводчиков. Мнимый поход Джучи рассматривается в коммент. 25.

Согласно замыслу неизвестного автора романа, план экспансии принадлежит Чингис-хану. Чингис-хан сам разделяет свои войска на три части. Два войска должны достигнуть пределов мира в северном и южном направлениях. Император во главе третьего войска устремляется на восток. Вымышленный характер изложенных событий заключается, во-первых, в том, что ни одно из них в том виде, как они представлены в донесениях, не имело место в реальности. А, во-вторых, каждое из войск во время своих странствий попадает в мифические пространства, где вынуждено сражаться с необычными противниками. Брат Ц. де Бридиа в другом месте вновь возвращается к приказу

* См. коммент. 19.2.

Чингис-хана о покорении мира (НТ, § 41; см. коммент. 54). В этом случае о приказе говорится в контексте законов и постановлений, связанных с именем Чингис-хана, причем вновь упоминается пророчество о грядущей гибели завоевателей. Ранее о пророчестве шла речь в § 33 НТ. Это одно из ярких свидетельств того факта, что «Роман о Чингис-хане» пронизывает всю литературную конструкцию донесений францисканцев, создавая необычное напряжение между описанием сверхмощной и высокоорганизованной военной машины империи и ее запрограммированным крахом, связанным с 60-летним китайским циклом всеобщего обновления.

В донесениях удивительным образом сочетаются две картины империи — «реальная» и «ирреальная». Они не конкурируют между собой и не дополняют одна другую, они создают новую реальность, отвечающую ожиданиям Запада. В руках скромного копииста брата Ц. де Бридиа ироничное пророчество автора романа обретает эсхатологическую глубину, выдающую весь ужас и тайные надежды Запада, бессильного что-либо противопоставить новым владыкам Евразии: «Рано или поздно они должны быть убиты христианами, но, однако, они не знают ни дня и ни земли, в которой Бог назначил этому случиться, когда неожиданно Бог мщения отомстит кровь неотмщенных» (НТ, § 33).

Факт раздела войск только между двумя сыновьями Чингис-хана в официальных хрониках не засвидетельствован. Вероятно, в этом эпизоде романа отразилось традиционное деление монгольской армии на три части: правое и левое крыло и центр¹⁴², причем центром командует сам Чингис-хан. В сюжете о разделе войск на три части обыгрываются символы империи. Символы, зримо воплощавшие мощь Монгольской империи, были предметом особого внимания сочинителя романа, который стремится придать им обратный или, как в данном случае, гипертрофированный характер. Войска правой и левой руки охватывают с севера и юга все доступные земли мира и устремляются к их мифическим пределам, причем одно войско попадает к песельным существам на севере, а другое — в Землю псов на юге. Упоминание каких-либо реальных противников

монголов в данном случае выглядит как искусственная вставка.

18.2. В сведениях францисканцев, касающихся приказа Чингис-хана, имеются расхождения. В версии перевода брата Иоанна сообщается: «Одного из своих сыновей, по имени Тоссук, которого также называли каном, то есть императором, он послал с войском против команов, которых он победил в большой битве. И после победы он вернулся в свою землю» (LT, V. 11). Тогда как в версии брата Бенедикта появляется небольшое уточнение, связанное с землей аланов: «Одно [войско] он отправил со своим сыном Тоссуком, который тоже именовался каном, против команов, которые обитают над Азами в западной стороне». Азы — это асы, или аланы, и появление их в легендарном контексте следует рассматривать как ученую поправку брата Бенедикта. На этом частном примере видно, каким образом легендарные сюжеты романа в процессе перевода постепенно обретают исторические контуры, создавая тем самым неразрешимые загадки для исследователей. Это не единичный случай, когда в донесениях реальные этнонимы вторгаются в легендарный контекст.

В средневековых персидских словарях Ас — «название города в области Кипчак»¹⁴³. Согласно персидской космографии XIII в., «Аланийя — город между Абхазом и [степями] кипчаков, в нем много мусульман» (*Чудеса мира*. 381). В данном случае речь идет о знаменитых Аланских воротах в Дарьяльском ущелье, через которые шел путь, связывающий Грузию с Северным Кавказом. Под городом имеется в виду одно из селений, лежавших на этом пути. В Средние века Аланией считались области Северного Кавказа, предкавказских и приазовских степей¹⁴⁴. В 1240 г. пала под натиском монголов столица аланов — город-крепость Магас (*Сборник материалов*. Т. II. С. 57). Этноним *Aas* 'аланы' встречается в сочинении брата Вильгельма де Рубрука¹⁴⁵. Народ *A su* упоминается в китайских источниках. Палладий пишет: «*A su*, называемые иногда *A sy* и часто *A лань асы*, на рукописной карте XIV века помечены на юго-восток от России и Кипчаков, под соединенным названием *A лань сы*; очевидно, что это то же племя, которое известно в нашей истории под именем аланов и азов.

Первое упоминание о них относится ко временам Угедея. Когда войска этого хана, рассказывается в «Юань-ши» (цз. 132, 1), достигли страны *А су*, владетель ее добровольно покорился»¹⁴⁶. В «Сокровенном сказании» (§ 266) в перечне народов, против которых был отправлен Субедей, упоминается *Асут*. В Ипатьевской летописи о первом появлении монголов сообщается: «Мы слышахом яко многы страны поплениша. Ясы, Обезы, Касогы и половець безбожных множество избиша» (ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 446).

18.3. О направлениях походов трех армий. В донесении брата Иоанна говорится только о восточном направлении маршрута Чингис-хана; согласно «Истории Тартар», миновав Каспийские горы, эта армия двинулась на северо-восток. Войско, посланное против Великой Индии, пошло на *oriens hyemalis* — т. е. туда, где солнце восходит зимой. О. Оннерфорс справедливо полагает, что в данном случае речь идет о юго-востоке¹⁴⁷. Пейнтер переводит это пассаж как «северо-восток»¹⁴⁸. И оба издателя текста настаивают на том, что францисканцы ошибаются относительно местоположения Индии. На самом деле, вопрос не зависит от того, знали ли францисканцы географию Азии или нет. Они передают фрагмент «Романа о Чингис-хане», где направления походов связаны с авторским замыслом, а не с реальной географией. Согласно этому замыслу, Чингис-хан стремится повторить самое известное деяние Искандера, побывавшего у восточного края земли, там, где восходит солнце. Поэтому Чингис-хан устремляется на восток и достигает страны «людей солнца». Соответственно, две другие армии выступают как правое и левое крыло, относительно центра, возглавляемого Чингис-ханом. Первая из них идет на юго-восток против Великой Индии, Страны псов и Буритебета. Вторая — на северо-восток против самоедов, укорколонов и нохойтеримов. В этой картине нет места западному походу Джучи против команов. Джучи вообще не воевал с команам. Появление сведений об этом походе в легендарном контексте романа можно объяснить лишь попыткой русских переводчиков каким-то образом прокомментировать историю западных походов монголов, начиная с рейда Субедея, закончившегося битвой при Калке.

19. СОЛАНГИ (SOLANGI) (НТ, § 12)

19.1. Соланги — корейцы¹⁴⁹. В «Сокровенном сказании» (§ 61) *Солан-хас* — корейцы. Согласно Рашид ад-Дину, после смерти Чингис-хана «Угедэй-каан, совместно с братом Тулуй-ханом, захватил полностью страну Хитай. <...> Точно так же они захватили область Сулангэ» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 68). Монголы установили свое господство на Корейском полуострове в 1231—1232 гг.¹⁵⁰ Францисканы имели вполне достоверные представления о местоположении Кореи¹⁵¹, поскольку во время коронации хана Гуюка они, как отмечает брат Иоанн, располагались вместе с послами из Солангии. Поэтому, описывая географическое положение Монголии, брат Иоанн с полным основанием утверждает: «Вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой восток, как мы думаем, соединяется с севером, а к востоку [от нее] расположена земля китаев, а также земля солангов» (LT, I. 3).

Ограничившись этим традиционным комментарием, мы рискуем не заметить следующее загадочное обстоятельство. В параллельном пассаже из донесения брата Иоанна фигурирует не Солангия, а земля Кергис: «Чингис-хан же в то время, разделив другие войска, сам отправился в поход на восток через страну Кергиз, жителей которой он в войне не победил; к тому же, как нам говорили, он достиг Каспийских гор. Горы же в той части, которой они достигли, из адамантова камня, к которому и притянулись их стрелы и железное оружие» (LT, V. 15). Какая из версий (Кергис или Солангия) более верна, пока сказать трудно. Большинство исследований демонстрируют нерешаемость этого вопроса¹⁵². Как будет показано ниже, перед нами два варианта перевода фрагмента «Романа о Чингис-хане». Та часть донесений францисканцев, которая отражает перевод и интерпретацию эпизодов романа, представляет собой весьма специфический источник, к которому неприменимы традиционные принципы исторической критики. Так, например, у нас нет оснований, вслед за Пелльо, рассматривать «землю Кергис» как изолированный исторический факт, а следующее затем описание магнитной горы, лишившей армию Чингис-хана оружия, — как фан-

тастический эпизод¹⁵³. И то и другое являются звеньями одной цепи. Поскольку все странствия Чингис-хана совершаются исключительно в мифических пространствах, то можно смело предположить, что в данном случае «земля Кергис» — один из фрагментов этого пространства, и не более. Многочисленные попытки разрешить эту проблему в реалистическом ключе ни к чему положительному не привели.

19.2. Сведения о кергизах в отчетах францисканской миссии 1245 г. настолько неясны, что не поддаются никакому объяснению. Отсюда многочисленные попытки увидеть в сюжете то, чего там нет. Ф. Риш, которому принадлежит наиболее обстоятельный анализ сведений брата Иоанна, полагает, что речь идет о Кавказе и черкесах¹⁵⁴. Идея Риша (с моей точки зрения — полное недоразумение) оказалась притягательной. Мнение о Каспийских горах как Кавказе поддержал Пейнтер, который считает, что в этом эпизоде нашел отражение поход Джебе и Субедея через Кавказ в 1221 г.¹⁵⁵ Пиеткевич также считает, что речь должна идти о черкесах, жителях Кавказа¹⁵⁶. При этом оба исследователя словно ощущают легендарные рамки, в которых представлен сюжет, и поэтому пишут о попытке брата Иоанна совместить реальные сведения с легендарными. Очевидно, что истинный ответ на эту загадку скрыт в сравнении двух взаимоисключающих версий перевода. Поэтому еще раз вернемся к сведениям францисканцев, справедливости ради отметив, что ни Риш, ни Пелльо не могли знать содержание «Истории Тартар» Ц. де Бридиа.

В приведенном выше отрывке из донесения брата Иоанна сообщается, что кергизы обитали на востоке от монголов; в реальности земли кергизов лежали северо-западнее Монголии. Покорить их Чингис-хану не удастся, что также противоречит историческим фактам. Чингис-хан проходит через эту область, направляясь к неприступным Каспийским горам. Станный характер направления экспедиции Чингис-хана (на восток против кергизов) вызвал сомнения у брата Бенедикта, который по ходу перевода этих сведений заменил в тексте название *Kergis* на *Solangia* (Корея). Мысль брата Бенедикта отчасти понятна: францисканцы точно знали, что Корея расположена на восток от Монголии, равно как и мы сегодня знаем, что за Кореей не существовали ни магнитные

горы, где монголы потеряли все свое оружие и железные доспехи, ни запертый в горах народ, ни страна «шумящего солнца». Легендарный поход Чингис-хана к восточному краю мира начинается с прохождения земли Кергис, за которым следует ряд головокружительных катастроф. В этой перспективе земля Кергис представляется метафорой входа в неосвоенные пространства, и заимствована эта метафора из поэмы Низами Гянджеви «Искандер-наме», где описывается путь Искандера из Китая в северные пределы к земле Хирхиз и постройка вала, ограждающего яджуджей (*Низами Гянджеви*, с. 503–504). Привлечение эпизода из персидской поэмы в качестве типологического примера оправдывается в первую очередь тем обстоятельством, что описание страны «шумящего солнца» в обоих случаях совпадает до мельчайших подробностей.

Вопрос о «земле Кергис» из донесений францисканцев следует рассматривать в литературном контексте «Романа о Чингис-хане», и чем шире этот контекст, тем достовернее будут результаты анализа. Чингис-хан начинает свой легендарный поход от земли Кергис и завершает его у восточного края мира, в земле «шумящего солнца». В этой связи напомним, что уже у ранних арабских географов область Хиргис располагалась в тех же пределах, что и земли яджуджей и маджуджей¹⁵⁷. Эхом этой традиции являются сведения персидской космографии XIII в., где говорится, что по ту сторону Туркестана живет многочисленное племя, «называют их хирхиз. Они все маленького роста. Говорят, что все купольные постройки [там] принадлежат человеку и йаджуджам» (*Чудеса мира*. 574). Сведения о маленьком росте легендарных хирхизов перекликаются с рассказом ал-Хакима о низкорослом народе в странствии Зу-л Карнайна в сторону восхода солнца: «<...> Он пошел, пока не достиг места восхода солнца. Потом он пошел к двум преградам, а это две горы с гладкими склонами, на которых ничего не удерживается, и построил там стену. Потом он пошел к йаджуджу и маджуджу и увидел, что люди с собачьими мордами сражаются с йаджуджами и маджуджами. Он пошел дальше и увидел низкорослый народ, бившийся с теми, у кого собачьи морды, и увидел народ журавлей, которые воевали с низкорослыми. Он последовал дальше и нашел народ змей, из которых каждая могла про-

глотить огромную скалу. А затем он дошел до моря, окружающего землю»¹⁵⁸. В восточных космографиях эта часть легендарного мира имела точную топографию, которая единственно и позволяет объяснить странные моменты в экспедиции Чингис-хана. Например, пустыня, где за три месяца монголы не встретили людей. В «Искандер-наме» объясняется отсутствие живых существ: песок пустыни, по которой движется войско Искандера, постепенно превращается в серебро, а в водных источниках оказывается ртуть (*Низами Гянджеви*, с. 503). Таким образом, можно полагать, что брат Иоанн корректно передает литературный перевод фрагмента романа, а брат Бенедикт вносит в перевод «ученую» поправку.

Исследователи, попадая в игровое поле романа, теряли ориентацию. Риш приходит к неутешительному выводу, что брат Иоанн ровным счетом ничего не знал о месторасположении упомянутых им стран¹⁵⁹. Добавим от себя, что даже если бы брат Иоанн прекрасно ориентировался в вопросах географии Центральной Азии, как, например, его спутник, брат Бенедикт, или другой современник, брат Вильгельм (*Вильгельм де Рубрук*. XXIX. 44–46), это не спасло бы ситуацию. Потому что в данном случае брат Иоанн излагает перевод фрагмента из «Романа о Чингис-хане», где фигурируют легендарные кергисы (из восточной Александрии). Именно по этой причине все попытки идентифицировать кергисов из отчета брата Иоанна с реальными кыргызами, и тем паче с черкесами не выглядят убедительно. Что же касается упоминания Каспийских гор, то достаточно напомнить, что, согласно средневековым представлениям, Кавказом именовалась вся горная страна от Великой Армении до Индии, разделяющая беспредельные области севера и юга. Поэтому Роджер Бэкон писал: «Вследствие разнообразия областей она обретает различные названия. Иногда — Кавказ, из-за обилия снега [там], где она наиболее высока <...>; в других местах она называется Каспий, или Тавр, а иногда Гиркан и многими другими названиями именуется» (*Английские источники*, с. 208). Роджер Бэкон ссылается на сочинение брата Вильгельма де Рубрука, писавшего о Кавказских горах, между которыми живут народы Великого Китая.

20. АДАМАНТ ИЛИ МАГНИТНАЯ ГОРА (НТ, § 12)

В версии перевода брата Иоанна сюжет с магнитной горой передан кратко: «Чингис-хан же в то время, разделив другие войска, сам отправился в поход на восток через страну Кергис, жителей которой он в войне не победил; к тому же, как нам говорили, он достиг Каспийских гор. Горы же в той части, которой они достигли, из адамантова камня, к которому и притянулись их стрелы и железное оружие. Люди, запертые между Каспийских гор, как полагают, слышали шум, [произведенный] войском и начали ломать гору» (LT, V. 15). В итальянском и польском изданиях книги брата Иоанна эти сведения оставлены без внимания¹⁶⁰. Ф. Шмидер, автор последнего немецкого издания книги брата Иоанна, предлагает неожиданную интерпретацию ситуации. Она считает, что не гора притянула оружие монголов, а монголы взяли вещество из горы для изготовления стрел и оружия¹⁶¹. Казалось бы, параллельный отрывок из донесения брата Бенедикта, где дважды говорится о несущихся с грохотом железных вещах, исключает подобную трактовку. В противном случае оставалось бы неясным, почему монголов охватил чрезвычайный ужас. Причина ужаса в том, что конские подковы, панцири и шлемы неслись к горе со стремительностью и величайшим грохотом. Перечень железных предметов не оставляет сомнений в том, что именно магнитная сила горы внушила ужас монголам. Игнорировать параллельный текст невозможно. Однако Шмидер считает, что перед нами два разных текста, принадлежащих разным авторам. По мнению Шмидера, брат Ц. де Бридиа, взяв за основу рассказ брата Иоанна, объединил его с известными легендами о загадочных магнитных горах (которые нужно искать в море) и украсил рассказ в соответствии с европейскими представлениями о монголах. В результате появились летящие к горе конские подковы¹⁶². Донесению брата Бенедикта, сохранившемуся в пересказе Ц. де Бридиа, Шмидер не придает самостоятельного значения.

Согласимся, что в версии брата Иоанна эпизод с адамантовым камнем изложен не столь ясно, как в версии брата Ц. де Бридиа. Но эти расхождения вполне объяснимы. Принять

же толкование Шмидер невозможно по нескольким причинам. Во-первых, если перед нами «творческий» вариант брата Ц. де Бридиа, то остается неясной мотивация, по которой он привлекает восточную легенду о магнитной горе, губящей морские корабли (хотя в нашем случае описывается сухопутная экспедиция Чингис-хана). Во-вторых, неясно, почему Ц. де Бридиа столь равнодушен к такой детали конского снаряжения, как подковы, и каким образом «полет подков» соотносится с европейскими представлениями о монголах, например, Фома Сплитскому было известно, что монгольские кони обходились без подков (*Фома Сплитский. XXXVII*). И, наконец, самое главное, — с какой целью копиист придумывает фантастический эпизод, где армия Чингис-хана полностью лишается своего оружия и доспехов? Стремится ли он тем самым ввести в заблуждение своих читателей? На все эти вопросы гипотеза Шмидер ответа не дает. Согласившись же с интерпретацией Шмидер, мы попадаем в тупик. Брат Ц. де Бридиа не может быть признан автором анализируемого сюжета. В предисловии к своей книге он обращается к управителю ордена, отцу Богуславу, со словами: «Послушный Вашей отцовской милости, я вкратце переложил на письмо, хотя это и выше моих природных сил, то, что я понял о тартарах [из общения] с почтенными братьями нашего ордена, а именно с братом Иоанном, послом апостольского престола, <...> и его спутниками — братом Бенедиктом Поляком и братом Чеславом Богемским. При этом я опасался излишне утомить читателей» (НТ, § 1).

Из слов брата Ц. де Бридиа следует, что, переписывая дипломатический отчет папской миссии, он сокращал текст, не внося каких-либо смысловых дополнений. Вольное обращение с текстом, тем более внесение вымышленных ситуаций, исключалось. Перед братом Ц. де Бридиа была поставлена задача быстро сделать сокращенную копию донесения брата Бенедикта, которого давно уже ожидали в Лионе. Мы знаем, что именно сократил Ц. де Бридиа (сведения о головных уборах монголов, одежде кочевников и их вооружении), тогда как история фантастических походов Чингис-хана передана им полностью и корректно, с сохранением монгольских названий легендарных стран и народов. В противном случае при-

дется вообразить, что брат Ц. де Бридиа владел монгольским языком и украсил донесение не только арабской легендой, но и филологическими изысками¹⁶³, а инициатива розыгрыша, разумеется, принадлежала отцу Богуславу. Мы можем смело согласиться с тем, что перед нами два варианта перевода одного и того же восточного сюжета, а не два разных текста, как полагает Шмидер. Перевод брата Бенедикта, как и большая часть передаваемых им сведений, отличается полнотой и ясностью. Что же касается содержания эпизода с магнитной горой, то он находит свое объяснение лишь в рамках «Романа о Чингис-хане».

В арабском сочинении X в. «Чудеса Индии», среди различных историй морских капитанов, имеется рассказ, который, вероятно, напрямую был использован автором «Романа о Чингис-хане». Пейнтер первым обратил внимание на эту близкую параллель; он же указал и на инверсию сюжета, перешедшего в роман¹⁶⁴. В арабской новелле магнитная гора, способная притянуть подковы лошадей и железные части седел, а также стремяна и удила, расположена в Китае. Бузург ибн Шахрияр, автор «Чудеса Индии», пишет: «Один моряк рассказывал мне, будто между Ханфу, столицей Малого Китая, и Хумданом, * столицей Большого Китая (этот из обоих Китаев более могущественный), и там живет великий багбур, ** будто в этих местах протекает река с пресной водой и

* Ср.: согласно ал-Истахри (X в.), жителей земли Син и Туббет «связывают с царем Сина, пребывающим в Хумдане, как царство Рум связывают с царем, пребывающим в ал-Кунстантииния, царство ислама связывается с повелителем правоверных, пребывающим в Багдаде, а царство Хинд — с царем, пребывающим в Каннудже». Цит. по: *Материалы по истории киргизов и Киргизии* / Отв. ред. В. А. Ромодин. М., 1973. Вып. I. С. 16.

** Багбур, или фагфур, — перс. *fagfur*; букв. «сын бога», наименование китайского императора, неточный перевод китайского титула *тянь-цзы* — «сын неба»; ср.: *Pelliot, Notes on Marco Polo*. II, pp. 652–653. Согласно Ибн Хордадбеку (IX в.), титул владыки ас-Сина — Багбур (*Ибн Хордадбек*. 10); Гардизи (XI в.) пишет: «У китайцев много царей, но величайший из них — Фагфур. Он носит только одежду из парчи, шитую золотом, и ездит только на белых конях» (*Гардизи*, с. 54); Ср. также со сведениями из персидско-

стремительным течением. Она шире, чем Тигр около Басры; на берегах ее попадают магнитные горы. По этой реке невозможно проплыть, если на кораблях есть железо, потому что эти горы обладают такой силой, что притянут такое судно к себе. Всадники проезжают по этим горам на неподкованных лошадях и берут седла, в которых нет железных частей, деревянные стремяна и удила» (*Бузург ибн Шахрияр*, с. 112).

Назовем общие элементы, составляющие сюжетную ткань арабской новеллы и «Романа о Чингис-хане»: 1) магнитная гора на востоке мира, и, что важно, она расположена на суше, а не на море; 2) всадники, стремящиеся перейти через гору; 3) перечни предметов из убранства верхового коня. Отметим, что подковы, седла, стремяна и удила, которые используют всадники в арабской легенде, не являются предметами специального военного назначения. Перечень же снаряжения, утраченного монголами у магнитной горы, можно разделить на две части: военную (стрелы, ножи, мечи, панцири, шлемы) и «мирную» (стремени от седел, трензеля от уздечек, подковы). Наборы предметов из убранства верхового коня совпадают в обоих случаях до деталей. Последнее обстоятельство дает основание говорить о заимствовании сюжета. Перечень военных предметов был добавлен в соответствии с авторским замыслом. При этом ситуация, описанная в романе, представляет собой инверсию арабской легенды. В легенде подчеркивается, что всадники используют неподкованных лошадей, седла без железных частей, деревянные стремяна и удила. Следовательно, они заранее знают о таящейся опасности со стороны магнитной горы. Ситуация, описанная в романе, выглядит с точностью до наоборот.

Деревянные стремяна известны в этнографической реальности. Интересно другое: этот предмет упоминается в списке

го сочинения XIII в.: «Син — обширная страна. Ей положил начало Син, сын Фагфура» (*Чудеса мира*. 556). Также именуется китайского государя и Марко Поло: «В большой области Манги царил великий государь Факфур; был он могуществен и своим богатством, и своими землями, и народами» (*Марко Поло*, с. 151).

снаряжения знаменитой экспедиции Саллама ат-Тарджумана (IX в.), отправленной багдадским халифом ал-Васиком на поиски стены, некогда воздвигнутой легендарным Зул-Карнайном. Снаряжая Саллама в далекий путь, халиф «приказал изготовить для людей войлочные шапки, покрытые кожей, а также изготовить для них накидки из меха и деревянные стремена» (*Ибн Хордадбех*. 77). Из дальнейшего текста неясно,годились ли путешественникам названные вещи. Какое-либо оружие не упоминается. Занимательность этого перечня, где подчеркнута отсутствуют железные предметы, в том, что он вполне сопоставим (функционально) со списком вещей из легенды о магнитной горе в «Чудесах Индии».

В «Романе о Чингис-хане» самой фантастической деталью эпизода с магнитной горой являются, как ни странно, подковы лошадей, которые с прочими железными вещами притянуты горой. Появление подков у монгольских лошадей требует объяснения. Одной из особенностей их экстерьера были копыта с крепким рогом, позволяющие совершать переходы по любому грунту и зимнюю тебеневку. Впечатляющую картину рисует неизвестный грузинский автор, когда описывает двухлетний разведывательный поход Джебе и Субедея: «Без доспехов и на некованных лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингизкаеном. И поступили они столь необычно — прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованных лошадях вновь в него же вернулись» (*Хронограф I*, с. 119—120). Сведения о том, что монгольские лошади не подковывались, вошли и в энциклопедию Винцента из Бове (*Симон де Сент-Квентин*. XXX. 71). Не мог этого не знать и автор романа. Эпизод с конскими подковами, притянутыми магнитной горой, является ярким свидетельством вымысленности всего сюжета. Причем вымысел демонстрирует мастерство автора романа в использовании такого приема, как инверсия: всадники (из арабской легенды X в.) на лошадях, у которых предусмотрительно сняли подковы, с деревянными удилами и стременами «превращаются» в романе в монгольских всадников, чье снаряжение состоит

сплошь из железных вещей. Подковы у монгольских лошадей появляются вследствие инверсии исходного сюжета. Подчеркнутое обилие железных деталей в убранстве монгольских коней прямо противоположно снаряжению коней опытных путешественников, обладающих истинным знанием о магнитной преграде. Тогда как монголы даже не догадываются о поджидающей их опасности. В результате войны Чингис-хана утрачивают свое вооружение, притянутое магнитной горой. А как расценивался и восточными, и западными средневековыми воинами факт потери оружия — общеизвестно.

Автор романа с особым пристрастием относится к теме битв, к различным монгольским военным приемам и хитростям, к элементам воинского снаряжения. И стремится он к единственной цели: разыграть на страницах романа очередное поражение монголов, обреченных Чингис-ханом на многолетний легендарный поход к границам мира. Рассмотренный эпизод не является исключением. Избыток железного снаряжения в случае с магнитной горой «уравновешивается» отсутствием барабанов в сражении с «людьми солнца». Замысел автора романа станет ясней, если принять во внимание все эпизоды, представленные в § 12 «Истории Тартар». Герой «Романа о Чингис-хане» — царь-завоеватель, стремящийся покорить пространства хаоса. Чингис-хан не осваивает мир — он покоряет его, но эти героические усилия тщетны. Магнитная гора, лишившая монгольскую армию оружия и доспехов, демонстрирует «трудную ситуацию», из которой Чингис-хан не находит правильного выхода и в страхе покидает враждебное пространство. Горы, встающие на пути Чингис-хана, являются одновременно и Центром мира, и входом в инфернальное пространство. Притязания на овладение Центром мира оборачиваются воинственным вторжением в нижний мир. Так выглядит реконструкция авторского замысла. Автор романа выбирает темы, позволяющие выстроить непрерывный поединок с необычными преградами, ибо его герой не обладает знаниями о сакральной сущности тех явлений, с которыми он сталкивается. Заметим, что в исходных легендах все препятствия преодолимы.

21. ЗАГАДОЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТ «ЛЮДЕЙ СОЛНЦА» (НТ, § 13)

При знакомстве с сюжетом возникает как минимум три вопроса: 1) из какого источника заимствованы сведения о земле «шумящего солнца»; 2) с какой целью этот эпизод вводится в историю вымышленных походов Чингис-хана? И наконец, что означает шум восходящего солнца и почему его можно заглушить грохотом барабанов? Тема «шумящего солнца» разрабатывалась в первую очередь в арабо-персидской космографической традиции. Недоступный город на востоке мира, обитатели которого грохотом барабанов защищаются от шума солнца, упоминается в персидской космографии XIII в. (*Чудеса мира*. 434). Его название в персидских источниках — Джабалка. Средневековым китайцам также был известен этот легендарный город¹⁶⁵. Однако наш сюжет заимствован из культурного фонда преданий и увлекательных историй, откуда черпал свое вдохновение великий персидский поэт Низами Гянджеви, когда создавал эпопею об Искандере (*Низами Гянджеви*, с. 499—502). Ситуация, в которую попадает Чингис-хан, построена на инверсии эпизода из легендарных приключений Искандера, описанных у Низами. Об этом свидетельствует структурный анализ текстов¹⁶⁶. Существование параллельных восточных текстов, а также сохраненное в донесении брата Бенедикта монгольское название Нараирген определенно указывают на два обстоятельства: авторство сюжета не принадлежит францисканцам и, следовательно, в их донесениях зафиксирован перевод какого-то литературного восточного текста.

В настоящем исследовании мы ограничимся анализом частного вопроса о музыкальных инструментах «людей солнца». В первую очередь нас интересует участие и роль русских переводчиков как в передаче этого сюжета, так и других сообщений. Дело в том, что сообщения францисканцев отличаются. Брат Иоанн называет дополнительно какой-то странный инструмент (*орган*, в который бьют).

Адекватная передача терминов, обозначающих тот или иной предмет чужой материальной культуры, представляла известную трудность для средневековых переводчиков. Итак,

с помощью каких инструментов жители восточной земли побеждают шум солнца? Кажется, никого из исследователей не смутила фраза брата Иоанна об *органах*, в которые наряду с тимпанами бьют жители пещер, защищаясь от шума солнца; в версии перевода брата Бенедикта органы не упоминаются. Что следует понимать под *органами*? Буквальный смысл текста таков, что органы были ударными инструментами: *Immo etiam tunc percutiebant in organis et tympanis, et in aliis instrumentis, ut illum sonitum non audirent* 'К тому же тогда они бьют в органы и тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этот шум' (LT, V. 16). Версия брата Бенедикта: *Inde est etiam quod eo tempore tympana maxima et alia instrumenta percutiunt in cavernis montium ut sono tympanorum solis strepitum intercludant* 'Существует также [обычай] в это время бить в громаднейшие барабаны и другие инструменты в пещерах [внутри] гор, чтобы звуком барабанов оградиться от шума солнца' (НТ, § 13–14).

Неясность пассажа брата Иоанна об органах как ударных инструментах побудила переводчиков прибегнуть к различным трактовкам. Некоторые считают, что на органах играют¹⁶⁷; по мнению других, в этот предмет бьют, но тогда этот инструмент уже не орган¹⁶⁸. На самом же деле проблема вполне разрешима; этот пассаж следует воспринимать буквально, потому что слово *орган* (услышанное братом Иоанном от русских переводчиков) в древнерусском языке означало ударный инструмент, скорее всего, военный барабан¹⁶⁹. Следовательно, *organis* и *tympanis* означают на двух языках, латинском и русском, один и тот же предмет — барабан. Как уже отмечено, в версии перевода брата Бенедикта, владевшего русским языком, слово *organis* отсутствует. Это показывает, что брат Бенедикт вполне различал названные термины. Ср. со сведениями об органах (барабанах) в русских источниках по словарю Срезневского: «Громко въ варганы бьють» (*Мамаево побоище*. 26); «Начаша сурны играти и в варганы и в накры бити» (*Никон. лет.* 6961 г.); «Многихъ Литовскихъ людей побиша, и знамены и варганы у нихъ поимаша» (*Никон. лет.* 7044 г.)¹⁷⁰. «Александр рече: ударите в бубны иже зовутца арганы, сии же таково три разныхъ писков имеютъ» (*Александрия*. 238 об. XVII в. ~ XV в.); «Изрлтене ... навывоша от нихъ [египтян] играти же и ликовати и арганомъ мусикеиском [музыкальным]

услажатися» (*Просв. Иос.* 132. XVII в. ~ XVI в.); «Орган, сосуд гудебный, якобы труба, свирель и тимпан и гусли, и подобные им» (Алф., 158 об. XVII в.)¹⁷¹. В списках текста Сербской Александрии встречается сочетание «тимпани и органи»¹⁷².

Я полагаю, что латинское *percutiebant in organis* 'бьют в органы' имеет прямое литературное соответствие в древнерусском выражении «бити сребреныя арганы» из «Моления» Даниила Заточника: «Въструбимъ яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити сребреныя арганы возвитие мудрости своеа» (ПЛДР. XII в., с. 388). Д. С. Лихачев переводит это предложение следующим образом: «<...> и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью». Неясно, почему слово *бити* переведено как *заиграем*. В древнерусских источниках имеется ряд других примеров, где трактовка выражения «бить в органы» наталкивалась на определенные трудности. В «Повести о Куликовской битве» есть следующий эпизод: «В святое воскресенье после заутрени начали многие ратные трубы трубить и органы многие бить»¹⁷³. Переводчики признаются, что им неясно, о каком музыкальном инструменте под названием *орган* идет речь¹⁷⁴. Для того чтобы разъяснить этот туманный пассаж, следует обратиться к эпизоду из сербской Александрии, где говорится о музыкальных инструментах, и сравнить с тем, как понимали этот эпизод древнерусские переводчики. Согласно сербскому варианту, Александр окружает войско куманов огнями и приказывает бить в *накарады* и *праскавицы* («трубами же гласовными и накарадем и праскавицама школо их повеле бити») ¹⁷⁵. *Накарада* — 'барабан', персид. *naqqare*, заимствовано из тюрк. *nakkare* — 'боевой барабан'; в тексте сербской Александрии встречается и термин *анакарада* — «барабан в форме котла», среднегреч. *ανακαράς* подтверждается с конца XIV в. ¹⁷⁶ Марко Поло сообщает, что у монголов сигнал к началу боя подают ударом в *накар* (*Марко Поло*, с. 101). На Руси «Сербская Александрия» появилась в XV в., и вот как выглядит древнерусский перевод интересующего нас пассажа об ударных музыкальных инструментах: «Вострубити повеле в многы трубы съгласны, ударити повеле в варганы и праскавицами около их бити повеле» (*Александрия*, с. 14). Термин *накарада* переведен как «орган». Итак, в переводе Александр приказал бить в *орга-*

ны. Следовательно, органы и есть боевые барабаны; ср. Александру как победителю достались «стяговы же вси Поровы и трубы великия, и органы, и кони вси оружныя» (*Александрия*, с. 37).

Интересующий нас отрывок (по древнерусскому списку XVII в.) переведен так: «В нощи же с воями пришедь, огню много около ихъ наложить повеле и трубамъ многогласным ударити повеле и пушками бити около их повеле» («ночью с воинами пришел, и повелел огня много около них зажечь, и в трубы многогласные трубить, и из пушек стрелять») (ПЛДР. Вторая пол. XV века, с. 38–39). Для переводчика XVII в. названия инструментов представляли уже непреодолимую трудность, и он опустил их, заменив более понятным ему боем пушек. В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1475 г.) при описании торжественного выезда султана используется термин *накар*, означающий «барабан». Триста слонов с башнями сопровождали тысяча коней в золотой сбруе и сто верблюдов с большими барабанами, и триста трубачей («да верблюдов сто с нагарами, да трубников 300») (*Афанасий Никитин*, с. 13, 53). В летописном изводе «Хождения» переписчик заменил неизвестное ему слово *накар* на русское *варган*. Приведенных примеров достаточно, чтобы с уверенностью утверждать следующее: древнерусский переводчик, помогавший францисканцам, термином *орган* передал восточный термин, означающий барабан, что было затем переведено на латынь как *тимпан*. Участие русских переводчиков отмечено самими францисканцами, и рассмотренный эпизод не только подтверждает этот факт, но и позволяет увидеть, благодаря «говорящей ошибке», сам процесс перевода.

Вернемся к сведениям брата Иоанна. В XIII в. в Западной Европе было два вида маленьких органов, которые обозначались терминами *позитив* и *портатив*. Эти органы имели один ряд трубок, а механизм, который бы позволил открывать и закрывать регистры, не был еще изобретен. Играя на портативе, музыкант левой рукой давил на меха, а правой — на кнопки¹⁷⁷. Эти инструменты не назывались органами, поэтому какая-либо путаница в терминах исключена.

Итак, обитатели земли Нараирген используют большие барабаны, грохотом которых заглушают шум восходящего солнца. Этот вывод находит подтверждение в параллельных

персидских известиях о легендарном городе Джабалка, расположенном на востоке, на берегу моря. При восходе солнца вода в море начинает бурлить и от нее идет страшный рев. Жители изготовили барабаны и бьют в них в это время, дабы меньше слышать рев моря (*Чудеса мира*. 434). В поэме Низами Искандер, достигнув камфорного города на берегу моря на краю мира, побеждает шум солнца барабанным боем.

22. МАЛАЯ ИНДИЯ, ИЛИ ЭФИОПИЯ (НТ, § 17)

Параллельный пассаж у брата Иоанна звучит так: «Другого сына он также послал с войском против индийцев, который и покорил Малую Индию. Они [т. е. ее жители] являются черными сарраценами и называются эфиопами» (LT, V. 12).

Малая Индия, населенная эфиопами, легко покоряется монголам. Большинство исследователей склонны видеть в сведениях брата Иоанна отражение реальных событий, связанных с покорением Персии¹⁷⁸. Но известно, что в Персии эфиопы не были главными обитателями страны. Осталось без объяснений и следующее обстоятельство. Связано оно с любопытным расхождением сведений брата Иоанна, именующего эфиопов сарацинами, и параллельным сообщением брата Бенедикта, где эфиопы названы язычниками. Вместе с тем в большинстве известных исторических свидетельств эфиопы описываются как приверженцы христианского вероисповедания. Таким образом, обе версии францисканцев далеки от исторической реальности и отражают вымышленный сюжет.

Эпизод о монгольском походе в Малую Индию следует рассматривать как часть общей композиции, включающей описание Великой Индии, Земли псов и Буритебет. И композиция и ее отдельные фрагменты созданы в рамках «Романа о Чингис-хане», содержание которого отражает в первую очередь легендарные сюжеты восточных Александрий. Однако в настоящем исследовании мы рассмотрим только один вопрос — о литературном прототипе формулы «Малая Индия, именуемая Эфиопией».

Даффина считает, что под Малой Индией в реальности скрывается Средняя Индия, которая в те времена означала Эфиопию и районы к западу от провинции Макран¹⁷⁹ и к северу от Персидского залива¹⁸⁰. Несмотря на бросающуюся в глаза легендарность этого сюжета, Даффина все же склонен видеть в нем отражение неких реальных событий. Он пишет: «Кажется, как бы то ни было, что текст намекает на кампанию, которую Тулуй, четвертый сын Чингис-хана, вел против восточного Ирана в 1220—1223 гг.»¹⁸¹. Тему «черных сарацинов» Даффина игнорирует. Комментарий Риша показывает, что ситуация не столь проста¹⁸², хотя и не вносит особой ясности, потому что Ришу не был известен текст «Истории Тартар».

Напомним географию похода второго войска: Малая Индия (Эфиопия), Великая Индия (царство пресвитера Иоанна), Земля псов и Буритебет (последнее название интерпретируется мною, как область «волков-псов»). Очевидно, что весь ряд топонимов относится к области легендарной географии.

На этом основании я полагаю, что вопрос нужно ставить следующим образом: где и когда возникла устойчивая литературная формула: «Индия, именуемая Эфиопией»? Существовало ли в Средние века сочинение, из которого могла быть заимствована эта формула? Да, такое сочинение существовало, в том числе и в древнерусском переводе с XI в. Речь идет о «Повести о Варлааме и Иоасафе», имевшей необычайно широкое хождение как на Востоке, так и на Западе¹⁸³. Это история о царевице и его наставнике, восходящая к легенде о Шакьямуни (Будде). Самый ранний из известных сегодня греческих списков повести относится к XI в. В леммах греческих рукописей XIII в. говорится о вывозе монахом Иоанном сочинения под названием «Варлаам и Иоасаф» «из внутренней страны эфиопийцев, которая называется страной индийцев»¹⁸⁴. В древнерусской редакции повесть имела следующее начало: «[К]нигы Варлам. Изображе[ние] душеполезное...» ть из утрень[я] Ефиопьскы[я] страны, глаголемыя [Индийскы]а страны, въ святыи град [принесено] Иоанномъ мнихомъ»¹⁸⁵. И. Н. Лебедева, комментируя географическую часть выступления, пишет, что в греческом тексте повести произошло сме-

шение двух топонимов — Эфиопии и Индии; греческая космография не знала внутренней Эфиопии, но уже в «Географии» Птолемея есть разделение Индии на внутреннюю и внешнюю¹⁸⁶. У христианских авторов внутренней Индией называлась Эфиопия и Южная Аравия, например у Космы Индикоплова в «Христианской топографии» (*Косма Индикоплов*. II, 30, 45; III, 65; XI, 3, 23–24). Путаницу между эфиопами и индийцами «в книгах греков» отмечает ал-Бируни (*ал-Бируни*. Книга о лечебных веществах, с. 155). На карте Палестины Иеронима на берегах Красного моря напротив устья Инда изображены два участка, именуемые «Индия Египетская» и «Индия Эфиопская»¹⁸⁷. Заголовок «Повести о Варлааме и Иоасафе», где поясняется, что «внутренняя Эфиопская страна называется Индия», нашел отражение во многих сочинениях, в том числе и в «Романе о Чингис-хане». Таким образом, странная на первый взгляд фраза о Малой Индии, жители которой именуются эфиопами, находит свое объяснение. Этот географический образ — широко распространенное в Средние века литературное клише. Таким образом, становится очевидной легендарность монгольского похода в Малую Индию, т. е. Эфиопию.

23. ЧИНГИС-ХАН И ПРЕСВИТЕР ИОАНН (НТ, § 17)

Согласно донесению брата Иоанна, битва монголов с войском царя Великой Индии выглядела так: «Войско выступило против христиан, которые живут в Большой Индии. Прослышав об этом, царь этой земли, обыкновенно именуемый Иоанном Пресвитером, собрав войско, выступил против них и, сделав медные фигуры людей, посадил их в седла на коней, разведя внутри огонь, и поместил на каждую лошадь за медной фигурой человека с кузнечным мехом. После того как было приготовлено множество таких фигур и такого рода коней, они выступили против названных тартар на битву. Прибыв же к месту сражения, они выстроили в первом ряду этих коней одного рядом с другим, а мужи, которые находились сзади [фигур], клали нечто на огонь, находящийся в указан-

ных фигурах, и с силой раздували его мехами. В результате чего люди и лошади [монгалов] сгорали от греческого огня и воздух почернел от дыма. И затем они метали стрелы в тар-тар, от которых множество людей было ранено и убито. Таким образом они изгнали их в беспорядке из своих пределов, и мы никогда не слышали, чтобы [монгалы] впоследствии к ним возвращались» (LT, V. 12).

Легендарный поход монголов против Великой Индии относится к наиболее сложно сконструированным сюжетам «Романа о Чингис-хане». Инверсии подверглись заимствованные литературные темы, имперские мифы и некоторые военные символы. Вопрос, который не может не возникнуть при знакомстве с сюжетом, звучит следующим образом: как появилось описание легендарной битвы, в которой одна из армий Чингис-хана терпит поражение от царя Великой Индии. Все христианские дипломаты, побывавшие в империи монголов, настаивают на том, что результат был обратным: победу одержал Чингис-хан. Это вымышленное событие имело широкую известность среди восточных и общавшихся с ними западных христиан. Христианские источники отражают в данном случае монгольскую или имперскую версию события. Показательна «солидарность» монгольских и западных источников, утверждающих победу за Чингис-ханом. На этом фоне сведения о битве за Великую Индию, принесенные в Европу братом Иоанном и братом Бенедиктом, выглядят весьма неожиданно, что отмечено всеми исследователями. Однако отмеченные расхождения не дали повода для сомнений и размышлений¹⁸⁸. Царнке, известный своим капитальным исследованием истории легенды о пресвитере Иоанне, заявляет, что францисканская миссия принесла фальшивую версию исторических событий о вторжении монголов в Индию¹⁸⁹. Эта теория пользуется сегодня наибольшей популярностью. Такой подход к проблеме и не предусматривал анализа подробностей удивительной битвы и механизма действия странного оружия индийцев. Самый главный вопрос — кто «изобрел» это оружие, францисканцы или автор романа, — не затрагивается ни в одном исследовании. Варианты интерпретаций медных фигур — от огнестрельного оружия¹⁹⁰ до статуй Будды¹⁹¹ — свидетельствуют скорее о фантазии современных авторов

(непроизвольно оказавшихся в игровом поле романа), нежели об истинном понимании ситуации. Кажется, только Пейнтер отметил необычный результат битвы и смену ролей главных участников события¹⁹². Даже такой исследователь, как Беццола, владевший всей полнотой материала, ограничился следующей оценкой: францисканцы пытались спасти свои представления о пресвитере Иоанне, чья победа над монголами полностью соответствовала идеализированному представлению Запада о великом христианском правителе, царящем на краю света¹⁹³. Сразу же возникает вопрос, францисканцы сами сочинили эту историю и, следовательно, хотели ввести в заблуждение римскую курию, или им кто-то случайно поведал инвертированный вариант известной легенды (эта гипотеза принадлежит Рахевильцу¹⁹⁴). Гипотезу о случайном информаторе, равно как и предположение о том, что францисканцы были озабочены спасением своих представлений о легендарном христианском царе, следует отвергнуть, поскольку ни то, ни другое ровным счетом ничего не объясняет. Францисканцы были открыты к диалогу, получая сведения из самых разных источников в иноязычной среде. В итоге они привезли в Европу новую картину Монгольской империи, свободную от апокалиптических ожиданий их современников. У нас нет оснований считать брата Иоанна и брата Бенедикта пленниками стереотипов европейской культуры.

Что же на самом деле говорится в донесениях миссии о царстве пресвитера Иоанна? В них не только сообщается о сверхмогуществе царя Индии, его победе над монголами, удивительном оружии индийцев, но и о желании царя вновь сразиться с монголами. Каким бы ни было происхождение имперской версии, ее содержание выглядит вполне естественно (монголы — покорители мира), тогда как существование обратного варианта требует объяснения. И что самое любопытное, в имперских версиях ни тот, ни другой противник не используют загадочное оружие.

Замысел фантастического сражения, где на монголов обрушиваются струи летящего огня и они проигрывают, даже не успев вступить в бой, мог возникнуть только в мифологическом поле «Романа о Чингис-хане». Такого оружия, как медные фигуры, мечущие огонь на расстояние полета стре-

лы, в Средние века не существовало. Эта история — авторский вымысел, согласно которому мощному натиску монгольских стрел противопоставлен «летающий огонь» индийцев. Появление медных фигур, усаженных на коней, с иронией обыгрывает излюбленную монгольскую хитрость, связанную с изготовлением войлочных фигур, вводивших противника в заблуждение.

В настоящей главе мы рассмотрим только одну тему, а именно результат легендарной битвы между войском Чингис-хана и царем Индии пресвитером Иоанном. Об этом вымышленном событии рассказывают многие христианские авторы XIII в. И все как один говорят о победе Чингис-хана, тогда как в нашем сюжете монголы терпят сокрушительное поражение. Можно смело предположить, что последнее представляет инверсию имперской легенды, имевшей хождение среди восточных христиан. Л. Ольшки убедительно показал существование двух фаз в развитии легенды о пресвитере Иоанне — западной и азиатской¹⁹⁵. По его мнению, новая тенденция получила толчок в середине XIII в. и была связана с политической мифологией Монгольской империи. Нас в данном случае интересует азиатский вариант легенды о пресвитере Иоанне.

Приведенные ниже примеры являются своего рода «первичным» текстом, использованным автором романа при создании собственного сюжета. В исторической энциклопедии Винцента из Бове¹⁹⁶ ключевые моменты в описании битвы Чингис-хана с царем Давидом, сыном пресвитера Иоанна, аналогичны сведениям из донесения послов Людовика IX, несомненно, полученным из рук восточных христиан-несториан. Различие заключается только в эмоциональной оценке события, но результат совпадает: царь Великой Индии убит, а его подданные подчинились новому государю — монгольскому хану. Доминиканец Андре де Лонжюмо, вернувшись из Малой Азии, в донесении Лионскому собору 1245 г. утверждал, что нынешний монгольский хан — сын христианки, «ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется пресвитером Иоанном (имя, которое дается всем царям Индии), убил, то взял в жены его дочь, а от нее родился тот царь, что ныне правит у тартар» (*Английские источники*, с. 161).

В 1246 г. царь Малой Армении Хетум отправил своего брата парона Смбата Спарапета в Монголию, к Гуюк-хану. В письме, посланном из Самарканда, Смбат сообщает кипрскому королю Генриху Лузиньяну следующие сведения: «В Индии, где проповедовал и обращал благословенный апостол святой Фома, имеется еще некий христианский царь, который был осажден несколькими сарацинскими королями, своими соседями, начавшими против него жестокую и тяжелую войну, пока не пришли с этой стороны татары. Он подпал под их владычество и, присоединившись к их войскам, с такой яростью напал на сарацинов, что разбил врагов и захватил большую часть Индии» (*Смбат Спарамет*, с. XIX). Если брат Андре сообщает о победе монголов над пресвитером Иоанном, то, согласно сведениям Смбата, христианский царь Индии покорился монголам без битвы. Однако оба дипломата не сомневаются в военном успехе монголов.

Продолжим примеры, рисующие картину прямо противоположную той, что изображена в «Романе о Чингис-хане». Найти примеры, подтверждающие картину, которая изложена в «Романе о Чингис-хане», невозможно по той причине, что они не существуют. О покорении Чингис-ханом царства пресвитера Иоанна рассказывают брат Вильгельм де Рубрук¹⁹⁷, и вслед за ним Роджер Бэкон (*Английские источники*, с. 216–217). Французский рыцарь Жуанвиль, со слов путешествовавших на Восток послов Людовика IX, и Марко Поло излагают близкие по содержанию известия о битве Чингис-хана с христианским царем Индии. В обоих повествованиях победу одерживает Чингис-хан. Так, согласно сведениям Жуанвиля, монголы «напали на своих врагов и, как угодно было Господу, одолели их. Всех, кто был в доспехах, они перебили; а тех, кого нашли в церковном облачении, священников и монахов, оставили в живых. Все остальные народы земли пресвитера Иоанна, не участвующие в этом сражении, подчинились им. Князь одного из этих народов исчез на три месяца, и о нем ничего не было известно. Когда он возвратился, то не испытывал ни голода, ни жажды, и думал, что отлучился всего-навсего на один вечер. И поведал он вот что: он поднялся на превысокую гору и наверху встретил множество красивейших людей, каких никогда не видел, в прекрас-

ных одеждах и украшениях; и на вершинах увидел он короля, красивее других, богаче всех наряженного и украшенного, восседавшего на золотом троне. <...> Король подозвал этого князя и сказал ему: “Это ты прибыл из войска татар?” И тот ответил: “Да, сир, это я”. “Отправишься отсюда к своему королю и скажешь ему, что ты узрел меня, того, кто является владыкой неба и земли; и скажешь ему, чтобы он возблагодарил меня за победу, которую я ему послал над пресвитером Иоанном и его народом. И еще передашь от меня, что я дарую ему могущество, дабы подчинить всю землю”» (Жуанвиль. § 480—483).

Анализируя этот сюжет, Фридман показал, что смысл легенды заключается в получении Чингис-ханом божественного мандата на завоевание мира, что подтверждается дальнейшими реальными военными успехами¹⁹⁸. Для нашего исследования важно наблюдение Фридмана, по мнению которого, интерес пророчества в том, что это не простое изложение мифа или фольклорный сюжет, а идеологическая легенда, связанная непосредственно с политическими событиями в Святой земле. Дело в том, что ряд обстоятельств позволяет предположить, что «Роман о Чингис-хане» был создан в среде сирийцев-несториан, которые таким образом отреагировали на имперские мифы, придав им инвертированный характер.

В рассказе Марко Поло военный спор Чингис-хана с пресвитером Иоанном, «о чьем великом могуществе говорит весь свет», описан как грандиозное сражение. «Злее той схватки не было видано», но победа в конечном счете досталась Чингис-хану. Перед битвой христиане-звездочеты гадают с помощью разломанной пополам палки об исходе столкновения и предсказывают победу монгольскому предводителю¹⁹⁹. Согласно же донесениям францисканской миссии 1245 г., битву выигрывает царь Индии, пресвитер Иоанн. Противостояние этих сведений всем прочим известиям бросается в глаза; остается лишь объяснить их происхождение. Кнефелькамп считает, что Иоанн де Плано Карпини соединил известный рассказ о царе Великой Индии с легендарной историей об Александре, который использовал раскаленные медные фигуры против боевых слонов Пора. Далее он пишет: «В противоположность мнению других авторов, в этом случае, пре-

свитер Иоанн разбивает монголов и обращает их в бегство. Таким образом продолжается жизнь мифа о непобежденном христианском царе на Востоке»²⁰⁰. Как видим, эта концепция пользуется популярностью у немецких исследователей. Однако она не позволяет ответить на вопрос, почему же другие латинские авторы не пожелали «продлить жизнь мифа»? По мнению Шмидер, брат Иоанн на Востоке услышал монгольскую версию легенды о пресвитере Иоанне и затем отождествил его с персонажем из европейской традиции. Но это отождествление, считает Шмидер, не имело силы, поскольку другие путешественники приняли этого царя за побежденного противника Чингис-хана²⁰¹. Как видим, ни одно из этих объяснений ни на шаг не приближает нас к пониманию проблемы.

Вернемся к средневековым известиям. Ни о каких военных хитростях индийцев ни Жуанвиль, ни Марко Поло не сообщают, хотя дают развернутые описания битвы. Все это выглядит настолько поразительно, особенно если вспомнить, что в своих легендарных посланиях пресвитер Иоанн рисуется могущественным царем царей. Этот парадокс отмечает Марко Поло, поскольку вынужден объяснить своим читателям, почему христианский царь проиграл язычнику Чингис-хану. Очевидно, что брату Вильгельму, Жуанвилю и Марко Поло известна официальная монгольская легенда, прославляющая подвиги Чингис-хана. Образ непобедимого воителя сложился в рамках имперского культа этой личности. О божественном предсказании в пользу предводителя монголов в поединке с пресвитером Иоанном сообщает Марко Поло. В сюжете же, изложенном папскими посланниками, соперники меняются местами. Из сравнения имперской легенды с версией, записанной францисканцами, с очевидностью следует, что последняя представляет собой текст с зеркально перевернутым содержанием: монголы сталкиваются с неслыханной военной хитростью индийцев и проигрывают. Собственно для этого и понадобилось автору романа снабдить индийцев фантастическим оружием. Простая инверсия легенды выдавала бы заурядный замысел и лишала бы игру глубины. Другое дело, когда армия божественного Чингис-хана испытывает на себе силу немыслимого оружия. В середине XIII в. в Центральной Азии невозможно было найти место для самостоятельного и

могущественного царства пресвитера Иоанна²⁰². Все было подчинено власти монголов. Тем удивительнее содержание сюжета, в котором этот царь побеждает войско монголов и грозит им новыми поражениями. Мифической географии походов армий Чингис-хана соответствуют мифические события. Этот вымышленный эпизод лишний раз подчеркивает, что в ставке хана Гуюка францисканцам удалось разыскать необычный источник сведений.

Можно не сомневаться, что для автора романа миф о царе Великой Индии всего лишь занимательный рассказ, старый материал, из которого он кроит новую историю. В обретении этим царем неслыханного оружия скрыта ирония по отношению к самой легенде. Для современного исследователя встает трудный вопрос о «наивности» средневековой европейской элиты, отправлявшей дипломатических посланников в мнимое царство пресвитера Иоанна, и «утонченности» восточных авторов, которые инициировали подобные литературные утопии²⁰³. Проблему можно сформулировать более корректно. Легенда о пресвитере Иоанне входила в фонд литературных несторианских мифов. Соответственно, у восточных христиан не было причин заниматься поисками этого царства. Но как только миф о пресвитере Иоанне попал в руки западных христиан, он моментально обрел реальные контуры. Автор романа не одинок в своем ироничном отношении к легендарному пресвитеру Иоанну. Пандехово пророческое сказание 1259 г., предрекающее гибель многим народам — куманам, русским, венграм — от татарского меча, завершается ироничным напоминанием о легендарном могуществе пресвитера Иоанна (*Пандехово сказание*, с. 165).

24. ПОКОРЕНИЕ БУРИТЕБЕТА (НТ, § 19)

24.1. В латинских средневековых источниках этноним Буритебет (*Burithebet*) встречается только в отчетах францисканской миссии 1245 г. Если Земля псов, бесспорно, является вымышленной областью на маршруте второго войска монголов, то примыкающий к ней Буритебет, согласно общепринятому мнению, представляет вполне реальный топоним²⁰⁴,

тем более что брат Иоанн, судя по его словам, встречал жителей Буритебета. Большинство исследователей не склонно видеть в фантастических сведениях из донесений францисканской миссии 1245 г. продуманную композицию. И хотя связь между событиями (поражением монголов в Земле псов и их победой над Буритебетом) не столь очевидна, она существует.

В сюжете представлены некоторые этнографические подробности, характеризующие обычаи и внешний облик обитателей этой земли, а описание битвы отсутствует. Обратимся к переводу в изложении брата Иоанна: «По пути назад это войско, то есть войско монгалов, пришло в землю Буритебет, которую войной одолело. Они язычники и у них есть достойный удивления, даже, скорее, сожаления, обычай: когда чей-нибудь отец покидает сей бренный мир, то, как нам достоверно утверждали, собирают всех его родственников, которые его съедают. Бороды у них нет. К тому же, как мы видели, они носят с собой некий железный предмет, которым они постоянно выщипывают бороду, если в ней вырастает волосок. К тому же они очень безобразны. Оттуда это войско вернулось в свою землю» (LT, V. 14). В сюжете совмещены два временных плана, что порождает загадку. С одной стороны, говорится о легендарном походе, а с другой — брат Иоанн своим замечанием о том, что он видел этих людей, придает сюжету характер достоверности. Вопрос о том, кого францисканец принимает за жителей Буритебета, трудноразрешим. Этнографических сведений недостаточно для отождествления обитателей Буритебета с каким-то реальным азиатским племенем. В то же время существование в Азии обычая выщипывать бороду сомнений не вызывает²⁰⁵. Приемлемой, но недоказуемой была бы следующая гипотеза: францисканцы, встретившись с представителями какого-то азиатского народа²⁰⁶, приняли их за легендарный народ из Буритебета.

В версии перевода брата Бенедикта сохранились важные подробности: жители Буритебета уподобляются диким волкам, что подчеркивается в самом названии земли: *Burith dicitur lupus* — «Бури(т) означает 'волк'». Это обстоятельство позволило Даффина утверждать, что речь идет о некоей реальной области под названием «Тибет волков», которую он локали-

зует в районе озера Куку-нор на северо-востоке Тибета²⁰⁷. Даффина не приводит каких-либо доказательств в пользу своей гипотезы. Анализ топонима в отрыве от легендарного контекста и не мог дать иного результата. Очевидно, что подобный подход к проблеме не вносит ясности. Даффина воспринимает сведения францисканцев как историческое свидетельство, тогда как перед нами эпизод из восточного литературного сочинения. Буритебет является вымышленной страной. Автора «Романа о Чингис-хане» занимает тема псевдогеографии монгольских походов, а выбор соперников, с которыми он заставляет сталкиваться монголов, отличается особенно каверзным характером.

Остается открытым вопрос о том, можно ли трактовать Буритебет как 'Тибет волков'. Скорее всего, случайное созвучие *Бури* с тюркским *böri* — 'волк' позволило автору романа по ассоциации соединить в одном сюжете название Буритебет и «волчий» обычай. За внешней правдоподобностью повествования скрыт вымышленный эпизод. И цель вымысла приобретает ясные контуры только в мифологическом поле романа, чье действие разворачивается на пересечении достоверных и легендарных тем. В Буритебете монгольское войско побеждает людей, чьи обычаи приравнивают их к волкам. Для монголов же волк был весьма значимым символом воинских и мужских достоинств. В известном смысле, перед нами картина соперничества истинных волков (монголов) с их инвертированным отражением (для первых пищей служит живая кровь, для вторых — мертвая). Престижность эпического сравнения монгольского воина с волком-псом, поедающим в смертном бою плоть поверженного противника, не вызывает сомнений²⁰⁸. Им противостоят люди-волки, пожирающие мертвую плоть. В таком случае становится ясным сомнительный характер этой победы. Инвертированный характер преобразований сюжета отразился и на внешнем облике обитателей Буритебета, которые отличаются как от монголов, имевших бороды, так и от волосатых яджуджей из поэмы Низами (по словам Низами, яджуды, подобно волкам, поедают своих умерших). Отсутствие бород и ужасный обычай создают портрет противника, которого и не стоило бы побеждать.

24.2. Буритебет. Анализ лексемы. Топоним *Буритебет* был предметом исследований известных авторов. По мнению Риша, *Burithabet*, собственно, и есть Тибет²⁰⁹. Он считает, что этот же топоним в форме Бури-Туббэт фигурирует и у Рашид ад-Дина. Относительно земли Буритебет в донесении брата Бенедикта утверждается, что слово *burith* означает ‘волк’ и что оно подходит для характеристики обитателей этой земли, которые, словно дикие волки, поедают умерших отцов. Это сообщение не находит параллели у брата Иоанна. Принято считать, что в данном случае *huri(th)* действительно означает тюркское ‘волк’. Первым эту мысль высказал Пейнтер²¹⁰. Шинор подтвердил в целом правильность этой идентификации²¹¹. Однако, по его мнению, имеющееся в виду слово всегда имело в первом слоге *ö*, т. е. *böru*, *böri*, а латинская транскрипция *burith* могла бы передавать **burit*. Шинор полагает, что мы имеем дело с народной этимологией (опущенной или неизвестной брату Иоанну), которая исходила от человека, знающего тюркский язык. По его мнению, это типичная уничижительная этимология, сходная с тем, как этноним ‘тартары’ возводили к Тартару (бездне). Конечный *-th* Шинор объясняет лишь недоразумением, проникшим в письменную форму этой этимологии. Что же касается разделения «Буритебет» на Бурит/ебет, которое является вопиющей бессмысленностью, вместо Бури/тебет, которое прекрасно выражает смысл, то Шинор относит эту ошибку на счет брата Ц. де Бридиа либо переписчика XV в. В итоге, пишет Шинор, тюркское *böri*, ставшее в латинском тексте *bori*, превращается в *huri*²¹². Выводы Шинора полностью приняты Даффина²¹³.

И Пейнтер, и Шинор сосредоточили свое внимание на первой части термина Буритебет, которая, бесспорно, означает «волк». Вторая же часть термина (тебет) ими не анализируется — видимо, по той причине, что речь однозначно идет о Тибете. Я полагаю, что указанные авторы, повторяя вслед за братом Бенедиктом этимологию слова *huri(th)*, не замечают ироничную игру смыслами и игнорируют легендарный контекст. Вызывает также некоторые сомнения и предположение Шинора об уничижительном характере этимологии слова *huri*. Мы не знаем ни одного средневекового вос-

точного источника, в котором образ волка имел бы отрицательную коннотацию.

24.3. Буритебет и *Töböd-üd noxod* «Сокровенного сказания». Зададимся вопросом, не является ли слово «Буритебет» литературной фикцией, построенной на соединении двух тюркских слов: *böri* — ‘волк’ и *töbet* — ‘кобель’ (‘волк-кобель’) ²¹⁴. Иными словами, не означает ли в нашем случае «Буритебет» ‘[землю] волков-псов’? При этом двойственный характер названия Буритебет создает иллюзию реальности, к чему, видимо, и стремился неизвестный автор.

По мнению А. М. Щербака, «значение *töbät*, приведенное в словаре В. В. Радлова (*töböät* — ‘порода больших собак’, ‘овчарка’, РСл. III, 1272), больше нигде не отмечено и в современных языках отсутствует, поэтому трудно говорить о каких-либо моментах семантического преобразования рассматриваемого слова». Щербак указывает и другие примеры: казах. *töbät*, кирг. *döböät*, уйг. *töbät* — и замечает, что «этимологическое объяснение слова *töbät* на тюркской почве затруднено» ²¹⁵. Обратим внимание на то, что в «Сокровенном сказании», монгольском памятнике XIII в., фигурирует аналогичное выражение *Töböd-üd noxod* в следующем контексте: «<...> šingtalun mene metü yekin eyin dongqodumu kö'üt ayuju setkil-iyen alqasa'ujai naran singgegüece urgugu-da gürtele dayyin irgen bül mani *Töböd-üd noqod-ıyan* tukirču ile'esü dayyin irgen-i ba tenggeri qajar-a gücü nemekdejü altan mönggü a'urasun tabar irgen organ čimada abčirasuqai ali irgen ke'e'esü ene höröne Baqtat <...>» ²¹⁶. Первые военачальники Чингис-хана сравнивают себя (согласно переводу Козина) с тибетскими псами: «<...> ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, тибетских псов своих, натравил бы на вражеский народ» (*Сокровенное сказание*. § 260).

Ф. В. Кливс в своем переводе оставляет оригинальный термин *Töböd-üd*, а в примечании указывает, что речь, возможно, идет о «тибетских псах» ²¹⁷. Авторы английского ²¹⁸, французского ²¹⁹ и немецкого ²²⁰ переводов также считают, что речь идет о «тибетских псах», а самый удивительный перевод издан в Калмыкии ²²¹. Странность сравнения монгольских алхумчинов с тибетскими псами, хоть и вызывала сомнения,

однако отсутствие параллельного примера закрывало путь для иных трактовок. Видимо, следует согласиться с точкой зрения У. Она, что выражение *Töböd-üd noxod* означает пастушьих псов, но никак не «тибетских» псов²²². С учетом сведений из словаря В. В. Радлова (*möböṁ* ‘порода больших собак’), появляются дополнительные основания отказаться от «тибетских» псов. И, наконец, привлечение латинского известия, отражающего восточный текст, о земле *Burithebet* («волков-псов») позволяет внести полную ясность в формулу *Töböd-üd noxod*. Если принять *töböd* в значении ‘волк-кобель’²²³, то перевод будет выглядеть следующим образом: «Натравил бы ты лучше нас, волков твоих, псов твоих, на вражеский народ». Подобная трактовка представляется более приемлемой, нежели сравнение доблестных монгольских мужей с «тибетскими псами». Существует обоснованная точка зрения, что роды «волка» и «собаки» — самые распространенные у монголоязычных народов²²⁴. Если все же согласиться с общепринятым переводом, то остается неясным характер престижного сравнения, в котором обозначен чужой этноним.

Итак, перед нами две письменные фиксации эпической формулы сравнения кочевого воина с волком-псом. Таким образом, легендарный контекст, в котором фигурирует Буритебет, имеет и лингвистическое соответствие (лат. [Buri]thebet = тюрк. *Töböd* — ‘кобель’). Неизвестный автор «Романа о Чингис-хане», описывая легендарный поход монголов в Буритебет, использовал смысловую игру омонимов *Töböd* и *Tebet*²²⁵.

Немаловажно и следующее обстоятельство: в родословном древе Чингис-хана первопредок Буртэ-Чино (Серый Волк) — фольклорное олицетворение «народа волков», имеющего древнюю традицию управления и наведения порядка в беспокойном мире кочевников²²⁶. Значимое для монгольской военной элиты сравнение с волками-псами представлено в романе с обратным смыслом. Таким образом, на карте легендарного маршрута монгольского войска появляется область Буритебет — земля ‘волков-псов’, которая столь же реальна, как и предшествующая ей Земля псов.

25. МНИМЫЙ ПОХОД ДЖУЧИ (НТ, § 20)

25.1. Постановка проблемы. Картина событий, нарисованная в § 20 «Истории Тартар», представляет одну из самых интригующих загадок донесения брата Бенедикта. На мой взгляд, эти сведения являются вставкой в описание фантастических походов трех армий Чингис-хана и их можно рассматривать как «реальный комментарий» к событиям легендарного северного похода. Сообщение о битве на Калке принадлежит русским переводчикам (или переводчикам на русский). Таким образом, значимое для русских событие вписывается в грандиозную картину вымышленных походов Чингис-хана. Эта гипотеза нуждается в обосновании. Сначала рассмотрим материалы.

В «Романе о Чингис-хане» третье войско, исполняя приказ о покорении мира, должно направиться в северные пределы, а возвращаясь, видимо, случайно попадает в некую пустыню, где сталкивается с половиннотелыми людьми. Однако оба донесения настаивают на том, что это войско сначала пошло на запад и возглавил поход старший сын Чингис-хана — Джучи. В версии перевода брата Иоанна это событие выглядит так: «После краткого отдыха он разделил свои войска. Одного из своих сыновей, по имени Тоссук, которого также называли каном, то есть императором*, он послал с войском против команов, которых он победил в большой битве. И после победы он вернулся в свою землю» (LT, V. 11). Итак, согласно версии перевода брата Иоанна, Джучи (*Tossuc*) ** вернулся после победы над команам в свою землю; поход на север в области самоедов, быченок и питающихся паром в донесении брата Иоанна связан с военной кампанией Бату против Булгарии и Великой Венгрии (LT, V. 29—30). Это обстоятельство означает, что брат Иоанн более свободно использовал сюжеты романа для описания

* Старший сын Чингис-хана, Джучи, никогда не был провозглашен каном.

** *Tossuc*, *Tossu-can*, тюркская форма *Tuši*, *Toši* соответствует монгольской *Juči*, *Joči* — Джучи, см.: *Pelliot*, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, pp. 10—28.

истории имперских походов. И в любом случае Джучи к северному странствию к фантастическим народам отношения не имеет. По крайней мере, так понимает ситуацию сам брат Иоанн.

На первый взгляд, версия перевода брата Бенедикта дает более ясную картину: «Итак, когда Чингис стал именоваться каном и год отдыхал без войн, он в это время распределил три войска [идти воевать] в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле. Одно он отправил со своим сыном Тоссуком, который тоже именовался каном, против команов, которые обитают над Азами в западной стороне, а второе с другим сыном — против Великой Индии на юго-восток» (НТ, § 11). Далее следует описание военных экспедиций Чингис-хана и второго войска (НТ, § 12–19). И, наконец, повествование возвращается к походу Джучи, которое неожиданным образом предстает как широкое нашествие на туркмен, бисерминов, кангитов и команов. На обратном пути это войско захватывает земли Великой Венгрии, соприкасающиеся с северным океаном, и вступает в неосвоенные области мира, где, к своему удивлению, встречает питающихся паром, самоедов, быченогих (*укорколонов*) и одноногих (*унипедов*). Не совсем ясно, почему возвращающееся войско вдруг попадает к фантастическим народам. Ришар, рассматривая вопрос о походе Джучи с учетом обоих францисканских версий, ограничивается констатацией удивительного характера этого маршрута²²⁷.

Мнимый поход Джучи против команов появился в процессе перевода романа, и связан со стремлением русских переводчиков припомнить некоторые события собственной истории. Поскольку диалог между францисканцами и русскими священниками происходит в процессе перевода иноязычного текста, то совершенно естественным образом в перевод вставляются новые, поясняющие сведения. Однако в этом не стоит видеть ошибку. Ассоциативная связь, позволившая переводчикам увязать в один узел битву на Калке и поход к северным пределам мира, не случайна. Эта же самая ассоциация лежит в основе замысла автора романа, превратившего стремительную разведывательную экспедицию Джебе и Субедея (через Дербент, земли аланов, кыпчаков и столкнове-

ние на Калке) в разведывательный поход к диким обитателям севера. И последнее наблюдение: если две другие армии монголов сразу попадают в мифические пространства, то, видимо, и с третьей должно было произойти нечто подобное. Следовательно, в исходном тексте северный поход не связывался с именем Джучи.

25.2. Поход Джучи. В обоих донесениях северный поход начинается с покорения земли команов и возглавляет его старший сын Чингис-хана, Джучи. И если сам по себе факт покорения монголами Дешт-и Кипчака не вызывает сомнений, то участие в этом деле Джучи необъяснимо с исторической точки зрения (ведь он умер за много лет до начала западных экспедиций). Скорее всего, в этом эпизоде нашел отражение тот факт, что в 1224 г. при разделе Чингис-ханом владений между сыновьями Джучи получил земли «до дальних пределов Саксина и Булгар, и так далеко в этом направлении, куда только проникло копыто монгольских лошадей» (Джувеини). Эти территории принадлежали потомкам Джучи, которые продолжили завоевания в западном и северном направлениях. Пока можно предположить, что имя Джучи в сюжете появилось благодаря «осведомленности» русских переводчиков, чье несомненное влияние проявилось в отождествлении фантастических северных народов с самоедами и паросцитами. Что же касается построения сюжетов, когда реальное событие словно соскальзывает в плоскость легенды, то оно характерно для всего романа.

Если довериться версии перевода брата Бенедикта, то получается следующая картина. Грандиозный поход третьего войска, начавшись с покорения земли туркмен, бисерменов и кангитов, завершился рейдом по северным границам мира. Единственный результат этого странствия заключается в том, что монголы узнают истинные названия фантастических народов. Версия брата Бенедикта сохранила два монгольских термина: *укорколоны* (быченогие) и *нохойтеримы* (песьелицы). План создания мировой империи оборачивается мнимыми открытиями. Автор романа конструирует мифические миры, хорошо известные из персидских космографий, приспособливая их к монгольскому имперскому менталитету. В списки победных реляций он добавляет два ранее неслы-

ханных удивительных племени. Подробнее о правилах этой игры мы поговорим в другом исследовании, посвященном загадкам «Романа о Чингис-хане». Пока же остановимся на вопросе о мотивации игры. Что могло дать импульс к созданию такого рода конструкций? В поисках ответа обратим внимание на то, как в официальных источниках представлен размах походов во времена правления Угедая, наследовавшего империю Чингис-хана: «После него [Чингис-хана] Угедей-каан, совместно со своим братом Тулуй-ханом, захватил полностью страну Хитай. Совместно с племянниками по брату они захватили области келаров [венгров], башкиров, булар, Дешт-и Кипчак, урусов [русских], черкесов и асов [осетин] до крайнего севера, а с южной стороны — до пределов Хабеша [Абиссинии]. Точно так же они захватили область Сулангэ [Корею]. <...> И до настоящего времени по-прежнему из года в год и изо дня в день урут и потомки Чингиз-хана подчиняют себе области, находящиеся в районах их владений. Подобные великие деяния удавались и удаются [им] благодаря влиянию счастья Чингиз-хана и его уруга» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 67–68).

Согласимся, что Рашид ад-Дин рисует захватывающую картину завоеваний. Победная экспансия в скрытом виде намекает на то, что монгольским ханам удалось превзойти в своих стремлениях легендарного Искандера. Подобные формулы официальных историографов²²⁸ (о покорении земель мира от крайнего севера до пределов юга) не могли не оказать влияния на рождение сюжета о походах монголов в три части света, где также фигурируют северные и южные границы мира и упоминаются черные эфиопы, однако с той существенной разницей, что в романе размах походов доводится до абсолютного предела. Гипербола превращается в инвективу.

25.3. Исследователи в игровом поле романа. Большинство исследователей в описании походов Джучи-хана видят отражение реальных событий, хотя и указывают на некоторую путаницу в изложении брата Иоанна²²⁹. Обратимся к этой проблеме еще раз и рассмотрим ее в контексте параллельных персидских, арабских и грузинских известий. Согласно версии брата Иоанна, Чингис-хан послал войско Джучи против команов; Джучи, победив команов, вернулся в свою землю. Срав-

ним эти сведения с повествованием о Джучи-хане в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина: «<...> Джучи-хан по приказу Чингис-хана постоянно находился в походах и завоевал и покорил много областей и городов. [... Еще] раньше Чингис-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингис-хан, крайне рассердившись, сказал: “Я его казню”» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 78–79). В другом месте уже о сыне Джучи, Бату-хане, сообщается: «Так как Джучи уклонился от выполнения ранее вышедшего постановления Чингис-хана отправиться ему с войском и захватить все северные области, как то: Ибир²³⁰ -Сибир, Булар, Дашт-и Кипчак, Башгурд, Рус и Черкес до Дербента Хазарского, который монголы называют Тимур-кахалка, и включить их в свои владения, то, когда Угедей-каан воссел на царство, он повелел Бату [это сделать] таким же порядком. <...> Все собрались вокруг Бату и занялись завоеванием северных стран» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 71–72).

Об этом же самом распоряжении Угедея Бату-хану сообщается и в донесении брата Бенедикта (НТ, § 27). Итак, согласно официальной истории, Джучи-хан с команам не воювал. Становится ясным, что «путаница», отмеченная исследователями в изложении брата Иоанна, заключается в том, что часть походов времени Бату приписывается Джучи. То же самое отмечает и Пейнтер, однако это не помешало ему выдвинуть слишком смелую и ничем, кроме текста в НТ, не подтвержденную гипотезу: «Военные экспедиции Джучи, Субедея и Джебе предстают как неразрывные части двойного охвата, осуществленного по приказанию Чингиз-хана и под верховным командованием Джучи. Эти гигантские клещи должны были сомкнуться у берегов Волги»²³¹.

В романе многолетняя легендарная экспедиция Джучи — не что иное, как сублимированный итог монгольских завоеваний в северо-западном направлении. Однако это предположение проблему до конца не решает. Ни Джучи-хан, ни его сын Бату в битве на Калке не участвовали. На заднем плане исследуемого сюжета угадывается какое-то яркое событие, всколыхнувшее всю Евразию. Масштаб этого события дол-

жен был поразить воображение современников. И такой факт существует. Косвенное указание на него содержится в разбираемом эпизоде «Истории Тартар». Согласно этим сведениям, Джучи, исполняя волю отца, во-первых, покорил бисерминов, затем — кангитов, наконец вторгся в Команию; команы хоть и объединились с русскими князьями, но были разбиты на реке Калке. Далее говорится о возвращении монголов в свою землю северным путем.

Покорение туркмен, мусульман Хорезма и кангитов (канглы) относится к военной кампании против государства хорезмшаха, которую возглавлял сам Чингис-хан. Поход против кипчаков, завершившийся битвой на Калке, возглавлял полководец Субедей. О каких-то самостоятельных заслугах Джучи не может быть и речи. Даффина справедливо отмечает роль Субедея в этой кампании, однако далее он выдвигает неприемлемую идею. По мнению Даффина, именно брат Иоанн отнес этот поход к деяниям Джучи²³². Брат Иоанн, равно как и брат Бенедикт, не занимались сочинением монгольской истории, а лишь зафиксировали то, что им сообщалось.

Вероятнее всего, в «Романе о Чингис-хане» отразились слухи о разведывательных походах, два из которых были поразительны по своим масштабам. Однако память об этих событиях послужила лишь первоначальным импульсом для рассматриваемого сюжета, и далее в романе они описываются через призму легенды. Хорошо известна монгольская стратегия высылки отрядов, иногда совершавших длительные далекие походы по тылам противника²³³. Такой разведкой явился поход Джебе-нойона и Субедея-бахатура через Иран и Кавказ в южнорусские степи, завершившийся битвой на Калке, и поход дзалаира Бала-нойона на Пенджаб, в труднодоступные горные области на севере Индии в 1222 г.²³⁴ О первом вторжении в Иран пишет сирийский автор XIII в. Абу-л-Фарадж бар-Эбрей в своей «Всеобщей истории»: «В том же году не только от франков [крестоносцев], которые вышли с запада, пришла опасность для тайайе [арабов]. Она шла больше от татар [tataraje], которые стремительно прошли с востока и дошли вплоть до Хамадана, Азербайджана и Арана; по всей Персии распространился ужас» (*Сирийские источники*, с. 75).

Естественно, что таким отрядам часто приходилось вступать в бой. То, что тибетские, персидские и древнерусские летописи называют монгольским нашествием, было на самом деле походами разведывательных отрядов. В изложении Рашид ад-Дина события выглядели так: согласно приказу Чингиз-хана войско Субедея двинулось на запад, они «взяли много городов персидского Ирака; учинив убийства и грабежи, они пошли оттуда в область Грузии и Тифлис. Грузины собрались в большом количестве и вышли на войну. Джебе послал против них Субедея с войском, а сам с пятью тысячами бахадуров сел в засаду. Субедей нарочно бежал, и грузины пустились его преследовать. [Тогда] Джебе вышел из засады, зайдя с фланга, и всех уничтожил. Обычный прием их [монголов] в большинстве сражений был таков. Оттуда он повернул назад и вышел через Тимур-Кахалга [Железные Ворота]. Жители Дербента поднесли [монголам] провиант и подчинились. [Монголы] прошли оттуда, направившись в страну русов. В пути они повсеместно чинили избиения и грабежи. Они с Чингиз-ханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, [а в действительности] в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 194–195).

Мы можем предположить, что два разведывательных похода, в которых Чингис-хан лично не участвовал, превращаются в романе в походы армий, посланных против «команов» и «Индии». О том, какое впечатление произвел поход Джебе-нойона и Субедей-бахатура на современников имеется свидетельство ан-Насави, секретаря султана Джалал ад-Дина: «[Люди] стали свидетелями таких бедствий, о каких не слыхали в древние века, во времена исчезнувших государств. Слыхано ли, чтобы [какая-то] орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Баб ал-Абваба, * а оттуда перебралась в Страну кыпчаков, совершила на ее племена яростный набег и орудовала мечами наудачу? Не успевала она ступить на какую-нибудь землю, как разоряла ее, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, после такого кругового похода, она возвратилась к своему повелителю через Хорезм невредимой и с добычей, погубив при этом пашни страны и приплод скота и

* Баб ал-Абваб — Дербент.

поставив ее население под острия мечей. И все это менее чем за два года! Поистине, “земля принадлежит Аллаху: Он дает ее в наследство, кому пожелает из Своих рабов” *» (*ан-Насави*. 20).

Слухи об этом событии отразились и в сочинении Фомы Сплитского. Особенно любопытно звучит его фраза о длительном пребывании монголов в северных странах. Так воспринималась западными авторами «пауза» между первым появлением монголов (битва на Калке в 1223 г.) и последующим вторжением в Восточную Европу в 1239–1241 гг.: «Тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространились по всему свету. Они прошли от восточных стран до границ рутенов, разоряя земли, которые они пересекали. Но благодаря сильному сопротивлению рутенов они не смогли продвинуться дальше; действительно, у них было множество сражений с народами рутенов и много крови было пролито с той и другой стороны, но они были далеко отогнаны рутенами. Поэтому, свернув в сторону, они с боями прошли по всем северным землям и оставались там двадцать лет, если не дольше. А потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов» (*Фома Сплитский*. XXXVI).

А вот как отразилось это событие в грузинской летописи «Картлис цховреба»: Субедей и Джебе, отправленные в погоню за хорезмшахом, «прошли Туран, Джеон, Хорасан, Ирак, Адарбадаган и достигли Гандзы. И никто не противостоял [им]. Кто бы где ни явился — побеждали всех. [...] достигнув Грузии, монголы] повернули обратно и содеяли нечто дивное: пошли по дороге Дарубандской [Дербендский путь], и потому как не смогли противостоять им ни ширваншах, ни дарубандцы, прошли врата Дарубандские и вступили в Кивчакию и навязали [здешнему населению] бой, и во многих местах бились с ними кивчаки, но повсюду одолели татары и так с боями удалились. И, как я уже говорил, без доспехов **

* *Коран*. VII, 125 (128).

** Ранее аноним сообщает о двенадцати тысячах всадников «без доспехов и провианта, но только с луками и без мечей». Под отсутствием провианта, видимо, следует понимать одну из характерных особенностей кочевой культуры, а именно употребление в экстремальных условиях в пищу «живой» крови лошадей.

и на некованных лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингиз-каеном. И поступили они столь необычно — прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованных лошадях вновь в него же вернулись» (*Хронограф*, с. 119–120).

Отмеченная грузинским анонимом реальная подробность — отсутствие подков у монгольских лошадей — обыгрывается в романе в эпизоде с магнитной горой, внушившей ужас монголам тем, что она притянула подковы их лошадей (см. коммент. 20). Теперь не остается почти никаких сомнений, что именно этот поход нашел отражение в маршруте третьего войска, где также названы битвы с туркменами, бисерминами (хорезмийцами), кипчаками, сражение на Калке и возвращение в свою землю северным путем (который приводит их к удивительным народам). И реальный и легендарный походы представлены в источниках не нашествиями, а многолетними экспедициями, которые завершаются возвращением монголов в центр империи. Большинство сюжетов романа балансируют на грани реальности и вымысла, что и мешало их распознаванию. Техника создания этого сюжета заключалась в сопряжении известного события со сведениями из легендарной географии Азии. Именно поэтому дальнейший маршрут третьего войска словно соскальзывает в мифологическую плоскость: монголы устремляются к северным границам мира и достигают областей, населенных быченогими и песьелицами людьми. Автор романа создает псевдоисторию монгольских завоеваний, перенося основное действие к границам вымышленной империи.

26. БИТВА ПРИ КАЛКЕ (НТ, § 20)

26.1. Сведения о битве при Калке имеются только в донесении брата Бенедикта. Брат Бенедикт в какой-то мере владел русским языком и не допускал тех ошибок и пропусков при переводе и фиксации сведений, какие встреча-

ются у брата Иоанна. * Скорее всего, брат Бенедикт как переводчик миссии обладал большим количеством «вторичной» информации. Благодаря его открытости и несомненным лингвистическим способностям сохранилось уникальное сообщение о битве при Калке. У нас нет оснований сомневаться в утверждении францисканца, что сведения получены им от участников этой битвы. Дело в том, что его собеседники кроме Калки знают название второй речки — Кониуззу. Помнить такую подробность мог только участник события, хорошо знавший эту местность. Видимо, речь идет о половцах, поскольку в сообщении дается правильное объяснение тюрко-монгольского названия *coniuxzu* — «овечья вода». Подобное название является тривиальным; для кочевника любой водный источник, около которого он пасет своих овец, является «овечьей водой»²³⁵. Другие имена этого параграфа также имеют тюркскую огласовку (Тоссук-кан; Куспкас, т. е. Команя). Считается, что битва на Калке произошла 31 мая 1223 г. С момента события до его фиксации в донесении брата Бенедикта прошло двадцать три года. Выглядит сообщение следующим образом: «А команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с тартарами между двумя ручейками — название одного из них Калк, а другого Кониуззу (*Coniuxzu*), то есть „вода овец“, ведь *кони* по-тартарски означает на латыни *oves* (овцы), а уззу — *aqua* (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении» (НТ, § 20). Д. Шинор разделяет мнение Пейнте-ра, что *uzzi* отражает общемонгольское *usu(n)* — ‘вода’, а тюркское *qou* означает «овца»²³⁶. Монг. *qoni* — ‘овца’; ср. *хөн* < *хоин* < *хоуин* < *хонин* в современных ойратских диалектах²³⁷; в «Сокровенном сказании» (§ 222) упоминается «овечий пастух Дегай» — *Degei qoniçi*.

* Характерный пример — появление в тексте брата Иоанна слова *orgány*, которое дублирует термин *тимпаны*, см. коммент. 21; брат Иоанн ошибочно утверждает, что команы именуют Бога — *Кам*, вместо правильного варианта у брата Бенедикта — *Кодар* (НТ, § 42); в донесении брата Иоанна отсутствует большая часть монгольских терминов.

Выражение «крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек» А. Оннерфорс²³⁸ сопоставляет с образом из Откровения (Откр. 14, 19–20): «И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия. И истоптаны ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий». Кажется более приемлемым сравнение с формулой, отмеченной А. С. Орловым в древнерусских воинских повестях: «Кровь лилась по удолиям, как река, и обагрила оружие»²³⁹.

26.2. Большинство исследователей летописной статьи 1224 г. о битве при Калке в Ипатьевской летописи согласны с двумя обстоятельствами: первоначальная запись рассказа была сделана очевидцем, сама же статья имела в дальнейшем сложную литературную историю²⁴⁰. Река Калка в русском извещии является важным ориентиром для рассказчика. Нас же в данном случае интересует один частный вопрос: в каких еще источниках сохранилось название этой реки?

В сочинении Ибн ал-Асира (ум. 1233) подробно описывается совместный поход русских и кипчаков против монголов в глубь кипчакских степей на двенадцать дней пути и битва, длившаяся несколько дней, но о местности, где происходило столкновение, ничего не сообщается (*Сборник материалов*. Т. I. С. 27). В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского также говорится о первом столкновении половцев и русских с монголами, однако никаких упоминаний о месте битвы нет: «Двадцать четвертый год посвящения епископа Альберта [1222 г.]. В тот год в земле вальвов²⁴¹ язычников были татары. Вальвов некоторые называют *партами*. * Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы, и бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева с сорока тысячами воинов, что были при нем. Другой же король, Мстислав Галицкий, спасся бегством. Из остальных

* Скорее всего, описка и вместо *parti* следует читать *torci*.

королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один Бог), прочие же бежали. Тогда король смоленский, король полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир, во всем такой же, какой заключен был ранее» (*Генрих Латвийский*. XXVI.1)²⁴². Сведения о битве при Калке отразились в ряде западноевропейских хроник, но без указания географии похода²⁴³.

26.3. Преследуемый монгольским разведывательным отрядом под командованием Субедея и Джебе половецкий хан Котян обратился за помощью к русским через своего зятя, галицкого князя Мстислава Мстиславовича. Объединенные русские и половецкие полки встретились с монголами у Днепра. Затем двенадцать дней следовали за ложно отступающим противником в глубь причерноморских степей. В изложении Рашид ад-Дина этот поход выглядел так: монголы «напали на страну урусов [Русь] и на находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним, и прежде чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюднили большинство их местностей» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 299). Ср. с сообщением Галицко-Волынской летописи о битве на реке Калке: «Дошла до стана весть, что пришли татары посмотреть на русские ладьи; услышав об этом, Даниил Романович погнался, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья поскакали посмотреть на нее. Татары ушли. <...> Все князья, Мстислав, и другой Мстислав, Черниговский, перешли через реку Днепр, к ним перешли и другие князья, и все они пошли в половецкую степь. Они перешли Днепр во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их, и гнали далеко в степь, изби-

вая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом. Оттуда они шли восемь дней до реки Калки. Встретили их татарские сторожевые отряды. <...> Татары отъехали; около самой реки Калки встретились татары с русскими и половецкими полками. <...> Когда татары обратились в бегство, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский крепко бился с ними, но новые полки сразились с нами. За грехи наши побеждены были русские полки» (ПЛДР. XIII в., с. 259–261). Обращает внимание следующая подробность: Рашид ад-Дин, Ибн ал-Асир (*Сборник материалов*. Т. I. С. 27) и брат Иоанн * говорят о мнимом отступлении монголов на десять-двенадцать дней пути; примерно о таком же количестве дней сообщается и в Галицко-Волынской летописи.

В жизнеописании Субедея в династийной китайской хронике «Юань-ши» (цз. 121) представлено не только описание битвы при Калке, но названия двух рек. «<...> Когда достиг земель кипчаков, то сошелся с их предводителями Юйлицзи и Татахаром. Войска кипчаков были сосредоточены у реки Буцзу. [Субетей] бросил свои войска в атаку, их [кипчаков] войско рассеялось и бежало. Стрелой был поражен сын Юйлицзи, он бежал и укрылся в лесу. Его раб пришел и донес об его местонахождении, и его схватили. Оставшееся войско и народ сдались. После этого захватили их территорию. После этого дошли до реки Алицзи [Калки] и сошлись со старшими и младшими русскими Мичисылаво [Мстиславовичами]. С первого боя покорили их. Разбили асов и возвратились»²⁴⁴. Очевидно, единственным ориентиром при описании военных действий в причерноморских степях могли быть только реки,

* В шестой главе, посвященной способам ведения войны, брат Иоанн пишет: «Также, если они видят, что против них находится большое войско, то иногда отходят от него на один или два дня пути и вторгаются в другую часть [той же] земли и все сметают, причем людей убивают, а землю разоряют и опустошают. А если они опять видят, что не могут сделать этого, то отступают иногда на десять или на двенадцать дней пути и выжидают в безопасном месте до тех пор, пока войско противников не разделится, и тогда скрытно приходят и опустошают всю землю. Ведь они — самые хитрые [из всех] в военном деле, так как уже сорок и более лет сражаются с другими народами» (ЛТ, VI. 13).

что и подтверждают два известия, одно из которых сохранилось в донесении брата Бенедикта, другое — в «Истории династии Юань». Ни в одном из средневековых западных и восточных источников о битве при Калке, кроме донесения брата Бенедикта, не сообщается о такой подробности, как название второй реки ²⁴⁵.

27. БАСКАРТ, ИЛИ ВЕЛИКАЯ ВЕНГРИЯ (НТ, § 20)

27.1. О Венгрии Великой и Малой. Сведения о монгольском вторжении в Великую Венгрию в донесении брата Иоанна отнесены ко времени завершения похода в Западную Европу: «Вернувшись оттуда, они пришли в землю мордванов, являющихся язычниками, и в войне их победили. Продвигаясь оттуда вперед против билеров, то есть Великой Болгарии, они и ее разрушили полностью. Продвигаясь оттуда вперед на север, теперь против баскартов, то есть Великой Венгрии, они покорили также и их» (ЛТ, V. 29). Что означает в данном случае название «Великая Венгрия» и насколько правомерно ее сопоставление с землей баскартов?

Первое загадочное сообщение о покорении монголами Великой Венгрии сохранилось в хронике Матфея Парижского и отражает известие посольства исмаилитов, прибывшего с Ближнего Востока. «В эти дни [1238 г.] посланы были к королю франков официальные послы от сарацин, представлявшие в первую очередь Горного старца ²⁴⁶, сообщившие и изложившие самым достоверным образом, что с северных гор устремилось некое племя чудовишных людей, и на людей-то не похожих вовсе, и захватило обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию и разослало повсюду наводящие страх посольства, везущие угрожающие послания» (*Английские источники*, с. 111). В восточной географической номенклатуре не могло быть представления о «Великой Венгрии», следовательно, это название попало в хронику Матфея Парижского из западного источника. Известно, что в 1237 г. брат Юлиан направил письмо папскому легату

Сальвио де Сальви, где, в частности, сообщает: «Когда, в силу возложенного на меня послушания, я должен был отправиться в Великую Венгрию вместе с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая совершить порученное нам путешествие, достигли отдаленных пределов России, то нам удалось получить истинные свидетельства того, что все Баскарты, а ведь именно так называются венгры-язычники, а также Булгары и множество других царств разгромлены татарами». *

В географическом разделе энциклопедии «О свойствах вещей» Бартоломея Английского (1250) говорится о двух Венгриях, Великой и Малой, а земля Баскарт не упоминается. «О Паннонии, также и Унгарией называемой. Паннония — это провинция Европы, которая, некогда занятая гуннами, от этого народа в просторечии названа Унгарией. И она, по Орозию, двойная, то есть Великая и Малая. Ибо Великая находится в верхней Скифии, расположенной за Меотийскими озерами, откуда гунны в [поисках] мест охоты впервые вышли и, идя через широчайшие просторы болот и земель по следам оленей и [прочих] зверей, нашли наконец землю Паннонии» (*Английские источники*, с. 84)²⁴⁷. В хронике венгерского анонима, нотариия короля Белы, сообщается: «Скифия означает огромную землю, называемую *Дентумогер*, ** границы которой идут на восток от северной части до Черного моря, за ней находится река Танаис, с большими болотами, где очень много соболей [...]. Скифы — древние народы и имели власть на востоке, как мы сказали выше. Первым королем Скифии был Магог, сын Яфета, и этот народ по имени короля Магога был назван Могер, из потомков этого короля происходил известнейший и властительнейший король Аттила, который в 451 г. по воплощении Господа, выйдя из земли скифской, с

* Cum secundum iniunctam michi obedientiam ire deberem ad magnam Ungariam cum fratribus michi adiunctis, iniunctum nobis iter arripere cupientes, cum ad ultimos fines Ruscie devenissemus, rei didicimus veritatem, quod omnes Bascardi qui etiam Ungari pagani vocantur, et Bulgari et regna quam plurima a Tartaris penitus sunt devastata (*Юлиан. Пролог*. 1–2)

** *Dentumoger* ~ Denth-mogyer — ‘речные венгры’.

огромной силой пришел на землю Паннонии и, обратив в бегство римлян, захватил власть <...>. Теперь нужно еще сказать, почему народ, вышедший из скифской земли, называют Хунгар. Назвали их Хунгар [от названия] крепости Хунгу, потому что после покорения славян, VII главных лиц, прибыв в Паннонию, на этом месте задержались дольше. Поэтому все окружающие народы называли Алмуша, сына Утека, вождем Хунгарии и его воинов называли хунгарами ²⁴⁸» (*Хроника*, с. 173—174). В источниках, передающих венгерские мифы о прародине, не было места для земли Баскарт.

Понятие «Великой Венгрии» было актуально и для путешественников XIII в. Приведем свидетельство брата Вильгельма де Рубрука о его странствии из орды Бату ко двору великого хана: «<...> на второй день после Воздвижения Святого Креста мы двинулись в путь верхом, причем у нас троих были две вьючных лошади, и мы ехали верхом постоянно на восток до самого праздника Всех святых. И по всей той земле и еще дальше обитали кангле [канглы], некая родня команам. На север от нас была Великая Булгария, а на юг — вышеозначенное Каспийское море. <...> После того как мы отъехали на двенадцать дневных [переходов] от Этилии [Волги], мы прибыли к большой реке, которая называется Ягак [Яик] и течет с севера из земли Паскатур ²⁴⁹, впадая в вышеозначенное море. Говор паскатур и [говор] венгров один и тот же; и они являются пастухами, не имея никакого города; и они граничат с запада с Великой Булгарией. От этой земли на восток в упомянутом северном направлении больше нет ни одного города. Так что Великая Булгария — это последняя область, где есть город. Из этой области Паскатур некогда вышли хуны, которые впоследствии [стали называться] хунгарами [венграми]; поэтому эта [область] является Великой Хунгарией. И Исидор говорит ²⁵⁰, что они переправились на несущих гибель конях через ущелья Кавказа сквозь затворы, [построенные] Александром [и] удерживавшие дикие народы, так что им платили дань [все] до самого Египта. Они опустошили также все земли до самой Франции, так что у них была бо́льшая сила, чем до сих пор у тартар. С ними некогда сражались блаки [влахи], и булгары, и вандалы. Именно из той Великой Булгарии пришли те булгары, которые живут за Дунаем по-

близости от Константинополя. А вблизи [народа] паскатур живут илак²⁵¹, (что есть то же самое, что [и] блак, но тартары не умеют произносить [звук] “б”); от них пришли те, которые живут в земле Ассана [царя Асеня]. И действительно, оба [народа] называют илак — и этих, и тех. Язык русских и поляков, и богемцев, и славян тот же самый, что и язык вандалов, у них всех шла борьба с хунами, а теперь по большей части — с тартарами; Бог призвал их (народ ничтожный и племя неразумное) из самых отдаленных областей согласно тому, что говорит Господь *: “[Они возмутили меня тем, кто не есть Бог, и раздражили своими суетами; и] Я возмущу их (то есть не соблюдающих Его закон) тем, что не есть народ, и раздражу их племенем неразумным!” Это исполняется буквально над всеми народами, не соблюдающими закона Божия. То, что я сказал о земле Паскатур, я знаю через братьев-проповедников, которые ранее ездили туда до нашествия тартар. А с тех пор они были покорены соседними булгарами-сарраценами [т. е. мусульманами], причем многие из них были обращены в сарраценство. Прочее [об истории вышеозначенных земель] можно узнать из летописей, так как известно, что области, [находящиеся] подле Константинополя, которые лишь с недавнего времени называются Булгария, Блакия, Склавония [т. е. Славинии византийских источников] были некогда областями греков, [а] Хунгария была Паннонией» (*Вильгельм де Рубрук*. XX. 7 — XXI. 1—5). Брат Роджер Бэкон пересказывает сведения брата Вильгельма следующим образом: «Из этой Булгарии берет начало Этилия [Волга] <...>. За ней, на восток, находится Паскатир, она же — Великая Венгрия, из которой вышли гунны, позднее [называемые] хунгры, ныне они называются хунгарами; они, взяв с собой болгар и другие народы, взломали, как говорит Исидор, ворота Александра. И уплачивалась им дань [странами] вплоть до Египта, и разорили они все земли до самой Франции; следовательно, обладали они бóльшим могуществом, чем до сих пор тартары; и большая часть их осела в земле, ныне называемой Венгрией, [расположенной] за Богемией и Австрией, которая сейчас латинянами [называется] Венгерским королевством» (*Англий-*

* Dt. 32. 21. Ср.: Второзаконие. 32. 21.

ские источники, с. 215–216; см. также описание Великой Венгрии у брата Рихарда (4.1–5).

Ал-Гарнати, арабский путешественник XII в., сообщает: «Я поехал к [народу] башкирд, обитающему в сорока днях пути выше страны славян, мимо языческих народностей, разновидностям которых нет числа <...> И вот прибыл я в страну *Ункурийа* [Венгрия], а там народность, которую называют башкирд [венгры], она первая из тех, что вышли из страны тюрок и вступили в страну франков, и они [венгры] храбры, и нет им числа. И страна их, которая известна под названием *Ункурийа*, состоит из 78 городов» (*ал-Гарнати*, с. 38) ²⁵².

27.2. Баскарт, или Великая Венгрия. * Название *Bascart* следует связывать с самоназванием башкир *bašqort*. Несмотря на многочисленные попытки дать этимологию данного этнонима (с конца XIX в.), приходится констатировать, что и сегодня существует несколько мнений на сей счет. Наиболее распространенными в литературе и имеющими хотя бы некоторые основания можно считать следующие версии (обстоятельный критический обзор источников и всех или почти всех гипотез, имевшихся к 1980-м годам, см. в статье Гарипова ²⁵³):

а) из тюрк. **baš* ‘голова’ и **kurt* ‘волк’ > **baš-kurt* — букв.: ‘главный волк, волк-вожак’ (толкование, известное еще В. Н. Татищеву, системно было впервые аргументировано у Филоненко ²⁵⁴). Это предположение согласуется с данными о важной роли, которую играл волк в «тотемистических» воззрениях тюркских народов, с башкирскими легендами о том, что первых мусульманских миссионеров привел на территорию Башкирии волк и т. д. ²⁵⁵ Однако ее безусловно слабым местом является то обстоятельство, что тюрк. **kurt* в большинстве языков имеет значение ‘червь, личинка, насекомое’, значение же ‘волк’ известно только в огузских языках: турецком (откуда попало и в караимский) и азербайджанском ²⁵⁶.

б) из тюрк. **baška* ‘другой, особый, отдельный’ и **ordu* ‘стан, орда, войско’ — реконструкция архетипа **bašk-ordu* базируется на возможности чтения ɜ как редуцированного гласного в имени половецкого хана *Башкордь*, зятя Черни-

* Материалы и исследование В. В. Напольских.

говского князя Святослава Владимировича, упомянутого в русской летописи под 1159 г.²⁵⁷

Важно, что среди названий башкирских родов нет этникона *Башкорт*, — оно, по-видимому, с самого начала применялось для обозначения того племенного военно-политического союза, вокруг которого шло объединение разных тюркских родов, составивших в конечном счете башкирский народ. В этом плане заслуживает внимания гипотеза Н. В. Бикбулатова, согласно которой этноним *Başqort* восходит к личному имени предводителя этого союза (случай достаточно заурядный в тюркской этнонимии — ср.: турки-османы, *ногаи*, *узбеки*, — этнонимы восходят к личным именам), которого он считает возможным видеть в подчиненном хазарскому кагану военачальнике по имени *Башгирд*, кочевавшему с подчиненными ему 2000 всадников «между хазарами и кимаками», по сообщению Гардизи; личные имена тюркских военачальников типа *Başkort* / *Başgird* упоминаются и в других источниках (см., в частности, выше)²⁵⁸. Поскольку данное личное имя могло иметь и огузское происхождение, снимается вышеупомянутое возражение против этимологии **baş-kort* ‘волк-вожак’, — тем более, что, по сообщению аль-Балхи, народ *bšžrd* «разделяется на два племени: одно племя живет на самой границе Гуззии»²⁵⁹.

По-видимому, сложение ядра формировавшегося башкирского племенного союза происходило в VIII—IX вв. в степях к востоку от Волги, в северном Прикаспии и Приаралье. Уже у авторов X века (Ибн Фадлан) принадлежность языка народа *başgrd* к тюркским не вызывала сомнений, а в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) башкиры отнесены к числу двадцати основных тюркских «родов»²⁶⁰. В XIII в. предки башкир, называвшие, очевидно, себя этим именем, уже безусловно обитали на территории современной Башкирии и соседних районов, к востоку от Волжской Булгарии²⁶¹.

Аттестация страны *Bascart* как «Великой Венгрии» в донесениях францисканцев восходит, с одной стороны, по-видимому, к старой восточной литературной традиции: в работах арабских и персидских географов и путешественников начиная уже с X века названия *мадьяр* (*ʿal-mžyr(-jja)*) у Ибн Руста ок. 912) и *башкир* (*başyrd* / *başgrd*) у Ибн Фадлана ок. 922) упо-

требляются для обозначения одного и того же народа: у ал-Масуди (ок. 943 г.) и *bžyrđ* и (*'al-*)*mžyr(-jja)* означает венгров, у ал-Балхи (ок. 943 г.) *bšžrd* / *bšžrt* означает и венгров и башкир, равно как и у Йакута (нач. XIII в.) — *bašgrđ* / *bašgard* и т. д.²⁶² В качестве иллюстрации всего, здесь изложенного, можно привести пассаж из Йакута: «*Bašyrđ* — *š* без следующей гласной и *γ* (ε), а некоторые говорят *bašžrd* с джимом, а некоторые — *bašqrd* с кяфом»²⁶³.

Весь этот комплекс причин, по-видимому, и привел к тому, что в арабско-персидской географической литературе этнонимами **bašqort* — самоназвание башкир и **mažar* (праформа современного венг. [*med'er*], орфографически *magyar*) — самоназвание венгров-мадьяр — практически могли рассматриваться как варианты одной формы **b(a)sžyr(t)*. На самом деле эти два этнонима никак друг с другом не связаны и имеют совершенно различное происхождение: о названии башкир см. выше, а самоназвание венгров *magyar* < **mažar* (равно как и древневенгерское племенное название *megyer* < **mežer*) восходит к композиту **mańć-ar* / **meńć-er*, первый элемент которого имеет по крайней мере праугорское происхождение — ср. манс. (юж.) *māńći*, (сев.) *mańši* ‘манси’ (самоназвание), хант. (вост.) *mańt'*, (сев.) *maś* ‘мось’ (название фратрии обских угров)²⁶⁴, а второй, скорее всего, восходит к тюркскому корню **är* — ‘муж, мужчина’.

Важнейшее значение имеет при анализе этого запутанного вопроса то обстоятельство, что монгольские авторы «Сокровенного сказания», в отличие от арабских географов, хорошо знавшие и предков башкир (*badžigit*), и венгров (*kerel*, *madžarat*), но вряд ли принимавшие во внимание арабско-персидскую литературно-научную традицию, отличали эти два народа друг от друга, а также от тех «венгров», которые в XIII в. еще жили на правобережье Средней Волги (см. ниже): последних «Сокровенное сказание» именует *madžar(at)*, а дунайских венгров — *kerel* (от венг. *király* — ‘король’); писавшие позднее персоязычные авторы Ала ад-Дин Джувейни и Рашид ад-Дин вновь возвращаются к традиционной путанице, называя и дунайских венгров, и башкир словом *klar* (< монг. *kerel*)²⁶⁵. С другой стороны, соотнесение страны *Bascart* с «Великой Венгрией» в донесениях францисканцев, точнее

появление сообщений о *Hungaria Magna* в Поволжско-Приуральском регионе вообще, следует связывать с тенденцией средневековых ученых искать прародину всех народов, в особенности тех, о которых известно, что они относительно поздно появились в Европе, как, например, венгры на Востоке. Данная тенденция нашла свое подкрепление в реальном наличии в Среднем Поволжье Великой Булгарии, соответствующей Дунайской Болгарии, а также в сообщении венгерского доминиканца брата Юлиана о том, что в 20-е годы XIII в. он во время своего путешествия в Волжскую Булгарию встретил в одном из городов на правом берегу Средней Волги язычников, говоривших по-венгерски²⁶⁶. Принципиальное значение, однако, имеет тот факт, что брат Юлиан не связывал *Hungaria Magna* с землями башкир — о них в его сообщении нет никаких упоминаний *, а брат Юлиан специально путешествовал на Восток в поисках соплеменников, так как в старовенгерской хронике «*Gesta Hungarorum*» истоки венгров связывались со страной *Ungaria Maior* / *Ungaria Magna*, находившейся далее на восток, чем более ранние прародины венгров — *Levedia* и *Etelköz*, которые с достаточной степенью надежности можно локализовать в степях от Волги до Днестра²⁶⁷. Не исключено, что сообщение брата Юлиана было известно брату Бенедикту и повлияло на географию его донесения. Брат Вильгельм де Рубрук к восточным «соответствиям» европейских Болгарии и Венгрии добавил соответствие Валахии, сравнив название тюркского племени с территории современной Башкирии *Illac* с восточно-европейским *Blac* — ‘валах’: «*Illac quod idem est quod Blac*» (см. подробный критический анализ вопроса о Великой Венгрии и гипотезу об истоках ее в литературно-научной традиции в работе Й. Переньи²⁶⁸, критику спекуляций по поводу Великой Венгрии — страны башкир, в том числе и в предыдущих изданиях книги брата Иоанна (в основном вслед за Переньи), см. статью Р. Г. Кузеева и Т. М. Гарипова²⁶⁹).

Таким образом, проблема Великой Венгрии являет собой скорее предмет историографического и текстологического исследования и должна рассматриваться отдельно от пробле-

* См. в коммент. 27.1 свидетельство Юлиана, которое противоречит этому утверждению.

мы прародины венгров и бывшего присутствия протовенгерских групп в Приуралье и Поволжье. Упомянутое выше сообщение брата Юлиана о говорящих по-венгерски язычниках, встреченных им в одном из городов Волжской Булгарии (на правом, западном берегу Волги) находит отклик в материалах русских исторических источников и других документов XV—XVI вв., касающихся районов правобережья Средней Волги и Приказанья, в которых упоминается этноним *мочары / можары* — рядом с *мордвой, черемисами, башкирами, бесермянами*. Данный этноним как будто невыводим из самоназвания татар-мишарей *mišär* и из названия летописной *Мещеры*, но может рассматриваться как отражение правенгерского **mažar* (см. выше) и является, таким образом, свидетельством о пребывании на данной территории если не прямых потомков Юлиановых «венгров», то по крайней мере людей, еще сохранявших древнее венгерское самоназвание;²⁷⁰ см. также выше о *madžar(at)* в «Сокровенном сказании».

С другой стороны, имеется целый пласт племенных названий у башкир, которые, без сомнения, имеют общее происхождение с племенными названиями венгров (точнее — с названиями племен того очевидно разноязычного союза, возглавляемого венгерским вождем Арпадом, который в конце IX века «завоевал родину» венгров в Паннонии): башк. *jurmatı* — венг. *gyarmat* (< ? тюрк. **jor-matı* 'неутомимый'), башк. *jänäj* — венг. *jenö*, башк. *julaman* — венг. *gyula* (< ? тюрк. **jula* 'свет'), башк. *kese* — венг. *keszi* (< ? тюрк. **keseg* 'остатки'), более сомнительна параллель башк. *näymän* — венг. *nyek* (ср. венг. *nyek* 'изгородь, плетень' < прауг. **ñekz-* 'связывать, соединять'²⁷¹, а не 'защита', как у Дь. Немета²⁷²). Нельзя не заметить, что из приведенных пяти названий три имеют, скорее всего тюркскую этимологию, и только одно — угорскую (при этом сравнение венг. *nyek* и башк. *näymän* представляется далеко не безупречным). Учитывая то обстоятельство, что ни в культуре, ни в антропологическом типе, ни в языке башкир нет никаких реальных следов венгерского (или угорского) влияния, а значимость тюркского компонента в генезисе венгерского языка и народа не подлежит сомнению, эти данные могут быть интерпретированы как свидетельства участия в сложении башкир и венгров одних и тех же, преимуществен-

но — тюркских, родоплеменных групп, что, впрочем, вполне естественно: оба этих народа формировались как союзы кочевых племен примерно в одно и то же время (во второй половине II тыс. н. э.) на близких территориях (венгры — между Волгой и Днепром, башкиры — между Приаральем и Уралом).

Затронутый здесь комплекс традиционных заблуждений и сомнительных гипотез по поводу древних башкирско-венгерских связей должен рассматриваться отдельно от данных археологии, свидетельствующих о специфических параллелях в погребальном обряде и металлическом инвентаре древневенгерских памятников эпохи завоевания родины и памятников кушнаренковской археологической культуры VI — первой половины IX вв. н. э., распространенной в бассейне реки Белой, верховьях реки Урал и нижнем Прикамье²⁷³. Своим происхождением эти памятники связаны, по-видимому, с лесостепной зоной юга и юго-запада Западной Сибири (саргатская археологическая культура), где, по всей вероятности, находилась прародина угров и где в конце II — в первой половине I тыс. до н. э. произошло выделение протовенгров из праугорской общности. Данные археологии позволяют как будто рассматривать территорию кушнаренковской археологической культуры как район обитания предков венгров на пути с угорской прародины к *Levedia* (Подонье) и *Etelköz* (междуречье Днестра и Днестра). Юлиановы венгры, *madžarat* «Сокровенного сказания», *мочары* / *можары* русских источников (см. выше) могут, таким образом, считаться остатками протовенгерских племен, обитавших на территории Нижнего Прикамья и Предуралья в VI—IX вв. н. э. Что касается формы *pascatur* у брата Вильгельма де Рубрука, то она представляет собой, видимо, аномальное отражение самоназвания башкир — *bašqort*²⁷⁴.

28. СЫНОВЬЯ ЧИНГИС-ХАНА (НТ, § 23)

В отчете южносунского дипломата Чжао Хуна говорится: «У Чингиса весьма много сыновей. Старший сын Би-инь* был убит в бою при штурме западной столицы Юньчжуна во

* Би-инь — в других источниках нет сообщений об этом лице.

время разгрома государства Цзинь. Ныне второй сын является старшим царевичем и зовут [его] Иоджи. Третьего царевича зовут Одэй. Четвертого царевича зовут Тянь-лоу и пятого царевича зовут Лун-сунь. Все они рождены от главной императрицы. Ниже их есть еще несколько человек, рожденных от наложниц» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 56).

Брат Иоанн о сыновьях Чингис-хана сообщает следующее: «Имел он четырех сыновей. Одного звали Оккодай, второй звался Тоссук-хан, другого звали Чаадай, а имени четвертого мы не знаем. От этих четверых произошли все монгальские вожди» (LT, V. 20). Ниже каждому из отмеченных персонажей посвящается особая статья. Статьи имеют одинаковую структуру: сначала приводится та форма имени, которая засвидетельствована в донесениях францисканцев, на втором месте — монгольская или тюркская исходная форма, на третьем месте — ее модификация, утвердившаяся в отечественной востоковедной литературе. Остальную часть статьи занимает краткая биографическая справка, в которой указываются главным образом годы жизни (если они известны) и генеалогические сведения. В конце приводятся источники, из которых были взяты сведения.

Оккодай; лат. *Occodai*, монг. *Ögödei*, Угедей (1186—11. XII. 1241), третий сын Чингис-хана (китайское храмовое имя Тай-цзун). После смерти Чингис-хана унаследовал престол и получил титул хаган, правил с 1229 по 1241 гг. Подробные сведения об Угедее сохранились в персидских источниках (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 7-64), а также в «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци, где он назван Окта-хакан (*Киракос Гандзакеци*. 20)²⁷⁵. Угедей завершил завоевание государства Цзинь (Северного Китая, 1234 г.), покорил Армению, Грузию, Азербайджан. При нем начались походы Батыя на Восточную Европу. Провел перепись населения по всей империи, организовал почтово-ямскую службу. При нем в столице империи Каракоруме велось активное строительство.

Тоссук-кан; лат. *Tossuc-can*, тюрк. *Toşı*, монг. *Jöçi*, Джучи (?—1225), старший сын Чингис-хана (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 64—79)²⁷⁶. Как справедливо отмечал П. Пелльо, *Tossucan* состоит из двух элементов, в первом из которых угадывается искаженная персидская форма имени Туши (встречается у Джувейни), второй же представляет собой известный тюрко-

монгольский титул *qan*²⁷⁷. Таким образом, источник формы *Tossucan* правильнее реконструировать как *Jöçi-qan*. Наиболее вероятной датой рождения Джучи считается 1184 г. В 1211 г. он участвовал в завоевании Северного Китая (государства чжурчжэней Цзинь). Принимал также участие в походе отца в Среднюю Азию в 1219–1225 гг. В 1224 г. при разделе владений Чингис-ханом между сыновьями Джучи получил земли от Иртыша на запад до Уральских гор, и далее на запад все то, что будет завоевано в будущем. Рашид ад-Дин при описании событий осени 1226 г. сообщает, что Джучи уже скончался (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 230). Смерть Джучи выглядит загадочно. Полагают, что он был отравлен. В настоящее время в степях северного Казахстана известен каменный мавзолей, в котором по преданию похоронен Джучи.

Чаадай; лат. Chiaadai, монг. Ca'adai, Чагатай (?–1242), второй сын Чингис-хана (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 88–102)²⁷⁸. В 1224 г. Чингис-хан дал в удел Чагатаю западную часть завоеванной монголами Центральной Азии: «Ему было вверено управление территорией от [восточного] начала области Туркестана до устья реки Амуя» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 62). Вулус Чагатая входил весь Восточный Туркестан (ныне китайская провинция Синьцзян) и Западный Туркестан до реки Аму-Дарьи²⁷⁹.

Толуй, монг. Tolui, Толуй (1193–1232), четвертый сын Чингис-хана (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 102–113)²⁸⁰. Его имя осталось неизвестным францисканцам в силу монгольского запрета называть и использовать имена умерших людей. После смерти Толуя его имя было табуировано. «Слово “тулуй” на монгольском языке значит зеркало. Когда Тулуй скончался вплоть до сего времени [слово] зеркало стало запретным», — пишет Рашид ад-Дин; монгольское название зеркала было заменено тюркским названием (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 69). Толуй умер в 9-ю луну года жэнь-чэнь (16. IX–15. X. 1232)²⁸¹.

В «Юань ши» перечислено шесть сыновей Чингиса: Джөчи, Чахатай, Өгөдэй, Толуй, Уручи и Көлгэн. Царевич Уручи не упоминается в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Көлгэн (Рашид ад-Дин называет его Кулкан) был смертельно ранен стрелой при осаде Коломны в январе 1238 г., после чего город был разграблен (ПСРЛ. Т. II. С. 71. О нем см. также: *Мэн-да бэй-лу*, с. 145).

29. ВНУКИ ЧИНГИС-ХАНА (НТ, § 23)

Параллельное место в «Книге о Тартарах» брата Иоанна выглядит так: «У первого, то есть Оккодай-кана, были сыновья: первый — Куйук, который сейчас является императором, Коктен и Сиренен. Были ли у него другие сыновья, нам неизвестно. Сии же сыновья Тоссук-хана: Баты (он самый богатый и могущественный после императора), Орду (он старший из всех вождей), Сибан, Бора, Берка, Танухт; имена других сыновей Тоссук-кана нам неизвестны. Сыновьям Чаада являються: Бурин, Кадан; имена других сыновей его мы не знаем. Имена сыновей того сына Чингиз-хана, имени которого мы не знаем, следующие: один зовется Менгу (его мать — Сероктан; эта женщина более всего славится среди всех тартар, за исключением матери императора, и могущественнее всех, за исключением Баты); другой именуется Бечак; у него было много сыновей, но их имена нам неизвестны» (LT, V. 20).

Сыновья Угедей-хана.

Куйук; лат. Cuuc, монг. Güyüg, Гуюк (1205—1248), старший сын Угедея (китайское храмовое имя Дин-цзун), правил Монгольской империей в 1246 — 1248 гг. (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 114—122)²⁸².

Коктен; лат. Cocten, монг. Köden, Годан (1206 — 1251), второй сын Угедея. Рашид ад-Дин называет его Кутан (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 11, 112—113, 115—117). Он получил в удел земли государства Си Ся (область Тангут).

Сиренен; лат. Sirenen, монг. Siremün, Ширемун (?—ок. 1252), не сын, а внук Угедея от его третьего сына Kūšū, Кучу (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 9, 11—12, 80, 112, 118—119, 133—135, 138—139)²⁸³. Ошибка францисканцев объясняется тем, что Кучу, любимый сын Угедея, умер еще при жизни отца, а Ширемун с детства воспитывался в ставке своего деда, который планировал сделать его своим преемником. В литературе давно уже утвердилось мнение, что *Siremün* является искаженной формой христианского имени Соломон, проникшего в Центральную Азию с распространением несторианства²⁸⁴.

Кадан; лат. Cadan, монг. Qadan, Кадан. Вопреки сведениям францисканцев, Кадан сын не Чагатая, а Угедея, шестой по старшинству, согласно «Юань ши»²⁸⁵ и Рашид ад-Дину

(см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 37–39, 45, 132–133, 158)²⁸⁶. Кадан возглавлял одну из армий в венгерском походе. Фома Сплитский ошибочно пишет, что Бату и Кадан – братья (*Фома Сплитский*. XXXVI)²⁸⁷.

Сыновья Джучи-хана (*Тоссук-кана*). У Джучи было семь сыновей (по другим сведениям – четырнадцать сыновей): Орду-Ичэн, Бату (Батый русских летописей), Берке (Беркай русских летописей), Беркерчар, Шейбан, Тангкут, Богал, Джилакун, Шингкур. На курултай 1229 г. из Кипчака прибыли следующие сыновья Джучи-хана: Урадэ, Бату, Шейбан, Берке, Беркечар, Бука-Тимур (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 19).

Бату; лат. *Vatī*, монг. *Vatu*, Бату (1208–1256), второй сын Джучи, основатель и первый хан улуса Джучи (1242–1256). В 1236–1243 гг. командовал походами на Русь, Булгар и Восточную Европу. При нем был основан город Сарай-Бату в низовьях Волги (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 36–39, 44–47, 71–72, 79–81). Передача монгольского имени *Vatu* в донесениях францисканцев (*Bathi*, *Bati*, *Batu*) составляет непростую проблему. «История Тартар» повсеместно дает *Vatī*. Здесь могло сыграть свою роль посредство как рус. *Баты*-, так и аналогичного тюрк. (типа *Vatī*). Брат Иоанн, по крайней мере в двух случаях, использует форму *Vatu*.

Орду; лат. *Ordu*, монг. *Ordu*, старший сын Джучи (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 37–38, 45, 66, 81, 118–119, 130)²⁸⁸. После смерти отца получил во владение часть улуса Джучи – области Сибири. Дважды участвовал в походах на запад, воевал в Польше и Венгрии. Позже его улусом, Ханством белых юрт, правили его сыновья и внуки.

Сибан; лат. *Siban*, монг. *Šiban*, Шейбан, пятый сын Джучи (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 19, 37, 39, 74, 118, 130). Имя *Siban*, по-видимому, представляет собой монгольскую трансформацию христианского Στέφανος «Степан»²⁸⁹. Участвовал в венгерском походе, командовал авангардом в войске Бату; впоследствии стал владельцем степей северного Казахстана и Сибири вплоть до Оби (*Утемиш-хаджи*, с. 92, 95–96).

Берка; лат. *Berga*, монг. *Berke*, Берке, (ок. 1210–1266), третий сын Джучи, хан улуса Джучи хан Золотой Орды (1257–1266), положил начало политике самостоятельности Золотой Орды и отделения ее от Монголии (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 19, 38–39, 73, 80–82, 118, 130–133)²⁹⁰.

Танухт; лат. Tanuht, монг. Tangrut, Тангут, шестой сын Джучи, участвовал в западном походе (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 37, 47, 75, 118)²⁹¹.

Бора; лат. Bora. Монгольское имя Boqa значит 'Серый', однако в перечне сыновей Джучи и у Рашид ад-Дина, и в «Юань-ши» носитель такого имени не значится. Возможно, Борак (кит. Ба-ла), внук Чагатая²⁹².

Сыновья Чагатая. У Чагатая, согласно сведениям «Юань-ши», было несколько сыновей: Мутугэн, Байдар, Байджу, Йиссу-Мункэ и др. Мутугэн (Mö'ätügän) погиб во время хорезмской кампании (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 219). Бартольд на основании ираноязычных летописей считает, что у Чагатая было три сына: Есу-Мункэ, Бури и Байдар²⁹³.

Бури; лат. Burin, монг. Būri, Бури (?–1251), не сын, а внук Чагатая от его старшего сына Мутугэна, погибшего в юности (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 37–39, 45, 89–90, 118, 130, 137). Это отождествление принимают большинство исследователей²⁹⁴.

Сыновья Толуя.

Менгу; лат. Mengu, монг. Möngke, Мункэ (10.I.1209–11.VIII.1259), старший сын Толуя, (китайское храмовое имя Сань-цзун), монгольский ка'ан (VII.1251–11.VIII.1259). К 1258 г. завоевал Иран, начал военные действия за окончательное завоевание Китая (Южной Сун). В одном из сражений этой войны был убит камнем, выпущенным из камнемета. За время царствования укрепил аппарат управления, поощрял торговлю и ремесла²⁹⁵.

Сероктан; лат. Seroctan, монг. *Sorqaqtani, Соркуктани (?–1252), жена младшего сына Чингис-хана Толуя, мать двух великих ханов: Мункэ и Хубилая, другие ее сыновья: Ариг-бука и Хулагу, основатель монгольской династии в Иране. Она была дочью Джака-гамбу керейтского (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 80–81, 103, 111–113, 118, 120–122, 128–131). Ее упоминает Марко Поло: братья Поло должны были принести из Иерусалима масла «из христовой лампы для великого хана» Хубилая, потому что его мать была христианкой-несторианкой (*Марко Поло*, с. 49). Соркуктани-беги была властной и очень влиятельной женщиной, так как, по словам Рашид ад-Дина, «она была раковиной четырех крупных жемчужин чистой воды, матерью четырех славных сыновей <...>» (*Рашид ад-Дин*.

Т. I. Кн. 2. С. 72). По мнению Пелльо, форма *Seroctan* в донесении брата Иоанна имела своим источником монг. **Sorqaqtani*, букв. 'имеющая родимое пятно' (дериват от тюркского слова *sorqaq* ~ *soryaq* 'родимое пятно')²⁹⁶.

Бечак; лат. *Bechas*, монг. *Büjek*, Бучек, седьмой (согласно Рашид ад-Дину) или восьмой (согласно «Юань-ши») сын Толуя (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 37–39, 45, 72, 106, 132)³⁰⁰.

Хубилай; лат. *Hubilai*, монг. *Qubilai*, Хубилай (23.XI.1215–18.II.1294), четвертый сын Толуя (монгольский титул *Sečen-qayan*, китайское храмовое имя Ши-цзу), монгольский ка'ан (5.V.1260–18.II.1294), основатель династии Юань в Китае. В 1251–1259 гг. командовал войсками при завоевании Китая. Завладев властью, перенес столицу империи из Каракорума в Чжунду, Китай (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 105, 144, 146–148, 152–196)³⁰¹.

30. ИМЕНА МОНГОЛЬСКИХ ВОЖДЕЙ (НТ, § 23)

Параллельный текст у брата Иоанна выглядит так: «Вот имена вождей: Орду (он был в Польше и Венгрии), Баты, Бурин, Кадан, Сибан, Буйгет (эти все были в Венгрии), Хирподан (этот до сих пор находится за морем и [воюет] с султаном Дамаска); есть и другие, которые также находятся за морем. А следующие остались в стране: Менгу, Коктен, Сиренен, Хубилай, Сиренум, Синокур, Туатемыр, Карагай, старик Сибедей, который среди них зовется воином, Бора, Берка, Моуцы, Хоранка (но этот среди прочих наименьший). Есть также множество других вождей много, но их имена нам неизвестны» (LT, V. 21). Согласно сведениям Рашид ад-Дина, картина предводителей западного похода выглядела так: «Царевичи, которые были назначены на завоевание Кипчакской степи и тех краев, [были следующие]: из детей Тулуй-хана – старший сын, Менгу-хан, и его брат Бучек; из рода Угедей-каана – старший сын, Гуюк-хан, и брат его Кадан; из детей Чагатая – Бури и Байдар и брат каана, Кулкан; сыновья Джучи: Бату, Орда, Шайбан и Тангут; из почтенных эмиров: Субэдай-бахадур и несколько других эмиров» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 37).

Хирподан; лат. *Chirpodan*, монг. *Čormaqaṇ*, Чормаган (?–1242), монгольский полководец из этнической группы сунит

(*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 98–99; Т. II. С. 21, 30, 33–34). Чормаган-нойон участвовал в походах Чингис-хана на Среднюю Азию, покоритель Грузии и Армении в 1232–1233 гг., где был затем наместником. Киракос Гандзакеци пишет о нем: «Вот главнейшие и знатнейшие из них: первый и великий, глава и повелитель всех войск [в Армении] Чармагун-нойон, человек, обладающий судебной властью и судивший» (*Гандзакеци Гандзакеци*. 32). Григор Акнерци рассказывает, что Чингис-хан в знак особого расположения к Чормагану уступил ему в жены Элтина-хатун — свою «добродетельную и милостивую жену» (*Григор Акнерци*, с. 11). После того как мужа ее постигло несчастье, она правила вместо него. Элтина-хатун была христианкой. В 1242 г. Бачу-хурчи сменил разбитого параличом Чормагана и стал по жребию главнокомандующим на Востоке. Бачу-хурчи — Байджу-нойон, сын Мутугэна сына Чагатая. Неосведомленность информаторов францисканцев по этому поводу кажется удивительной.

Сибедей; лат. Sibedei, монг. Sübe'etei, Субедей (1176–1248), знаменитый монгольский полководец из этнической группы урянкат. Ребенком был отдан в нукеры к Чингис-хану. Прошел путь от сотника до командующего армией. Участвовал в походах на Северный Китай, кипчаков, болгар, русских, венгров. Дошел со своими войсками до берегов Адриатического моря. В 1242 г. вернулся в Монголию, где и скончался через несколько лет на берегах р. Толы (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 158–159, 194–195; Кн. 2. С. 177, 204, 207, 209–212, 220, 226–229, 255–256; Т. II. С. 21, 37–38, 72, 120). В династической истории «Юань-ши» сохранилась биография Субедеев³⁰².

Кадан (подробнее см. коммент. 29), один из предводителей венгерского похода. Его имя в форме *Caudan* упоминает Фома Сплитский, полагая, что Кадан и Батый братья, на которых было возложено командование войском (*Фома Сплитский*. XXXVI, XXXVII, XXXIX).

Бури (подробнее см. коммент. 29). Касаясь событий русского похода, Рашид ад-Дин пишет: «Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 39).

Сыбан (подробнее см. коммент. 29). После вторжения на Русь, «Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым

и у племени чинчакан (кипчаки?) захватили Таткару» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 39). Участвовал в венгерском походе, командовал авангардом в войске Бату.

Буйгет; лат. Buuget, другая латинская передача имени Būjek, Бучек, сын Толуя. Рашид ад-Дин пишет о событиях 1239 г.: «Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 44–45). Сведения русских летописей о монгольских «вождях» см. в коммент. 37.

Сиренум; лат. Sirenum. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с *lapsus calami*: одно и то же лицо, сын Угедая Ширемун, было включено в список вождей дважды, под именами *Sirenen* и *Sirenum*.

Синокур; лат. Sinocur, монг. Šingqor, Шинкур, девятый сын Джучи (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 45, 66, 76)³⁰³.

Туатемур; лат. Thuatemuγ, монг. *То'а-Темүг, Тука-Тимур, тринадцатый сын Джучи (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 66, 77, 118, 140).

Карагай; лат. Caragai. По-видимому, Qaračar, Карачар, четвертый сын Угедая (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 12)³⁰⁴.

Моуцы; лат. Moucy. По-видимому, *Ма'уцī (Муджи Яя, по Рашид ад-Дину), второй сын Чагатая (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 88). Источник приведенной у Рашид ад-Дина формы Муджи Яя Амбис реконструирует как парное словосочетание *Моcī- *Yābā*, первый компонент которого — монгольское слово *močī* 'плотник'³⁰⁵. На наш взгляд, наличие дифтонга в форме *Моуцы* свидетельствует в пользу ее производности от среднемонг. *ta'ui* 'плохой'. Что же касается второго компонента имени Муджи Яя, мы склонны усматривать в нем монгольский термин родства *je'e* 'ребенок дочери; ребенок брата матери'. Впрочем, данное отождествление предлагается нами лишь на гипотетической основе.

Хоранка; лат. *Choranca*, вар. Choranza, в реляции брата Бенедикта — *Cureniza*; монг. Qurumsi, Куремса, третий сын Орду (см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 66, 70). В русских летописях он известен как Коуремес (ПСРЛ. Т. II. Стб. 806). Улус Куремсы располагался в западной части владений Бату, соприкасаясь с территорией русских княжеств.

31. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ ХАНА УГЕДЕЯ (НТ, § 24)

Параллельный отрывок у брата Иоанна гласит: «После того как император умер, [как сказано выше], собрались вожди и выбрали императором Оккодая, сына вышеназванного Чингис-хана. Он, созвав совет своих вождей, разделил войска. Баты, который был вторым после него [в иерархии], он послал против земли Альтисольдана и против земли бисерминов; ведь они — сарацены, хотя говорят по-комански» (ИТ, V. 25). В сведениях брата Иоанна и брата Бенедикта слились в единую картину разные военные походы времени правления хана Угедая. Следует различать события 1229 и 1235 гг. Решения о военных кампаниях принимались, соответственно, на двух курултаях 1229 и 1235 гг. Не добавляет ясности в общую картину и то обстоятельство, что события, описанные в анализируемой главе, на самом деле относятся к войне Чингис-хана с хорезмшахом. Подробные и точные сведения францисканцев об осаде городов Барчин и Янгикент подтверждаются параллельными известиями Джувейни и однозначно связаны с походом Чингис-хана³⁰⁶. Современники вполне осознавали временной масштаб событий; например, ан-Насави, описывая осаду Хорезма, говорит об участии в ней Угедая, сына Чингис-хана, «который в наши дни является ал-хаканом» (*ан-Насави*. 41). Необходимости в повторной осаде этих городов во времена Угедая не было. Таким образом, путаница событий и имен в донесениях францисканцев лишает эти пассажи всякой исторической достоверности. Показательны разногласия между исследователями, связанные с трактовкой термина «Альтисольдан»³⁰⁷; в целом понятно, что речь идет о правителе Хорезма. Если отнести эти события к 1220 г., то можно говорить о последнем хорезмшахе — Мухаммаде Алаад-Дине³⁰⁸, если же ко временам Угедая, то о султанах Джалаад-Дине Манкбурны, сыне и наследнике хорезмшаха³⁰⁹. Пелльо считает, что имя этого султана, зафиксированное в «Сокровенном сказании» (§ 257, 264) в форме Jalaldin-soltan, отразилось в донесении брата Иоанна в форме Altisoldan.

Почему францисканцам не удалось нарисовать ясную картину военных кампаний Угедая? Их современник, Киракос

Гандзакеци, излагает близкие по содержанию сведения об организации Угедеем трех войск. И в том, и в другом случае передается имперский миф, почти не имеющий точек соприкосновения с реальностью. Киракос пишет об Угедее: «Отец возложил на него корону и умер. А он, как только получил царскую власть, собрал большое войско, неисчислимое по величине, подобно песку морскому, из своего собственного племени, которое называлось мугал-татарами, из хазар, из гуннов, из гатийцев, из анкитанов и множества других варварских племен, [явившихся] с имуществом своим и станом, женами, детьми и кибитками. Он разделил их на три части: одну послал на юг, назначив главным распорядителем одного из своих верных и любимых [людей]; другую — на запад, а вместе с ними и сына своего, [этих он послал также] и на север; третью он послал на северо-восток, назначив над ними одного из вельмож своих, по имени Чармагун, мужа мыслящего и мудрого, удачливого в военном деле, поручив им разорять и разрушать все страны и царства по всей вселенной и не возвращаться к нему, пока не захватят весь мир и не подчинят его своей власти. А сам он остался в той стране, не заботясь ни о чем, предавшись еде и питью, удовольствиям и строительству» (*Киракос Гандзакеци*. 20; ср.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 35). Сведения Киракоса интересны и в другом отношении. Легендарная история о разделении войска Угедее на три части и приказ разорить все страны и царства во всей вселенной и не возвращаться, пока они не захватят весь мир, в точности соответствует аналогичному приказу Чингис-хана в романе (см. коммент. 18 и 54). Факт фиксации этих сведений Киракосом означает, что подобного рода легендарные известия имели широкое хождение и поэтому могли быть использованы автором романа, который строит свои сюжеты, отталкиваясь от «имперского материала».

Другой армянский автор, Стефан Орбелиани, митрополит Сюнийский, писавший в конце XIII в., рассказывает о событиях времени правления Угедее следующую историю. «Они разделились на три армии: первая направилась на северо-восток в страну хазаров, сутагов, русских, черкесов, болгар и забрала земли до пределов алеманов и унгаров, т. е. франков. Во главе этой армии стоял Бату-хан. Другая армия, под предво-

дительством Огота-хана, пошла по направлению к Индии и покорила большую часть ее. Татары этого отряда подчинили себе уйгуров, угузов, хоразмийцев, дилемиков, взяли Алмалех, Бешбалех и все земли, находившиеся в тех странах. Наконец третья армия, приняв направление посреди их, перешла великую реку Джаяган, которую они на своем языке называют Аму-Моран. Войска этого отряда, подобно бурному вихрю, вторглись в страну нашу, в короткое время подчинили себе всю вселенную, попрали и опустошили все царства» (*История монголов*, с. 32). В армянских известиях, как и в донесениях францисканцев, подробности различных монгольских походов стерты, события носят панорамный характер и предстают в завершенном виде.

В «Сокровенном сказании» так описываются события 1229 г.: «Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешиктенов и Центральною частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахену, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно так же он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Батур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса» (*Сокровенное сказание*. § 270).

В «Сокровенном сказании» говорится об отправке Бату вместе с другими царевичами в поход против народов, живущих за реками Адил и Чжаях (Итиль и Яик); тогда как францисканцы пишут о походе на запад «против церкви Божией». Командование походом не было поручено исключительно Бату. Другое войско, по распоряжению Угедея, выступило

против султана Джалал ад-Дина. В имени правителя, против которого был послан Чормагун (Чормахен), слились два титула — «халиф» и «султан» (Халибо-Солтан).

По словам Рашид ад-Дина, Угедей, вступив на престол в 1229 г., на основании ясы Чингис-хана заставил смолкнуть всех претендентов, а потом во все пограничные места и окраины своих владений назначил войска для охраны границ и областей. «В Иранской земле еще не успокоились волнения и смуты, и султан Джалал ад-Дин все еще проявлял высокомерие. [Каан] отправил против него Джурмагун-нойона с несколькими эмирами и тридцатью тысячами всадников, а Кокошая и Субэдай-бахадур послал с таким же войском в сторону же Кипчака, Саксина и Булгара. В Хитай, Тибет, Солангэ, Джурджэ и их пределы отправил с войском в качестве передовой рати знатных нойонов, а сам со своим старшим братом Екэ-нойоном направился следом за тем войском в сторону Хитая, который еще не покорился, и государь которого по-прежнему господствовал в тех пределах» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 20–21).

На курултае 1229 г., провозгласившем кааном Угедея, присутствовали со стороны Кипчака сыновья Джучи — Хорду, Бату, Шибакан, Тангут, Берке, Беркечар, Туга-Тимур (*Сборник материалов*. Т. I. С. 144). По сведениям Джувеини, Угедей отправил армию против хорезмийского султана Джалал ад-Дина, вернувшегося из Индии и вновь захватившего часть своих прежних владений. Во главе этого похода находился военачальник Чормагун, а не Бату-хан, как указывает брат Иоанн. По сведениям брата Иоанна, Чормагун был отправлен покорять киргизов (LT, V. 32), затем Армению и Грузию (LT, V. 33), а также владения султанов Рума и Халеба (см. коммент. 49). Сообщение Джувеини, без сомнения, является более достоверным.

И в «Сокровенном сказании», и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина не акцентируется внимание на числе армий, хотя и говорится о посылке войск в трех направлениях: против хорезмийского султана Джалал ад-Дина и вплоть до земель халифа; и в сторону Кипчака, Саксина и Булгара; в 1231 г. Угедей лично возглавил поход на юг против государства Цзинь. Тогда как Киракос, Стефан Орбелиани и брат Бене-

дикт определенно говорят о трех войсках. Другими словами, в восприятии внешних наблюдателей походы разных лет превращаются в эпическое число трех походов — трех армий, призванных покорить весь мир.

Рашид ад-Дин сообщает об устройстве Угедеем курултая в 1235 г. и о назначении царевичей и эмиров на окраины и границы владений. «Благословенный взгляд каана остановился на том, чтобы царевичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар [поляков], маджар, башгирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали; и они занялись приготовлением [к этому походу]» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 36). По свидетельству Джувейни, «когда каан [Угедей] воссел на престол царства, он [Бату] подчинил и покорил сплошь все те края, которые были по соседству его: остальную часть [земли] кипчаков, аланов, асов, русов и другие страны, как то: Булгар, М.к.с. и другие» (*Сборник материалов*. Т. II. С. 21). Бату как старший по возрасту был назначен и старшим среди князей, участвовавших в западном походе, начавшемся в 1235 г. Сведения брата Иоанна о первенстве Бату в западном походе подтверждаются сведениями Джувейни. На курултае 1235 г. обсуждался и вопрос о вторжении в Южный Китай. Также были посланы войска в Кашмир и Хиндустан.

Из сравнения сообщений Рашид ад-Дина и францисканцев видно, что информаторы францисканцев не обладали в полной мере достоверными сведениями; вернее, в этих описаниях смешаны решения курултаев 1229 и 1235 гг. На курултае 1229 г. были намечены походы против султана Джелал ад-Дина в Хорасан; в сторону кипчаков, Саксина и Булгара; в сторону Тибета и Солангэ (Кореи) и другие места. Поход на бисерминов (искаженное название мусульмане) был вторжением и захватом мусульманского Хорезма еще при жизни Чингис-хана. События, описываемые братом Иоанном в V. 26, относятся к покорению Чингис-ханом государства хорезмшаха в 1221 г. Отсутствие реальной картины походов Чингис-хана в донесениях францисканцев объясняется тем обстоятельством, что они восприняли «Роман о Чингис-хане» как хронику деяний основателя империи, что помешало им ра-

зобратся с историей падения державы хорезмшаха. Так, события, описанные в § 20 «Истории Тартар», носят характер вставки (или «реального комментария» переводчиков) в живую ткань романа и повествуют о войне Чингис-хана с хорезмшахом, заключительным аккордом которой был знаменитый разведывательный рейд Субедея, закончившийся битвой при Калке. Ни Джучи, ни тем более Бату к этим событиям отношения не имеют.

32. ЗЕМЛЯ БИСЕРМИНОВ (НТ, § 24)

Страну *бисерминов* из донесений францисканцев принято отождествлять с Хорезмом, на что, помимо общей географии его книги, указывают названия городов *Ianicint*, *Barc-hin*, *Ornas* и титул главы государства *Altisoldan*. В российской историографической традиции это отождествление восходит еще к Н. М. Карамзину³¹⁰.

В *bisermini* следует видеть искаженное тюрк. **busurman* / **büsürmen*, происходящее из перс. *musulman* < араб. ‘мусульмане’ (мн. ч.). Возникновение *b-* на месте **m-* объясняется обычным тюркским чередованием *b-* / *m-*, а в данном случае имеет еще и дополнительное объяснение как результат диссимиляции начального **m-* с **-m-* в середине слова. Переход **l > r* несколько более необычен, но, в общем-то, нередок в тюркских языках среднеазиатского ареала: ср., например, диалектные формы типа туркм. *musurman*, уйгур., казах., кирг. *musurman* — ‘мусульманин’³¹¹. По-видимому, к какому-то среднеазиатскому источнику восходят в конечном счете и формы турец. (диал.) *musurman*³¹², кумык., балкар. *busurman*³¹³. Положение о среднеазиатских истоках рассматриваемой формы согласуется с традиционным отождествлением земли *Бисерминов* с Хорезмом.

В русских источниках XIII–XV вв. встречаются этнонимы *бесермены* / *бесурмены*, что, в принципе, может указывать на русский источник сведений францисканцев³¹⁴. В записке купца Федора Котова о Персии (1624 г.) сообщается: «А персы и кизылбаши зовутца бусорманы, потому что у мужского полу обрезавают срамные уды их попы»³¹⁵.

Не исключено, впрочем, и другое объяснение, так как распространение данного слова не ограничено тюркскими и русским языками: праформе слова *Bisermi* почти точно соответствует венгерское (устар.) *böszörmény* — ‘мусульманин’, которое было зафиксировано в форме *bezermen* еще в XIII в. и поэтому не может рассматриваться как заимствованное из турецкого языка, а считается хазарским или печенежским заимствованием (с праформой типа **besermen* / **büsürmän*)³¹⁶.

Кроме того, это слово, согласно исследованию В. В. Напольских, в той же огласовке присутствует сегодня в качестве этнонима в Предуралье, являясь названием (в том числе и самоназванием) говорящих на удмуртском языке бесермян (удм. *beserman*), живущих в северных районах Удмуртии. Диалект удмуртского языка, на котором говорят бесермяне, стоит особняком в системе современных удмуртских диалектов, сближаясь по разным признакам с северными, южными и периферийно-южными диалектами³¹⁷. Особенности материальной культуры бесермян (прежде всего традиционная одежда) указывает на их чрезвычайно тесные связи в прошлом с чувашами³¹⁸. В русских источниках XIV–XV вв., касающихся территории бывшей Волжской Булгарии, *бесермены* неоднократно упоминаются как определенная, отличная от татар, черемисов (марийцев), мордвы группа местного населения, в особенности некоторых городов (Булгар, Казань, Джуке-тау)³¹⁹. Поскольку под *татарами* русские источники этого времени имеют в виду безусловно мусульманское население, в *бесерменах* (= ‘мусульмане’) следует, по предположению В. В. Напольских, видеть не конфессиональную, а этническую группу, скорее всего каких-то потомков булгар. Постепенное исчезновение этого этнонима, вероятно, связано с кипчакизацией населения бывшей Волжской Булгарии, происходившей в XIV–XV вв.³²⁰, в ходе которой в Казанском Поволжье распространение получили такие названия, как *мусульмане* (по конфессиональному признаку), *тюрки* (по этноязыковому признаку) и *татары* — первоначально экзоэтноним, принесенный вместе с монгольским нашествием и служивший с XIII в. (прежде всего у русских) для обозначения разнообразного по происхождению тюркского (кипчакоязычного) населения Золотой Орды, затем — Казанского

ханства. Характерно, что еще в первой половине XVI в. татары предпочитали называться *besermenî*, а не *turki*, что свидетельствует о длительном сохранении высокого статуса у рассматриваемого здесь этникона. Герберштейн пишет: татары разделяются на орды (Заволжская, Перекопская, Ногайская и другие); «все исповедуют магометанскую веру; однако, если их называют турками (*turcae*), они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же “бесермены” (*besermenî*) их радует, а этим именем любят себя называть и турки».

Таким образом, имеющиеся материалы подтверждают возможность существования в X–XIII вв. в Хорезме какой-то конфессиональной или этноконфессиональной группы, называвшейся **besermen* — ‘мусульмане’. К этому названию могут восходить слово *Bisermini* в донесениях францисканской миссии 1245 г., венгерское (уст.) *böszörmény* — ‘мусульманин’ (при печенежском или ином посредстве), русское *бесермен* / *бесурман* — название этносоциальной группы населения бывшей Волжской Булгарии и самоназвание бесермян (*beserman*; оба последних слова — через болгарское посредство).

33. ГОРОД БАРЧИН (НТ, § 24)

33.1. В параллельном пассаже у брата Иоанна говорится только о войне монголов с хорезмшахом: «После того, как император умер, как сказано выше, собрались вожди и выбрали императором Оккодая, сына вышеназванного Чингисхана. Он, созвав совет своих вождей, разделил войска. Баты, который был вторым после него [в иерархии], он послал против земли Альтисольдана и против земли бисерминов; ведь они — сарацены, хотя говорят по-комански. И, когда он вошел в их землю, бился с ними и в войне их себе покорил. И некий город по названию Бархин долго ему сопротивлялся, потому что они вырыли много ям и прикрыли их. И когда тартары подходили к городу, они падали в ямы. Поэтому они не могли взять этот город, пока ямы не были засыпаны» (LT, V. 25).

События, которые францисканцы или их информатор, ошибочно относят ко времени правления хана Угедея, в реальности происходили при жизни Чингис-хана. Город Бар-

чин был взят Джучи-ханом, отцом Бату (тогда как оба донесения относят это событие к деяниям самого Бату). Ср. с описанием Рашид ад-Дином событий 1221 г., связанных с завоеванием Средней Азии: «Чингис-хан в этом году расположился у Бухары и взял [ее]. В этом же году он взял Самарканд и города, имеющиеся в тех окрестностях. Царевичи, взяв Отрар, прибыли к нему. Джочи-хан, захватив Янгикент, Барчин и его окрестности, вернулся назад. [Чингис-хан] послал Джэбэ-нойона и Субэдай-нойона в погоню за султаном Мухаммедом Хорезмшахом в Хорасан, Ирак и Азербайджан. Он отправил Джочи, Чагатай и Угедая на осаду Хорезма, а сам пошел к пределам Нахшеба» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 256–257). В § 20 НТ, напротив, говорится о том, что Чингис-хан отправил Тоссук-хана (Джучи) против туркмен, бисерминов, кангитов и команов, а закончился поход битвой на Калке. Ни те, ни другие сведения, зафиксированные францисканцами, не соответствуют реальности. Во время войны Чингис-хана с хорезмшахом Бату было тринадцать лет. Путаница в донесениях францисканцев выглядит удивительно. Пейнтер, отметив это обстоятельство, пытался объяснить его тем, что походы разных лет были приписаны Бату по той причине, что с его именем связывалось завершение окончательного покорения этих территорий³²¹. Эта гипотеза ничего не объясняет. Выяснить истинное положение дел францисканцам труда не составляло.

33.2. Для засыпания рвов осаждаемых городов монголы использовали местное население. Южносунский дипломат Чжао Хун писал в 1221 г.: «Всякий раз при наступлении на большие города [они] сперва нападают на маленькие города, захватывают [в плен] население, угоняют [его] и используют на [осадных работах]. Тогда [они] отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей [захвачено] достаточно, то каждый человек обязан [набрать] сколько-то травы или дров, земли или камней. [Татары] гонят [их] день и ночь; если [люди] отстают, то их убивают. Когда [люди] пригнаны, [они] заваливают крепостные рвы [вокруг городских стен тем, что они принесли], и немедленно заравнивают [рвы]» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 67).

Барчин — сокращенная форма от *Барчанлыгкент* (Barčiliy-känt)³²²; это был укрепленный город, находившийся в нижнем течении Сыр-Дарьи, ближе к устью. Его точное местоположение не определено. Известно лишь, что захватив Сугнак, расположенный на берегах Сыр-Дарьи, отряды Джочи «завоевали Узгенд и Барчанлыгкент, тогда двинулись на Ашнас» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 200). Узгенд, Барчин и Ашнас — города по нижнему течению Сыр-Дарьи, между Джендом и Сыгнаком; ныне не существуют. Ашнас отождествляется с развалинами Асанас, к югу от Кызыл-Орды, в 30 км от бывшей почтовой станции Бер-Казан. Город Барчин в форме *Parch'in* упоминает Киракос Гадзакечи, описывая маршрут царя Хетума по Средней Азии (*Киракос Гадзакечи*. 58).

34. ГОРОД ЯНГИКЕНТ (НТ, § 24)

Сведения францисканской миссии о судьбе двух городов с берегов Сыр-Дарьи являются несомненным свидетельством того, что во время странствия западные дипломаты побывали в этих городах. Информация, полученная ими на месте, выглядит вполне реально и подтверждается независимыми восточными источниками. Однако сведения францисканцев интересны в другом отношении. Известно, что донесения миссии молчат о военной кампании Чингис-хана против хорезмшаха. Падение государства хорезмшаха — событие, всколыхнувшее весь мусульманский мир. Спустя 20 лет после этих событий францисканцы проехали через главные города Хорезма и, в частности, узнали о судьбе жителей Янгикента и Барчина. В донесениях предпринята попытка совместить легендарную панораму монгольских военных походов с некоторыми реальными наблюдениями. Выглядит эта попытка малоудачной, поскольку францисканцам несложно было бы выяснить, что Бату, которому приписывается командование этим походом, было тогда всего лишь тринадцать лет. Выявленное обстоятельство показывает, что донесения являются в первую очередь литературными сочинениями, и их авторы менее всего были озадачены воссозданием «реальной» истории рождения Монгольской империи. Поэтому к донесени-

ям миссии следует подходить скорее как к литературным, но не историческим источникам. В частности, рассматриваемый ниже эпизод повествует об истории людей, а не политической истории государства хорезмшаха.

После разгрома Барчина, передает брат Иоанн, «люди из некоего города, который называется Яникинт, услышав об этом, вышли им навстречу и добровольно сдались им. Поэтому их город не был разрушен, но многие из них были убиты, а другие — переселены. Взяв в городе добычу, его наполнили другими людьми и пошли на город Орнас» (LT, V. 26). Согласно официальной истории, во время похода в Среднюю Азию против государства хорезмшаха «Чингис-хан приказал Чагатаю и Угедю с несколькими туманами войска осадить город [Отрар], Джочи он соизволил определить идти с несколькими войсковыми отрядами на Дженд и Янгикент, а группе эмиров — в сторону Ходженда и Бенакета» (*Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 198). Скорее всего, жители Янгикента действительно добровольно сдались на милость победителям, ибо так же поступили жители соседнего Дженда, узнав о трагической судьбе Сыгнака.

Рашид ад-Дин пишет о монгольской дипломатии при завоевании городов Средней Азии: «Согласно повелению завоевателя вселенной Чингис-хана, царевич Джочи <...> отправился к Дженду. Прежде всего он дошел до города Сугнак, принадлежащего к округам Дженда и расположился на берегу Сейхуна [Сыр-Дарьи]. Он послал предварительно [в Сугнак] посольство во главе с Хусейн-хаджи, который в качестве купца издавна состоял на службе Чингис-хана, находясь в числе его приближенных, — чтобы он после отправления посольства, в силу своего знакомства и сродства [с населением], посоветовал жителям тех окрестностей [не сопротивляться] и призвал бы их к подчинению [монголам], дабы их кровь и имущество остались невредимыми. Когда тот отправился в Сугнак, прежде чем он успел перейти от выполнения посольства к увещеванию, негодяи, подонки и всякая чернь подняли шум и, крича “Аллах велик!”, его умертвили и сочли это за большую заслугу перед государем. Когда Джочи-хан услышал об этом обстоятельстве, то, приведя войско в боевой порядок, приказал биться с раннего утра до вечера. Они сража-

лись несколько раз, пока завоевали его [город] силою и принуждением. Заперев врата прощения и снисходительности, монголы убили всех, мстя за одного человека. Управление той областью они отдали сыну убитого Хусейн-хаджи и ушли оттуда <...>. Слух об этом дошел до Дженда. Кутлуг-хан, верховный эмир, которого султан назначил охранять [от врагов] те пределы, ночью переправился через Сейхун и направился в Хорезм через пустыню. Когда до Джочи-хана дошло известие о том, что тот покинул Дженд, он послал с посольством в Дженд Чин-Тимура, склоняя жителей к себе и предлагая воздержаться от враждебных действий [против монголов]. Так как в Дженде не было полновластного главы и правителя, то каждый человек поступал по своему усмотрению, сам рассуждал и сам придумывал наилучший выход. Простонародье подняло шум и напало на Чин-Тимура. Он унял их вежливо и сдержанно, осведомив их о событиях в Сутнаке и об убийстве Хусейн-хаджи, и обязался с ними договором: “Я не допущу, чтобы иноземное войско имело здесь какое-либо касательство!” Они обрадовались этому обещанию и не причинили ему никакого вреда [... Монголы] двинулись туда [к Дженду] и четвертого сафара 616 г. х. [4 апреля 1220 г.] расположились лагерем в виду города. Войско занялось рытьем рва и его подготовкой. Жители Дженда заперли ворота и начали сражение на крепостной стене. Так как они никогда не видывали войны, то дивились на монголов, что каким-де образом те смогут взобраться на стену крепости. Монголы подняли на стену лестницы и со всех сторон взобрались на крепостную стену и открыли ворота города. Они вывели всех жителей [за городскую стену]. С обеих сторон ни одному живому существу не было нанесено вреда ударами меча. Так как они отступили от войны, [то] монголы возложили руки снисхождения на их головы; они убили лишь несколько человек главарей, дерзко разговаривавших с Чин-Тимуром. В течение девяти суток они держали [горожан] в степи, город же предали потоку и разграблению» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 199–200).

Городище Яны-кент (Yāngī-kānt³²³ — Янгикент, Джанкент, Шахрикент) — Новый город, развалины которого лежат в 20 километрах к юго-западу от Казалинска на левом берегу нижнего течения Сыр-Дарьи. В 1867 г. П. И. Лерх и М. К. Приоров со-

ставили его план и произвели раскопки. В 1868 г. их продолжил В. В. Верещагин. В 1946 г. городище обследовано Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. В плане это прямоугольник, вытянутый с востока на запад (375×225 м). В северо-западном углу его находится квадратный бугор-цитадель (100×100 м) высотой 7–8 м. Высота внешних стен городища 8 м. Они имеют башни с бойницами. Найдены керамика и монеты. Датировка: X–XIV вв.³²⁴ О судьбе этого города в XIV в. сообщает ал-Омари³²⁵.

Слово *кент*, или *кед*, означало дом, усадьбу, группу домов одного хозяина. Согласно Йакуту, слово *кят* обозначало у хорезмийцев «вал в степи, хотя бы внутри этого вала ничего не находилось»; на Ягнобе *кат* — «дом»³²⁶. Согласно исследованию Бартольда, арабские «географы X в. при описании Туркестана приводят большое число сложных названий с *кет* и *кед*, причем эти названия, еще не встречающиеся в районе Мургаба, появляются в районе Зеравшана и в значительно большем числе в бассейне Сыр-Дарьи, особенно в районе Ангрена и Чирчика. Географ Истахри даёт для области Илак, т. е. культурной полосы Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 сложных с *-кет*; для области Чач, т. е. культурной полосы Чирчика, — 27 названий, из них 14 сложных с *-кет*. <...> Употребление слова *кент* в смысле «селение» сохраняется до сих пор в Хорезме и в Кашгарии»³²⁷.

35. ОРНАС (УРГЕНЧ) (НТ, § 24)

Параллельный отрывок у брата Иоанна гласит: «Этот город был чрезвычайно населен, ибо было там много христиан³²⁸, а именно газаров, русских, алан и других. Были и сарацены, которым и принадлежала власть в городе. Также этот город был наполнен богатством, поскольку он расположен на некоей реке, которая протекает через Яникинт и страну бисерминов и впадает в море. Поэтому этот город как бы порт и от него иные сарацены имели большую торговую прибыль. [Монгалы] запрудили реку, которая протекала через город и затопили его вместе со всем имуществом и людьми, поскольку иначе они не могли его захватить. Совершив это, они втор-

глись в страну турков, которые являются язычниками» (ЛГ, V. 26). Общепринято отождествлять Орнас (*Ornas*) с Ургенчем (Ürgänj; ³²⁹ Ögünggeç ³³⁰), столицей Хорезма, расположенной в низовьях Аму-Дарьи. ³³¹ В таком случае утверждение брата Иоанна о том, что города Яникинт и Орнас лежат на берегах одной и той же реки, — ошибка, поскольку первый находится на Сыр-Дарье, а второй — на Аму-Дарье.

В анонимном персидском сочинении XIII в. имеется следующее описание Хорезма: «Хорезм — большой город, расположенный на берегу Джейхуна. Говорят, окружность Хорезма — 8 фарсахов. И столько там народа, сколько нет во всех городах и областях Ирака. [Это] резиденция великих государей. Жители все — наездники, люди мужественные и горячие. Говорят, будто Хорезм будет разрушен водами Джейхуна, так как город расположен в низине, а река течет сверху. Когда появится неприятель [перед городом], они откроют воды Джейхуна и вода зальет всю область. Жители города в своем большинстве му‘тазилиты и несчастные. Там бывают сильные морозы, так что вода в Джейхуне покрывается льдом на всем своем протяжении. Его товары: бобер, соболь, ‘атаби. [Так] называют ткань, ежедневно для нее заново составляют трафарет рисунка; нигде в мире нет ткани ‘атаби такой приятности. [Оттуда же] хорезмские одеяла, которые снизу подбивают шелком, кольчуги, конские доспехи, мерлушка, лечебный камень, приятные фрукты, сладкие дыни. Говорят, будто семена дынь насаживают на корень верблюжьей колючки. [Когда созреет], дыню вырывают с корнем [растения]. В сезон [созревания] дынь ежедневно привозят в Хорезм до ста тысяч повозок, груженных дынями, и все раскупают» (*Чудеса мира*. 451). Аноним указывает, что он собрал свою книгу в 1220 г., когда выступили тюрки-татары, поэтому не исключено, что пророчество о грядущем затоплении Хорезма водами Аму-Дарьи является отголоском вполне реального события.

Знаменитый географ и путешественник Йакут ал-Хамави (1179–1229) пишет в своем «Алфавитном перечне стран»: «Джурджания — приписывают это имя столице области Хорезма. [Это] большой город, на берегу Джейхуна [Аму-Дарьи], население Хорезма называет его на своем языке Гургандж. <...> Я видел ее [Джурджанию] в 616 г. х. [1219 г.] до того, как овла-

дели ею татары, и до ее разрушения. Не помню, чтобы я видел город лучше, чем этот, с большими богатствами и с более прекрасным положением. Все это кажется невероятным после разрушения его татарами, потому что от него по дошедшим до меня [сведениям] не осталось никаких следов, и были убиты все, кто там находился»³³².

Хорезм достиг значения великой державы при последнем правителе, хорезмшахе Мухаммеде (1200—1220). Как писал В. В. Бартольд, империя Мухаммеда простиралась от правого берега Сыр-Дарьи до горных перевалов между Ираном и долиной Тигра; на юге его верховная власть была признана даже на Аравийском полуострове. Столица Хорезма принадлежала тогда к самым блестящим городам Востока. Возвышение Хорезма, в первый и последний раз в истории этой страны, до ранга великой державы зависело от развития широких международных торговых связей. Попытка Мухаммеда использовать эти торговые связи в своих политических целях привела к войне между ним и Чингис-ханом и падению его державы. Гургандж, покинутый всеми членами династии, пал в апреле 1221 г. после упорной защиты; сообщается, что все население или было вырезано, или погибло в водах Аму-Дарьи³³³. Подробный рассказ об осаде столицы Хорезма сохранился у ан-Насави. Он пишет: «Я решил уделить особое внимание описанию его осады, в отличие от других городов, учитывая его серьезное значение, а также то, что его [падение] явилось началом торжества татар» (*ан-Насави*. 41). Однако о разрушении плотины ан-Насави не упоминает. Ибн аль-Асир пишет со слов очевидцев, что после пяти месяцев осады монголы завладев городом и, ограбив его, «открыли плотину, которою удерживалась вода Джейхуна от города; тогда вода хлынула в него и затопила весь город: строения разрушились и место их заняла вода. Из жителей его ни один не уцелел, тогда как в других землях некоторым удалось спастись: из них кто спрятался, кто бежал, кто вышел да потом спасся, кто сам ложился среди убитых и [потом] уходил; в Хорезме же тех, кто спрятался от татар, или затопила вода, или убили развалины» (*Сборник материалов*. Т. I. С. 32). Сведения францисканцев наиболее близки рассказу Ибн аль-Асира. О приказе разрушить плотины пишет и Рашид ад-Дин,

но, видимо, это событие не имело решающего значения при взятии города: «Остановились на том, чтобы отвести [от города] воды Джейхуна, на котором в городе жители построили плотину-мост. Три тысячи человек монгольского войска приготовились для этого дела. Они внезапно ударили в середину плотины, [но] городское население их окружило и всех перебило» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 216).

Опустошение Хорезма монголами в 1221 г. и разрушение плотин совершенно изменили течение Аму-Дарьи. О нескольких городах и селениях левого берега говорится, что они были затоплены водой; такой же участи подверглась столица области, Гургандж. Из слов Йакута известно, что плотина Гурганджа требовала ежегодного ремонта; таким образом, после разрушения города и гибели многих жителей река должна была прорвать ее³³⁴. По рассказу Ибн ал-Асира, монголы сами разрушили плотину. Аму-Дарья после монгольского нашествия снова направилась к Сарыкамышу и далее к Каспийскому морю. Хамдаллах Казвини (1280—1349) утверждает, что раньше Джейхун (Аму-Дарья) впадала в Восточное озеро (Арал), но после внезапного вторжения монголов река изменила свое течение и сейчас впадает в Каспийское море³³⁵. Возможно, по этой причине брат Иоанн не говорит о переправе через Аму-Дарью при упоминании города Орнаса (LT, IX. 23). Гургандж, восстановленный через короткое время после своего разрушения и получивший от монголов название Ургенча, очутился, по выражению географа XIV в. ал-Омари, «между двумя рукавами Джейхуна, похожими на шаровары» (*Сборник материалов*. Т. I. С. 242).

36. АРАЛЬСКОЕ МОРЕ (НТ, § 24)

36.1. Река, на которой стоял Ургенч, впадает в Аральское море. Не исключено, что это первое упоминание Аральского моря в западной средневековой литературе³³⁶. По крайней мере, на карте Московии Антония Дженкинсона (1562 г.) Арал не изображен, хотя и представлены Каспийское море, область Бухара и город Ургенч; река, на которой он стоит, впадает в Каспий³³⁷. Л. Берг, посвятивший специальное исследование

истории открытия Аральского моря, анализирует девятую главу книги брата Иоанна и рассказ брата Бенедикта, записанный кельнским схоластом, и приходит к выводу, что они не упоминают Арала³³⁸. Видимо, Л. Берг не обратил внимания, что сообщение о море содержится у брата Иоанна в пятой главе (LT, V. 26).

В «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского сообщается: «Урканское озеро и Каспийское обособлены от других морей, но если следует слушать тех, кто пишет о землях, то одно озеро сливается, проходя сквозь пустыню, с другим, и оба соединяются с великим морем»³³⁹. Урканское озеро — это Гирканское³⁴⁰ (Каспийское) море. Что же в таком случае означает второе озеро под названием Каспийское? Известно, что отрывок из «Шестоднева» восходит к «Метеорологике» Аристотеля, где говорится о двух морях с такими же названиями (*Аристотель*. II. 1. 10)³⁴¹. На венецианской карте 1320 г. Марино Сануто изображено *Mare caspis, yrcanum, de Sara*, т. е. море Каспийское, или Гирканское, или Сарая (по названию столицы в низовьях Волги Сарай-Бату); к востоку от этого моря находится озеро под названием *Caspium mare*. Таким образом, Каспийское море дважды нанесено на карту, что вполне объяснимо влиянием сведений Аристотеля. Следовательно, у нас нет оснований, вслед за Г. С. Баранковой³⁴², полагать, что в ранней русской редакции Шестоднева Иоанна, Экзарха Болгарского под Гирканским морем подразумевается Аральское море.

36.2. Л. Берг полагает, что маршрут францисканской миссии 1245 г. прошел севернее Арала. Эту ошибочное, на мой взгляд, мнение разделяет большинство комментаторов³⁴³, и основано оно на материалах девятой главы из донесения брата Иоанна, где описывается обратный путь посланников. Вернемся к устному сообщению брата Бенедикта, записанному в Кельне. Текст содержит ошибку, внесенную схоластом: город Орнам (*Ornarum*) обозначен как город в Комании. На самом деле Орнам — это Ургенч, столица Хорезма. Схоласт пишет: в Комании «расположен богатый город Орнам, взятый тартарами при помощи наводнения» (*Relatio Fr. Benedicti Poloni*, 6). Границы Комании в восприятии схоласта представляют какую-то немыслимую картину, в отличие, скажем, от ясной

картины у брата Иоанна (LT, IX. 20). Далее аноним пишет, что на границе Комании посланники пересекли реку Яик, за которой началась земля кангитов; по этой области они ехали двадцать дней, видели обширные солончаки и соленые потоки, которые схоласт принимает за Меотидские болота, и наконец восемь дней следовали по песчаной пустыне, пока не прибыли в город Ианкинт (Янгикент), жители которого поклоняются закону Магомета; затем они вступили в землю каракитаев, где обнаружили море, которое аноним принимает за Каспийское (*Relatio Fr. Benedicti Poloni*, 8). Таким образом, под пером схоласта Ургенч «выпал» из описания маршрута от реки Яик до Сыр-Дарьи, что и позволило современным исследователям рисовать путь миссии севернее Аральского моря. Восстановить маршрут можно следующим образом.

Отправившись из лагеря Бату-хана на Волге, францисканцы, сопровождаемые двумя монгольскими вестниками, пересекли страну команов — степь Дешт и-Кипчак. За рекой Яик (Урал) путешественники вступили на плато Устюрт, в пределы кочевников — кангитов. Это была хорошо известная дорога, на которой лежали караван-сарай и имелись источники пресной воды³⁴⁴. Далее их путь лежал через города Хорезма и Мавераннахра, «страну Биссерминов», как называет ее брат Иоанн. От Ургенча посольство проехало вдоль южного берега Арала и останавливалось в Янгикенте. Послы должны были переправиться через великие среднеазиатские реки — Аму-Дарью и Сыр-Дарью (в отчете упомянуты обе реки, но о переправе через них не говорится). Дальнейший путь пролегал вдоль предгорий Тянь-Шаня, по краю пустыни Джунгарии, через земли кара-китаев, где путешественники видели город Эмиль.

Точно такой же маршрут на участке от лагеря Бату до Ургенча повторил армянский царь Хетум, направляясь в ставку великого хана в Каракорум в 1254 г. Из столицы Киликийской Армении, города Сиса, царь проехал на Волгу в ставку Бату. Там, согласно сведениям Киракоса Гандзакеци, царю «был оказан большой почет и гостеприимство. Потом его послали в долгий путь на тот берег Каспийского моря к Мангухану. Отправившись в путь от них шестого числа месяца марери [13 мая], переправившись через реку Айех (Яик), они прибыли в Ор [Ургенч?], расположенный на полпути между

[местопребыванием] Батыя и Мангу-хана. Переправившись через реку Ертич [Иртыш], они вступили в страну Наимана, [потом] поехали в Кара-китай и достигли Татаристана [Монголии] четвертого числа месяца гори [13 сентября] и в день праздника Воздвиженья креста были представлены Мангу-хану, восседавшему во всем величии своей славы» (*Киракос Гандзакец*. 58). Венецианские купцы братья Поло в 1260-х годах совершили торговое путешествие от берегов Волги до Китая. Продав драгоценности монгольскому хану Берке, который жил в Болгаре и Сарае, братья решили странствовать со своими товарами по «восточной дороге», тогда как «западная дорога» вела через Крым в Константинополь. Выйдя из Болгара, «пошли они к городу, что был на границе земли западного царя и назывался Уака [город Увек на Волге]. Выйдя отсюда, переправились через реку Тигри [Волгу] и семнадцать дней шли пустынею. Не было тут ни городов, ни крепостей, одни татары со своими шатрами да стадами. Перейдя через пустыню, пришли они в Бухару. Город большой, величавый. Бухарою зовется и вся страна <...> Во всей Персии Бухара самый лучший город» (*Марко Поло*, с. 45–46). «Пустыня», по которой братья Поло шли семнадцать дней, включала плато Устюрт. Попасть в Бухару за этот срок было невозможно. По Пеголотти, путь от Сарайчика до Ургенча занимал двадцать дней. В январе 1333 г. Ибн-Баттута затратил тридцать дней, чтобы пересечь в арбах, запряженных верблюдами, путь от Сарайчика до Хорезма (*Ибн Баттута*, с. 72). По сведениям английского купца Антония Дженкинсона (1558 г.), полученным от татарского купца, живущего в Бухаре, путь из Астрахани до Сарайчика занимал пятнадцать дней, а из Сарайчика до Ургенча тоже пятнадцать дней; «на этом 30-дневном пути нет ни жилищ, ни домов; поэтому путешественники живут в собственных палатках и везут с собой различные припасы для еды; а для питья там много колодцев с пресной водой, которыми можно пользоваться ежедневно на недалеких одно от другого и равномерно расположенных местах остановок» (*Дженкинсон*, с. 190).

В начале XIV в. флорентиец Франческо Пеголотти в своем трактате «*Practica della Mercatura*» (*Торговое дело*) дал подробные указания для торгового сухопутного путешествия в

Северный Китай через Тану. Из Таны — венецианской торговой фактории на южном берегу Крыма — до Джинтархана путь на волах занимал двадцать пять дней, а на лошадях только десять—двенадцать дней. По пути встречается много вооруженных людей. От Джинтархана до Сарая на Ахтубе один день по водному пути. От Сарая до Сарайчика на реке Яик восемь дней пути водой: сначала по Волге, потом вдоль берега Каспийского моря до устья реки Яик. «Туда можно пройти и сухим путем, — пишет Пеголотти, — но отправляются обычно водой вследствие более дешевой перевозки товаров». От Сарайчика до Ургенча через плато Устюрт 20 дней в повозке на верблюдах. «Кто отправляется с товарами, тому следует пройти в Органчи [Ургенч], так как там идет бойкая торговля. От Органчи до Ольтрао [Отрар на Сыр-Дарье] от 35 до 40 дней пути в повозке на верблюдах». Из Сарайчика купцы, идущие без товаров, направляются прямой дорогой в Отрар, минуя Ургенч, и доходят до Отрара за 50 дней. От Отрара до Армалекко [в долине р. Или] 45 дней пути на ослах. От Армалекко до города Канчу у западного конца Великой Китайской стены 70 дней пути на ослах, и от Канчу до притока Желтой реки — Танхо — 45 дней пути на лошадях. От этой реки можно отправиться в Кассай и там продать все взятые с собой серебряные слитки, так как это очень торговый город, а от Кассая ехать уже с деньгами, полученными в обмен на проданное серебро». Маршрут, через Среднюю и Центральную Азию, по которому одними из первых европейцев проехали папские посланники, менее чем за 50 лет превратился в хорошо известную торговую дорогу для купцов из Западной Европы.

37. НАШЕСТВИЕ НА РУСЬ (НТ, § 25)

В донесении брата Иоанна о судьбе Киева говорится следующее: «Они пошли на Руссию и содеяли великие разрушения в земле Русской. Они разрушали города и крепости и убивали людей. Киев же, столицу Руссии, обложили и после долгой осады захватили ее и истребили жителей города. Посему, когда мы проходили через их землю, мы находили разбросанное по полям неисчислимое множество черепов и костей по-

гибших людей. Был же град очень велик и многонаселен, а ныне он обращен почти в ничто. Ибо там осталось едва ли двести домов ³⁰⁹ и жители те содержатся в великом рабстве. Далее продвигаясь с битвами, они разорили всю Руссию» (ЛТ, V. 27). Вопрос о реальном положении дел в Киеве после взятия его монголами (замерла жизнь в городе или нет) должен рассматриваться в контексте следующего известия брата Иоанна. Папский посол в разоренном Киеве встретил богатых купцов из Генуи, Венеции, Пизы и Акры. Как показал Пелльо, перечисленные братом Иоанном имена купцов связаны с наиболее богатыми семейными кланами, владевшими значительными торговыми капиталами ³⁴⁶. Спрашивается, что делали эти люди в разоренном Киеве?

Ипатьевская летопись сохранила рассказ об обороне Киева (ПСРЛ. Т. II. Стб. 782). «В год 6748 [1240] Батый послал Менгу-хана ³¹¹ осмотреть Киев. Пришел он и остановился у городка Песочного и, увидев Киев, был поражен его красотой и величиной; отправил он послов к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, желая его обмануть. Но князь Михаил послов убил, а сам убежал из Киева вслед за сыном в Венгерскую землю; а в Киеве возшел на престол Ростислав Михайлович, внук Давыда Смоленского. Но Даниил Романович, внук Мстислава Изяславича, выступил против Ростислава и взял его в плен; а Киев поручил оборонять против безбожных татар своему посаднику Дмитрию. В это время пришел к Киеву сам безбожный Батый со всей своей силой. Киевляне же взяли в плен татарина по имени Товрул, и сообщил он обо всех князьях, пришедших с Батыем, и о войске их; и были там братья Батыя, воеводы его: Урдю, Байдар, Бичур, Кайдан, Бечак, Менгу, Куюк (он не был из рода Батыя, но был у него первым воеводой), Себедяй-богатырь, Бурундай-богатырь ³⁴⁸, который пленил всю землю Булгарскую и Суздальскую, и много было других воевод, о которых мы не написали. И начал Батый ставить пороки, и били они в стену безостановочно, днем и ночью, и пробили стену у Лядских ворот ³⁴⁹. В проломе горожане ожесточенно сражались, но были побеждены, а Дмитрий был ранен. И вошли татары на стену, и от большой тяжести стены упали, горожане же в ту же ночь построили другие стены вокруг церкви Святой Бого-

родицы. Утром татары пошли на приступ, и была сеча кровопролитной; народ спасался на церковных сводах со своим добром, и от тяжести стены обрушились. Взяли татары город шестого декабря, на память отца нашего святого Николы, в год 6749 [1240]. А Дмитрия, который был тяжело ранен, не убили из-за его мужества. Взял Батый город Киев, и, услышав, что великий князь Даниил Романович находится в Венгрии, пошел он к Владимиру на Русь» (ПЛДР. XIII в., с. 173—175)³⁵⁰.

Сравним древнерусское известие с перечнем имен монгольских предводителей западного похода, которые приводит Джувейни: «В помощь и поддержку Бату он [Угедей] назначил кандидатов из принцев: Менгу-хана и его брата Бучека, из своих сыновей — Гуюк-хана и Кадагана; из других царевичей — Кулкана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута и несколько других, а из авторитетных эмиров был [назначен] Субетай-бахадур» (подробнее см. 39.2). Из одиннадцати монгольских имен, названных в русском источнике, восемь находят подтверждение в сведениях Джувейни (учтем также, что Кулкан был убит под Коломной в 1238 г.)³⁵¹. Список имен имеется в «Истории Тартар» (НТ, § 23). В «Сокровенном сказании» о западном походе сказано, что хан Угедей «отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингисхане, а именно народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как-то: Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального Улуса» (*Сокровенное сказание*. § 270). Из сравнения трех источников следует, что наиболее полный список имен монгольских предводителей западного похода представлен в русской летописи.

В Галицко-Волынской летописи взятие Киева, по мнению А. Н. Робинсона³⁵², изображалось в эпических тонах: «Приде Батый Киеву в силе тяжьце, многом множеством силы своей и окружи град <...> и не бе слышати от гласа скрипения

телег его, множества ревеня велблуд его и ржания от гласа стад конь его <...> стрелы омрачиша свет побежденным». Ср. с описанием Джувейни: «В пределах Булгара царевичи сошлись. От множества их войск земля содрогнулась и даже дикие звери изумились численному превосходству и шуму их войск». О продолжительности осады Киева и точной дате его падения письменные источники сообщают разные сведения. В Лаврентьевской летописи сообщается: «В лето 6748 [1240] <...> Того же лета взяша Кыевъ татарове, и святую Софию разграбиша, и монастыри все, и иконы и кресты честныя и вся узорочья церковная взяша, а люди отъ мала и до велика вся убиша мечем; си же злоба приключися до Рождества Господня на Николин день» (ПСРЛ. Т. I. С. 201). Другими словами, Киев был взят монголами 6 декабря 1240 г. Эта же дата указана и в Троицкой летописи: «В лето 6748 [1240]. взяша татарове Кыевъ, декабря 6, на память святого отца Николы» (ПСРЛ. Т. I. С. 225). В Псковской третьей летописи дается другая дата — 19 ноября и указывается продолжительность осады — 10 недель и 4 дня. «Того же лета приидеша татарове к Киеву сентября 5, и стояша под Киевом 10 недель и 4 дни, и едва взяша и ноября в 19, в понедельник».

Рашид ад-Дин в главе об «Истории царевичей Дешт-и-Кыпчака» пишет о взятии Киева монголами в 1240 г.: «Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок³⁵³ и в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан, а затем проходили облавой туман за туманом все города Владимирские и завоевывали крепости и области, которые были на [их] пути» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 44–45). Манкеркан (Манкерман), в переводе с тюркского, буквально означает «хвалимый город»³⁵⁴. Венецианский дипломат конца XV в. Амброджо Контарини отметил, что Киев носит название Маграман (*Барбаро и Контарини*, с. 211)³⁵⁵.

38. СМЕРТЬ ХАНА УГЕДЕЯ (НТ, § 26)

Согласно Джувейни, 5 джумада II 639 г. х.. (11 декабря 1241 г.) в Монголии умер великий хан всех монголов Угедей-каан. Сведения брата Бенедикта о возвращении Гуюка из

западного похода, по причине смерти Угедая, перекликаются с дренерусскими известиями: «Кююкь, иже вратися оуведавь смрть канову и быс каном» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 784). Однако те и другие отличаются от официальной версии событий. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что Гуюк был вызван в Каракорум самим Угедеем скорее всего, чтобы объявить ему имя наследника трона. Угедей-хан «в том же году, когда он простился с жизнью, он послал гонцов с вызовом Гуюк-хана. Гуюк-хан, согласно приказу, возвратился [из похода в Дешт-и Кипчак]. Еще до его прибытия пришел неизбежный рок и не дал нисколько срока отцу и сыну порадовать [свои] очи созерцанием красоты друг друга. Когда Гуюк-хану сообщили об этом обстоятельстве, он поспешно прибыл в Имиль, а оттуда направился в ставку отца. С его прибытием пресеклись стремления алчущих [власти]» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 118).

Сведений о захвате Гуюком земли хазар, алан, земли Тх'ет и Тартар в донесении брата Иоанна нет. Пейнтер предполагает, что Тх'ет — это искаженное название катов (кахетинцев), а тартары заменили здесь по ошибке черкесов³⁵⁶. На наш взгляд, проще восстанавливать в первом случае не *Cathi*, а *Tati*, то есть *татов*, кавказский и притом прикаспийский народ, упомянутый в списке монгольских данников у брата Иоанна (LT, VII. 9).

Рашид ад-Дин, касаясь событий западного похода и возвращения монголов в кыпчакские степи, пишет: «Слух о смерти каана [еще] не дошел до них [царевичей]. После этого, в год барса, соответствующий 639 г. х., * кипчаки в большом числе пошли войною на Кутана и на Сонкура, сына Джучи, [которые], дав сражение, разбили кипчаков. Осенью [монголы] опять направились обратно, прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кипчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону. Они покорили страну урунгутов и страну бададжей и привели их послов» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 45–46). Тимур-кахалка (букв. «Железные ворота») — Дербент.

* 639 г. х. — (12 июля 1241 — 30 июня 1242 г.).

39. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ (НТ, § 27)

39.1. В донесении брата Иоанна очередность событий другая. Сначала он рассказывает о монгольском походе на Польшу и Венгрию, а затем о походе на Волжскую Булгарию. «Вернувшись оттуда [из Венгрии], они пришли в землю мордванов, являющихся язычниками и в войне их победили. Продвигаясь оттуда вперед против билеров, то есть Великой Болгарии, они и ее разрушили полностью. Продвигаясь оттуда вперед на север, теперь против баскартов, то есть Великой Венгрии, они покорили также и их» (ЛТ, V. 29). Далее это войско попадает к загадочным народам севера — самоедам, паросцитам, быченоким и песьеголовым. Сведения брата Вильгельма де Рубрука о географии Великой Булгарии см. в коммент. 27.1. Город Болгар упоминается в книге Марко Поло³⁵⁷.

Под Magna Bulgaria в сообщениях путешественников XIII в. следует, безусловно, понимать Волжскую Булгарию — государство, созданное к началу X в. в Среднем Поволжье тюркским по языку народом булгарами, которые переселились в этот регион в VIII—IX вв. с территории нижнего Подонья и Приазовья³⁵⁸. Этнотопоним *Bileri*, употребленный в обоих донесениях в качестве синонима Magna Bulgaria, происходит от названия «Великого Города» на реке Малый Черемшан, который со второй половины XII в. и вплоть до падения Волжской Булгарии под ударами монголов являлся крупнейшим городом и столицей этого государства³⁵⁹. Остатки этого города известны как Билярское городище, татарское (мишарское) название — *Bilär*³⁶⁰. Это название упоминается и в трудах арабских географов, например, страна *bilar* — очевидно, Волжская Булгария у Абу-л Фиды³⁶¹. Происхождение этого названия неясно, можно лишь сказать (опираясь на форму брата Иоанна и современное татарское название населенного пункта), что и в болгарском языке оно звучало примерно как **bilär*. Поскольку некоторые названия городов Волжской Булгарии совпадали с названиями обитавших на ее территории племен (точнее, по-видимому, восходили к соответствующим этнонимам): города Болгар, Сувар, возможно, Буртас и Саксин, можно предположить то же самое и в отношении названия **bilär*. Это предположение подкрепля-

ется свидетельством о переселении около 970 г. в Венгрию группы болгар-мусульман из Волжской Булгарии, основавших город Пешт, — в Венгрии их называли *билерами*³⁶².

39.2. В 1223 г., после битвы при Калке, монгольские разведывательные отряды вторглись в земли волжских болгар. Здесь они впервые столкнулись с более серьезным противником. Арабский историк Ибн аль-Асир сообщает, что монголы несколько раз попадали в устроенные булгарами засады и потеряли значительное число своих войск. Затем монголы пошли на юг, к Саксину, расположенному в устье Волги, и далее соединились с основными войсками Чингис-хана, которые возвращались в Монголию после разгрома Хорезма (*Сборник материалов*. Т. I. С. 27). В 1229 г. монголы предприняли вторую попытку завоевать Булгарию, но ограничились лишь разгромом сторожевых болгарских отрядов на реке Яик. В том же году монголы вновь начали наступление на Волжскую Булгарию. Согласно Рашид ад-Дину, Угедей-хан почти сразу после восшествия на монгольский престол в 1227 г. отправил Субедей-бахадур и Кокошай (Кукдая) «в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 21). В Прикаспийских степях монголам удалось разгромить половцев и саксин и нанести поражение болгарским форпостам на реке Яик. Об этом сообщается в Лаврентьевской летописи: «Того же лета [1229 г.] Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татары и сторожеве Болгарьскыи прибегоша бѣени от Татар, близ реки, ей же имя Яик» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 453). В 1235 г. Угедей-хан устроил большой курултай, на котором обсуждался вопрос «об истреблении и покорении всех оставшихся непокоренными»: Булгара, страны Асов и Руси. В 1236 г. войско Батыя взяло столицу Булгарии — Великий Город и опустошило страну³⁶³. По-видимому, в 1238—1239 гг. болгары предприняли попытку восстановить свою столицу, но в 1240 г. монгольское войско под предводительством Субедея вновь razорило Булгарию, а с 1242 г. Батый, возвратившийся из европейского похода, сделал на некоторое время своей ставкой бывший болгарский город, известный в русских летописях под именем Бряхимов, и территория Булгарии была окончательно включена в состав Золотой Орды.

Ала ад-Дин Джувейни, автор сочинения «История завоевателя мира», начал работу над своим историческим трудом в Каракоруме по заказу монголов в 1253 г. Интересно, что Джувейни, как и францисканцы, для написания ранней истории монголов пользовался исключительно устными свидетельствами современников.

«Рассказ о покорении Булгара, пределов Ас и Рус. Когда Каан [Угедей] во второй раз собрал Великий курултай, они [царевичи] вместе совещались об истреблении и покорении всех оставшихся [до сих пор еще] непокоренными. Было принято решение о завоевании пределов Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству со становищем Бату, до сих пор не подчиненных и [тщеславно] гордившихся множеством своих городов. В помощь и поддержку Бату он [Угедей] назначил кандидатов из принцев: Менгу-хана и его брата Бучека, из своих сыновей — Гуюк-хана и Кадагана; из других царевичей — Кулкана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута и несколько других, а из авторитетных эмиров был [назначен] Субетай-бахадур. По порядку войск все царевичи отправились на места их жительства, а весной двинулись из своих становищ и поспешили приступить [к делу]. В пределах Булгара царевичи сошлись. От множества их войск земля содрогнулась и даже дикие звери изумились численному превосходству и шуму их войск. Сначала они штурмом взяли город Булгар, известный на весь мир неприступностью своего места и многочисленным населением. Жителей его они убили и [частью] угнали в плен для угрозы другим. Оттуда они обратились на страну Рус и покорили ее области до города М.к.с., население которого по многочисленности было подобно муравьям и саранче, а окрестности его были так [густо] покрыты лесами, что даже змея не могла проползти сквозь них. Царевичи вместе стояли по сторонам его [города] и с каждой стороны проложили дорогу шириной, достаточной для проезда рядом 3—4 повозок, а напротив него [города] установили метательную машину и в течение нескольких дней не оставили от города ничего, кроме его имени, и нашли [там] большую добычу. Они отдали приказ отрезать правое ухо у [убитых] людей. Было насчитано 270 000 ушей. Оттуда царевичи решили вернуться»³⁶⁴. См. коммент. 42.2.

40. ЧУЖЕЗЕМЦЫ В СОСТАВЕ МОНГОЛЬСКИХ АРМИЙ (НТ, § 27)

В шестой главе брат Иоанн сообщает: «Для лобового столкновения с врагами они посылают один отряд, составленный из пленных и [представителей] других народов, которые есть в их войске, и с ними могут пойти также несколько тартар. Другие отряды, [составленные] из людей покрепче, они посылают [издалека] слева и справа так, чтобы они не были видимы их противниками, и таким образом окружают противников и ударяют в середину и начинают сражаться со всех сторон» (ЛТ, VI. 14). В письме венгерского епископа парижскому епископу от 10 апреля 1242 г. говорится о мордве в составе монгольского войска: «Услышать точные сведения о них мы не можем, ибо впереди них идут некие племена, именуемые мордванами, и они уничтожают всех людей без разбору» (*Английские источники*, с. 154). В главе «О свойствах татар» Фома Сплитский пишет: «У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из них немного страшится и не бросается в исступление навстречу гибели, они немедленно отрубают ему голову» (Фома Сплитский. XXXVII).

Включение иноплеменников в состав монгольских армий имело давнюю традицию. Например, основные силы каракиданей, сведенные монголами в отдельный корпус под командованием киданьского военачальника Хесымайли (Измаил), в западном походе прославились так, что их командир в 1226 г. был лично представлен Чингис-хану; после разгрома чжурчжэней Хесымайли получил звание «полководца, покорителя западных стран»³⁶⁵.

В 1235 г. «при дворе обсуждался [вопрос] о том, чтобы использовать мусульман для совершения карательных походов на Юг [Китаю], а ханьцев — для карательных походов на Запад. Предполагали, что этим был бы найден удачный план. Его превосходительство [Елюй Чу-цай] неоднократно заявлял о том, что это невозможно. [Он] говорил: “Китайские земли и Западный край отстоят друг от друга на десятки тысяч ли. Люди и кони изнурятся, пока дойдут до границ неприятель-

ля, и будут негодны. Более того, различен климат, и непременно возникнут повальные болезни. Лучше, если те и другие будут участвовать в карательных походах в своих странах. [Это], очевидно, будет к обоюдной выгоде!» Спор продолжался более десяти дней и затем прекратился» (*Сун Цзы-чжэнь*, с. 78). Как известно, Чингис-хан использовал этнические и религиозные противоречия между своими противниками и включал в состав своей армии многочисленные иноплеменные войска. При монгольском дворе в 1235 г., по-видимому, обсуждался вопрос о более широком привлечении войск, набранных среди населения покоренных стран. В этом году Бату с полководцем Субудаем выступил в поход в Восточную Европу и на Русь, Тангу — в Корею, а царевичи Ко-дуань и Кочу и племянник Чингис-хана Коу-вэнь Бухуа во главе трех армий пошли войной против Южных Сунов³⁶⁶. Рашид ад-Дин сообщает об использовании чужеземцев в качестве воинов в монгольских войсках. Так, войско Джучи-хана, полученное им в удел от отца, составляло 4 тысячи человек, «а что прибавилось [к ним] за последнее время, то — из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 275)³⁶⁷.

Григор Акнерци пишет о военной повинности (*халане*), которую должны были нести грузинские князья, участвуя в военных походах монголов. «Великие и независимые князья грузинские, кто волей, кто неволей, сделались их данниками и каждый с известным числом всадников, смотря по состоянию, вступил с ними в халан. С их-то помощью татары брали непокоренные города и крепости, разоряли, брали в плен и беспощадно умерщвляли мужчин и женщин, священников и монахов, уводили в рабство диаконов, без всякого страха грабили христианские церкви и превосходные мощи святых мучеников; кресты же и святые книги, сняв с них дорогие украшения, бросали прочь, как нечто негодное. Как мне описать горе и бедствия времени?» (*Григор Акнерци*, с. 12). Во время похода на Малую Азию «народ стрелков снова стал собирать войска, к которым присоединились также князья армянские и грузинские. С несметными силами они пошли на румскую страну под предводительством Бачу-ноина, имевшего удачу в боях и постоянно поражавшего своих противников. При-

чиной этих побед были те же грузинские и армянские князья, которые, образуя передовые отряды с сильным натиском бросались на неприятеля; а за ними уже татары пускали в дело свои луки и стрелы» (*Григор Акнерци*, с. 14—15). Ср.: «Хитрое и коварное племя стрелков не раз посылало к грузинской царице Русудан [с предложением] явиться к ним или же отправить к ним сына своего, отрока Давида, с войском» (*Киракос Гандзакеци*. 38). Армянский ишхан Джалал покорился монголам, они же «воздав ему почести, вернули ему его владения и даже добавили кое-что, затем приказали ему выходить год за годом вслед за ними на войну и спокойно жить под их властью» (*Киракос Гандзакеци*. 30). Участие армянских князей при взятии монголами Багдада — известный факт.

«В рядах монгольской армии, начиная уже со времен создателя монгольского могущества Чингис-хана, мы находим представителей разных народностей. Не только отдельные искатели приключений или военнопленные, но целые племена, во главе с их правителями, иногда добровольно являвшихся к новым носителям власти, иногда принимавших подданство надвигавшихся врагов, действовали с монголами заодно. Уйгуры, тибетцы, тангуты, кидане, чжурчжени, китайцы, различные народности, исповедовавшие мусульманство, племена населявшие отдаленный Кавказ (асы, черкесы, лезгины и др.) и русские шли в рядах их войск на новые завоевания»³⁶⁸. Астрономический и медицинский приказы обслуживались мусульманами. Артиллерия находилась всецело в руках китайских мастеров огненного боя³⁶⁹.

41. МОНГОЛЬСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ПОЛЬШУ (НТ, § 27)

В начале 1241 г. монгольские войска, перейдя через Карпаты, вторглись в Польшу. Они вышли к Висле, захватив города Люблин и Завихост, а в феврале взяли важную крепость Сандомир. Вслед за Сандомиром 28 марта 1241 г. после упорной обороны пал Краков. Укрепленный Вроцлав монголам взять не удалось. Оставив этот город в тылу, монголы подошли к Легнице, где 9 апреля они столкнулись с объединен-

ными польско-немецкими силами, потерпевшими в этой битве полное поражение. После Легницы монгольская армия направилась в Венгрию на соединение с основными силами, которыми командовал Бату.

В польской «Великой хронике» в главе «О первых татарах, которые проникли в Польшу и Венгрию» сообщается: «В году 1241 Батый, татарский хан, со своим войском — народом многочисленным и жестоким, пройдя Русь, вознамерился вторгнуться в Венгрию. Но прежде чем он достиг венгерских границ, он направил часть своего войска против Польши. Они в день Пепла опустошили и город и Сандомирскую землю, не пощадив ни пола, ни возраста. Затем они через Вислицу пришли в Краков, подвергнув все опустошению. Недалеко от Ополья их встретили князья [Владислав] опольский и [Болеслав] сандомирский и начали было с ними сражаться, но бежали, не имея возможности сопротивляться ни их многочисленности, ни воле Божьей. И, таким образом, упомянутая часть татарского войска, опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, дошла до Силезии. С ними Генрих, сын Генриха Бородатого, князь силезский, польский и краковский, со многими тысячами вооруженных [воинов] храбро встретился на поле у крепости Легница и, уповая на Божью помощь, уверенно с ним сразился. Но с соизволения Господа, который иногда допускает избиение и своих за их преступления, знаменитый вышеупомянутый князь Генрих вместе со многими тысячами несчастных людей пал на поле боя³⁷⁰. С ним вместе пал подобным образом князь Болеслав, прозванный Щепелка. Когда Батый, татарский князь, вторгся в Венгрию, ему преградили дорогу венгерские короли, братья Бела и Коломан. Последние, потеряв в сражении большую часть своего войска, обратились в бегство. Так, Батый, опустошая Венгрию, жестоко убивая людей от мала до велика, не щадя ни пола, ни возраста, переправился через реку Дунай. Пробыл он в этом королевстве год или более, учинив жестокую резню в народе и нечестивое разорение городов» (*Великая хроника*, с. 154—155). Ср. с известиями Галицко-Волынской летописи: «Дмитрий, киевский тысяцкий Даниила, сказал Батыю: “Не медли так долго на этой земле, пора тебе идти на угров. Если замедлишь, земля та укрепитя! Соберутся против тебя и не

пустят тебя в свою землю". Он сказал так потому, что видел, как гибнет Русская земля от нечестивого. Батый послушал совета Дмитра и пошел на угров. Король Бела и Коломан встретили его на реке Солоне. Бились их войска, и бежали угры, и татары гнали их до реки Дуная. После победы пробыли они там три года» (ПЛДР. XIII в. С. 297)³⁷¹.

42. СМЕРТЬ ГЕНРИХА СИЛЕЗСКОГО: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ (НТ, § 28)

42.1. Согласно «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа, герцог Генрих Силезский был пленен монголами и они заставили его преклонить колена перед погибшим ранее монгольским военачальником. Затем герцог был умерщвлен, а его голова отправлена к Бату. В донесении брата Иоанна эпизода о судьбе Генриха Силезского нет. Поэтому не совсем ясно, кому принадлежат сведения о расправе монголов над плененным герцогом, брату Бенедикту или переписчику донесения, брату Ц. де Бридиа³⁷². В большинстве латинских источников, упоминающих битву при Лигнице, о гибели Генриха говорится лишь в самых общих выражениях (*Английские источники*, с. 158). Согласно польской «Великой хронике», Генрих погиб на поле боя, а о пленении его нет речи (см. коммент. 41). В польской рукописи середины XIV в. изображено монгольское войско, осаждающее город Лигницу. В руках монгольского всадника копье, на котором насажена голова князя Генриха, что подтверждается надписью на миниатюре: *Hic fertur caput eiusdem ducis henrici filii sancte hedwigis in lancea a thartaris ante castrum legnicz* (*Hedwigs-Codex 1353 г. fol.12r.*). Ниже рассматриваются еще два свидетельства, однако и они не вносят ясности в картину событий.

Дело не в том, что разные источники по-разному освещают одно и то же событие — смерть Генриха Силезского. Это обстоятельство легко объяснимо степенью осведомленности того или иного автора. Загадочно выглядит полное несовпадение описаний гибели герцога, обнаруживаемое сравнением европейских хроник с известиями, принесенными францисканской миссией. В одном случае говорится о героиче-

ской смерти воина, в другом — о позорной смерти пленного. Известия о героической смерти Генриха в открытом бою с монголами соответствуют представлениям о поведении, достойном воителя, но в данном случае они являются историческим мифом. С другой стороны, у нас нет оснований полагать, что сведения о трагическом конце Генриха, сообщаемые братом Бенедиктом, являются твердым историческим фактом. Брат Бенедикт передает чужой рассказ. В обоих случаях мы сталкиваемся с оценочным явлением и каждое из них далеко от реальности. Что было «на самом деле», мы не знаем, собственно, это и не важно. Событие обретает содержание и смысл только в устах рассказчика. Более значимым представляется следующее обстоятельство: возможность сравнить две версии события и выявить несоответствия, недоступные взору европейских наблюдателей. В новой иерархии власти, создаваемой монголами, побежденным правителям надлежало принять новые правила поведения, в противном случае их ждала трагическая смерть.

Подробности, сообщаемые автором «Истории Тартар», отличаются не только особым драматизмом, но и полностью соответствуют известной по другим источникам практике азиатских кочевников, связанной с сакральным унижением поверженного знатного противника. * Узнать и передать такие подробности мог лишь непосредственный наблюдатель этого события. Скорее всего, он и назван в качестве «татарского» информатора брата Бенедикта. Вероятно, речь идет об каком-нибудь христианском пленнике, перешедшем на службу к монголам и находившемся в лагере Бату в момент прибытия туда францисканской миссии.

В 1242 г. Понс де Обон, магистр ордена тамплиеров во Франции, направил послание Людовику IX. Письмо сохранилось в «Анонимной хронике королей Франции». В хронике письмо ошибочно датировано 1236 г., тогда как в нем описан поход монгольских войск на Польшу в 1240 г., Моравию и Венгрию в 1241 г.; к тому же Понс де Обон знает о насильственной гибели польского герцога Генриха II, получившего

* Известно, что Михаилу Черниговскому в орде Бату отрезали голову, что было знаком бесчестия, см. § 40 НТ.

по смерти прозвище Благочестивый (убит 9 апреля 1241 г. в битве при Лигнице). Магистр пишет: «Моему высокому господину королю, милостию Божиею королю Франции, Понс из Обона, магистр ордена тамплиеров во Франции, привет, с готовностью быть в воле вашей во всем, с почтением и во славу Господа. Известия о татарах, как мы их слышали от братьев наших из Полонии, пришедших в капитул. Доводим до сведения вашего Величества, что татары разорили и опустошили землю, принадлежавшую Генриху, герцогу Полонии, а его самого, вместе со многими баронами, и шестерых из наших братьев, трех рыцарей, двух служителей и пятьсот наших людей умертвили; а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, спаслись. Затем они опустошили всю Венгерскую землю и Богемскую; после чего они разделились на три отряда, из коих один находится в Венгрии, другой в Богемии, а третий в Австрии. И разрушили они две лучших башни и три поселения, какие мы имели в Полонии; а все, что мы имели в Богемии и Моравии, они разрушили совершенно. И мы опасаемся, как бы то же не случилось в немецких землях. И знайте, что король Венгрии и король Богемии и два сына герцога Полонии и патриарх Аквилеи с великим множеством людей не осмелились атаковать даже один из их трех отрядов. И знайте, что все бароны Германии, и сам император, и все духовенство, и все благочестивые люди, монахи и обращенные приняли крест; якобины и младшие братья [всюду] до самой Венгрии приняли крест, чтобы идти против татар. И если случится, как нам говорили наши братья, что, по соизволению Божию, [все] эти будут побеждены, то до самой вашей земли не найдется никого, кто бы мог им [татарам] противостоять» (Понс де Обон, с. 6)³⁷³.

42.2. Любопытная версия событий, связанная с судьбой Генриха, со ссылкой на польские источники, излагается в «Скифской истории» Андрея Лызлова. «Четвертое величайшее воинство татарское опровержеся на воинство Гендриково, и вси купно мужественно бишася. Но егда узреша татарина выбежавша со знаменем, на нем же таково знамя было: Х, — и на верху того глава с великою брадою трясущеюся и дым скаредный съмрадный из уст пушающа на поляки, от чего вси изумевшися ужасошася, и нагло бегать начаша кто как

может, и тако побеждени быша. Убиени на той брани от татар начальный вождь воинства того Гендрик марграф маравский, и прочии мнози честнии воеводы, и воинство. И толикую победу в то время татарове восприяша, яко над поляки и прусы, таки и над немцы, яко девять мехов великих ушей нареза-ша от убиенных, по единому от коегождо режуше, еже учиниша того ради, дабы могли ведать число побиенных» (*Лы-зов*, с. 27). Сведения о татарском знамени выглядят крайне загадочно. Если все же полагать, что за этим скрыт какой-то реальный факт, то, возможно, речь идет о знамени в виде объемной фигуры дракона. И второй вопрос: действительно ли монголы отрезали уши у убитых противников?

Джувейни сообщает, что после взятия Булгара «они отдали приказ отрезать правое ухо у [убитых] людей. Было насчитано 270000 ушей» (см. коммент. 39.2). Имел ли место в реальности отмеченный Джувейни обычай отрезать правое ухо у побежденных мертвых противников? На первый взгляд, сведения, передаваемые его современником, Винцентом из Бове, который собрал всевозможные слухи о жестокости монголов, подтверждают эту практику: «И когда они взяли, как было сказано выше, город Дербент * в Персиде, то, засвидетельствовав свою жестокость и распространяя неизбывный ужас, схватили всех его жителей, отрезали уши мертвым и непокорным, и эти уши, замоченные в уксусе, на двух быстрых лошадях с честью отослали к хааму». **

В «Искандер-наме» Низами Гянджеви (XII в.) повествует о том, что Искандер, победив зинджей, среди сокровищ, предназначенных Дарию, послал выюки с ушами врагов и головами, начиненными соломой. В «Истории» ат-Табари (IX в.) при описании вторжения арабов в Среднюю Азию упоминается следующий случай. В засаду, устроенную арабами, попало войско тюрок и согдийцев, состоящее из именитых

* В рукописи *Drubaldi*, var.: *Drubadi*; *Driabaldin*.

** *Simon de Saint-Quentin*. XXX. 83: Ita que cum cepissent ut dictum est *Drubaldi* civitatem in Perside, ad sue crudelitatis ostensionem et audituris incutiendum timorem, omnibus habitatoribus illius decapitatis, aures rebellium sibi jam mortuorum absciderunt duosque summarios oneratos auribus in aceto positos ad chaam transmiserunt.

людей. Большая часть их погибла, другие попали в плен. Узнав, что разбитое ими войско было элитным соединением, «арабы написали имена убитых у них на ушах и повесили их отрубленные головы к своим поясам и в таком виде явились в лагерь» (*ат-Табари*, с. 137)³⁷⁴. Приведенные примеры показывают, что ухо, как и голова поверженного противника, были вещественным знаком удачи победителя и их демонстрация предписывалась кодексом поведения настоящего воина. Одновременно отрезанное ухо символизировало окончательную смерть врага. Не исключено, что отрезанные уши, отсылаемые царю или хану, служили не столько для подсчета побежденных врагов, сколько, будучи сконцентрированы в одних руках, символизировали военное счастье всего войска, связанное с фигурой высшего лица в государстве. У среднеазиатских кочевников эти обычаи дожили до XVIII в. и не были секретом для русских дипломатов. Вот как оценивается политика первого губернатора Оренбурга И. И. Неплюева: «Он берег русскую кровь и русские деньги, принося им в жертву тех, которые, при всяком удобном случае, со зверским самодовольством отрубали голову русскому в степи и привязывали ее к седлу, чтобы отдать в Хиве за какой-нибудь халат хану или получить двадцать тиллей»³⁷⁵. Путешествовавший по Средней Азии в начале прошлого века А. Вамбери наблюдал такие сцены. В военные лагеря героям посылались наградные халаты четырех видов. Халаты назывались четырех-, двенадцати-, двадцати- и сорокаголовыми и вручались они за предоставление соответствующего числа голов убитых противников³⁷⁶. Назывались такие подарки *ин'ам* — 'подарок за голову или пару ушей'³⁷⁷. Л. Ф. Попова обратила мое внимание на такой вид среднеазиатских головных уборов, как *гулакчин* — «шапка-ушанка». *Гулакчин* носили казахские султаны. «Уши» у такой шапки обозначены явно избыточным с точки зрения технологии кусочками меха, что позволяет ввести этот предмет в круг обсуждаемой темы. Особое отношение к ушам демонстрируют и траурные церемонии тюрков, когда древний обычай предписывал в знак скорби наносить порезы на ушах (подробнее см. коммент. 46).

42.3. Отрубленная голова. В своей основе обычай, связанный с предъявлением вождю или хану головы поверженного

противника, восходит к ритуалам инициации. Добытая в бою голова была зримым знаком доблести и удачи. Несколько иное отношение было к тем, кто завладел головой известного правителя не в открытом бою. Когда эмиры правителя найманов случайно схватили государя могущественного племени кераитов Он-хана и, убив его, отослали его голову Таян-хану, «тот не одобрил этого поступка и сказал: “Зачем убили такого великого государя? Нужно было привести его живым!” Он повелел обделать голову Он-хана в серебро и [в течение] некоторого времени клал ее на свой престол, ради [приобретения] почета и для выражения величия» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 134). Иногда предъявление головы правителю должно было засвидетельствовать сам факт смерти (*ан-Насави*. 102). Известен факт препирательств монголов с союзными им войсками южных китайцев по поводу головы китайского императора Алтан-хана (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 26).

Правитель города Керман, убив сына хорезмшаха султана Гияс ад-Дина, отослал его голову монгольскому хану со словами: «У вас было два врага: Джалал ад-Дин и Гияс ад-Дин. Голову одного я посылаю вам» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 32; ср.: *ан-Насави*. 62). Голова неудачливого претендента на власть, насаженная на острое оружие, демонстрировалась его сторонникам с целью предотвратить сопротивление и смуту - (*Утемиш-хаджи*, с. 112). Например, Кара-Йусуф, победив Миран-шаха, «приказал надеть его голову на копье и выставить его перед стенами Тебриза, чтобы этот город поскорее сдался. И действительно, жители города, видя, что их государь погиб, всем королевством покорились Иосифу» (*Шильтбергер*, с. 32).

Впрочем, насильственная и жестокая смерть, ожидавшая проигравшего в борьбе за трон соперника, связана с иной мотивацией. Баварский солдат Иоганн Шильтбергер со знанием дела пишет, что в Египте, например, по обыкновению этого края претендента на власть сажают на железный кол: «Один из двух домогающихся престола в случае победы берет своего противника в плен, одевает его поцарски, ведет в специально устроенный для этого дом с железными колами и сажает его на один из них так, что он

выходит у него из шеи. И на этом колу он должен сгнить» (*Шильтбергер*, с. 46)³⁷⁸.

В послании венгерского епископа Стефана Вацкого парижскому епископу (от 10 апреля 1242 г.) сообщаются сведения, полученные от пленных монгольских лазутчиков. В частности, в письме говорится о том, что на стороне монголов сражаются племена мордвы; последние уничтожают всех людей без разбора, и никто из них не считается полноправным мужчиной, пока не убьет человека (*Английские источники*, с. 127, 154)³⁷⁹. Видимо, об этом же обычае сообщает Ибн Фадлан, когда характеризует башкир: «Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее [с собой], а его [самого] оставляет» (*Ахмед ибн Фадлан*, с. 130). Согласно средневековому огузскому эпосу, «юноше не давали имени, пока он не отрубил голову, не пролил крови»³⁸⁰. Путь истинного воина, достигшего славы, характеризовался в эпосе следующим образом: «Отрубил головы, пролил кровь, получил награду, достиг славы». Согласно «Истории» ат-Табари (IX в.), арабы, сражаясь с тюрками в Средней Азии, после победы отправили халифу *туги* (знамена) тюркского кагана и головы погибших врагов (*ат-Табари*, с. 255). И в XVIII в. у турок полагалась плата за голову убитого противника³⁸¹. Особое значение имели головы знатных противников. По словам писателя XVII в. Ходжи Самандара Термези, после победы над войском хорезмийцев «слути его величества, привязав к седельным ремням головы военачальников злодеев-тюрков, представили пред очи прибежища Мухаммеда Саида»³⁸².

Согласно сведениям францисканцев, голова Генриха была отправлена к Бату и затем ее бросили среди других голов убитых. Скорее всего, речь идет о скоплении черепов в виде пирамид. В истории войн на всем азиатском пространстве это было типичным явлением³⁸³. Так, например, согласно китайским источникам, в начале V в. шаньюй Хэлянь Бобо приказал сложить обезглавленные тела погибших врагов и их головы в кучи и насыпать над ними высокий холм. Холм получил название «Возвышение из черепов»³⁸⁴. В 704 г. мусульман-

ский полководец Муса ибн Абдаллах одержал победу над тюрками. Его воины несли головы убитых до Термеза, где сложили из голов две башни (*ат-Табари*, с. 107).

По мнению Фомы Сплитского, сооружение монголами холмов из мертвых тел преследовало цель внушить страх противнику: «Тартарские полчища, опустошив всю Трансильванию и выгнав венгров из задунайских земель, расположились в тех местах, собираясь остаться там на все лето и зиму. А чтобы утратить тех, кто обитал на другой стороне Дуная, они сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел» (*Фома Сплитский*. XXXVI).

Смбат Спарамет, отправленный в 1246 г. царем Малой Армении в Каракорум, в своем письме сообщает о пирамидах из костей: «Миновав многие страны, оставив позади Индию, мы прошли всю землю Бодак, на что потратили около двух месяцев пути. Я увидел там несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неопределимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары. И нам казалось, что, если бы Господь распорядился иначе и татары, которые таким образом уничтожили язычников, не пришли сюда, все эти народы были бы способны завоевать и заселить эти земли до моря» (*Смбат Спарамет*, с. XIX). Скорее всего, речь идет о башнях из черепов. Брат Иоанн (LT, IX. 22) сообщает, что в земле кангитов и команов видел многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле. Если это не были остатки «башен из черепов», то тогда трудно объяснить, почему человеческие кости остались непогребенными. В таком случае умолчание о подобных башнях в книге Марко Поло и в сборнике Рашид ад-Дина выглядит удивительно. Мотивация сооружения таких конструкций остается неизвестной.

Широко известны башни из голов побежденных изменников, возводившиеся по приказу Тамерлана. В 1387 г. такие башни были сооружены после взятия мятежного Исфахана (*Гийасаддин Али*, с. 44). Сведения официального историка Гийасаддина Али подтверждаются подробным рассказом Иогана Шильтбергера, который передает слухи об этом событии: «Собрав жителей, он приказал умертвить всех, кто был старше 14 лет, пощадив тех, кому было меньше лет. Головы уби-

тых были сложены в виде башни в центре города» (*Шильтбергер*, с. 29). То же самое имело место после долгой осады Дамаска. «Тамерлан приказал также своим воинам, чтобы каждый представил ему по одной человеческой голове, и по истечении трех дней, потраченных на выполнение его приказа, он повелел воздвигнуть три башни из этих голов, а сам город разрушить» (*Шильтбергер*, с. 25). Согласно Фоме Мецопскому, в Дамаске было сооружено семь таких башен (*Фома Мецопский*, с. 65–66). После взятия Багдада в июле 1401 г. Тимур приказал своим воинам, чтобы каждый принес ему две отрубленные головы багдадцев. Из этих голов было возведено 120 башен³⁸⁵.

Испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо, посланный в 1403 г. ко двору Тамерлана, видел две такие башни около города Дамгана в Хорасане: «За городом на расстоянии выстрела арбалета возвышались две башни такой высоты, как можно забросить вверх камень, сделанные из грязи и человеческих черепов. Здесь же были еще две башни, уже развалившиеся. А эти башни, сложенные из черепов, остались от племен, называемых белыми татарами» (*Руи Гонсалес де Клавихо*, с. 87). Туркменские племена ак-коюнлу и кара-коюнлу враждовали между собой, причем последние выступили союзниками турок против Тамерлана. Тамерлан переселил их в окрестности Дамгана, они же, подняв восстание, грабили и разрушали все на своем пути. Уничтожив их, войско Тамерлана воздвигло башни из черепов поверженных бунтовщиков. Такие башни назывались *калля-минора* — «пирамиды голов побежденных»³⁸⁶. Видимо, это название каким-то образом связано с назначением этих башен. Шах Исмаил I из голов убитых при взятии Мерва приказал соорудить целые минареты³⁸⁷. Такие же башни из черепов сооружались по приказу Бабура³⁸⁸.

43. МОНГОЛЬСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ВЕНГРИЮ (НТ, § 29)

43.1. Картина событий венгерского похода в изложении брата Иоанна отличается от описания в «Истории Тартар» в первую очередь развернутым эсхатологическим сюжетом, за которым угадывается пророчество о грядущей гибели завое-

вателей (ср.: LT, V. 19; НТ, § 41). Слова пророчества вложены в уста Бату-хана. В изложении брата Ц. де Бридиа пророчество опущено, но остался совершенно немыслимый эпизод, в котором Бату удерживает свою бегущую армию.

Брат Ц. де Бридиа подробно рассказывает о битве на мосту, что находит ближайшее соответствие в хронике Фомы Сплитского. Это обстоятельство позволяет предположить, что рассказ брата Ц. де Бридиа о венгерских событиях является комбинацией хорошо известных сведений о битве на р. Шайо и версии этих же событий в изложении францисканской миссии. Пророчество, которое звучит из уст Бату, заимствовано из «Романа о Чингис-хане» (см. коммент. 55). При этом остается неясным, что могло побудить францисканцев использовать пророчество при описании битвы монголов с венграми. Указанное обстоятельство отмечено многими исследователями, но осталось без объяснения³⁸⁹. Так, например, ссылка Пейнтера на «Юань-ши», где говорится, что Бату желал отступить, встревоженный потерями на мосту, на что Субедей ответил, что он не будет отступать, пока не достигнет Дуная, в данном случае ничего не проясняет, поскольку в нашем случае речь идет о пророчестве. Этот пример лишний раз показывает, что донесения францисканской миссии испытали сильнейшее влияние «Романа о Чингис-хане».

В книге брата Иоанна сообщается: «Названные вожди, продвигаясь из России и Комании, сражались против венгров и поляков, и многие из тартарских [вождей] были умерщвлены в Польше и Венгрии. И если бы венгры не обратились в бегство, а оказали мужественное сопротивление, то тартары покинули бы их границы, ибо тартар объял столь великий страх, что все пытались бежать. Но Баты, обнажив меч, встал перед ними и сказал: „Не смейте бежать, потому что, если вы побежите, никто не спасется, и если мы должны умереть, то умрем все, потому что, как предсказал Чингис-хан, наше будущее в том, что мы должны быть убиты. И если ныне время пришло, то да будем стойкими!“ . И они были так воодушевлены, что остались на месте и разгромили Венгрию» (LT, V. 28). Бегство монголов есть их излюбленный прием ложных отступлений с целью заманить противника в засаду. Любопытно, что в хронике Фомы Сплитского в эпизод битвы на мосту

также вставлена прямая речь Бату. Можно предположить, что за этим стоит реальный факт моления Небу (см. ниже свидетельство Джувейни).

Фома пишет: «Тогда Бат, старший предводитель тартарского войска, взобравшись на холм, внимательно осмотрел расположение войска венгров и, вернувшись к своим людям, сказал: “Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря, заперты словно в тесном загоне”. И тут он приказал всем своим отрядам, построенным в их обычном порядке, в ту же ночь атаковать мост, соединявший берега реки и находившийся недалеко от лагеря венгров. Однако один перебежчик из рутенов перешел на сторону короля и сказал: “Этой ночью к вам переправятся тартары, поэтому будьте настороже, чтобы они внезапно и неожиданно не набросились на вас”. Тогда король Коломан со всем своим войском выступил из лагеря; за ним последовал со своей колонной архиепископ Хугрин, который, конечно, и сам был мужем воинственным и смелым, всегда готовым к бою. В полночь они подошли к указанному мосту. Тут какая-то часть врагов уже перешла через него; увидев их, венгры тотчас напали на них и, мужественно сражаясь, очень многих положили, а других, прорвавшихся назад к мосту, сбросили в реку. Поставив стражу у начала моста, они в бурном ликовании вернулись к своим. Так что, весьма обрадованные победным исходом, венгры уже почувствовали себя победителями и, сняв оружие, беззаботно проспали всю ночь. Тартары же, поставив на своем конце моста семь осадных орудий, отогнали венгерскую стражу, кидая в нее огромные камни и пуская стрелы. Прогнав таким образом стражу, они свободно и беспрепятственно переправились через реку — одни по мосту, а другие вброд. И вот, когда совсем рассвело, взору открылось поле, наводненное великим множеством тартар» (Фома Сплитский. XXXVI). Скорее всего, венгерские известия в «Истории Тартар», равно как и сетования на гордыню, обуявшую венгров, принадлежат перу брата Ц. де Бридиа. Пейнтер же полагает их новыми сведениями, полученными папскими послами от монголов в лагере Бату³⁹⁰.

43.2. Перед вторжением в Венгрию Бату-хан направил венгерскому королю послов с письмами и требованием подчиниться. Содержание одного из таких посланий известно из донесения брата Юлиана. Венгерский король Бела IV, опасаясь вторжения монголов, послал несколько доминиканских и францисканских групп для разведки³⁹¹. На территорию Венгрии монгольские войска прошли через Верецкий перевал в Карпатах в начале марта 1241 г. Бату-хан разделил армию: одна часть направилась в центр королевства, другая пошла на юг, через Трансильванию. В апреле 1241 г. в битве при Шайо монгольская армия Бату-хана разбила 60-тысячное венгерско-хорватское войско. Монголы взяли Пешт, разорили левобережную Венгрию, а также находившуюся под властью Венгрии Словакию. Далее монголы переправились через Дунай и двинулись на Адриатическое побережье с целью захвата венгерского короля. Покинули они страну лишь в марте 1242 г.³⁹²

В официальной монгольской «Истории покорителя мира» Джувейни сообщается: «Когда Русь, кипчаки и аланы также были уничтожены, то Бату решил истребить келаров [поляков] и башгирдов [венгров] — многочисленный народ христианского вероисповедания, который, говорят, живет рядом с франками. Для этой цели он приготовил войска и, по наступлении нового года, выступил. Народы эти обольщались своею многочисленностью, пылом храбрости и прочностью орудий. Услышав молву о движении Бату, они также выступили с 450 000 всадников, которые все славились военным делом и считали бегство позором. Бату отправил анангардом своего брата Шибакана с десятью тысячами человек для разведки и дозоров, [поручив им] высмотреть численность их [неприятелей] и доставить сведения о степени их могущества и силы. Он [Шибакан] отправился, согласно приказанию, через неделю возвратился и дал [такое] известие: “Их вдвое больше войска монгольского и все народ храбрый и воинственный”. Когда войска близко подошли друг к другу, то Бату взобрался на холм и целые сутки ни с кем не говорил ни слова, а горячо молился и громко плакал. Мусульманам он также приказал все собраться и помолиться. На другой день готовились к битве. Между ними [обоими войсками] находи-

лась большая река. Ночью он [Бату] отправил одну часть войска [в обход], а войско [самого] Бату с этой стороны переправилось через реку. Шибакан, брат Бату, лично двинулся в самую середину боя и произвел несколько атак сряду. Неприятельские войска, будучи сильными, не трогались с места, но то войско, [отправленное в обход] обошло их сзади. [Тогда] Шибакан со всем своим войском разом ударил [на них], бросился на ограды царских палаток, и они мечами разрубили канаты палаток. Когда они [монголы] опрокинули ограды царских шатров, войско келаров смутилось и обратилось в бегство; никто из этого войска не спасся. Те области также были завоеваны. Это было одно из множества великих дел и ужасных побоищ» (*Сборник материалов*. Т. II. С. 23). Рашид ад-Дин, который использовал материалы Джувейни, добавляет: «Булар [Польша] и Башгирд [Венгрия] являются большой страной и [представляют собою] места недоступные. Несмотря на то, что [монголы] тогда завоевали ее, [жители ее] снова восстали, и она до сих пор не вполне покорена. Государей тамошних называют *келар* [король], и они существуют еще до ныне» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 37).

Рогерий, сплитский архиепископ (1249–1266), еще в бытность свою каноником в Варадине написал «Жалобную песнь о разрушении Венгерского королевства»³⁹³. Рогерий провел два года в плену у монголов. В его сочинении события 1241–1242 гг. отражены довольно подробно³⁹⁴. Сведения польской «Великой хроники» о вторжении монголов в Венгрию и Польшу см. в коммент. 41.

43.3. История столкновения Востока и Запада в середине XIII столетия писалась на языке Апокалипсиса. Автор «Исторического зеркала» Винцент из Бове утверждал: когда Батый «вторгся в Венгрию, то принес жертву демонам, спрашивая их о том, хватит ли у него смелости пройти по этой земле. И демон, живущий внутри идола, дал такой ответ: “Иди беззаботно, ибо посылаю трех духов впереди деяний твоих, благодаря действиям которых противники твои противостоять тебе будут не в силах” — что и произошло. Духи же эти суть: дух раздора, дух недоверия и дух страха — это три нечистых духа, подобных жабам, о которых сказано в Апокалипсисе» (*Симон де Сент-Квентин*. XXXI. 149). В «Откровении Иоан-

на» сказано: «И увидел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам. Это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (16. 13–14)³⁹⁵.

44. ХАНСКИЙ СУД В КРАСНОМ ШАТРЕ (НТ, § 30)

Великий хан Угедей скончался в декабре 1241 г., процарствовав 13 лет (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 43). Когда весть об этом достигла Бату, чьи армии находились на побережье Адриатики, он принял решение прекратить поход и вернуться в причерноморские степи, или Команию, как пишет брат Ц. де Бридиа. Францисканцы верно называют причину, по которой монголы покинули пределы Западной Европы. Именно смерть Угедая изменила ход событий. Существующая в литературе точка зрения, что прекращение западного похода каким-то образом связано с потерями монголов при завоевании Руси, не выдерживает критики³⁹⁶.

В силу обстоятельств папские послы были первыми из европейцев, кто узнал скрытые от посторонних глаз причины смерти Угедая. Францисканцы присутствовали на суде, где, как они полагают, разбирался вопрос о смерти Угедая. После вступления на трон Гуюк организовал показательный суд. Дело происходило в красном шатре. По словам брата Иоанна, шатер из красного пурпура, подаренный китайцами, был достоин удивления. Речь идет не только о размерах, но и красоте отделки этого сооружения. В шатер было приглашено огромное множество знатных женщин. «Именно там император и его мать отделились друг от друга, причем мать императора пошла в одну часть [шатра], а император в другую, чтобы творить суд. Ведь была схвачена тетка по мужской линии нынешнего императора, которая убила ядом его отца в то время, когда их войско находилось в Венгрии; вследствие этого войско, которое находилось в вышеуказанных краях, ушло оттуда назад; над ней [т. е. над теткой], вместе со многими другими, было совершено правосудие, и они были убиты» (LT,

IX. 36). Получается, что Угедей умер насильственной смертью. Однако, если опираться на персидские источники, то оказывается, что францисканцы передают лишь слухи, а версия об отравлении Угедея распространялась противниками вновь избранного хана. Эмоциональная фраза о погребении Угедея «с богатым в аду» * принадлежит либо брату Ц. де Бридиа, либо позднему переписчику.

В приписке к люксембургской рукописи книги брата Иоанна, со ссылкой на венгерские источники, сообщаются дополнительные подробности суда, происходившего в красном шатре. По причине важности этой приписки приведем ее содержание целиком: «О том, что Бела, король венгров, как и господин папа, направил послов к тартарам. В год от воплощения Господня 1246 Бела, король Венгрии, выслушал послов господина папы, открывших ему во всех отношениях, как выше сказано, жизнь и нравы тартар, и вот без всякого промедления к нему вошли его послы, которых он направил к тем же самым тартарам, с тем чтобы они выведали их деяния и секреты; они во всех отношениях разъяснили то, что брат Иоанн ранее сообщил королю, следующим образом. В то время, когда тартары, которых многие называли молотом вселенной, разгромили Польшу и Венгрию, их император Оккодай-кан был убит в своей земле, получив отравленный напиток от своей сестры. Ведь у нее был сын, и она страстно желала, чтобы он стал императором, и по этой причине они [т. е. тартары] были вынуждены вернуться в свою страну и, таким образом, оставались без императора в течение почти десяти лет. А когда закончился [упомянутый] срок и был назначен день избрания, все их принцы и магнаты собрались, чтобы избрать императора. А в результате они избрали императором сына покойного императора Оккодая, который именуется Куйук-кан; хотя они намеревались посадить его на престол 25 июля [VIII kl. augusti] ³⁹⁷, [в это время] выпал град с дождем в таком количестве, что от его внезапного таяния пали мертвыми десять тартар со множеством скота и по этой причине его интронизацию отложили до Успения блаженной

* Ср. Евангелие от Луки (16:22–23): *Mortuus est autem et dives et sepultus est in inferno.*

Девы³⁹⁸. После того как он был интронизирован в названный день, тотчас была воздвигнута хоругвь и назначен поход на девятнадцать лет против западных народов. Были также избраны воины таким образом, что должны были идти [в поход] из [каждых] десяти мужчин трое сильнейших с женами и детьми, и скотом, и всем имуществом. А король Бела, взволнованный и уstraшенный этими услышанными разговорами, дал своего сына, [уже] избранного королем, в мужья дочери короля команов³⁹⁹, причем свадьба была заново отпразднована в Венгрии. А во время этой свадьбы десять команов сошлись для клятвы над собакой, разрубленной надвое мечом, по их обычаю, [клятвы в том], что будут отстаивать землю венгров так же, как верные [люди венгерского] короля, против тартар и варварских народов»⁴⁰⁰.

По версии Рашид ад-Дина, болезнь и смерть Угедея наступили от чрезмерного употребления вина, а слухи о «коварной» женщине — всего лишь злая сплетня. Он пишет: «У каана был баурчи [стольник], сын Абики-беги, сестры Соркуктани-беги, которую Чингиз-хан выдал за Кяхтей-нойона. Каждый год Абики-беги по совету Соркуктани-беги приезжала из китайской страны, где был ее юрт, на служение [к каану] и, устраивая пир, потчевала [его]. На тринадцатый год по восшествии его на престол она, по обыкновению, приехала и вместе со своим сыном, который был баурчи каана, поднесла каану чашу [с вином]. Ночью во время сна каан от чрезмерного [количества] выпитого вина скончался. Стали злословить при содействии хатун и эмиров, что Абики-беги и ее сын подносили чашу [с вином] и, наверное, дали каану яду. Илджидай-нойон, который был молочным братом каана и влиятельным эмиром из рода джелаир, сказал: “Что за вздорные слова? Сын Абики-беги — баурчи, он ведь всегда подносил чашу, и каан всегда пил вина слишком много. Зачем [нам] нужно позорить своего каана, [говоря], что он умер от покусения других? Настал его смертный час. Надо, чтобы больше никто не говорил таких слов”. Так как он был умным человеком, то понимал, что причина этой смерти — излишество и постоянное опьянение» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 42). Таким образом, версия Рашид ад-Дина показывает, что у францисканцев был надежный источник при дворе. Другое дело, что проверить им эти

сведения было невозможно. Тот, кто поддерживал слух о насильственной смерти Угедея, скорее всего, принадлежал к коалиции противников избрания Гуюка. Следовательно, францисканцы пользовались неявным покровительством со стороны людей Бату. Соперничество за власть между этими родами общеизвестно. В красном шатре на самом деле судили Фатиму-хатун, обвиненную в колдовстве и смерти Кудэна, сына Угедея (подробнее см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 117, 119).

45. РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ГУЮКОМ И БАТУ (НТ, § 30)

Разногласия между Гуюком и Бату наследовали старую вражду, а после восшествия Гуюка на престол приобрели особо острый характер⁴⁰¹. Дело шло к междоусобной войне, но этому помешала странная смерть Гуюка. Версия этих событий у Рашид ад-Дина выглядит так: на следующий год после коронации Гуюк с войском направился в сторону родового юрта. «Соркуктани-беги, поскольку она была очень умной и догадливой, поняла, что поспешность его [отъезда] не без задней мысли. Она послала тайком нарочного к Бату [передать]: “Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идет в те пределы”. Бату держал [наготове] границы и вооружался для борьбы с ним. Когда Гуюк-хан достиг пределов Самарканда, откуда до Бишбалыка неделя пути, [его] настиг предопределенный смертный час и не дал ему времени ступить шагу дальше того места, и он скончался. Продолжительность его царствования была около года» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 121). Сведения Рашид ад-Дина показывают, что францисканцы получили достоверные известия о факте разногласий между Гуюком и Бату и, следовательно, имели основания полагать, что этот разлад на какое-то время отвлечет монголов от внешних завоеваний. Скорее всего, именно войско Бату видели францисканцы, возвращаясь из Монголии в Киев⁴⁰¹. Однако в восьмой главе брат Иоанн пишет об этом войске как о силе, направленной против Запада. Сообщение брата Иоанна дало повод В. И. Ставискому говорить о влиянии инструкций, обусловленных политическими планами ку-

рии⁴⁰³. Это мнение трудно согласуется со следующим обстоятельством: ни послы, ни тем более курия не знали, чем завершится дипломатическая миссия, посланная к ближайшему монгольскому войску. Предположение о том, что по рекомендации курии какие-либо известия могли быть внесены братом Иоанном при редактировании книги, должно основываться на анализе сообщений всех известных двенадцати рукописей, а не на каких-то двух мифических редакциях, поскольку брат Иоанн и переписчики его книги внесли множество изменений и дополнений в эту книгу. И во-вторых, не стоит преувеличивать степень влияния на политическую жизнь Европы дипломатического отчета миссии.

46. ТРАУРНЫЙ ОБЫЧАЙ (НТ, § 31)

В обоих донесениях содержатся сведения неясного происхождения о загадочных кергизах, обитающих к югу от Монголии. Поскольку далее говорится, что монгольская армия, покорив кергизов, устремилась в Армению и Грузию, то у многих исследователей возникло стремление заменить «кергизов» на «черкесов» (*Kergis = Circassi*)⁴⁰⁴. Однако Даффина справедливо отверг эти построения и указал, что в целом сведения о кергизах представляют неразрешимую проблему⁴⁰⁵.

В донесении брата Иоанна говорится: «А в это время Оккодай-хан послал Хирподана с войском на юг против кергизов, которых он в войне победил. Эти люди язычники; у них нет волос на подбородке. У них есть такой обычай: когда умирает чей-нибудь отец, то он от душевной боли в знак скорби на своем лице от одного уха до другого удаляет у себя лоскут кожи в виде ремня» (LT, V. 32). Упомянутый в этих сведениях нойон Гирподан — историческое лицо (лат. *Chirpodan*; Чармагун армянских источников; Джурмагун, по Рашид ад-Дину). Направление походов Джурмагуна подтверждается известиями Джувейни и Рашид ад-Дина. Рашид ад-Дин пишет о том, как Угедей послал во владения Ирана «Джурмагуна с войском, ибо багдадский халиф, который был корнем [мусульманских] государей, султаны Рума [Малой Азии], атабеки Шираза и владельцы Шама [Сирии], Мисра [Египта] и

еретики [исмаилиты] — все были врагами, да и те области, что были взяты [монголами], находились в неустойчивом состоянии и при малейшем слухе [об их поражении] готовы были отпасть» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 279). Вторжение монголов в Армению и Грузию под предводительством Джурмагуна произошло в 1236–1239 гг., и не имеет ничего общего с покорением кергизов Джучи в 1207 г. Иными словами, мы вновь сталкиваемся с какой-то странной ошибкой в донесениях францисканцев.

Интересно, что на юг от Монголии у Великой Китайской стены обитали тюрки-онгуты, у которых Чжао Хун наблюдал аналогичный описанному выше скорбный обычай. В средневековой китайской литературе онгуты именовались «белыми татарами». Чжао Хун пишет: «Так называемые белые татары [по сравнению с черными] несколько более тонкой наружности, вежливы и почитают родителей. Когда умирают [у них] отец или мать, то [они] ножом изрезают себе лицо и плачут. Каждый раз, когда [я, Хун], проезжая рядом с ними, встречал таких, которые были недурной наружности и с рубцами от ножевых порезов на лице, и спрашивал, не белые ли [они] татары, [они всегда] отвечали утвердительно» (*Мэн-да бэй-лу*, с. 48). Близкий обычай соблюдали чжурчжэни в XI в.: «Если человек умирает, [близкие] разрезают себе кожу на лбу, кровь и слезы [во время оплакивания] смешиваются. Называют это проводы слезами и кровью» (*Сюй Мэн-синь*, с. 275). В то же время в китайских источниках подчеркивается, что кыргызы «при похоронах не царапают лиц, только обертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сожигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач»⁴⁰⁶.

В легендарной истории крещения гуннов епископом Израилем Моисей Каганкатвази (X в.) характеризует «дьявольские заблуждения», то есть верования тюрков, и описывает какую-то неясную ситуацию, связанную с нанесением кровавых рубцов на щеках: «Они думали, что почитаемый ими бог *Куар*⁴⁰⁷ производил искры громоносных молний и эфирные огни. Когда молния поражала человека или другое существо, они приносили ему жертвы. Также они приносили в жертву жареных лошадей какому-то чудовищному, громадному ге-

рою, называя его богом *Тангрихан*, которого персы называют *Аспандеат*⁴⁰⁸; не имея вовсе царских помышлений, они предавались всем заблуждениям. Барабаны и звоны на разрезанных мечом и ножами трупах, кровавые рубцы на щеках и членах и битвы на мечах в нагом состоянии... Зрелище адское! Носясь при кладбищах, муж с мужем и толпа с толпой боролись в нагом состоянии, и многочисленные группы, предаваясь разврату, <...>, пустив коней, скакали в разные стороны» (*Моисей Каганкатвацци*, с. 193).

О погребальных обрядах тюрков-тугю в китайских источниках сообщается следующее: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закаляют лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. <...> В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо»⁴⁰⁹. Ат-Табари (IX в.) описывает случай, когда арабы захватили в плен и убили одного из тюркских царей, владетеля четырех тысяч шатров. В этой ситуации «тюрки пришли в смятение, принесли его шатры и сожгли их, порезали свои уши, царапали свои лица и долго плакали над ним» (*ат-Табари*, с. 267). Тохтабаева Ш. Ж., ошибочно полагая, что у ат-Табари говорится об отрезании ушей, предполагает, что смысл такого самоистязания заключался в имитации смерти и готовности следовать за покойным в иной мир⁴¹⁰. Ср. с траурными обычаями скифов: когда у скифов умирает царь, жители каждой области, куда привозят тело царя, «отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами» (*Геродот*. IV. 71). На одной из росписей Пянджикентского храма запечатлена сцена оплакивания в момент нанесения порезов на ушах⁴¹¹. Согласно ал-Бируни, в определенные дни года «жители Согды плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки» (*ал-Бируни*. Памятники минувших поколений, с. 255)⁴¹². В одном из манихейских текстов говорится о терзании ушей⁴¹³.

47. МОНГОЛЬСКИЙ ПОХОД НА АРМЕНИЮ (НТ, § 31)

Брат Иоанн в описание похода нойона Хирподана против кергизов и армян вставил эпизод из «Романа о Чингис-хане» о встрече монголов с обитающими в пустыне асимметричными людьми, которых брат Иоанн ошибочно назвал циклопедами (круглоногими). Таким образом, брат Иоанн рассказ об одноногих и одноруких людях относит к походам времени правления хана Угедая. Это уже второй случай в донесении брата Иоанна, когда с именем хана Угедая связывается легендарный сюжет. * Очевидно, что это явная ошибка брата Иоанна, в чьем донесении эпизоды «Романа о Чингис-хане» свободно «перетасованы» с другими известиями. Параллельный пассаж из «Истории Тартар» об унипедах (одноногих существах) не только более точен, но и не содержит намека на возможность мифологической трактовки походов Хирподана (НТ, § 22). Брат Иоанн эпизодом о циклопедах разрывает повествование о походах Хирподана. Этот факт демонстрирует ту степень легкости перемещения и комбинации сюжетов в донесениях францисканцев, которая может поставить в тупик современного исследователя (если под рукой отсутствует параллельный текст). Донесения францисканцев являются в первую очередь литературными сочинениями, но никак не объективными историческими документами.

Брат Иоанн пишет: «А в это время Оккодай-хан послал Хирподана с войском на юг против кергизов, которых он в войне победил. <...> Победив их, он пошел на юг против арменов. Но когда они проходили через пустыню, встретили неких чудовищ, которые, как нам достоверно рассказывали, имеют человеческий облик, но у них была только одна рука с кистью посреди груди и одна нога, так что двое стреляют из одного лука. И они так быстро бежали, что кони не могли их

* Другой легендарный сюжет, связанный с именем Угедая, повествует о походах монголов против бессловесных обитателей пустыни к югу от города Эмиль. Эти дикие люди не имеют суставов в коленях и потому, если упадут, встать самостоятельно уже не могут (ЛТ, V. 6).

настичь. Бежали же они, подпрыгивая на этой одной ноге, а когда уставали передвигаться таким образом, то начинали перекатываться с руки на ногу как в колесе. Исидор этих людей называл циклопедами. А когда уставали [передвигаться] таким образом, снова бежали по первому способу. Однако некоторых из них убили. И как нам при дворе императора говорили русские священники, которые находились при императоре, многие из них [чудовищ] приходили послами ко двору вышеупомянутого императора, чтобы иметь возможность заключить с ним мир. Продвигаясь оттуда вперед, они [монгалы] пришли в Армению, которую в войне победили, [так же как] и часть Георгиании; а другая часть [георгиан] сдалась по их приказу. В качестве дани они выплачивали раз в год сорок тысяч иперперов и делают это до сих пор» (LT, V. 32–33).

В «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа сюжет об одноногих завершает легендарную эпопею о Чингис-хане. И как справедливо отметил Даффина⁴¹⁴, помещение этого эпизода в контекст легендарных экспедиций Чингис-хана более уместно, нежели отнесение его к военным кампаниям хана Угедея.

Сведения францисканцев о монгольских походах в Армению, Грузию и Румский султанат могли быть получены ими от грузинского царевича Давида, сына царицы Русудан, сестра которого была женой султана румского. Папские послы и Давид находились вместе при дворе великого хана во время коронации Гуюка (LT, IV. 5).

События в Закавказье подробно описал Киракос Гандзакеци в своей «Истории Армении» (*Киракос Гандзакеци*. 22). Узнав о разгроме войск румского султана, царь Малой Армении покорился монголам в 1242 г. По словам Киракоса, «царь Хетум, владевший Киликией и тамошними областями, видя, что султан понес поражение от них [монголов], отправил к ним посланцев с богатыми приношениями, чтобы заключить с ними соглашение о мире, и покорился им. [Посланцы], прибыв к Великому двору, благодаря содействию князя Джалала⁴¹⁵ были представлены Бачу-нойону, жене Чармагуна Элтина-хатун и другим великим вельможам <...>. [Монголы] заключили с царем союз и, по обычаю своему, дали грамоту, называемую *эль-тамгой*» (*Киракос Гандзакеци*. 36)⁴¹⁶. В книге Марко Поло сообщается: «Нужно знать, что есть две Арме-

нии: Великая и Малая. Государь Малой Армении правит своею страну по справедливости и подвластен татарам» (*Марко Поло*, с. 17). В XIII—XIV вв. Великой Арменией называлась большая часть коренной Армении с центром в городе Хлат у озера Ван, а Малой Арменией — государство в юго-восточной части Малой Азии. Центром Малой Армении был город Сис, важнейшим портом — Аяс.

48. МОНГОЛЬСКИЙ ПОХОД НА ГРУЗИЮ (НТ, § 31)

О походе Хирподана на Грузию в донесении брата Иоанна сообщается: «Они [монгалы] пришли в Армению, которую в войне победили, [так же как] и часть Георгиании; а другая часть [георгиан] сдалась по их приказу. В качестве дани они выплачивали раз в год сорок тысяч иперперов⁴¹⁷ и делают это до сих пор» (ЛТ, V. 33). В средневековых источниках монгольское вторжение на территорию Грузии описано у восточного историка Ибн аль-Асира, собиравшего сведения у очевидцев этих событий (*Сборник материалов*. Т. I. С. 23–24), во «Всеобщей истории Вардана Великого»⁴¹⁸ и в грузинском летописном повествовании XIV в. (*Хронограф*, с. 119–120), а также в книге армянского автора Григора Акнерци. Последний пишет: «Вышло повеление от хана, и три военачальника вторглись в Агванию и Грузию и завоевали множество городов и крепостей. Одного из них звали — Чорман, другого — Бенал, третьего — Мулар, которые с несметным числом всадников нападали на крепости». Когда монголы взяли приступом множество укрепленных крепостей, «тогда только мудрые князья армянские и грузинские узнали, что Господь даровал татарам силу и победу над страной нашей. Поэтому они смирились и подчинились им: согласились платить им дань, известную под именем *мал*⁴¹⁹ и *тагар*⁴²⁰ и обещались идти со всей своей конницей туда, куда бы они ни повели. Татары, довольные их покорностью, перестали грабить и разорять страну. Они воротились в свои кочевья в Муган, оставив на месте одного из начальников, Карабуту, которому предписали разрушить все завоеванные крепости» (*Григор Акнерци*, с. 8–9).

При появлении монголов в пределах Грузии многие крупные феодалы изъявили им покорность. Войско распалось. Царица Русудан переехала в Кутаиси и приказала поджечь свою столицу. К 1240 г. вся Восточная Грузия была в руках монголов⁴²¹. Вскоре царица Русудан подчинилась монголам. По словам Киракоса Гандзакеци, монгольское посольство убедило «ее покориться великому государю и не бояться ничего. И, взяв у нее войска, вернулись к пославшим их с мирным договором на следующих условиях: царица вместе с только что коронованным сыном — мальчиком Давидом — изъясняет покорность, а они не должны нарушать договора». Признав верховную власть монгольского хана царица обязалась ежегодно выплачивать значительную дань и принимать участие в монгольских походах.

49. ЗЕМЛИ ХАЛИФА БАГДАДА (НТ, § 31)

Во времена Угедея поход на Багдад не планировался (см. коммент. 31). Согласно донесению брата Иоанна, войска Хирподана после покорения Армении и Грузии направились «к стране султана Урума⁴²², который был достаточно велик и могущественен, сразились с ним и победили. И двинулись дальше, воюя и побеждая, вплоть до земли султана Дамаска⁴²³, и теперь им подчинена также и эта страна и предполагают напасть на другие страны, [расположенные] за этими, так что вплоть до сегодняшнего дня они в свою землю не вернулись. Другое войско пошло против страны калифа Балдакского, которого они также подчинили себе; и они дают ежедневно в качестве дани сорок византийцев, не считая балдекинов и других подношений. И они [монгалы] ежегодно отправляют послов к калифу, чтобы он к ним явился; он вместе с данью посылает большие подношения, прося, чтобы ему простили его отсутствие. Император, принимая дары, тем не менее посылает за ним, чтобы он прибыл» (LT, V. 34).

В 1242 г. монгольский полководец Бачу-хурчи (Байджу) сменил разбитого параличом Чармагуна (Хирподана) и стал по жребию главнокомандующим на Востоке. Бачу-нойон завершил покорение земли румского султана из династии

Сельджукидов Гийяс ад-Дина Кай-Хусрау II (1237–1246). Эти события подробно освещают армянские историки (*Киракос Гандзакец*. 35). Именно о Бачу-нойоне (Байджу), а не Хирподане говорится в донесениях, что «он доныне сражается с султаном Дамаска». Неосведомленность францисканцев о смене нойонов выглядит удивительно. К Байджу в Персию прибыла для переговоров летом 1245 г. доминиканская миссия во главе с братом Асцелином (*Симон де Сент-Квентин*. XXXII. 40).

В персидской космографии «Чудеса мира», созданной накануне монгольского нашествия, Ирак предстает центром мира: «Ирак относится к четвертому климату и расположен в центре Вселенной. [Климат в нем] необычайно умеренный, воздух здоровый. В Ираке много крупных городов. Некоторые из них я уже описал, как, например, Багдад, Исфахан, Рей, которые являются крупнейшими городами Ирака. В древних книгах упомянуто, что земля Рея — это [чистое] золото, она застрахована от стихийных бедствий <...>. Мада'ини говорит, что “пределы Ирака — от города Хит до границ Сина, [Индии и Синда, до Рея и Хорасана, Дайлама, Джибалия и Исфахана]”. Почет Ирака прежде всего в том, что это — резиденция халифов. Правителем, наделенным всей полнотой власти, называют того, в чьем владении будет находиться Ирак. Восхвалять правителя Ирака нет необходимости и не будет [впредь]» (*Чудеса мира*. 576).

Брат Иоанн говорит о халифе Багдада; армянский историк Киракос Гандзакец дает следующее объяснение этому титулу: «И царь, восседавший в нем [в Багдаде], назывался не султаном или меликом, как принято было называть других [правителей] из тюрок, персов и курдов, — его именовали халифом, т. е. наместником Магомета⁴²⁴» (*Киракос Гандзакец*. 60). Киракос именует Багдад «великим городом мусульманского государства, расположенным между персами и сирийцами». «Халиф, восседавший в нем, был из рода Магомета, поскольку „халиф“ означает „преемник“. Ему покорны были все султаны, исповедующие мусульманскую веру, — и из тюрок, и из курдов, и из персов, и из еламитов, и из других народов. Он был главным законодателем их государства, а они [султаны] по договору подчинялись ему и уважали его как родственника и соплеменника основопо-

ложника веры своей — первого лжеучителя их» (*Киракос Гандзакци*. 59).

Правителем Ирака с 1226 по 1242 гг. был халиф ал-Мустансир. Этот халиф, отличавшийся, как говорили, феноменальной расточительностью, щедро тратил накопленное делом на обширное строительство, которое он развернул в Багдаде, и на покровительство наукам. Свою главную задачу он видел в укреплении границ Багдадского халифата и войнах за веру. Армия его была численно больше, чем у отца и деда⁴²⁵. В 1229 г. халиф наладил отношения с хорезмшахом Джалал ад-Дином. Халиф стремился создать политический союз, направленный на организацию отпора монгольским ордам, которые стали беспокоить границы Багдадского халифата. Уже в 1237 г. монголы появились в окрестностях Багдада, нанесли поражение семитысячному халифскому войску и ушли с богатой добычей. Рашид ад-Дин писал об этих событиях следующее: «В Багдаде в начале упомянутого времени халифом из рода Аббаса был ал-Мустансир-биллах. По приказу Байджунойона монгольское войско отдельными отрядами совершало набеги на границы Багдада; они осадили Арбелу и взяли ее с бою. <...> А халиф требовал от факихов разъяснений, что достойнее — паломничество в Мекку или объявление священной войны. Единогласно вынесли решение [о том], что объявление священной войны [лучше]. [Халиф] приказал в этом году не отправляться в хадж. Улемы [ученые богословы], факихи [законоведы], знатные и простолюдины, местные люди и иноземцы, — [все] занялись изучением правил обращения с оружием и стрельбой из лука. [Халиф] приказал отстроить ров и крепостную стену Багдада. На крепостной стене установили камнеметы» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 123–124). В 1242 г. ал-Мустансир умер (ходили слухи, что насильственной смертью). Восшествие на престол ал-Муста‘сима происходило тайно. Под покровом ночи он был доставлен в халифский дворец и объявлен халифом. Его правление началось в обстановке резкого обострения отношений между коалициями при дворе. Сам ал-Муста‘сим, человек слабый, если не слабоумный, далекий от политики и пристрастный к развлечениям, был пешкой в руках придворных лидеров. Халиф, казалось, совсем не понимал, какая опасность нависла над Багдадом.

Окруженный свитой и государственными мужами, он регулярно наведывался в Васит, где у него был дворец для развлечений. Действия ал-Муста‘сима были непредсказуемы, приказания лишены смысла. У власти оказалась ничтожная личность, сведшая на нет все усилия предшественников в деле объединения мусульманских правителей перед лицом надвигавшихся монгольских орд⁴²⁶. Пророчески звучат слова Ибн аль-Асира (умер 1233): «Да пошлет Аллах всевышний исламу и мусульманам помощь от себя, ибо мы не видим между царями мусульманскими никого, в ком было бы желание вести священную войну [с монголами] или вступить за веру; нет, каждый из них только предается своим забавам, увеселениям и притеснению своих подданных» (*Сборник материалов*. Т. I. С. 39). В «Летописи» епископа Степаноса есть запись: «В году 694 армянского летосчисления [1245] татары завоевали земли Багдадского халифа» (*Армянские источники*, с. 35). В 1258 г. Багдад пал, и халифат был уничтожен. Весть о падении Багдада парализовала волю к сопротивлению в мусульманском мире. Монголы, почти не встречая противодействия, подошли вплотную к владениям мамлюков и только здесь, в Сирии, в 1260 г. были окончательно остановлены.

50. МНИМЫЙ ПОХОД НА ЗАПАД (НТ, § 33)

Обстоятельства, породившие этот слух, выглядели следующим образом. По завершении коронации Гуюка должна была состояться встреча папских посланников с вновь избранным великим ханом. План войны с Западом, о которой брат Ц. де Бридиа пишет как о решенном и достоверном факте, у брата Иоанна выглядит как придворная тайна: «И когда император услышал от наших тартар, что мы пришли к нему, то он приказал чтобы мы вернулись к [его] матери, по той причине, что он намеревался на следующий день воздвигнуть знамя против всей земли запада, как нам говорили те, кто знали достоверно, как сказано выше; ведь он хотел, чтобы мы оставались в неведении. И когда мы вернулись, то пробыли [там] несколько дней и снова вернулись к нему» (LT, IX. 38).

В «Истории Тартар» сведения о войне против Церкви Божией и всех государств Запада дублируют аналогичные сведения из § 24, где речь идет о походах времени Угедея, и, скорее всего, в обоих случаях принадлежит брату Ц. де Бридиа. Неопределенные «земли запада» превращаются у брата Ц. де Бридиа в «государства Запада» (ср., однако, с утверждением брата Иоанна, где также фигурируют государства Запада, LT, VIII. 3).

Согласно Рашид ад-Дину, распоряжения Гуюка выглядели так: «Он назначил для стран и областей войска и отправил [их]. Субэдай-бахадур и Чаган-нойона он послал с бесчисленным войском в пределы Хитая и в окрестности Манзи, Илджидая с назначенным войском он отправил на запад и приказал, чтобы из войска, которое находится в Иранской земле, из таджиков, выступило в поход по два [человека] от [каждого] десятка и, начав с еретиков, подчинило бы враждебные области. А сам он решил пойти сзади, хотя и препоручил Илджидая все то войско и народ; в частности, дела Рума, Грузии, Мосула, Халеба и Диярбекра он передал в управление ему с тем, чтобы хакимы тех мест держали бы перед ним ответ за налоги и чтобы никто больше в то [дело] не вмешивался» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 120). Как показывают дальнейшие события, поход на христианский Запад не планировался.⁴²⁷ Следовательно, имелась какая-то важная причина, побудившая францисканцев писать о планируемом монгольском походе против христианского мира. В «Романе о Чингис-хане» изложено пророчество, предрекающее гибель империи (LT, V. 18–19; НТ, § 41; продолжение этой темы в коммент. 55). В пророчестве говорится, что монголы сражались 42 года и должны править миром 18 лет, после этого они будут побеждены неизвестным народом, и те из них, кто спасется, примут веру победителей. В изложении этих сведений братом Ц. де Бридиа исчезает указание на сроки, а грядущими победителями названы христиане (НТ, § 41). Содержание НТ § 33 показывает, каким образом брат Ц. де Бридиа пытается использовать пророчество для обоснования слуха о готовящемся монголами походе на Запад. Восемнадцать лет правления миром превращаются у него в восемнадцать лет грядущих непрерывных сражений. Дальнейшую судьбу этого

«слуха», за которым стоит пророчество, демонстрирует приписка к люксембургской рукописи книги брата Иоанна (см. коммент. 44). Там же показано, что до францисканцев дошли какие-то неясные придворные интриги и сплетни, связанные со смертью Угедя. Однако в донесениях неясные слухи предстают как твердые факты. Вполне понятно стремление папских послов предугадать ход мировых событий, но эта сторона миссии имеет отношение более к политике, нежели к истории.

51. «СПИСОК ПОКОРЕННЫХ НАРОДОВ» (НТ, § 34)

51.1. В «Истории Тартар» Список покоренных народов завершает историю фантастических походов Чингис-хана и военных кампаний эпохи хана Угедя. Список стран, входящих в монгольскую империю, предваряется пророчеством о грядущей гибели монголов. Появляется загадочное число в восемнадцать лет, в течение которых они будут непрерывно сражаться. В следующем за Списком параграфе заявляется, что окончено описание происхождения монголов и войн, которые они вели. Последнее обстоятельство также свидетельствует, что Список находился в той части переводного сочинения, где говорится о походах Чингис-хана, следовательно, в романе. В донесении брата Иоанна Список находится в седьмой главе, посвященной землям и странам, которые монголы подчинили своей власти. * В седьмой главе нет сведений легендарного характера. Имеются ли у нас, в таком случае, основания отнести Список к сюжетам «Романа о Чингисхане»? Да, таким основанием является наличие в Списке фантастических народов.

В версии брата Иоанна Список предваряет сообщение о том, что монголы взимают дань даже с тех народов, которые им не подчинены, обитают далеко и граничат со странами, которых монголы до известной степени опасаются; другие же

* Название седьмой главы: *Quomodo faciunt cum hominibus pacem, et de terrarum nominibus quas subiugaverunt, et de terris que eis viriliter restiterunt, et de tirannide quam exercent in hominibus suis.*

народы, пишет брат Иоанн, они оставляют пока в покое. Однако согласно тому, добавляет брат Иоанн, что удалось узнать непосредственно от них, намереваются завоевать эти земли в будущем. Если бы исследователям удалось выяснить источник сведений, на который ссылается брат Иоанн, то вопрос о характере Списка и его авторе мог бы иметь однозначное решение.

На сегодняшний момент проблема выглядит так: 1) Список заимствован францисканцами из какого-то неизвестного источника; 2) в процессе перевода на латынь в Списке появились названия, которых заведомо не могло быть в первоначальном варианте; 3) в перечне реальные названия земель смешаны с фантастическими. Каждый из этих трех аспектов требует отдельного анализа. Первые два аспекта рассматривались в научной литературе⁴²⁸, а вопрос о комбинированном характере Списка поставлен не был.

Перед нами разноплановый текст, совмещающий в одной плоскости реальную этногеографию Центральной Азии и вымышленные страны, причем в процессе перевода с неизбежностью возникли смысловые изменения. Отдельной проблемой является выяснение исходной этногеографической номенклатуры (монгольской, тюркской, персидской, древнерусской и латинской), отразившейся в Списке. Последнее не входит в нашу задачу и рассматривается лишь частично. Для целей исследования важно также подчеркнуть, что францисканцы не просто передали текст, но и попытались отождествить некоторые из названий. Наличие параллельных этнонимов в выражениях (*Bascart id est Magna Hungaria*; *Obesi sive Georgiani*) свидетельствует, что францисканцы не были авторами Списка.

Вымышленные страны и земли присоединяются к империи монголов в результате легендарных экспедиций Чингис-хана и его сыновей. В известном смысле Список является производной от замысла Чингис-хана покорить все доступные и недоступные миры. Указанные обстоятельства позволяют высказать следующее предположение: в первоначальном варианте Список покоренных народов являлся фрагментом «Романа о Чингис-хане». Подражая и копируя официальные документы, он изображает империю Чин-

гис-хана, поглотившую маргинальные территории. Иными словами, Список рисует квазиимперию. Включение легендарных областей, по мысли автора романа, равнозначно нарушению божественного порядка. Эта идея иллюстрируется появлением при дворе великого хана посольства асимметричных людей, которые в силу своей природы во всем превосходят монгольских всадников, и потому крайне удивлены стремлением императора покорить их территорию. Завершающим актом создания легендарной империи явится гибель Чингис-хана от удара грома. Согласно же монгольским представлениям, убитый молнией человек и все его имущество отвергаются всеми как нечистое. В результате этой космической драмы сакральная фигура Чингис-хана превращается в свою противоположность, а империя, созданная им, утрачивает покровительство Неба. Тем самым обнаруживается связь между легендарными походами к границам мира, рождением квазиимперии и насильственной смертью ее основателя. Учтем, что каждое из этих обстоятельств является вымышленным.

Тот факт, что брат Иоанн воспроизводит эти сведения в седьмой главе, а не в пятой (где собственно речь идет о походах Чингис-хана), не должен нас удивлять. * В целом ситуация со Списком аналогична ситуации с романом, чье легендарное содержание было воспринято францисканцами как важный документ по монгольской истории. В процессе перевода статус текста (как антиэпопеи) меняется и обретает параметры достоверности, несмотря на всю их псевдоисторичность. Первым, кто выразил недоумение по поводу легендарных народов, с которыми сражались монголы, был не кто

* Аналогичным образом брат Иоанн (LT, IV. 7) поступает и в том случае, когда сведения о пище монголов дополняет пассажем из пятой главы о случае людоедства в монгольской войске, который на самом деле является эпизодом «Романа о Чингис-хане», см. коммент. 16; столкновение монголов с циклопедами он ошибочно относит к походу Гирподана, т. е. ко временам хана Угедая (LT, V. 33); сведения об удивительной переменчивости климата Монголии и падающем с неба огне, в которых слышится явный намек на грядущую космическую катастрофу, ожидающую империю монголов, и брат Иоанн, и брат Бенедикт отнесли к разделу о климате (НТ, § 35).

иной, как брат Вильгельм (*Вильгельм де Рубрук*. XXIX. 46). Последний пытался разузнать у китайских монахов о людях чудовищного вида. Но те заявили, что никогда не видели подобного. Монгольский мир предстает в сочинении брата Вильгельма во всем своем реальном разнообразии, и никто из многочисленных собеседников францисканца не мог подтвердить легендарные известия брата Иоанна. Последнее обстоятельство дало повод брату Вильгельму для сомнений в достоверности сведений брата Иоанна о Северной Азии.

В романе монголы потерпели поражения в земле Нараирген, в земле Нохой-Кадзар (Земле псов), в Великой Индии (царстве пресвитера Иоанна), проиграли поединок с однорукими и одноногими существами и не смогли сразиться с запертым в Каспийских горах народом. По этой причине названные народы не включены в перечень. Те же легендарные народы и земли, которые были покорены монголами, и, следовательно, вошли в Список, выделены для наглядности *курсивом*. Обратимся к перечню в версии перевода брата Иоанна:

«Вот названия земель, которые они покорили: Китай, Найманы, Соланги, Каракитай, или черные Китай, Канана, Тумат, Войрат, Караниты, Уйгур, Су-моал, Меркиты, Мекриты, Сариуйгур, Баскарт, то есть Великая Венгрия, Кергис, Космир, Саррацины, Бисермины, Туркоманы, Билеры, то есть Великая Булгария, Корола, Комуки, *Буритабет*, *Паросциты*, Кассы, Аланы или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кангит, Команы, *Брутахи*, которые суть *Иудеи*, Мордвы, Торки, Хазары, *Самоеды*, Персы, Таты, *Малая Индия*, или *Эфиопия*, Циркассy, Русские, Балдак, Сарты. Есть еще много земель, но их названия мы не знаем. Мы даже видели мужчин и женщин почти из всех вышеперечисленных стран. Названия земель, оказавших им мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им, суть следующие: *Великая Индия*, Мангия, некая область Аланов, некая область Китаев, Саксы» (LT, VII. 9–10).

51.2. Этнополитический комментарий к Списку покоренных народов:

Китай (*Kytai*)⁴²⁹. В данном случае речь идет о династии Цзинь, основанной чжурчжэнями, под властью которых Се-

верный Китай находился более ста лет, до завоевания его монголами. Ср. со сведениями Рашид ад-Дина: осенью 1211 г. Чингис-хан выступил «на завоевание областей Хитая, Кара-Хитая и Джурджэ, областей, которые монголы называют Джукут, а по-хитайски Хитай называют Ханжин» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 163). Термин *кытаи* восходит к этнониму *кидань*; в Орхонских надписях VIII в. они фигурируют как *qytan*, либо *qytai*. У мусульманских историков этот народ носит название *хытай*. Когда монголы уничтожили чжурчженское государство, киданьская (китайская) аристократия заняла почетное место в системе управления монгольской империей. Брат Вильгельм де Рубрук также различает кара-китаев и китаев (XXVI. 8). В книге Марко Поло, который провел в Китае много лет (1271–1295), термин *Cathay* употребляется как географическое название для обозначения Северного Китая, Южный Китай фигурирует под названием Манзи. Последнее в форме Манги известно брату Иоанну.

Найманы (*Naimani*)⁴³⁰ — один из крупнейших монгольских племенных союзов в предчингизову эпоху. Основной этнической территорией найманов был Монгольский Алтай. Только после разгрома и подчинения найманов в 1204 г. Чингис-хан смог утвердить свою власть над большей частью территории Монголии. О поражении найманов Рашид ад-Дин сообщает: «Это событие весьма известно и знаменито среди монгольских племен» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 148). Этот факт подтверждается сведениями брата Иоанна (LT, V. 5) и брата Бенедикта (НТ, § 7); см. коммент. 12 и 14.

Соланги (*Solangia* — Корея), см. коммент. 19.1.

Каракитаи, или черные китаи (*Karakytai*) — часть племенного союза китаев (киданей). В 1210 г. кара-китаи вместе с найманами были разбиты Чингис-ханом, и их государство было ликвидировано, см. коммент. 13.

Канана (*Canana*); этноним не отождествлен⁴³¹. Рукописные варианты: Conona, Cavana, Comana, Conanay Kytay.

Тумат (*Tumat*) — один из «лесных народов» таежной зоны Сибири⁴³².

Войрат (*Voyrat*). Земля *Войрат* — это территория ойратов, одного из монголоязычных племен, входивших в состав так называемых «лесных народов»⁴³³. Жили к северу от реки Дель-

гер, притока Селенги. В 1207 г. во время похода старшего сына Чингис-хана Джучи против «лесных народов» южной окраины таежной зоны Сибири были покорены монголами. Их правитель Худуха-беки подчинился и был пожалован главой четырех тысяч ойратов. Его владения простирались до Малого Енисея; ср.: «В год Зайца [1207] Чжочи был послан с войском правой руки к лесным народам. <...> Подчинив ойратов, бурятов, тархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. <...> Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы» (*Сокровенное сказание*. § 239).

Караниты (*Karaniti*) — не идентифицированы.

Уйгуры (*Huiyur* — *Huiur*). Ср. с китайской транскрипцией этого слова: *huiqu[r]*, *uigu[r]* (*Мэн-да бэй-лу*, с. 34–35; там же см. литературу вопроса). Вопреки сведениям францисканцев, монголы не завоевывали уйгуров, поскольку уйгуры покорились добровольно (см. коммент. 9).

Су-моал (*Sumoal*) — «водные монголы», см. коммент. 6.

Меркиты (*Merkiti*). Отжествляются с *Merkid*, *Merkid-ün ulus* «Сокровенного сказания» (*Сокровенное сказание*. § 110). Одно из крупнейших монгольских племен; обитали к югу от Байкала. Чингис-хан неоднократно сражался с меркитами и последняя война, окончившаяся полным разгромом меркитов, относится к 1204–1205 гг., см. коммент. 8.

Мекриты (*Mecriti*), подробнее см. коммент. 8.

Сариуйгур (*Sarihuiyur*). — «желтые уйгуры» проживали на территории тангутского государства Великое Ся (982–1227). Осенью 1227 г. царство Тангут было покорено монголами окончательно (см. коммент. 15.2).

Баскарт, или Великая Венгрия (*Bascart id est Magna Hungaria*). Ср. со сведениями брата Вильгельма: «*Pascaver, que est maior Hungaria*»⁴³⁴. Название *Bascart* следует связывать с самоназванием башкир *bašqort* (из тюрк. **baš* ‘голова’ и **kurt* ‘волк’ > **baš-kurt* — букв.: ‘главный волк, волк-вожак’⁴³⁵. О ее местоположении см. коммент. 27. Интересно, что в «Слове о погибели Рускыя земли», в котором перечисляются поволжские народы, башкиры не названы; ср.: «от моря до Болгар, от Болгар до Боуртась, от Боуртась до Чермись, от Чермись до Морьдви — то все покорено

было б(о)гом кр(е)стияньскому языкоу поганьския страны». ⁴³⁶

Кергис (*Kergis*). На сложности, возникающие при идентификации этого этнонима в текстах францисканской миссии, указал Пейнтер ⁴³⁷. Попытка Даффина отождествить *Kergis*, упоминаемых братом Иоанном, с реальными киргизами, обитавшими по верхнему течению Енисея, полностью противоречит другим (абсолютно легендарным) сведениям францисканцев о киргизах ⁴³⁸. Выход из создавшейся тупиковой ситуации заключается в том, чтобы признать в данном случае киргизов одним из легендарных народов на пути Чингис-хана к Каспийским горам, подробнее об этом см.: коммент. 19.2 и 46.

Космир (*Cosmir*). Вероятно, речь идет о Кашмире ⁴³⁹.

Саррацины (*Sarraceni*), т. е. мусульмане, от византийско-греческого *Σαρακηνός* или средневекового латинского *sarracenus*. *Saracenum*, *Saraceni* восходит к арабскому *šarqījīn* — 'те, кто на востоке' ⁴⁴⁰. По отношению к мусульманам (с отрицательной характеристикой) византийцами уже с VII—IX вв. широко употреблялись три термина: «сарацины» (т. е. потомки жены Авраама Сарры); «агаряне» (потомки наложницы Агари, прогнанной Авраамом); «исмаилиты» (потомки сына Агари Исмаила). Прилагавшиеся первоначально к арабам, эти термины в XI в. были перенесены также на принявших ислам тюрок-сельджуков ⁴⁴¹.

Бисермины (*Bisermīni*). Страну *бисерминов* принято отождествлять с Хорезмом. В *bisermīni* следует видеть искаженное тюрк. **busurman* / **bysyrmen*, происходящее из перс. *musulman* < араб. 'мусульмане' (мн. ч.); В русских источниках XIII—XV вв. встречается этноним *бесермены* / *бесурмены*, что, в принципе, может указывать на русский источник сведений францисканцев ⁴⁴². Подробнее см. коммент. 32.

Туркоманы (*Turcomani*). Скорее всего, речь идет о стране тюрок. «Страна тюрок» включала Восточный Туркестан, Семиречье и области, лежавшие к северо-востоку от реки Сыр-Дарья ⁴⁴³. Рашид ад-Дин передает случай, связанный с кочевниками туркменами. Во время монгольского похода на Среднюю Азию в 1221 г., после завоевания низовьев Сыр-Дарьи, «из кочевников-туркмен, которые находились в тех пределах,

было назначено десяти тысячам человек отправиться к хорезмскому войску [т. е. монгольским войскам, предназначенным против Хорезма]» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 200–201). По мнению Ю. А. Зуева, в X–XIII вв. карлуки и другие тюркские племена (канглы, калач, уйгур) обозначались термином *туркмен*, не имевшим выраженного этнического наполнения⁴⁴⁴.

Билеры, то есть Великая Булгария (*Byleri id est Magna Bulgaria*). Под *Magna Bulgaria* в сообщениях западных путешественников XIII в. следует, безусловно, понимать Волжскую Булгарию. В отчете брата Рихарда говорится: *Est vero magna Bulgaria regnum magnum et potens opulentas habent civitates; set omnes sunt pagani* ‘Великая Булгария — большое и могущественное царство, но все там — язычники’⁴⁴⁵. По мнению В. В. Напольских, этнотопоним *Bileri*, употребленный в донесениях францисканцев в качестве синонима *Magna Bulgaria*, происходит от названия «Великого Города» на р. Малый Черемшан, который со второй половины XII в. и вплоть до падения Волжской Булгарии под ударами монголов являлся столицей этого государства, подробнее см. коммент. 39.

Корола (*Corola*). Возможно, этноним *Corola* соответствует *Kerel* «Сокровенного сказания» и, в таком случае, означает «венгров»⁴⁴⁶; *Kerel* у Джувейни⁴⁴⁷; согласно Рашид ад-Дину, монголы «захватили области келаров [венгров], башкиров, булар, Дешт-и Кипчак, урусов [русских], черкесов и асов до крайнего севера» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 67).

Комуки (*Comuchi*). Загадочный этноним. В «Истории Тартар» не упоминается. Даффина разделяет общепринятую точку зрения о том, что речь идет о кумыках⁴⁴⁷. Но эта точка зрения остается немотивированной.

Буритебет (*Burithebet*) — вымышленная область «волков-псов», см. коммент. 24.

Паросциты (*Parossiti*). Наиболее убедительная этимология термина *паросциты* — «паром сытые». В донесениях миссии речь идет о легендарном народе, который питается запахом пищи.

Кассы (*Cassi*), в «Истории Тартар» — *Cassidi*. Даффина принимает отождествление *Cassi* с *Kesdiyim* (=Käštimi), упоминаемых среди «лесных народов» в «Сокровенном сказании» (§ 239)⁴⁴⁹. Однако предположение Пейнтера об области Кашин (Тангуте) представляется более верным.

Кассиды (*Cassidi*). Пейнтер, в свою очередь, сопоставляет этот термин с *Cassi* брата Иоанна и предполагает, что оба названия могли означать Кашин, от кит. хэ-си — '[страна] к западу от реки', т. е. от реки Хуан-хэ, владения государства Тангут⁴⁵⁰. Пейнтер же указал и на некоторую проблематичность этого отождествления. Известно, что пятый сын Угедея — Каши получил свое имя потому, что родился в год завоевания Чингис-ханом Тангута (т. е. Каши); после ранней смерти царевича его имя сделали *куруком* и к области стали применять только название Тангут. В монгольскую эпоху словом *курук* обозначалось все заповедное и запрещенное. Однако судить о силе этого запрета трудно, ведь, например, Рашид ад-Дин использовал и то и другое название. Тогда как в «Сокровенном сказании» (§ 265) используется название Тангут.

Аланы, или ассы (*Alani sive Assi*). Согласно «Истории Тартар», Джучи был направлен «против команов, которые обитают над Азами в западной стороне» (НТ, § 11). Форма *Az* передает этноним «асы», «аланы». В НТ в списке покоренных народов значится: «*Alani qui dicunt se Azzos*» — 'Аланы, которые называют себя Аззами'. В средневековых русских источниках аланы фигурируют как *ясы* (асы), последнее является самоназванием. Согласно сведениям венецианского дипломата XV в. Иосафата Барбаро, «название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются 'Ас'» (*Барбаро и Контарини*, с. 137). В описании первого странствия брата Юлиана фигурирует название *Alania*: *Ibique venerunt in terram que Alania dicitur, ubi Christiani et pagani mixtim manent* — 'И, наконец, попали в страну, называемую Аланией, где христиане и язычники живут вместе' (*Рихард*. 2. 9). В донесении брата Вильгельма де Рубрука обозначено самоназвание алан: *Alani sive Aas, qui sunt Christiani et adhuc pugnant contra Tartaros*; см. также коммент. 18.2.

Обезы, или георгианы (*Obesi sive Georgiani*). Сопоставить обезов с георгианами (грузинами) мог только русский переводчик (об этом см. ниже). В XVII в. историки путали область Георгиану с царством Тавризским (*Лызлов*, с. 31).

Несториане (*Nestoriani*). Речь идет о несторианах Центральной Азии. Например, христианами несторианского тол-

ка были тюрки-онгуты. Являясь подданными цзиньского императора, они охраняли горные проходы на северо-западе Шаньси, связывавшие Северный Китай с Монголией (см.: *Мэн-да бэй-лу*, с. 92). О распространении восточного христианства в торговых центрах Средней и Центральной Азии и в Китае известно по рассказам Марко Поло, по эпиграфическим памятникам Сианьфу, текстам надгробий Семиречья⁴⁵¹, рукописям из Турфана и памятникам сирийской литературы⁴⁵². Марко Поло пишет о верованиях жителей Тангута: «Народ молится идолам, есть и христиане-несториане, и сарацины» (*Марко Поло*, с. 80). Сведения брата Вильгельма о народах Китая выглядят так: «Среди них примешаны [в качестве] как бы пришельцев несторины [несториане] и саррацены [мусульмане] вплоть до Катайи включительно. В пятнадцати городах Катайи живут несторины, и у них там епископат в городе, который называется Сегин, но дальше живут [люди, приверженные] чистому идолопоклонству» (*Вильгельм де Рубрук*. XXVI. 11)⁴⁵³.

Армены (*Armeni*). Царь Малой Армении Хетум покорился монголам в 1242 г., см. коммент. 47.

Кангит (*Kangit*) — *Kanglin* в «Сокровенном сказании» (§ 270). Кангиты — тюркский племенной союз *канглы* — одна из основных частей кыпчакского объединения племен. Их главная ставка была на нижней Сыр-Дарье. В «Сокровенном сказании» степь к западу от Иртыша именуется «страной канлийцев [т. е. канглы] и кыпчаутов [т. е. кыпчаков]». В состав земель кангитов входили приаральские степи; ср. со сведениями брата Вильгельма (XX. 7), который пишет о своем пути из лагеря Батыя: «И по всей той земле и еще дальше обитали кангле [cangle], некая родня команам. На север от нас была Великая Булгария, а на юг — вышеозначенное Каспийское море». Во французском средневековом эпосе «*Saisnes*» (конец XII в.) упоминается *Pincenart*, т. е. Печенежище, царь Канелии, страны загадочных *caneliu*. «Неистовые канлью» (*caneliu les engres* — «Роланд», v. 3241) считались самыми лютыми и свирепыми врагами христианства. В «*Mainet*» франки «минуют Канелию и сквернейший Ронсеваль». В «Роланде» (v. 3269) они изображены конниками — *dis Caneliu chevalchent environ*. Канлью — явные степняки. Шкуры, кожи — отличии-

тельные приметы их одежды (*Doon de Mayence*, XIII в., v. 7788 и др.). Не исключено, что французская эпическая традиция сохранила в редкой неприкосновенности имя тюркского народа — *канглы* ⁴⁵⁴.

Команы (*Comani*). В донесении брата Бенедикта сообщается: *terram Cuspcas id est Comaniam* (НТ, § 20). Аналогичная формула есть у брата Вильгельма де Рубрука: «*Comani qui dicuntur Capchat*». Речь идет о степных территориях известных персидским авторам с XI в. под названием Дешт-и Кипчак — «Степь кипчаков». Отождествление команов с кипчаками, встречающееся у многих средневековых западных авторов, разделяется большинством современных исследователей ⁴⁵⁵. Однако, как убедительно показал С. Г. Кляшторный, этнонимы «команы», «кипчаки» и «половцы» не тождественны друг другу ⁴⁵⁶. В труде ал-Бируни, написанном в Газне около 1029 г., в списке тюркских племен упомянуты *куны* и *каи* как самые восточные из тюрков. По мнению Кляшторного, название «половцы» восходит к этнониму одного из кипчакских племен — *шары* («желтый, половой»), тогда как каепичи древнерусских летописей — это *кай-оба*, т. е. «племя кай». Тех, кто ушел на Дунай, венгры называли их именем — *кунами*, но одновременно появилось другое их название — *команы*, как полагают, по имени одного из их вождей ⁴⁵⁷.

Брутахи, которые суть иудеи (*Brutachi, qui sunt Iudei*), не идентифицированы ⁴⁵⁸.

Мордва (*Mordui*). В отчете о первом странствии брата Юлиана упоминается «царство мордванов» (*Mordanorum Regnum*), см. также коммент. 40.

Торки (*Torci*). Торки (огуззы) русских летописей ⁴⁵⁹. Возможно, этот этноним обязан своим появлением в списке русским переводчикам.

Хазары (*Gazari*). Хазары в донесениях упоминаются также среди жителей Ургенча. Стефан Орбелиани, митрополит Суюнийский, писавший в конце XIII в., рассказывает о походах времени правления Угедая, где упоминает хазар: «Они разделились на три армии: первая направилась на северо-восток в страну хазаров, сутагов, русских, черкесов, болгар и забрала земли до пределов Алеманов и Унгаров, т. е. Франков. Во главе этой армии стоял Бату-хан» (*История монголов*, с. 32). Ге-

нуэзские источники XIII—XV вв. называют восточную часть Крымского полуострова, прилегающего к Каффе, Газарией (Хазарией)⁴⁶⁰; топоним «Газарат» иногда выступал как название Солхата-Крыма⁴⁶¹. Средневековый египетский ученый, автор последней большой энциклопедии мамлюкской эпохи Шихаб ад-дин Абу-л-Аббас Ахмед ибн Али ал-Калкашанди (1355—1418), описывая владения великого монгольского хана в Дешт-и Кипчаке, упоминает Хазарию. Включение округа Хазар в административное деление Золотой Орды второй половины XIV в. представляется явным историческим анахронизмом⁴⁶².

Самоеды (*Samogedi*). В Списке брата Бенедикта следующая последовательность: паросциты, песьи народы, самоеды. В донесениях миссии самоеды появляются только в описании легендарного северного похода. Есть основания полагать, что этот этноним своим происхождением в донесениях, как и в списке, обязан русским переводчикам, т. е. является казусом перевода. С помощью этого легендарного этнонима русский переводчик попытался идентифицировать племена диких охотников, обитающих на севере ойкумены. Интересно, что в «Слове о погибели Рускыя земли», где перечисляются пограничные, но не подвластные Руси земли, самоеды не названы, хотя и очерчивается территория от «Дышущего моря» до болгаров⁴⁶³.

Персы (*Perses*). В изложении Рашид ад-Дина события 1220—1223 гг. выглядели так: согласно приказу Чингис-хана, войско Субедея двинулось на запад, они «взяли много городов Персидского Ирака; учинив убийства и грабежи, они пошли оттуда в область Грузии и Тифлис» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 194). По свидетельству сирийского автора XIII в. Абул-Фараджа бар-Эбрея, в том же году пришла опасность от татар, «которые стремительно прошли с востока и дошли вплоть до Хамадана, Азербайджана и Арана; по всей Персии распространился ужас» (*Сирийские источники*, с. 75).

Таты (*Tati*). Согласно В. В. Бартольд, в государстве Караканидов одно и то же название *tat* прилагали к мусульманам-иранцам и уйгурам. Происхождение этого названия остается спорным; в этнографическом смысле, пишет Бартольд, оно употребляется теперь преимущественно на Кав-

казе, где так называют евреев, говорящих на смешанном ирано-турецком языке; в Средней Азии слово *tat* встречается в языке туркмен, которые называют так людей оседлой культуры, в том числе хивинцев. Такое же значение слово *tat*, очевидно, имело и в XI веке ⁴⁶⁴. Согласно словарю Махмуда Кашгарского (XI в.): «Тат — у всех тюрков это каждый, кто говорит на иранском языке» (*Махмуд Кашгарский*. I, 454). Далее отмечается, что этим словом стали называть уйгуров и китайцев («тат-тавгадж»), «подобно тому как его употребляют в отношении иранцев. Такое употребление этого слова неверно» (*Махмуд Кашгарский*. I, 454). Превращение слова «тат» в термин, обозначающий все оседлое население Средней Азии и Восточного Туркестана, — явление, очевидно, новое во времена Махмуда Кашгарского ⁴⁶⁵.

Малая Индия или Эфиопия (*India Minor sive Ethiopia*). В перечне народов в «Истории Тартар» фигурирует Эфиопия (без уточнения — Малая Индия). Это одна из легендарных стран, завоеванных армиями Чингис-хана, по замыслу автора романа. Литературная формула «Индия, именуемая Эфиопией» заимствована из популярного в Средние века сочинения «Повесть о Варлааме и Иоасафе», подробнее см. коммент. 22.

Циркасы (*Circassi*), возможно, это черкесы, что находит соответствие в *Serkesüd* «Сокровенного сказания» (§ 262) ⁴⁶⁶; их самоназвание — адыги, на Руси их именовали касогами, а западноевропейские авторы — зихами. Есть основания полагать, что ни русский переводчик списка, ни францисканцы не смогли отождествить этот этноним с каким-либо известным им народом. Отсюда путаница в тексте между черкесами и кергисами.

Русские (*Ruteni*) ⁴⁶⁷. *Orusud* «Сокровенного сказания» (§§ 262, 270).

Балдак (*Baldac*). Багдад; имеются в виду территории, подвластные багдадскому халифу. Уже в 1237 г. монголы появились в окрестностях Багдада, нанесли поражение семитысячному халифскому войску и ушли с богатой добычей, см. коммент. 49.

Сарты (*Sarti*). Сарта'ул ~ сартул; считается, что так монголы называли хорезмийцев, жителей Средней Азии, ср.: «Сре-

ди сартаульского народа Чингис-хан провел семь лет» (*Сокровенное сказание*. § 264)⁴⁶⁸. Термин *сарт* восходит к санск. *sāri-havāha* — ‘торговец’.

Урумсолдан (*Urumsoldan*) — султан Рума⁴⁶⁹. С конца XI в. название «Рум» относится к Малой Азии, в которой, после завоевания ее тюрками-огузами, образовалось государство, возглавлявшееся малоазиатской ветвью династии Сельджукидов. По брату Иоанну, монголы пришли «в землю султана Урума, который был достаточно велик и могуществен, сразились с ним и победили. И двинулись дальше, воюя и побеждая, вплоть до земли султана Алапии [Алеппо]» (LT, V. 34). Эти сведения могли быть получены братом Иоанном от грузинского царевича Давида, сына царицы Русудан, сестра которого была женой султана румского. Брат Иоанн и Давид находились вместе при дворе великого хана во время коронации Гуюка. О нашествии монголов на земли румского султана Гийяс ад-Дина Кай-Хусрау II (1237–1246) рассказывают армянские историки (*Киракос Гандзакец*. 35). В этой битве, происходившей в начале 1243 г., султан Гийяс ад-Дин потерпел жестокое поражение. Бачу-хурчи захватил Феодосиполь, а на следующий год захватил всю страну Румскую: города Кесарию, Себастию, Ерзнка и все остальные области. «Поставив шахна [военных губернаторов] и начальников в разных местах земли румской, татары с большим количеством добычи, сокровищ и пленных, захваченных в земле Румской, воротились в Восточную страну» — пишет Григор Акнерци.

Великая Индия (*India Magna*). В донесениях францисканцев Великая Индия — царство легендарного пресвитера Иоанна. Легенда об этом царстве — одна из самых знаменитых средневековых утопий. Поражение одной из армий Чингисхана в фантастической битве с царем Великой Индии — литературный вымысел, построенный на инверсии официальной монгольской легенды. В данном случае нет никаких оснований для сопоставления с существовавшим в Средние века делением Индии на три части — Малую, Среднюю и Великую Индии.

Мангия (*Mangia*). Известно, что Южный Китай назывался китайцами Мачин (Манзи от кит. *мань-цзы* — ‘южные варвары’), а монголами — Нянгас; оба названия относились к

владениям династии Сун; ср.: «летопись государей Мачина, именуемого хитаями Манзи, а монголами — Нангяс» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 78). Брат Иоанн допускает ошибку, когда далее отдельно пишет о некой области Китая, неподвластной монголам, потому что, собственно, это и есть Манги, Южный Китай. Ср. со сведениями брата Вильгельма о Великом Китае: «В этой земле много областей, многие из которых до сих пор не повинуются моаллам. А между ними и Индией лежит море» (*Вильгельм де Рубрук*. XXVI. 8).

Саксы (*Saxi*). Саксинцы. В географической литературе XIII—XIV вв. Саксин обозначал не только город, но и область в нижнем течении Волги. В середине XII в. Саксин посетил арабский купец и путешественник Абу Хамид ал-Гарнати. Ал-Гарнати именует этот город *Саджсин*. Он описывает его как город кочевников и купцов. Между Саджсином и Булгаром по Итилю надо плыть сорок дней (*ал-Гарнати*, с. 27). Точное местоположение Саксина неизвестно. Сохранилось известие, относящееся к XII в. и пересказанное в труде Ибн Исфандийара по истории Табаристана (написанном в 1216 г.), согласно которому Саксин поддерживал торговый контакт с Амулем, городом, расположенным в среднем течении Аму-Дарьи⁴⁷⁰. Географический словарь Якута, законченный начерно в 1224 г. и описывающий первое монгольское вторжение в причерноморские степи, последовательно перечисляет завоевание хазар, алан, русских, Саксина, кыпчакских степей, Булгара⁴⁷¹. В 1229 г. два монгольских военачальника, Субедей и Кокетей, были посланы в степи к северу от Каспия, где они разгромили саксинов и половцев; тогда же булгарские заставы были разбиты около реки Яик. Этот поход упоминается в русских летописях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453), а также в сочинении Джувейни и ибн-Василя (*Сборник материалов*. Т. I. С. 73). В начале весны 1236 г. войско под началом Бату-хана стояло возле границ земли булгар и готовилось к вторжению в Восточную Европу. Тогда же были покорены саксинцы из района устья Волги. Брат Юлиан перечисляет завоеванные монголами «языческие царства»: *Saskiam* (саксины), *Fulgariam* (булгары) <...> *Merowiam* (мари), *Mordanorum Regnum* (мордва)⁴⁷².

Нубия (*Nubiam*). Появление Нубии в Списке покоренных народов выглядит особенно загадочно; ранее в НТ она упо-

минается в контексте походов Гирподана: «Он завоевал Армению, также Георгианию, также Нубию, также Туркию, также Балдак, и [земли] многих других сарраценских султанов» (НТ, § 31). Пейнтер указал на письма папы Иннокентия IV от 21 и 25 марта 1245 г., адресованные в земли Ближнего Востока между Эфиопией и Нубией⁴⁷³. Вполне вероятно, что покорению Нубии монголами мы обязаны фантазии брата Ц. де Бридиа. Удивительно, но факт: народы, обитающие за пределами христианского мира, вследствие своей отдаленности от этого мира, обретают место в Списке покоренных монголами народов.

Можно сомневаться в том, что брат Иоанн видел паросцитов («питающихся паром»), самоедов, эфиопов, брутахов, и, к примеру, народ *корола* (считается, что так монголы обозначали венгров, следовательно, брат Иоанн не идентифицировал этот этноним). «Земля Кергис», Буритебет, Малая Индия или Эфиопия, Великая Индия являются легендарными названиями в списке.

Перечни стран в донесениях францисканцев различаются как по числу стран, так и по названиям. Впрочем, такая картина наблюдается почти во всех сюжетах, отражающих содержание «Романа о Чингис-хане». Первая попытка оценить значение сведений францисканцев принадлежит Пейнтеру⁴⁷⁴. По его мнению, «одно из наиболее замечательных сведений, содержащихся в НТ, — список народов, покоренных монголами. Подобный каталог имеется и у брата Иоанна, но, отчасти из-за беспорядка, он никогда не привлекал большого внимания исследователей. В НТ есть порядок и сведения сгруппированы согласно монгольскому географическому разделению империи на части: находящиеся по левую руку (восток), центр (Монголия) и по правую руку (Запад). Представляется, что списки из книги брата Иоанна и НТ происходят из двух неизвестных монгольских документов, возможно надписей, где даются различные версии известного каталога монгольских завоеваний из Секретной Истории»⁴⁷⁵.

Сомневаться в существовании таких официальных документов оснований нет. В известном смысле «Сборник летописей» Рашид ад-Дина представляет собой вселенский пере-

чень покоренных монголами стран. Ограничимся несколькими примерами: «[Менгу-каан] назначил своего брата Кубилай-каана в области восточных владений Хитай, Мачин, Карачанак, Тангут, Тибет, Джурджэ, Солонга, Гаоли и в часть Хиндустана, смежную с Хитаем и Мачином, а Хулагу-хана определил в западные области Иранской земли, Сирию, Миср, Рум и Армению, чтобы оба они с ратями, которые у них имелись, были бы его правым и левым крылом» (*Рашид ад-Дин*. Т. III. С. 23).

В «Сборнике летописей» всемирная история переплетается с историей рода Чингис-хана, а замысел сочинения, по словам Рашид ад-Дина, заключался в «упоминании о сражениях, которые он давал во всякое время, и победах, которые у него случались» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 63). К примеру, вот что сообщается о походах во времена хана Угедая: «После него [Чингис-хана] Угедей-каан, совместно со своим братом Тулуй-ханом, захватил полностью страну Хитай. Совместно с племянниками по брату они захватили области келаров [венгров], башкиров, булар, Дешт-и Кипчак, урусов [русских], черкесов и асов до крайнего севера, а с южной стороны, до пределов Хабеша [Абиссинии]. Точно так же они захватили область Сулангэ [Корею]» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 67–68). Реляции подобного рода вполне могли послужить поводом к созданию гипертрофированной картины мира, в которой власть монгольских императоров распространилась за пределы, недоступные простым смертным. Собственно, это и показывает автор «Романа о Чингис-хане», достраивая карту реальных завоеваний мифическими странами.

51.3. Завоеванные народы в Списке и в «Сокровенном сказании».

Ближайшая параллель к Списку покоренных народов содержится в «Сокровенном сказании», монгольском сочинении 1241 г. Разумеется, о параллелях можно говорить лишь в части, касающейся реальных названий. После завершения семилетней компании в Средней Азии Чингис-хан «Сормахона отправил в поход на Багдадский народ на Халибо-Солтана»⁴⁷⁶. Второе войско отправил к «народу Ару-Мару-Мадасари»⁴⁷⁷, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус

и Багдад». «А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин⁴⁷⁸, Кибчаут⁴⁷⁹, Бачжигит⁴⁸⁰, Оросу⁴⁸¹, Мачжарат⁴⁸², Асут⁴⁸³, Сасут⁴⁸⁴, Серкесут⁴⁸⁵, Кешимир⁴⁸⁶, Болар⁴⁸⁷, Рарал (Лалат)⁴⁸⁸, перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен⁴⁸⁹» (*Сокровенное сказание*. §§ 260, 261, 266). Интересно, что в секретном донесении хану Угедею, отправленному Бату-ханом по завершении западного похода, также фигурируют одиннадцать покоренных стран и народов (*Сокровенное сказание*. § 275).

Сравним перечень народов из донесений францисканцев со сведениями из «Сокровенного сказания». Совпадают следующие названия: земли халифа Багдада, земли султана Джалал ад-Дина, Канглы, Кыпчаки, Башкиры (Бачжигит или Баскарт — «Великая Венгрия» западных источников), Русь, Асы (Аланы), Черкесы, Кашмир, Мачжарат соответствует Корола (венгры). «Хиндус» (Индия) соответствует в романе Великой Индии пресвитера Иоанна. Заметим, что в этой части «Сокровенного сказания» речь идет о посылке войск к «внешним» народам. Что же касается сравнения с перечнем «внутренних» народов, то сюда можно отнести исторические сведения «Сокровенного сказания» о покорении Чингис-ханом найманов, кара-китаев, меркитов, туматов, войратов, уйгуров, сари-уйгуров, киргизов, каранитов (каранутов? керейтов?), о которых также сообщают и францисканцы и Джувейни. Ср. со сведениями Марко Поло о покорении Батыем Комании, где также перечислен ряд стран: «Первым царем западных татар был Саин [Бату-хан]; был он сильный и могущественный царь. Этот царь Саин покорил Росию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию» (*Марко Поло*, с. 227).

Как видим, реальная картина событий совпадает почти полностью. Расхождения не существенны и вполне объяснимы. В «Сокровенном сказании», в сочинениях Джувейни, Марко Поло, брата Вильгельма де Рубрука не говорится о каких-либо легендарных народах, покоренных монголами. На наш взгляд, это достаточный аргумент в пользу того, чтобы признать Список народов из донесений

францисканской миссии 1245 г. не просто перечнем, который в искаженном виде передает исторические данные, а текстом из «Романа о Чингис-хане». Чем, кроме авторского замысла, за которым угадывается стремление изобразить квазиимперию, можно объяснить вкрапление в список следующих народов: черных эфиопов; жителей Буритебета — земли «волков-псов» — поедающих своих умерших отцов; песьелицых и быченогих, а также питающегося паром лесного народа?

51.4. Названия, появившиеся в процессе перевода.

Очевидно, что этническая и географическая номенклатура, используемая в сочинениях центральноазиатских авторов, отличается от европейской. Список демонстрирует попытку сблизить и по возможности идентифицировать названия, которые относятся к народам, одновременно известным той и другой традиции. Таковы, видимо, Баскарт — Великая Венгрия, Билеры — Великая Булгария, Команы — Кусскара (Кыпчаки), Аланы — Ассы. При этом могли (и должны были) возникать совершенно фантастические отождествления⁴⁹⁰. Что касается названий, возникших в результате перевода, то это в первую очередь паросциты, самоеды, бисермины (рядом указаны саррацины, что указывает на повтор, ибо тот и другой термин обозначают мусульман), «обезы, или георгианы» (в списке брата Бенедикта — георгианы), и, вероятно, «брутахи, которые суть иудеи».

Отождествить обезов с геогрианами, т. е. абхазов с грузинами, мог только русский переводчик⁴⁹¹. Именем «обезы» в Древней Руси обозначались абхазы (абазы), но Грузинское царство в XI в. называлось Абхазским по происхождению царской династии⁴⁹². Для иллюстрации приведем два примера из русских летописей: «[В лето 1154] Посла Изяславъ второе сына своего Мьстислава противу мачесь своеи, бе бо повель изъ ѡбезъ жену собе црву дщерь» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 468). В Патриаршей летописи об этом же говорится: «В лето 6662 женися Изяславъ дроугою женою, привед ю из Обез» (ПСРЛ. Т. IX. С. 198). Считается, что абхазская княжна была на самом деле грузинской царевной, сестрой Георгия III⁴⁹³. В Ипатьевской летописи под 1201 г. сообщается о Романе Галицком, который «ревноваше бо дедоу своему Мономахоу, погоубив-

шемоу поганяя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю ѿтрока во ѿбезы, за Железная врата» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 716).

Половецкий хан Отрок бежал в Обезы, за Железные врата, в 1118 г. Имя этого хана известно в грузинских хрониках в форме Атрак Шараганис-дзе (сын хана Шарукана). В грузинской летописи (Картлис Цховреба) сообщается, что Отрок был тестем грузинского царя Давида Строителя (1089—1125), разрешившим Отроку въехать в Грузию через Дарьяльское ущелье (Железные врата) и давшего ему прибежище при дворе. В «Русской толковой палее» дается объяснение названий некоторых народов, в том числе и «обезь»: «Авер — иже суть Обезы»⁴⁹⁴. На основании этих примеров Т. Г. Сулава приходит к выводу, что Обезы — это Грузия, а не Абхазия⁴⁹⁵. В позднем древнерусском «Сказании о Вавилоне граде» (списки XV в.) грузинский язык назван обежским (абхазским) и наряду с русским и греческим отнесен к стражам христианства: греческий царь Лев посылает в Вавилон за венцами Навуходносора «из грекъ гричина, из безъ ѿбязанина, из роуси русина»; только посольство в таком составе может попасть в Вавилон, так как чудесное указание о том, как проникнуть внутрь города через спящего змея, написано по частям на греческом, абхазском и русском языках⁴⁹⁶.

В заключение обратимся к перечню народов, который содержится в послании папы Александра IV миссионерам францисканского ордена (1258 г.). Францисканцы направлялись к сарацинам, язычникам, грекам, болгарам, команам, эфиопам, сирийцам, иберам (грузинам), аланам, газарам, готам, зикхам, рутенам (русским), грузинам, нубийцам, несторианам, якобитам, армянам, индийцам, момталитам (?), татарам, венграм из Великой Венгрии, христианским пленникам и туркам. В этом списке этнические названия и вероисповедания переплетены между собой так же, как и в списке народов брата Иоанна и брата Бенедикта.

Подведем итог. Список народов, входящих в империю Чингиса, — необычный текст. Есть основания полагать, что список сочинен автором «Романа о Чингис-хане». Однако первоначальный вариант в процессе перевода претерпел существенные изменения. Добавления были сделаны как русскими переводчиками, так и, возможно, самими францискан-

цами или последующими переписчиками. Фраза брата Иоанна о том, что можно было бы добавить еще много земель, но их названия ему не известны, оставляла открытой возможность для новых изменений списка.

52. КАРАКОРУМ В XIII В. (НТ, § 38)

Каракорум — город в Монголии на берегу реки Орхон на месте монастыря Эрдэни-дзу. В XIII в. Каракорум был столицей Монгольской империи и резиденцией великих ханов Угедея, Гуюка и Мунке. По данным «Юань ши», город был основан в 1220 г. Чингис-ханом и получил свое название по имени речки Каракорум. Название *Каракорум* восходит к тюркскому наименованию окрестных гор (букв.: ‘черные камни’, ‘нагромождение черных камней’) ⁴⁹⁷. Здесь, начиная с 1220 г., была одна из ставок Чингис-хана, но столичным городом империи Каракорум стал только после избрания великим ханом Угедея, который в 1235 г. построил в нем дворец и приказал обнести город крепостной стеной. Китайские советники убедили Угедея в необходимости иметь постоянную столицу, и он распорядился о строительстве дворца, названного *Вань-аньгун* — «Дворец мира на десять тысяч лет». В надписи на стеле на могиле Елюй Чу-цая сказано: Угедей-хан «основал великое правление, создал высочайшие установления и построил новый дворец для приема владетельных князей» (*Сун Цзы-чжэнь*, с. 68). Сведения о строительной деятельности Угедея дошли в виде слухов до брата Юлиана, совершившего разведовательную поездку в Поволжье в 1238 г. (см. 42.3). Младшие Чингизиды должны были также построить в Каракоруме по дворцу. Сведения Рашид ад-Дина о том, что после строительства здания «стали прилегать одно к другому» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 40), следует понимать так: участки дворцов примыкали друг к другу границами своих запретных зон, обязательных в пространственной организации ставок сановников на Востоке ⁴⁹⁸. В итоге аристократический квартал, при очень разреженной застройке, занял большую территорию вокруг дворца Угедея и вдоль Орхона на север. При этом двор Угедея, следуя древней традиции, продолжал совершать се-

зонные перекочевки⁴⁹⁴. Когда в 1235 г. к монголам прибыла южносунская дипломатическая миссия, золотой шатер для приема послов был разбит в степи (*Хэй-да ши-люе*, с. 138). Не совсем ясен вопрос о соотношении или распределении функций административного управления между оседлой столицей и кочевым двором⁵⁰⁰. Так, например, францисканской миссии 1245 г. не удалось побывать в Каракоруме. И курултай, и коронация Гуюка происходили в Желтой Орде, недалеко от Каракорума. Характеризуя ландшафт и климат Монголии, брат Иоанн замечает: «Там нет ни деревень, ни каких-либо городов, за исключением одного, о котором говорят, что он достаточно хорош [и] который называется Каракорон⁵⁰¹. Однако мы его не видели, но побывали в полудне пути от него, когда находились около Желтой Орды (*sira orda*), которая является бóльшим двором их императора» (I. 4). Единственное в средневековой литературе подробное описание Каракорума принадлежит перу брата Вильгельма (*Вильгельм де Рубрук*. XXXII. 1; ср.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 40—41). Марко Поло сообщает лишь следующее: «Город Каракорон в округе три мили, им первым овладели татары, когда вышли из своей страны» (*Марко Поло*, с. 84)⁵⁰².

Мунке-хан, подобно Угедю, кочевал дальними меридиональными маршрутами, назначив губернатора Каракорума. Только дважды в год он устраивал во дворце *Ваньяньгун* пиршества. В пределах Каракорума Мунке, по образцу киданьских городов-башен, возвел в 1256 г. высокую пятиярусную пагоду Синьюаньгэ (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 156). В сборнике «Сюй-ю-жэнь» (1341 г.) имеются следующие сведения о Каракоруме и деятельности Мунке: «В 1220 году Темучин основал столицу в Хорине. Постройка дворцов и кумирен была только начата при Огодае и продолжена Сянь-цзуном [Мунке], которым в 1256 году построена была громадная пагода с пятиэтажным теремом над ней, высотой в 300 чи, в нижнем этаже которого с четырех сторон было по комнате, в 7 звеньев каждая, вокруг которых были расположены изображения будд в порядке, указанном в священных книгах»⁵⁰³. Учреждение им ставки у оз. Долон-Нур и строительство г. Кайпина (1256—1259) указали направление перемещения монгольских столиц — Северный Китай. Хубилай, объявленный в Кайпи-

не великим ханом в 1260 г., строит в Чжун-ду (совр. Пекин) храм восьми предкам, а в 1264 г. переносит туда и двор, после чего севернее разрушенного Чжун-ду, по плану 1267 г. возводится Дай-ду (*Великая столица, Хан-балык* — у Марко Поло). Таким образом, в качестве столицы империи Каракорум существовал с 1220 по 1260 г. Необходимость централизованной экипировки войск стала ведущим фактором, вызвавшим Каракорум к жизни. Главной задачей кочевников в подготовке армий было обеспечение их металлическим вооружением — наконечниками копий и стрел, мечами, латами, шлемами, а также транспортом — телегами, самой ценной частью которых был *цюн* — чугунная втулка колеса. Такой базой и был Каракорум⁵⁰⁴. Значение военного центра, базы подготовки к завоеваниям, город утрачивает в 1252 г., с уходом на запад последних отрядов армии Хулагу, завоевателя Ирана. Производство оружия свертывается, подвоз продовольствия к городу прекращается, и жизнь в Каракоруме постепенно замирает⁵⁰⁵. В эпоху Юань город неоднократно перестраивается. В 1380 г. Каракорум был разрушен китайскими войсками. В 1889 г. развалины Каракорума были открыты и описаны Н. М. Ядринцевым⁵⁰⁶. В 1948 и 1949 гг. экспедиция под руководством С. В. Киселева произвела обширные раскопки развалин города и исследовала их⁵⁰⁷.

53. ЧТО НЕ СМОГЛИ ВЫЯСНИТЬ ФРАНЦИСКАНЦЫ? (НТ, § 39)

«Согласно некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права], но в большинстве случаев наши братья, будучи среди них достаточно долго, почти ничего не узнали об исполнителях [этих традиций]». Это предложение в силу своей неясности остается предметом дискуссии. Наиболее аргументированная интерпретация, предложенная Оннерфорсом⁵⁰⁸, все же представляется нам неприемлемой. Согласно чтению Оннерфорса, текст выглядит следующим образом: *Traditione quorundam [religionum] eorum Cingis canjnuentor extitit, sed plurimos auctores fratres inter eos longo existentes tempore minime jnuenerunt*. Оннерфорс на-

стаивает на том, что речь идет о религиозных предписаниях, поскольку §§ 39 и 40 НТ посвящены различным аспектам религиозных верований монголов.

Чтение Пейнтера ближе к рукописи: *Tradicionem quorundam Tartarorum Cingis can inventor extitit sed plurimum auctores fratres inter eos longo existentes tempore minime inuenerunt*. Пейнтер относит это предложение к концу § 38 и тем самым не связывает с темой верований монголов, полагая, что речь идет об обычаях, в частности, разжигании огня. В свою очередь Книпкенс предлагает следующее чтение: *Tradicionum quorundam Tartarorum*. Разбираемый отрывок по праву считается самым трудным в «Истории Тартар». Приведенные ниже немецкий, английский и польский переводы этого отрывка имеют принципиальные различия и демонстрируют нерешаемость проблемы.

По мнению Берга, никакой дилеммы здесь вообще нет и перевод должен выглядеть так: *Hinsichtlich einiger Sitten der Tataren erwies sich Dschingis Khan als Stifter, in den meisten Fällen aber gelang es den Brüdern nicht, die Urheber [d.h. verschiedener Sitten] zu finden, obwohl sie eine lange Zeit bei ihnen blieben*⁵⁰⁹ 'В отношении нескольких обычаев татар Чингис-хан является их основателем, но в большинстве случаев братьям не удалось найти инициаторов [различных обычаев], хотя они оставались у них долгое время'. Как справедливо заметил Оннерфорс, разбирая перевод Берга, дело здесь не в падежных окончаниях; трудность этого отрывка другой природы.

Перевод Пейнтера⁵¹⁰ выглядит следующим (маловразумительным) образом: *According to the tradition of some, Chingis Khan was the founder of the Tartars, but the friars, although they stayed with them a long time, were unable to discover more about their origin* 'Согласно традиции некоторых, Чингис-хан был создателем тартар, но братья, хотя и оставались долгое время с ними, оказались не в состоянии узнать больше об их происхождении'. По мысли Пейнтера, *inuentor* (узнавать) должно относиться к упомянутому в конце § 38 НТ обычаю разжигать огонь, что справедливо отвергнуто Оннерфорсом.

Польские исследователи, посетовав на то, что Оннерфорс не предложил своего перевода, интерпретируют сведения брата Ц. де Бридиа так: *Na podstawie tradycji niektórych Tatarów*

Czyngis-chan był ich protoplastą, lecz choć bracia przebywali wśród nich długi czas, nie dowiedzieli się wiele o twórcach [ich różnych zwyczajów].⁵¹¹ 'На основе традиции некоторых татар Чингис-хан был их прародителем, но, хотя братья пребывали среди них долгое время, они не узнали многого о создателях (их разных обычаях)'.

Все исследователи сходятся на мысли, что в тексте брата Ц. де Бридиа говорится о том, что францисканцы не смогли выяснить нечто. Обозначенная проблема имела бы однозначное решение, если бы мы знали, как выглядел сокращаемый братом Ц. де Бридиа текст. В противном случае мысль копииста остается неясной. Собственно, непонятно, что именно, по мнению переписчика, не могли узнать авторы донесений. Параллельный пассаж у брата Иоанна о вере монголов в единого Бога не дает никаких оснований думать, что францисканцы чего-то не смогли выяснить у своих информаторов. Напротив, эти сведения отличаются полнотой и ясностью.

В нашем распоряжении для сравнения имеется только текст донесения брата Иоанна. В пятой главе он сообщает, что Чингис-хан, вернувшись из похода, создал различные законы и постановления (*leges et statuta*), и называет три из них: закон о престолонаследии, постановление о покорении мира и устройстве армии по десяткам, и далее замечает: «Он также установил многие вещи, о которых долго рассказывать, да и мы не знаем [всего]» (LT, V. 19). В четвертой главе брат Иоанн подробно останавливается на законах и обычных правилах, касающихся наказания за прелюбодеяние, грабеж или воровство, раскрытие военных замыслов, провинности младших по чину (LT, IV. 9). Следовательно, гипотеза о невозможности узнать какие-то юридические обычаи отпадает.

В третьей главе, посвященной богопочитанию и представлению монголов о грехах (магических запретах), «перечень грехов» брат Иоанн предваряет неясной преамбулой: *Quamuis de iusticia facienda uel peccato cauendo nullam habeant legem, nichilominus tamen habent aliquas traditiones quas dicunt esse peccata, quas confixerunt ipsi uel antecessores eorum* 'Хотя у них не было закона о вершении правосудия, а также наказания за грехи, тем не менее у них есть некие традиции, которые они

определяют как грехи, и которые зафиксировали они сами или их предки' (ЛТ, III. 7).

Далее в § 42 НТ речь идет о вредоносной магии, которая наказывалась смертью. Скорее всего, францисканцы не поняли до конца связь между незначительностью бытовых проступков и сверхзначимой сущностью, приписываемой нарушениям. Скажем, преднамеренное пролитие молока или касание огня ножом влекло смерть виновного, потому что, по представлению монголов, в оскверненное таким образом место непременно упадет молния. С точки зрения монголов, с помощью таких действий можно было спровоцировать гнев Неба. Наверяд ли кто-либо из окружения францисканцев мог объяснить им связь между бытовыми проступками и темой «небесного суда». Почему, к примеру, считалось страшным преступлением коснуться плетью стрел? Этот вопрос и сегодня неясен. Тот, кто рассказал францисканцам о монгольских «грехах», не смог объяснить глубинного смысла «грехов». Несоответствие норм и установок другой культуры, ориентированной на регулируемую роль Неба, создавало непреодолимые трудности при попытке адекватно описать их. Это обстоятельство западные дипломаты вполне осознавали, о чем и сообщили брату Ц. де Бридиа.

54. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЧИНГИС-ХАНА О ПОКОРЕНИИ МИРА (НТ, § 41)

Согласно брату Иоанну, «другое же установление состоит в том, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с одним народом, если только он не подчинился им, до тех пор, пока не настанет время их истребления» (ЛТ, V. 18). Эсхатологический пассаж о грядущем крахе империи имеется только в донесениях миссии 1245 г., тогда как идея о покорении известна большинству средневековых авторов, писавших о монголах. Наиболее ясное изложение этой идеи принадлежит брату Андре де Лонжюмо, который докладывал на Лионском соборе 1245 г., что «царь тартаров домогается только власти над всеми и даже монархии над всем миром и не жаждет чьей-нибудь смерти, но позволяет каждо-

му пребывать в своем вероисповедании, после того как [человек] проявил к нему повиновение» (*Английские источники*, с. 133; о веротерпимости см. НТ, § 42). На этом же соборе выступил русский архиепископ Петр, который, согласно Матфею Парижскому, сообщил: «Намерены они подчинить себе весь мир, и было им божественное откровение, что должны они разорить весь мир за тридцать девять лет» (*Английские источники*, с. 152). Ставшее известным магистру тамплиеров Понсу де Обону утверждение монголов о том, что их государь должен быть владыкой всего мира, свидетельствует об обменах посольствами между рыцарями и монголами: «И если к ним посылают какого-либо гонца, его берут передовые в войске, завязывают ему глаза и ведут его к своему государю, который, по их словам, должен быть владыкой всего мира» (*Понс де Обон*, с. 6).

В сопредельных с Великой Степью странах монголы оставили при власти прежних правителей. По сведениям Киракоса Гандзакеци, к грузинской царице Русудан «прибывали послы с двух сторон: из татарского стана от ближайшего родственника хана великого военачальника Бату, находившегося на севере, который властвовал над всеми, так что без его воли [даже] хан не вступал на престол, и от другого военачальника, по имени Бачу, находившегося в Армении; [оба] они предлагали ей явиться к ним с миром и дружбой и уже с их позволения править царством своим» (*Киракос Гандзакеци*. 45). Такие же требования были предъявлены и русским князьям, венгерскому королю, султанам Малой Азии, царю Малой Армении.

Фома Сплитский так описывает восхождение Чингис-хана к высотам власти: «Видя, что судьба приносит ему удачу во всех войнах, [Чингис-хан] стал чрезвычайно надменным и превознесся гордостью. И, полагая, что в целом свете нет народа или страны, которое могли бы противиться его власти, он задумал получить от всех народов трофеи славы. Он желал доказать всему миру великую силу своей власти, доверяясь бесовским пророчествам, к которым он имел обыкновение обращаться. И потому, призвав двух своих сыновей, Бата и Кайдана, он предоставил им лучшую часть своего войска, наказав им выступить для завоевания провинций всего мира»

(*Фома Сплитский. XXXVII*). Истинные причины монгольской экспансии неведомы Фоме Сплитскому.

Папские послы, оказавшись участниками и свидетелями важнейших событий на территории империи, кажется, не склонны были к высоким размышлениям о судьбах мира. Запад от них так и не узнал, что грандиозная война между Чингис-ханом и хорезмшахом шла за контроль над торговыми путями Центральной Азии. О том, что монголы стремились осуществить идею всемирного государства, сообщали многие современники событий, однако осознание этого факта открылось не всем. Врач Абд ал-Латиф из Багдада (ум. 1231—32) знал, почему хорезмийцы уступили монголам. «Хорезмшах Мухаммад ибн Тукуш был вор и насильник, а его солдаты были сбродом <...> большинство из них были тюрки — либо язычники, либо невежественные мусульмане <...>. Он имел обыкновение убивать часть племени, а оставшихся брать к себе на службу, и сердца их были полны ненависти к нему. Ни по отношению к своему собственному народу, ни по отношению к врагам он не вел осмотрительной политики <...>. И вот выступили против него эти татары, все сыновья одного отца, с одним языком, одним сердцем и одним вождем, которому они повиновались»⁵¹².

По мнению С. А. Козина, основная идея «Сокровенного сказания» — об управлении миром — вложена автором в уста самого Чингис-хана. Уже в 1206 г., т. е. после разгрома основных противников — татар, меркитов, кереитов и найманов, — записаны такие слова Чингиса: «Ныне, когда я, перед лицом вечной небесной силы будучи умножаем в мощи своей и Небом и Землею, направил на путь истины всеязычное государство и *все народы ввел под единые бразды свои*, и вы учреждайте для меня гвардию» (*Сокровенное сказание. § 224*). Эта же самая идея выражена в письмах Чингис-хана даосскому учителю Чань-Чуню. На вершине своей славы, которой достиг он только к шестидесятилетнему возрасту, Чингис-хан писал семидесятидвухлетнему «бессмертному» старцу Чань-Чуню: «Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье,

одна пища ⁵¹² В семь лет я совершил великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, а оттого, что у Цзинь правление не постоянно, я получил от Неба помощь и достиг престола. На юге Суны, на севере Хой хе, на востоке Ся, на западе варвары — все признали мою власть. Такого царства еще не было с давних времен наших — Шань юй. <...>. За непокорность государей я гроплю их грозно; только приходит моя рать, дальние страны умирятся и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов» (цит. по: *Си ю цзи*, с. 370, 374).

В памятной записи армянской рукописи 1248 г. содержатся сведения, видимо услышанные из уст монголов. Незвестный автор пишет: когда монголы захватили Персию, «у магов они научились искусству колдовства и получили повеление от своих бесов выступать и смело покорять все страны, так как все они даны им богом в наследство. И это неудивительно, так как [когда] король Вавилона Навуходоносор зачарованный вошел в Иерусалим — это Господь Бог дал в его руки город. <...> Они также признали, что все делается по воле Божьей, они сами рассказывали, что их появление произошло по велению самого Бога» (*Армянские источники*, с. 46). Григор Акнерци записал легенду об ангеле в виде златокрылого орла, передавшего повеления Бога Чингис-хану, в число которых входило господство над многими странами: «Они призывали себе на помощь Бога, Творца неба и земли, и дали ему вечный обет — пребывать вечно в исполнении Его повелений. Тогда, по повелению Бога, явился им ангел в виде орла златокрылого, и, говоря на их языке, призвал к себе их предводителя, которого звали Чангыз. Он пошел и остановился перед ангелом в виде орла, на расстоянии брошенной стрелы. Тогда орел сообщил им на их языке все повеления Божии. Вот эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют *Яса*: во-первых, любить друг друга; во-вторых, не прелюбодействовать; не быть предателями; почитать старых и нищих; и если найдется меж-

ду ними кто-либо нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти. Дав эти наставления, ангел назвал предводителя кааном, который с тех пор стал прозываться Чангыз-Каан. И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами и множиться до безмерного числа. Так это и случилось» (*Григор Акнерци*, с. 3–5). Ср. с ответом хана Гуюка Иннокентию IV в изложении Смбата Спарапета, см. коммент. 55). Далее Григор Акнерци вкладывает в уста Чингис-хана обращение к командующему войсками на Кавказе Чармагун-нойону: «Бог повелевает завоевать землю, поставить ясак, хранить ее в благоустройстве и брать с нее *тггу* и *мал*, *тагар* и *гунчур*»⁵¹³. Тех же, которые не подчиняются нам, не платят нам дани, следует убивать, жилища их разорять для устрашения тех, которые задумают нам сопротивляться» (*Григор Акнерци*, с. 11).

Появление златокрылого орла, вручающего небесный дар Чингис-хану, не случайный эпизод. Скорее всего, эта легенда опиралась на архаический сюжет, в котором дар обретал шаман. В поздней фиксации подобная легенда выглядит так. Тенгри посылает на землю орла, чтобы он победил злых духов. Но орел не знает языка людей. Тенгри советует орлу научить какого-либо шамана своему языку. От брака орла с женщиной рождается мальчик, который становится большим шаманом⁵¹⁴.

Киракос Гандзакечи передает одну из имперских легенд о хане Угедее, который, «как только получил царскую власть, собрал большое войско, неисчислимое по величине, подобно песку морскому <...>. Он разделил их на три части <...> поручив им разорять и разрушать все страны и царства по всей вселенной и не возвращаться к нему, пока не захватят весь мир и не подчинят его своей власти» (*Киракос Гандзакечи*. 20). Ср. с посланием императора Фридриха II: «<...> из земель своих они движутся с тем намерением, чтобы невзирая на [грозящие] жизни опасности, подчинить себе весь Запад, упаси, Господи, и веру и имя Христа погубить и уничтожить. И из-за неожиданной победы, которая им с соизволения Божьего до сих пор сопутствовала, они дошли до такого невероятного безумия, что уже мнят, [будто] королевства мира принадлежат им и что королей и владык, подчиненных презреннейшей их власти, они попирают и унижают» (*Английские источники*, с. 156).

Жуанвиль, со слов посланников французского короля, совершивших путешествие в Центральную Азию, рассказывает легенду о небесном путешествии вождя некоего кочевого племени, исповедующего христианство. Небесный владыка повелел этому вождю следующее: «“Отправишься отсюда к своему королю и скажешь ему, что ты узрел меня, Того, кто является Владыкой неба и земли; и скажешь ему, чтобы он возблагодарил меня за победу, которую я ему послал над пресвитером Иоанном и его народом. И еще передашь от меня, что я дарую ему могущество, дабы подчинить всю землю”. “Сир, — ответил князь, — как он поверит мне?” “Скажешь ему, дабы он поверил тебе, что знак моей воли таков: ты пойдешь сражаться с императором Персии всего с тремя сотнями людей из твоего народа; и чтобы ваш великий король уверовал, что в моей власти сделать все, я дарую тебе силу победить персидского императора, который будет сражаться против тебя более чем с тремястами тысячами воинов”» (Жуанвиль. § 483—484).

В XIV в. эта легенда связывалась уже непосредственно с Чингис-ханом. В анонимном грузинском сочинении говорится: «Чингиз-каен взошел на гору высокую и явился ему владыка Иисус Христос, бог всех, и он научил [Чингиса] праву, вере, невинности и истине, отречению от лжи, воровства и всякого прочего зла и говорил: “Защити эти заповеди, и все земли и племена я вручаю тебе. Иди и забирай все земли, какие только тебе под силу”. Став каеном, пришел он в Хатаети и вошел в церкви, узрел в них образ Спасителя Иисуса Христа и тотчас же поклонился ему и сказал: “Вот тот человек, которого видел я на горе Чинетской, был он такого же лика и научал меня всем законам моим”. Возлюбил его Чингиз-каен, благославлял его и все заповеди, данные им, твердо соблюдал» (Хронограф II, с. 116).

Перед походом хана Хулагу на Багдад Менгу-каан дал ему наставление: «Держись обычаев и закона Чингисханова в больших делах и мелочах. От Джейхуна Амуйского и до дальних стран Мисра оказывай ласку и отличай милостями и дарами всякого, кто послушается и покорится твоим повелениям и запретам, а того, кто упорствует и подымает голову, повергни в пустыню насилия и унижения вместе с женами, чадами, домочадцами и родичами и разрушь крепости и зам-

ки, от Кухистана и Хорасана начиная» (*Рашид ад-Дин*. Т. III. С. 24). Хулагу возвестил послам халифа: «Господь извечный избрал Чингис-хана и род его и пожаловал нам всю землю от Востока до Запада. Всякий, кто покорно с нами заодно сердцем и словом, тому сохранится владение, достояние, жены, дети и жизнь, а тот, кто умышляет против [нас], ими не насладится» (*Рашид ад-Дин*. Т. III. С. 36)⁵¹⁵.

55. «ПРОРОЧЕСТВО ЧИНГИС-ХАНА» (НТ, § 41)

Приказ о покорении мира и пророчество, согласно которому война непременно закончится умерщвлением монголов в неизвестной земле, являются эпизодом «Романа о Чингис-хане»⁵¹⁶. В передаче брата Иоанна эти сведения выглядят более ясно. В пророчестве говорится, что по истечении восемнадцати лет монголы должны быть побеждены другим народом. И те из них, кто сможет спастись, должны будут принять веру своих победителей: «Другое же установление состоит в том, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с одним народом, если только он не подчинился им, до тех пор пока не настанет время их истребления. Они сражались по крайней мере сорок два года и сначала восемнадцать лет должны править. И как говорят, после этого они должны быть покорены другим народом, согласно пророчеству, данному им, однако, они не знают, что это будет за народ. Те же, кто сможет спастись, как говорят, должны будут соблюдать тот закон, который соблюдают победившие их в войне» (LT, V. 18–19).

В сведениях брата Иоанна названы конкретные сроки исполнения пророчества: 42 года сражений сменяются 18 годами, надо полагать, мирного правления. После истечения этого срока, т. е. 60 лет, монголы будут побеждены неизвестным народом. Период в 60 лет, полученный в результате сложения 42 лет войн и 18 лет правления, не случайная величина. Он соответствует 60-летнему китайскому циклу, после завершения которого должно последовать всеобщее космическое обновление. На этот факт в свое время обратил внимание Ф. Риш⁵¹⁷, но исследователь не решился на далеко идущие

выводы. Очевидно, что пророчество, как оно изложено в версии брата Иоанна, касается сроков существования империи монголов. При этом указывается, что монголы в конце концов будут побеждены неизвестным народом (в версии брата Ц. де Бридиа этим народом названы христиане). Империя рухнет, когда завершится космический цикл и начнется новый отсчет времени. Пророчество следует сопоставить с сюжетом о насильственной смерти Чингис-хана от удара грома, что означало превращение империи в «нечистое» владение. Соединив все три темы, мы получим следующую картину: поскольку монголы в будущем будут покорены другим народом и примут веру победителя, то империя уже никогда не возродится.

Подобного рода сюжеты, вопреки мнению польских исследователей⁵¹⁸, не могли разрабатываться в русле официальной монгольской идеологии. Обычные идеологические формулы настаивают на обратном, провозглашая вечность правления той или иной династии. Обыгрывание в пророчестве круглой даты (60 лет) по восточному календарю, кажется, ни у кого из современных исследователей удивления не вызвало. Беццола, к примеру, ограничился следующим замечанием: монгольскому прорицанию охотно верили на Западе, тем более что оно соответствовало собственным надеждам Запада⁵¹⁹. Замечу, что не все известия, привезенные францисканцами с территории Монгольской империи, непременно должны быть «монгольскими». Тем более это касается пророчества о крахе империи. Несомненно, тема грядущей гибели империи была представлена в «Романе о Чингис-хане», хотя имеются и другие независимые известия, например у Матфея Парижского, что свидетельствует о популярности этой темы в христианском мире. Архиепископ Петр, отвечая на вопрос Лионского собора 1245 г. о намерениях монголов, ответил: «Намерены они весь мир себе подчинить и что предопределено свыше, что должны они весь мир за 39 лет опустошить, подтверждая это тем, что как некогда божественная кара очистила мир потопом, так и теперь нашествие их очистит этот мир разрушительным мечом. Также, полагают они, ждут их жестокие схватки с римлянами и другими латинянами, и неясно им, победят ли они или будут побеждены; [но] если победят, должны властвовать над всем миром» (*Английские источники*,

с. 182). Архиепископу Петру, как и многим современникам событий, известны монгольские имперские установки.

Армянский дипломат Смбат Спарапет в письме кипрскому королю Генриху Лузиньяну, написанном им в 1247 г. по пути в Каракорум, сообщает: «Да будет вам известно, что его святейшество посылал послов к великому хану, чтобы узнать, христианин ли он или нет, и почему он послал армию для уничтожения и разрушения мира. Но хан ему ответил, что Бог завещал его предкам и ему посылать своих людей, чтобы истребить все развратные и злые народы, а на вопрос: христианин он или нет — ответил, что Бог это знает, и если папа хочет это знать, то пусть придет сам увидеть и узнать» (*Смбат Спарапет*, с. XX). Для целей нашего исследования важно отметить, что никто из средневековых писателей, кроме автора романа, не решился настаивать на грядущем крахе империи. Винцент из Бове, переписывая сведения брата Иоанна, допустил ряд ошибок: 42 года прошлых сражений превращаются у него в 80 лет будущих сражений, далее, без изменений, говорится о 18 годах правления; пророчество вкладывается в уста самих монголов. *

При этом остается неясным вопрос о первоначальном источнике пророчества. Возможно, что пророчество принадлежит восточным христианам и основано на «Откровении» Псевдо-Методия. В «Истории Тартар» пророчество представлено еще один раз (НТ, § 33). Поскольку пророчество построено на двух моментах: круглой дате и обязательстве принять чужую веру, то это позволяет привлечь для сравнительного анализа различные известия.

В поисках исходного мотива обратимся к повествованию яковитского патриарха Михаила Сирийца (XII в.). Он передает легендарные сведения о тюрках, которые после вторжения в Малую Азию вынуждены переселиться в другие страны и клянутся почитать бога той страны, куда их направит жре-

* *Simon de Saint-Quentin*. XXX. 73: Quousque veniat tempus ipsorum interfectionis, annis .lxxx. debent pugnare et .xviii. tantummodo regnare; post hoc, ut ipsi dicunt, ab alia natione debent vinci ut vaticinatum est eis, nesciunt tamen que illa sit. Et qui evadere poterunt, ut dicunt, legem illam tenere debent quam tenent illi qui bello eos devinent.

бий. «Они увидели, что очутились среди царей и что земли недостаточно для их поселения; и разделились на три части с тем, чтобы каждая часть ушла в одну сторону: на юг, на север и на середину [на запад]. Они взяли три палки, поместили их и бросили вверх, т. е. туда, где, как они полагают, есть бог. И когда палки упали на землю, те, чья палка на юг, пошли в сторону верхней [северной] Индии. А до этого все поклялись, что каждый из их лагерей, в какую сторону их ни приведет, будет почитать бога, который почитается жителями той страны, и что они примут веру, которую они найдут у людей той страны. Поэтому те, кто пошел на юг, нашли там христиан и язычников и последовали им. И до сегодняшнего дня одни из них христиане, а другие язычники, почитающие идолов. Те, чей жребий был в северную сторону, находились на границе царства греков, на север от них, и назывались куманами, по имени этой земли. И они присоединились к христианскому народу, который нашли в той земле, хотя их нравы были испорчены. Те, которые пошли в западную сторону, посреди обитаемой [земли], <...> достигли царства арабов, смешались с [ними], признали и приняли их веру» (*Сирийские источники*, с. 51). Гадание по выбору направлений, т. е. выбор стран и вер, есть прояснение божественного предопределения. Согласно легенде, тюрки должны переселиться в разные страны и принять веру жителей этих стран. Не исключено, что пророчество о будущей судьбе монголов, согласно которому они должны будут соблюдать религиозный закон того, кому предрешено их победить, связано с изложенной выше сирийской легендой о тюрках.

К пророчеству о сроке царствования монголов, связанному с китайским летосчислением, где полный цикл вмещал 60 лет, можно привести важную параллель, касающуюся 100 лет хиджры по арабскому календарю. В китайской энциклопедии XI в. Чэ-фу-юань-гуй излагаются письма среднеазиатских владетелей китайскому императору с просьбой о помощи в борьбе против арабов⁵²⁰. Интересующие нас сведения содержатся в письме самаркандского правителя Гурека. Письмо было написано в конце 718 г. или в самом начале 719 г., т. е. в 100 г. хиджры. В письме упоминается пророчество, согласно которому могущество арабов должно закончиться с завершении-

ем полных ста лет по их календарю: «Что касается этих да-ши [арабов], то им суждено быть могущественными всего в течение 100 лет; именно в этом году оканчивается этот срок. Если китайские солдаты придут сюда, то мне и моим подданным наверное удастся уничтожить да-ши»⁵²¹. Отметим, что в обоих случаях в пророчествах фигурируют круглые цифры, взятые из календарных систем того народа, к какому относится пророчество.

Пророчество о сроке царствования монголов, в котором фигурируют конкретные цифры и назван срок падения их власти, не было чем-то оригинальным в астрологической практике средневекового Востока. Важно, что подобного рода теории выдвигались интеллектуалами, склонными в магии чисел распознавать волю предопределения. Для сравнения обратимся к пророчеству о сроке царства ислама, которое сохранилось в изложении ал-Бируни. Ал-Бируни рассказывает о вычислениях математика и астролога Ахмеда ибн ат-Тайиб-ас-Серахси (IX в.): «Он больше всех людей своего времени славился как еретик и составил книгу о соединении двух зловещих [планет] в знаке их злополучия, то есть в [знаке] Рака. Он изобразил, что их соединение произошло в конце пятого часа в день воскресенья, по прошествии трех ночей месяца Рамадана, за шесть месяцев до хиджры, и ссылаясь на астрономические указания о господстве Венеры над царством, перешедшим под власть арабов. А Венера, по его вычислению, [тогда] была в восемнадцатом градусе и двадцать седьмой минуте знака Рака, и ей оставалось до конца знака одиннадцать градусов и тридцать три минуты. В сумме это будет, если подсчитать, шестьсот девяносто три [минуты]. И вот [ас-Серахси] решил, что царство ислама [продлится] такое количество минут, [считая] в годах. В доказательство этого он сослался на Коран <...>. И прицепились к этому те, кто надеется на переход власти от арабов и перемену религии ислама, и возникли в сердцах слабых мусульман напрасные тревоги». Далее, ал-Бируни опровергает доводы ас-Серахси и заключает: «К тому же Пророк — да благословит Аллах его самого и его семейство! — не возвестил ни о чем, кроме часа [Страшного суда], и рассказал только о победе его вероучения над всеми [другими] вероучениями, о том, что царство арабов продлится до дня воскресенья, и что им, [Мухаммедом], закончится ряд пророков» (*ал-Бируни. Памятники минувших поколений*, с. 208).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1224 г. грузинская царица Русудан отправила письмо папе Гонорию III, где говорилось о монголах, см.: MGH. Epistolae saeculi XIII. Berolini, 1881. Т. I. P. 178 ff.

² Ученые записки АН по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. С. 760.

³ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 116–138.

⁴ См. также: Школяр С. А. 1) Об артиллеристах юаньской армии XIII века // Общество и государство в Китае. Третья научная конференция. Тез. и докл. М., 1972. Вып. I. С. 118–125; 2) Мусульманские камнеметы в Китае XIII–XIV вв. // Общество и государство в Китае. Пятая научная конференция. Тез. и докл. М., 1974. Вып. I. С. 147–155; 3) Китайская доогнестрельная артиллерия / Матер. и исслед. Отв. ред. Е. И. Кычанов. М., 1980.

⁵ Матузова В. И. Монгольское нашествие в свете политических взглядов Матфея Парижского (по материалам «Великой хроники») // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1976; Назаренко А. В. Русь и монголо-татары в хронике сплитского архидьякона Фомы (XIII в.) // История СССР. 1978. № 5; Акимова О. А. Политическая направленность рассказа Фомы Сплитского о татарском нашествии на королевство Венгрию // Вопросы истории славян: Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в эпоху феодализма. Воронеж, 1985. С. 74–85; Saunders J. J. Matthew Paris and the Mongols // Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson. Toronto, 1969, pp. 116–132; Euler E. Die Begegnung Europas mit den Mongolen im Spiegel abendländischer Reiseberichte // Saeculum 23. 1972, ss. 47–58; Connell C. W. Western views of the origin of the «Tartars»: an example of the influence of myth in the second half of the thirteenth century // The Journal of Medieval and Renaissance Studies 3. 1973, pp. 115–137; Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974; Hilpert H.-E. Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica majora des Matthaeus Paris. Stuttgart, 1981. (Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts London 9); Sweeney J. R. Thomas of Spalato and the Mongols: a thirteenth-century Dalmatian view of Mongol customs // Florilegium: Carleton University Annual Papers on Classical Antiquity and the Middle Ages 4. 1982, pp. 156–183.

⁶ Подробнее см.: *Bigalli D.* I Tartari e l'Apocalisse. Ricerche sull'escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze, 1971.

⁷ МНМ. Т. 2. С. 495.

⁸ Ср.: *Schaller H. M.* Endzeit-Erwartung und Antichrist-Vorstellungen in der Politik des 13. Jahrhunderts // *Ideologie und Heerschaft im Mittelalter*, ed. M. Kerner. Darmstadt, 1982 (Wege der Forschung 530), ss. 303–331.

⁹ *Vincencius Bellovacensis.* Speculum maius. Vol. 4: Speculum Historiale. Straßburg, 1473. (Neudruck Graz, 1965); *Guzman G. G.* The Encyclopedist Vincent of Beauvais and his Mongol extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // *Speculum* 49. 1974, pp. 287–307; *von den Brincken A.-D.* Die Mongolen im Weltbild der Lateiner um die Mitte des 13. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung des «Speculum Historiale» des Vincenz von Beauvais OP // *Archiv für Kulturgeschichte* 57. 1975, ss. 117–140; *Kappler C.* L'Image des Mongols dans le *Speculum historiale* de Vincent de Beauvais // Vincent de Beauvais. Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du XIVe Colloque de l'Institut d'études médiévales, organisé conjointement par l'Atelier Vincent de Beauvais (A.R.Te.M., Univ. de Nancy II) & l'Institut d'études médiévales (Univ. de Montréal) 27–30 avril 1988. // Ed. M. Paulmier-Foucart, S. Lusignan and A. Nadeau. Paris, 1990, pp. 219–240.

¹⁰ *Карсавин Л. П.* Монашество в Средние века. М., 1992. С. 125.

¹¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 257.

¹² *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе: Исследования и тексты. М., 1897, с. 87–88; ср.: с. 104–105; Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997, с. 16–46; Пророчество Псевдо-Мефодия цитировалось и ранее XIII в. одним из составителей раннекиевской Начальной летописи при описании набега половцев в 1096 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234, 235–236). О наименовании монголов «измаилтянами» см.: НПЛ, с. 75; С «Откровением» Мефодия был знаком и Фома Сплитский. Его реплика «многие ученые мужи, читавшие древние писания» почти буквально соответствует летописному: «премудрии мужи ведут я добре, кто книги разумеет» (НПЛ, с. 62; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446).

¹³ См. также: *Dawson Ch.* The Mongol Mission. Narrative and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the XIII and XIV Centurits. New York, 1955, p. XIX.

¹⁴ *Ramon Llull:* De Fine (1305) // *Raimundi Lulli Opera Latina* IX, Turnhout: Brepols 1981, pp. 233–291. (Corpus Christianorum, Continuatio

Medievalis); Hetoum, Prince. *La Flor des Estoires de la Terre d'Orient* // *Recueil des Historiens des Croisades: documents arméniens*. 1906. Vol. 2, pp. 111–253.

¹⁵ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 142.

¹⁶ *Шифман И. Ш.* О некоторых установлениях раннего ислама // *Ислам, религия, общество, государство*. М., 1984; Наиболее глубокий анализ этой темы принадлежит немецкому психоаналитику Ф. Э. Хефелсу, см.: *Хефелс Ф. Э.* Загадка одного иудейского табу // *Психоанализ и религия*. Полное собрание статей. Ahriman-International. 1999. С. 192–210.

¹⁷ Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. XI—XV в. А. Попова. М., 1875. С. 69; *Еремин И. П.* Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославовичу о латинянах) // *ТОДРЛ*. Л., 1935. Т. 2. С. 21–38.

¹⁸ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 262.

¹⁹ *Новгородская харатейная летопись*. М., 1964. С. 265; См. также: *Горский А. Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978. С. 180–181.

²⁰ *Новгородская летопись*. 1888. С. 447.

²¹ *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese. Quarachi, 1909–1929. Т. II. Р. 327–337; *Lupprian K. E.* Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Studi e Testi 291. Città del Vaticano, 1981.

²² «Откровение» Мефодия Патарского (III—IV вв.), в котором со всеми подробностями предсказаны события Судного дня, пользовалось чрезвычайной популярностью в Средневековье. См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897.

²³ См. также: *Мартынюк А. В.* «Поучения» Владимирского епископа Серапиона о причинах поражения русских княжеств в борьбе с монголо-татарским нашествием // *Спорные проблемы русской общественной мысли (до начала XIX в.)*. Научная конференция. Москва, 12–14 мая 1992 г. Тез. докл. М., 1992.

²⁴ *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 97.

²⁵ *Колобанов В. А.* Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серапиона Владимирского // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1961. Т. XVII.

²⁶ *Дробинский А. И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // *Исторические записки*. 1948. № 26. С. 126–127.

²⁷ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 120—121.

²⁸ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 132.

²⁹ Цит. по: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 179.

³⁰ Гиблин Ч. Открытая книга пророчества // Символ. Париж, 1993. № 30. С. 110—112.

³¹ Кощеев В. Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // ВИ. № 10. 1993. С. 131—135.

³² Saunders J. J. John of Plan Carpini: The Papal Envoy to the Mongol Conquerors who traveled through Russia to eastern Asia in 1245—47 // History Today 22. 1972, pp. 547—555.

³³ Дашкевич Н. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством // УИ. Киев, 1884. № 7; Большакова С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник // ДГ. 1975. М., 1976. С. 122—129; Noyè E. OFM. Legatio Fr. Joannis a Plano Carpini ad Tartaros // Collectanea commissionis synodalis 8. Peiping 1935, pp. 22—33; Szczesniak B. The Mission of Giovanni de Plano Carpini and Benedict the Pole of Vratislavia to Halicz // Journal of Ecclesiastical History 7. 1957, pp. 12—20; Rouhau G. Innocent IV devant le Péril tatar: ses lettres à Daniel le Galice et à Alexandre Nevsky // Istina 6. 1959, pp. 167—186.

³⁴ Historica Russiae Monumenta. Saint-Petersbourg, 1841 / Ed. A. J. Turgeniev. T. I. Doc. LXXVIII. P. 63; Пер. на русский язык: 1) Пош-ко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. Париж, 1993. № 30. С. 102—104; 2) Матузова В. И., Пашуто В. Т. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // Studia Historica in honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971. С. 136—138.

³⁵ Dictionnaire historique de la papauté. Sous la direction de Philippe Levillain. Fayard. 1994, p. 882.

³⁶ Matthai Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. London, 1877. Vol. IV, p. 599.

³⁷ Котляревский С. А. Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках. М., 1901.

Oliger L. Franciscan Pioneers Amongst the Tartars // Catholic Historical Review XVI. 1930; Orlini A. OFM Conv. Fra Giovanni di Pian del Carpine ambasciatore di Roma // Miscellanea Francescana di storia, di lettere, di arte 43. 1943, ss. 55—79; Simonut N. Il metodo d'evangelizzazione dei Francescani tra Musulmani e Mongoli nei secoli XIII—XIV. Milano, 1947; Pisani L. L'attività politica d'Innocenzo IV e i Francescani (1243—

1254). Neapel, 1957. (Pontificium Athenaeum Antonianum. Facultas Sacrae Theologiae — Theres ad Lauream 118); *Petech L.* I francescani nell'Asia centrale e orientale nel XIII e XIV secolo // *Espansione del francescanesimo tra Occidente ed Oriente nel secolo XIII. Atti del VI Convegno internazionale alla Società internazionale di studi francescani: Assisi, 12–14 ottobre 1978. Assisi, 1979, pp. 213–240; Espansione del francescanesimo tra occidente e oriente nel secolo XIII. Atti del VI conv. int. Assisi 12–14 ott. 1978. Assisi, 1979; Altaner B.* Sprachkenntnisse und Dolmetscherwesen im missionarischen und diplomatischen Verkehr zwischen Abendland (päpstliche Kurie) und Orient im 13 und 14. Jahrhundert // *Zeitschrift für Kirchengeschichte* 55. 1936, ss. 83–126; *Richard J.* Le discours missionnaire: l'exposition de la foi chrétienne dans les lettres des papes aux Mongols // *Prédication et propagandes au Moyen Âge. Islam, Byzance, Occident. Paris, 1983, pp. 257–269.*

³⁹ *Monumenta Germaniae Historica* (далее MGH). *Epistolae saeculi XIII. Berolini, 1881. T. I, p. 178 ff.*

⁴⁰ MGH. *Scriptores ad usum scholarum. Hannover, 1955. T. 31, p. 186.*

⁴¹ *Saunders J. J.* Matthew Paris and the Mongols // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson. Toronto, 1969, pp. 119–120; Connell C. W.* Western views of the origin of the «Tartars»: an example of the influence of myth in the second half of the thirteenth century // *The Journal of Medieval and Renaissance Studies* 3. 1973, pp. 117–118.

⁴² *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Zagrabiae, 1894. Vol. 26, p. 169, цит. по: Назаренко А. В.* Русь и монголо-татары в хронике Сплитского архидьякона Фомы (XIII в.) // *История СССР. 1978. № 5. С. 155.*

⁴³ *Фома Сплитский. XXXVII; см. также: Göckenjan H.* Tataren // *Lexikon des Mittelalters VIII. 1996–1997. Sp. 487–488; de Rachewiltz I.* The name of the Mongols in Asia and Europe: A reappraisal // *Études mongoles et sibériennes* 27. *Actes de la 37e P.I.A.C. 1996, pp. 199–210.*

⁴⁴ *Cronica Fratris Salimbene de Adam ordinis minorum edidit O. Holder-Egger // MGH.SS. T. XXXII. pars I. Л. 296.*

⁴⁵ *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 30.

⁴⁶ *Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.* History of Chinese society: Liao (907–1125). Philadelphia, 1949, pp. 101–102.

⁴⁷ Ср.: *Кычанов Е. И.* О татаро-монгольском улусе XII в. // *Восточная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск, 1986.*

⁴⁸ *Кляшторный С. Г.* Государства татар в Центральной Азии (до-чингисова эпоха) // *Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993; Weiars M.* Herkunft und Einigung der mongolischen

Stämme: Türken und Mongolen // Die Mongolen in Asien und Europa / Hrsg. S. Conermann und J. Kusber. Frankfurt am Main, 1997, ss. 27–41.

⁴⁹ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV–XVI века. М., 1974. Вклейки на с. 12, 23, 81.

⁵⁰ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII — XIV вв. М., 1985. С. 154–158.

⁵¹ Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология : Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. Вып. 1. С. 79–80.

⁵² Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Lpz., 1948. S. 137.

⁵³ Клапрот Ю. Что такое татары? // Северный архив. 1823. Т. 6. № 11; Наумов П. Об отношениях российских князей с монгольскими и татарскими ханами от 1224 по 1408 год. СПб., 1823; Попов А. И. Татары. Монголы // Русская речь. 1973. № 1. С. 119–123; Фахрутдинов Р. Г. Золотая Орда и ее роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

⁵⁴ Подробнее см.: Юрченко А. Г. Империя и космос. СПб., 2002. § 3.9 и § 3.11.

⁵⁵ Terra autem de qua prius sunt egressi Gotta vocatur (Юлиан. 1.2).

⁵⁶ Юлиан говорит о правителе Готты, которого звали *Gurgutam*. Дёрри, со ссылкой на Хайссига, высказывает предположение, что речь идет о Чингис-хане или Джучи (Юлиан, с. 167–168). На самом деле, *Gurgutam* — это *gur can* каракитайский; его история имеет лишь косвенное отношение к войне Чингис-хана против хорезмшаха. См. также: Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 96–98; Ан-Насави сообщает, что хорезмшах требовал у Кушлук-хана, захватившего гур-хана, дочь последнего со всеми сокровищами (ан-Насави. 3).

⁵⁷ См. также: Rudolf K. Die Tartaren 1241/1242. Nachrichten und Wiedergabe: Korrespondenz und Historiographie // Römische Historische Mitteilungen 19. Wien, 1977, ss. 79–107.

⁵⁸ Connell C. W. Western views of the origin of the «Tartars»: an example of the influence of myth in the second half of the thirteenth century // The Journal of Medieval and Renaissance Studies 3. 1973, pp. 115–137.

⁵⁹ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 146.

⁶⁰ Элиаде М. Космос и История. М., 1987. С. 36.

⁶¹ См., например: Мандельштам А. М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // ТИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. I. Археология; Зайончковский А. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XI вв.) // ТС. М. 1966.

⁶² Объяснение этой формы см.: Serruys H. Mongyol: Moyal and Mangyus: Mayus // АОН XXXVI. 1982, pp. 476–479.

⁶³ *Hambis L.* L'histoire des Mongols avant Gengis-Khan // CAJ XIV. 1970, pp. 125–133.

⁶⁴ *Pelliot.* Notes on Marco Polo, I, p. 285.

⁶⁵ Подробный анализ этой темы см.: *Weiers M.* Herkunft und Eignung der mongolischen Stämme: Türken und Mongolen // Die Mongolen in Asien und Europa / Hrsg. S. Conermann und J. Kusber. Frankfurt am Main, 1997, ss. 29–39.

⁶⁶ *Franke H.* A Sung embassy of 1211–1212: the Shih-Chin-lu of Ch'ehg Cho // BEFEO. 1981. T. LXIX, p. 170.

⁶⁷ *Хэй-да ши-люе*, с. 145, комм. 2, со ссылкой на: *Pelliot P.* Les mongols et la papauté. Paris, 1923, p. 22 et pl. II.

⁶⁸ *Фазлаллах Рашид ад-Дин.* Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указатели Р. М. Шукюровой. Баку, 1987. С. 28–29. См. также: *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М., 1970; *Кычанов Е. И.* 1) К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974; 2) Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в Средние века. Новосибирск, 1978; 3) О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск, 1986.

⁶⁹ *Рыкин П. О.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. Acta Eurasica. М., 2002. № 16. С. 61.

⁷⁰ См. также: *Бартольд В. В.* Образование империи Чингис-хана // Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 253–265; *Палладий [Кафаров П.]* Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // ТЧРДМ. СПб., 1866. Т. 4; [*Палладий*]. Старинное китайское сказание о Чингисхане Шэн-ву-цин-чжен-лу. Описание личных походов священо-воинственного. Перевод с предисловием и примечаниями архим. Палладия // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. I.; *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922; *Майский И. М.* Чингис-хан // ВИ. 1962. № 5; *д'Оссон К.* История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Т. I. Чингис-хан / Пер. и предисл. Н. Козьмина. Иркутск, 1937;

⁷¹ В XIII в. рассылка стрел обозначала сигнал сбора и вызова (*ан-Насави*. 96). Чжурчжэни делали зарубку на стреле для объявления о каком-либо деле. Если дело спешное, на стреле делали три зарубки (*Сюй Мэн-синь*, с. 276).

⁷² Эта же история была известна и русскому писателю XVII в. Андрею Лызлову, см.: *Лызлов*, с. 14.

⁷³ О дальнейшем развитии этой легенды см.: Неклюдов С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // *Etnografia Polska*. Wrocław; Warszawa; Krakov; Gdansk. 1980. Т. 24. З. 1.

⁷⁴ Sinor, pp. 546–547.

⁷⁵ Ср.: Risch, ss. 108–109; Pelliot. Recherches, p. 29; Painter, p. 56. п. 3.2.

⁷⁶ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий, XIII — XVIII вв. Иркутск, 1941. С. 18.

⁷⁷ Juvaini. Vol. 1, p. 196.

⁷⁸ Pelliot, Recherches, p. 29; См. также: Mediaeval researches from eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century, by E. Bretschneider. London, 1910. Vol. 2, p. 275.

⁷⁹ Unde fugientes dicti Madyanite habitaverunt iuxta, fluvium quendam nomine Tartar, unde et Tartari sunt vocati (Юлиан. 6. 1–3). Ср. с древнерусскими известиями: «Приде неслыханная рать безбожнии Моавитяне, рекомьи Татаръве» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 740).

⁸⁰ У нас нет оснований, вслед за Матузовой, приписывать этимологические изыскания самому Матфею Парижскому, см.: Матузова В. И. Английские средневековые источники, IX–XIII вв.: Тексты; Пер.; Комментарий. М., 1979. С. 164–165, прим. 13, 24; ср.: Painter, p. 56, 3.3.

⁸¹ ан-Насави. 71; 92. См. также: Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI — XIII вв. М., 1978. С. 206 и след.

⁸² I. de Rachewiltz. Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971, pp. 72–73.

⁸³ Ср. коммент. Daffinà, pp. 422–423; Sinor, p. 547.

⁸⁴ Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Древняя Сибирь. Сб. ст. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 270, прим. 10. (Материалы по истории Сибири)

⁸⁵ О реке Фарфар, протекающей через Дамаск, сообщает еврейский путешественник XII в. Вениамин из Туделы: «С горы Ермона, при подошве коей стоит город, стекают сюда две реки: Амана и Фарфар <...>. Река же Фарфар течет между садами и рощами вне города и обильно орошает их своими водами» (Вениамин из Туделы, с. 60).

⁸⁶ Подробнее см.: Graf A. Die Tartaren im Spiegel der byzantinischen Literatur // Jubilee Volume in Honour of Prof. Bernhard Heller. Budapest, 1941, ss. 77–85.

⁸⁷ Ср.: Михайлов Г. И. Монгольский язык в летописях Рашид ад-Дина // Кр. сообщ. Ин-та народов Азии. М., 1964. № 65. С. 118–119.

⁸⁸ Pelliot, Recherches, p. 30.

⁸⁹ О местности Баргу см.: Бертагаев Т. А. Об этимологии слов Баргуджин, Баргут и Тукум // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М., 1958; Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Республика Саха (Якутия), 1992. Т. I. Кн. 2. С. 131–135; Скрынникова Т. Д. Этнотопоним Баргуджин-Токум // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1993. С. 41–51.

⁹⁰ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 147. См. также: Buell P. D. Early Mongol Expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): a Reconstruction // CAJ 36. 1992, pp. 1–32.

⁹¹ Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю // Известия ИРГО. 1902. Т. XXXVIII. Вып. I. С. 18–20.

⁹² Ср.: Гумилев Л. Н. Монголы и меркиты в XIII в. // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1977.

⁹³ Pelliot, Recherches, pp. 30–31; Даффина принимает точку зрения Пелльо, см.: Daffinà, p. 423, n. 6.

⁹⁴ Painter, p. 57, n. 4. 2.

⁹⁵ Ср.: Dunlop D. M. The Karaits of Eastern Asia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943–1946. XI, pp. 276–289.

⁹⁶ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. Изд. 2-е. С. 37–38.

⁹⁷ Ср. согласно исследованию Э. Шефера, чужеземные владельцы, ища расположения или покровительства династии Тан, направляли грамоту, прося о золотом поясе и облачении императорского подданного, см.: Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 45.

⁹⁸ См. также: Радлов В. В. К вопросу об уйгурах // Приложение к XII тому Зап. имп. АН. 1893. № 2; Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров: По китайским источникам. СПб., 1899; Малов С. Е. Остатки шаманства у желтых уйгуров // Живая старина. СПб., 1914. Год XXI. Вып. 1; Бартольд В. В. 1) Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900. Ч. 2. С. 416–420; 2) История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 41–48; Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства XI–XIV веков. Л., 1966; Кызласов Л. Р. Уйгуры // История Сибири. Л., 1968. Т. 1; Клосон Дж. О названии уйгур // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965. Т. 1; Малявкин А. Г. 1) Уйгурское Турфанское княжество в XIII веке // ТИИАЭАН КазССР. Алма-Ата, 1962. Т. 15; 2) Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974; Семенов А. А. Очерк культурной роли

уйгуров в монгольских государствах // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978; *Исхаков Г. М.* Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX века. Алма-Ата, 1975; *Allsen T. T.* The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century // *M. Rossabi. China among Equals.* Berkeley, Los Angeles; London, 1983, pp. 245–247.

⁹⁹ *Richard J.* La limite occidentale de l'expansion de l'alphabet ouïgour // *JA* 239. 1951, pp. 71–75; *Орловская М. Н.* О периодизации истории развития монгольского письменного литературного языка // *Mongolica.* М., 1986.

¹⁰⁰ *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. С. 19–20.

¹⁰¹ *Викторова Л. Л.* К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII–XIII вв.) // *Языки народов Востока.* Л., 1961.

¹⁰² Груз. «цигни» означало и «книга», и «письмо».

¹⁰³ См. также: *Allsen T. T.* The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century // *M. Rossabi. China among Equals.* Berkeley, Los Angeles; London, 1983, pp. 266–267; *de Rachewiltz I.* Turks in China under the Mongols: a preliminary investigation of Turco-Mongol relations in the 13th and 14th centuries // *M. Rossabi (ed.). China among Equals.* Berkeley; Los Angeles; London, 1983, pp. 283–284.

¹⁰⁴ *Поппе Н. Н.* Золотоордынская рукопись на бересте // *Советское востоковедение.* М.; Л., 1941. Т. 2. С. 81–134.

¹⁰⁵ *Painter,* p. 59, n. 6.1.

¹⁰⁶ См. также коммент: *Boyle J. A.* The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Möngke // *CAJ* 9. 1964, pp. 181–182.

¹⁰⁷ *Таскин В. С.* Киданьский император на китайском престоле // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века.* Новосибирск, 1975.

¹⁰⁸ См. также: *Пиков Г. Г.* 1) О столице государства западных киданей // *Восточная Азия и соседние территории в Средние века.* Новосибирск, 1986; 2) *Западные кидани.* Новосибирск, 1989.

¹⁰⁹ Об истории кара-китаев в Средней Азии см.: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. С. 48–56; См. также: *Думан Л. И.* К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // *Уч. зап. Ин-та востоковедения.* 1955. Т. XI; *Рудов Л. Н.* Кидани // *Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии.* М., 1961; *Таскин В. С.* Походные лагеря киданьских императоров // *Китай: об-*

шество и государство. М., 1973. С. 101–115; *Василевич Г. М.* К вопросу о киданях и тунгусах // СЭ. 1949. № 1.

¹¹⁰ Ср.: *Викторова Л. Л.* Роль киданей в этнокультурной и политической истории Монголии // Общество и государство в Китае. М., 1981.

¹¹¹ *Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Сочинения. Т. V. С. 103–111.

¹¹² *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 65.

¹¹³ Там же, с. 36.

¹¹⁴ *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в Средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. С. 278.

¹¹⁵ См. также: *Кадырбаев А. Ш.* «Юань ши» как источник по истории кераитов и найманов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1976–1977. М., 1984.

¹¹⁶ Отождествление войрат с ойратами сомнений не вызывает, ср.: *Pelliot. Recherches*, p. 36; *Painter*, p. 60, n. 8.2; *Daffinà*, p. 433, n. 14.; см. также: *Рамstedт Г. И.* Этимология имени *ойрат* / Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина // Зап. ИРГО по отд. этнографии. СПб., 1909.

¹¹⁷ *Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 230–231.* См. также: *Кычанов Е. И.* Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингис-хана // КСИНА. 1965. Вып. 76. С. 154–165.

¹¹⁸ *Кычанов Е. И.* Субудай-боходур // Кюнеровские чтения. 1995–1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 44.

¹¹⁹ *Pelliot. Recherches*, p. 36; *Painter*, p. 60, n. 8.4; *Daffinà*, p. 433, n. 14.

¹²⁰ *Risch*, s. 113, komm. 2; *Rockhill. Journey of William Rubruck*, p. 63, n. 3; *Painter*, p. 61; *Daffinà*, p. 443, komm. 15; *Schmieder*, s. 133, komm. 75; *Howorth Sir H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. 4 vols. London; New York, 1876–1928. Vol. I, pp. 122, 124, 125; *Martin H. D.* The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China. Baltimore, 1950, pp. 160, 177; *Ratchnevsky P.* Genghis Khan. His Life and Legacy. Oxford, 1991, pp. 112–113. Исследователи пытались объяснить факт каннибализма, при этом приказ Чингис-хана остался незамеченным.

¹²¹ *Guéret-Laferté M.* Sur les Routes de l'Empire Mongol. Paris, 1994, p. 297.

¹²² *Tattersall J.* Anthropophagi and Eaters of Raw Flesh in French Literature of the Crusade Period: Myth, tradition, and reality // Medium Aevum 57. 1988, p. 244.

¹²³ Гузман допускает, что в данном случае наблюдается повтор сведений брата Иоанна, см.: *Guzman G.-G.* Reports of Mongol Can-

nibalism in the Thirteenth-Century Latin Sources: Oriental Fact or Western Fiction? // *Discovering New Worlds. Essays on Medieval Exploration and Imagination* / Ed. by S. D. Westrem. New York; London, 1991, pp. 36–37. В своей статье Гузман анализирует шесть латинских источников, в которых, по его мнению, говорится о монгольском каннибализме. Согласиться с предложенным им выбором источников невозможно по той причине, что сведения брата Иоанна, брата Ц. де Бридиа и Винцентия из Бове восходят в конечном счете к «Роману о Чингис-хане», который не является латинским источником. Гузман, попадая в игровое поле романа, не замечает, что анализирует литературные сюжеты как исторические. Известия Вильгельма де Рубрука относятся к племенам Южного Китая, а «сведения» архиепископа Петра и Матфея Парижского созданы в рамках апокалиптической традиции и не имеют никакого отношения к реальности.

¹²⁴ *Fried J.* Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert // *HZ* 243:2. 1986, s. 317. Ср.: *Kappler C.* L'Image des Mongols dans le *Speculum historique* de Vincent de Beauvais // Vincent de Beauvais. Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du XIe Colloque de l'Institut d'études médiévales, organisé conjointement par l'Atelier Vincent de Beauvais (A.R.Te.M., Univ. de Nancy II) & l'Institut d'études médiévales (Univ. de Montréal) 27–30 avril 1988. // Ed. M. Paulmier-Foucart, S. Lusignan and A. Nadeau. Paris, 1990, pp. 219–240.

¹²⁵ *Johannes von Plano Carpini.* Kunde von den Mongolen: 1245–1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997. Миниатюра взята из Corpus Christi College. Cambridge. MS. 16 f. 166. Как выяснилось из беседы с редактором серии проф. Ф. Райхертом, размещение миниатюры на обложке преследовало исключительно коммерческую цель и не было ошибкой.

¹²⁶ *Панкратов Б. И.* Об этимологии титула «Чингис» // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Кн. 3. Средняя и Центральная Азия. М., 1989. С. 189.

¹²⁷ Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Т. 1. Текст. Издание текста и предисл. Б. И. Панкратова. М., 1962. § 123. С. 163–164; ср.: «Сокровенное сказание», с. 109.

¹²⁸ Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). § 202.

¹²⁹ См., например: *Скрынникова Т. Д.* Потестарно-политическая культура монголов XI–XIII вв. // Средневековая культура монгольских народов. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1992. С. 58–59. По мнению Скрынниковой, хан не был главой государства, он избирался для организации облавных охот и проведения военных действий и был «первым среди равных».

¹³⁰ *Pelliot P.* La lettre du Grand Khan Güyük a Innocent IV // *Revue de l'Orient Chrétien*. 3e série 3. Vol. XXIII. Paris, 1922–1923, pp. 3–30.

¹³¹ *de Rachewiltz I.* *Qan, Qa'an* and the Seal of Güyük // *Documenta Barbarorum*. Festschrift für W. Heissig, hg. von K. Sagaster, M. Weiers. Wiesbaden, 1983, ss. 272–281.

¹³² *Chaat*, возможно, соответствует монг. *qa'an*, ср.: *Boyle J. A.* On the Titles given in Juvaini to Certain Mongolian Princes // *HJAS* 19. 1956, p. 152.

¹³³ *Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to European Power, 1245–1255 // *Byzantion*. 1941–1942. Vol. 15, pp. 378–413.

¹³⁴ *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 122.

¹³⁵ *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. I, p. 302. О титуле *каган* см. также: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. С. 24, 34, 357, 359, 602; ср.: *Krader L.* *Qan-Qagan* and the Beginnings of Mongol Kingship // *CAJ* 1. 1955, pp. 17–35.

¹³⁶ *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 155.

¹³⁷ *Бертагаев Т. А.* Об этимологии *хан-хаган*, *хатун* и об их отношении к *хат* // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 49.

¹³⁸ *Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 79–80.

¹³⁹ *Painter*, p. 62, n. 11.1.

¹⁴⁰ *Daffinà*, pp. 423–424.

¹⁴¹ *Szczesniak B. B.* Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relations and the Vinland Map // *JAOS* 86. 1966, p. 376; *Sinor D.* Mongol and Turkic Words in the Latin Versions, pp. 542–545.

¹⁴² О трехчастном устройстве армии см.: *Трепавлов В. В.* Система крыльев в Монгольской империи XIII в. // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1993. С. 10–24.

¹⁴³ *Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI–XV вв.) // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. XXII. С. 85.

¹⁴⁴ *Кулаковский Ю. А.* Христианство у алан // Византийский временник. 1898. Т. V. Вып. 1–2; *Кузнецов В. А.* Алания в X–XIII в. Орджоникидзе, 1971; *Батчаев В. М.* Феодалы замки Алании // Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992.

¹⁴⁵ Об этнониме *as* 'асы', 'яссы', 'осетины', см.: *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. I. С. 157, 41; см. также: Русь и Асы на военной службе в Китае // Живая старина. 1894. Т. IV. Вып. I. С. 65–73; *Готье Ю. В.* Яссы-аланы в ранней русской истории // Изв. Таврического общества истории, археологии и этногра-

фии. Симферополь, 1927. Т. I. (58); Бубенок О. Б. Ясы южнорусских степей: (Палеоэтнографическое исследование). Автореф. дис. к. и. н. / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1995.

¹⁴⁶ Палладий, архимандрит. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам, с прим. В. В. Григорьева // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. I. С. 47.

¹⁴⁷ Önnersfors, s. 9.

¹⁴⁸ Painter, p. 63.

¹⁴⁹ Pelliot, Recherches, pp. 16, 131; Painter, p. 64, n. 3.

¹⁵⁰ Ванин Ю. В. Феодальная Корея в XIII—XIV вв. / Отв. ред. М. Н. Пак. М., 1962; Henthorn W. E. Korea: The Mongol Invasions. Leiden, 1963; Ledyard G. The Mongol campaigns in Korea and the Dating of the Secret History of the Mongols // CAJ 9, 1. 1964, pp. 1—22.

¹⁵¹ Ср.: Underdown M. European knowledge of Korea during the Yüan dynasty // Études mongoles et sibériennes 27. Actes de la 37e P.I.A.C. 1996, pp. 385—404.

¹⁵² Painter, p. 63, n. 2; Daffinà, pp. 439—441, n. 24; A. D. von den Brincken. Die «Nationes Christianorum Orientalium» im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts. Köln; Wien, 1973. S. 64; Richard J. Sur les pas de Plan-carpin et de Rubrouck: la lettre de Saint Louis a Sartaq // Journal des Savants, 1977, p. 53.

¹⁵³ Pelliot, Notes on Marco Polo. II, pp. 620—621.

¹⁵⁴ Risch, ss. 130—131.

¹⁵⁵ Painter, p. 63, n. 2.

¹⁵⁶ SDS, s. 193.

¹⁵⁷ Демидчик В. П. Описание Волги в «Книге изображений земли» арабского географа X в. Абу-л-каси́ма ибн-Хаукаля // ИАН ТаджССР. Отделение общ. наук. 1962. Вып. 2. С. 54—56.

¹⁵⁸ Абд ар-Рахмани ибн Абд ал-Хаким. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и прим. С. Б. Певзнера. М., 1985. С. 59.

¹⁵⁹ Risch, ss. 130—131; Пелльо поддержал мнение Риша о Каспийских горах как о реальном Кавказе и «кергизах», отождествляемых с черкесами, ср.: Pelliot, Notes on Marco Polo. II, pp. 620—621.

¹⁶⁰ Daffinà, pp. 439—441; SDS, ss. 193, 257.

¹⁶¹ Ср.: Montes autem illi in ea parte ad quam applicuerunt sunt de lapide adamantino, unde eorum sagittas et arma ferrea attraxerunt (LT, V. 15). Перевод Шмидер (Schmieder, s. 67): «Jene Berge sind in dem Teil, den die Tartaren erreichten, aus stahlhartem Gestein, woraus sie ihre Pfeile und eisernen Waffen machten», «Те горы в той части, которой достигли тар-

тары, из камня твердого как сталь, из которого они делали их стрелы и железное оружие'. Перевод Шмидер отличается от всех известных переводов этого эпизода, в том числе и от старого немецкого перевода, ср.: *Risch*, s. 131.

¹⁶² *Schmieder*, s. 134, komm. 90.

¹⁶³ Кажется, на этой странной идее настаивает Беццола, см.: *Bezzola*, s. 129.

¹⁶⁴ *Painter*, p. 64. Пейнтер ссылается на издание: *Livre des merveilles de l'Inde par le capitaine Bozorg fils de Chahriyâr de Râmhormoz. Texte Arabe publié d'après le manuscrit de M. Schefer, collationné sur le manuscrit de Constantinople, par P. A. van der Lith. Traduction française par L. M. Devic. Leide, 1883—1886, p. 92—93, XLVII.*

¹⁶⁵ *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, entitled Chi-fan-chn / translated from the Chinese and Annotated by F. Hirth, W. W. Rockhill. St.-Petersburg, 1911, p. 153.* Здесь же указана ссылка на «Историю» ат-Табари (I. 68), где говорится о Джабалка.

¹⁶⁶ *Юрченко А. Г. Чингис-хан в стране «шумящего солнца» // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1998. Вып. 12. С. 126—132.*

¹⁶⁷ Перевод Шмидер: «Auch sie spielen dann auf Orgeln und Trommeln und anderen Instrumenten, damit sie den Lärm nicht hören müssen» (*Schmieder*, s. 68); ср. с итальянским переводом, выполненным Лунгаротти: «Li sotto, infatti, per non udire quel boato, facevano rumore con organi, timpani ed altri strumenti» (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*, p. 357). Ср. также с переводом Млодецкого на польский: «A nawet wtedy zagluszają ten hałas dzwiekami piszczałek, kotłow i innych instrumentów, ażeby go nie slyszec» (*SDŚ*, s. 135).

¹⁶⁸ Ср. с переводом Малеина: «<...> они даже били тогда в бубны, тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этого шума» (*Малеин*, с. 43). Малеин не объясняет почему слово *organis* он переводит как бубны. Возможно, он воспользовался текстом русской Александрии, где слово *органы* означает бубны. Ср. со старым немецким переводом: «Dann müßten sie sogar selbst mit ihren Musikwerkzeugen, mit Pauken und mit andern Instrumenten, einen wahren Höllenlärm machen, um jenes Getöse zu übertönen» (*Risch*, ss. 134—135). Риш переводит *organis* неопределенным «Musikwerkzeuge» — 'музыкальный инструмент'.

¹⁶⁹ *Рабинович М. Г. Музыкальные инструменты в войске Древней Руси // СЭ. 1946. № 4. С. 157, 159.* По мнению Рабинович, связь упоминаемых в русских летописях *органов* с известными народными музыкальными инструментами не прослеживается, и как выглядели органы — сказать трудно. Для нашего же исследова-

ния важно, что органы были ударными инструментами (в них бьют, а не играют), что находит прямое соответствие со сведениями брата Иоанна, который зафиксировал в своем переводе русский термин.

¹⁷⁰ Цит. по: *Срезневский*. Материалы. Т. I. Стб. 227; Т. II. Стб. 705; См. также: *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1990. Т. I. С. 92.

¹⁷¹ *СлРЯ XI — XVII вв.* Вып. 13. С. 62.

¹⁷² *Ванеева Е. И.* К изучению истории текста Сербской Александрии (на материалах ленинградских списков XV—XVII вв.) // *ТОДРЛ*. Т. XXX. Л., 1976. С. 117.

¹⁷³ *Повести о Куликовской битве* / Изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 256.

¹⁷⁴ Там же, с. 284, прим. 51.

¹⁷⁵ *Српска Александрида. Свеска друга* / Приредиле Р. Маринковић, В. Јерковић. Београд, 1985. С. 64.

¹⁷⁶ *Die Serbische Alexandreis nach der Sofioter illustrierten Handschrift Nr. 771. Text und Übersetzung von D. Christians*. Köln; Weimar; Wien, 1991. S. 79.

¹⁷⁷ *Montagu J.* Geschichte der Musikinstrumente in Mittelalter und Renaissance. Basel; Wien, 1981. S. 36. Там же воспроизведены цветные средневековые иллюстрации.

¹⁷⁸ *Painter*, pp. 68—70, n. 17.1—5, p. 84, n. 3; *SDS*, ss. 191—192, kom. 72; s. 264, kom. 76; s. 192, kom. 73, 74.

¹⁷⁹ *Макран* — северное побережье Оманского залива и Аравийского моря (ср.: *Марко Поло*, с. 332).

¹⁸⁰ *Daffinà*, p. 436. Дафина ссылается на исследование: *Jean de Plan Carpin*. Histoire des Mongols / Traduit et annoté par D. J. Becquet et par L. Hambis. Paris, 1965, pp. 153 n. 56, 173 n. 152, 174 n. 156.

¹⁸¹ *Daffinà*, p. 436.

¹⁸² *Risch*, ss. 123—124.

¹⁸³ *Повесть о Варлааме и Иоасафе*. Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подготовка текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой, отв. ред. О. В. Творогов. Л., 1985; *Кузнецов Б. И.* Повесть о Варлааме и Иоасафе. К вопросу о происхождении // *ТОДРЛ*. Л., 1979. Т. XXXII; *Peters P.* La première traduction Latine de «Barlaam et Joasaph» et son original grec: *Analecta Bollandiana*. T. XLIX. fasc. III et IV. Bruxelles, 1931; *The Wisdom of Balahvar a Christian Legend of the Buddha by David Marshall Lang*. 1957. 13; арабская редакция создана в VIII — IX вв., см.: *Повесть о Варлааме Пустыннике и Иоасафе, царевиче индийском* / Пер. с араб. В. Р. Розена, под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1947.

¹⁸⁴ Хинтибидзе Э. Г. Вопрос об авторстве «Варлаама и Иоасафа» в современной византистике // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980. С. 268–269.

¹⁸⁵ Повесть о Варлааме и Иоасафе, с. 112. Согласно И. Н. Лебедевой, в заглавии греческой Повести «Душеполезное повествование, принесенное из внутренней Эфиопской страны, называемой Индия, в святой град Иоанном монахом», есть упоминание и Эфиопии, и Палестины, как и в краткой грузинской версии. В тексте Повести также дважды упоминаются благочестивые мужи из внутренней Эфиопии, т. е. Индии, рассказавшие историю о царевиче и его наставнике автору Повести (там же, с. 31); В краткой грузинской версии «Мудрости Балавара» сказано: «Рассказывал нам отец Исаак, сын Софрония Палестинского, и книга эта — мудрость Балавара, который находился в пустыне с отшельниками. Благослови, отче! Однажды я достиг [Еф]иопии и там в индийском книгохранилище нашел эту книгу, в которой описаны дела сего мира, весьма полезные для души». Цит. по: *Балавариани*. Мудрость Балавара / Пред. и ред. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1962. Приложение: (Мудрость Балавара) / Пер. И. А. Джавахишвили. С. 115.

¹⁸⁶ Повесть о Варлааме и Иоасафе, с. 112.

¹⁸⁷ *Miller K. Mappaemundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1895. Bd. III. S. 14.*

¹⁸⁸ Ср.: *Schmiedet*, s. 134, komm. 83; *I. de Rachewiltz. Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971, pp. 106–107*; *A. D. von den Brincken. Die "Nationes Christianorum Orientalium" im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts. Köln; Wien, 1973, s. 399*; *Sinor D. The Mongols and Western Europe // A History of the Crusades / ed. K. M. Setton. III. Madison, Wisc., 1975, pp. 516–517.*

¹⁸⁹ *Zarncke F. Der Priester Johannes, zweite abhanlung, enthaltend capitel IV, V und VI. Leipzig, 1876, ss. 69–70.*

¹⁹⁰ *Mackenzie F. Dschingis Khan. Der Fürst, der aus der Wüste kam, das größte Reich der Welt gründete und zum Schrecken des Abendlanders wurde. Bern; München, 1977, s. 294.*

¹⁹¹ *A. D. von den Brincken. Die "Nationes Christianorum Orientalium", s. 399.*

¹⁹² *Painter*, pp. 68–69, nn. 3–4; ср.: Даффина, поддержавший идею о существовании «Романа о Чингис-хане», комментируя сюжет о пресвитере Иоанне, ограничился перечнем возможных источников, см.: *Daffinà*, pp. 436–437, n. 20; не поддержали Пейнтера и польские историки, см.: *SDS*, s. 192, kom. 73–73.

¹⁹³ *Bezzola*, ss. 127–128.

¹⁹⁴ *I. de Rachewiltz*. Prester John and Europe's Discovery of East Asia. Canberra, 1972, p. 11.

¹⁹⁵ *Olschki L.* Marco Polo's Asia. An Introduction to His «Description of the World» called «Il Milione» / Trans. from the Italian by J. A. Scott. Berkeley and Los Angeles, 1960, pp. 391–392. Версия легенды, изложенная братом Иоанном, в исследовании Ольшки не рассматривается.

¹⁹⁶ Считается, что эти сведения восходят к отчету Симона де Сент-Квентина, участника доминиканской миссии в Малую Азию в 1246 г., см.: *Симон де Сент-Квентин*. XXX. 69.

¹⁹⁷ *Вильгельм де Рубрук*. XXVI. 1. Анализ этих сведений, см.: *Olschki L.* Marco Polo's Asia, pp. 394–396.

¹⁹⁸ *Friedman L. J.* Joinville's Tartar Visionary // *Medium Aevum* 27/1. 1958, pp. 1–7.

¹⁹⁹ *Марко Поло*, с. 86–87. См. коммент.: *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. II. С. 633.

²⁰⁰ *Knefelkamp U.* Die Suche nach dem Reich des Priesterkönigs Johannes. Freiburg, 1985, s. 64.

²⁰¹ *Schmieder*, s. 83.

²⁰² Ср. попытки брата Вильгельма и Марко Поло дать «рациональное» объяснение происхождению легенды о пресвитере Иоанне, см.: *Olschki L.* Marco Polo's Asia, pp. 392–397.

²⁰³ Ср.: *Helleiner K. F.* Prester John's Letter: A Medieval Utopia // *The Phoenix*. III, 1. 1959, pp. 47–57; *Olschki L.* Der Brief des Presbyters Johannes // *HZ* 144. 1931, ss. 1–14; *Olschki L.* Storia letteraria delle scoperte geografiche. Studi e ricerche. Firenze, 1937, pp. 194–214.

²⁰⁴ *Dawson*, Mission to Asia, p. 23, n. 1; *Risch*, s. 128; *Painter*, p. 72; Пиеткевич (SDS, s. 193) отождествляет сведения брата Иоанна о покорении Буритебета, с планом Чингис-хана прибыть в Тангут через труднопроходимую горную область Хиндустана, описанным в сочинении Рашид ад-Дина (Т. I. Кн. 2. С. 225); *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 70; *Кюнер Н. В.* Описание Тибета. Владивосток, 1907. Ч. 1. Географическая. Вып. 1. Имя. Границы. Обзор путешествий. С. 1–5, 28–29; *Tibet und Zentralasien mit einer einleitung von E. Schäfer*. Stuttgart, 1965, ss. 38–43; *Toscano G. M.* Alla scoperta del Tibet. Relazioni dei missionari del sec. XVII. Bologna, 1977, p. 30.

²⁰⁵ Ср. со сведениями Ахмеда ибн Фадлана, где подчеркивается та же самая подробность — отсутствие у тюрок бород, но не усов: «Все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел среди них дряхлого старика, который выщипал себе бороду и оста-

вил немного от нее под подбородком, причем на нем [надета] шуба, так что, если человек после этого увидит его, обязательно примет его за козла» (*Ахмед ибн Фадлан*, с. 128). Об этой этнографической подробности см.: *Risch*, s. 129, *kom.* 7. О том, что в древнетюркской среде было принято носить усы и бороду, свидетельствует значительное число изваяний, на которых изображены усы и борода (вернее, около половины всех изваяний Южной Сибири и Монголии, см.: *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА. № 24. М., 1952. С. 72–120) и 37 из 58 тувинских изваяний имеют усы или усы и бороду, см.: *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. (Сводная таблица).

²⁰⁶ Ср., например, со сведениями Марко Поло о жителях некоторых областей Тангута: «...люди толсты, курносы, волосы черны; без бород и без усов» (*Марко Поло*, с. 93–94).

²⁰⁷ *Daffinà*, p. 439; ср.: *Pelliot P.* A propos des Comans, pp. 182–183.

²⁰⁸ Ср.: *Ермоленко Л. Н.* Представления древних тюрков о войне / *Altaica*. II. Сб. статей и материалов. М., 1998. С. 51–57.

²⁰⁹ *Risch*, s. 128.

²¹⁰ *Painter*, p. 72 n. 1.

²¹¹ *Sinor*, pp. 540–541.

²¹² Ср.: *börü* — ‘волк’ алт., балк., кирг., к.-калп., кумык.; тув. *börü*; казах., турк., уйг. *böri*; якут. *börö*, см.: *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 131–132; Другие примеры см.: *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические. СПб., 1883. Вып. 4. С. 157.

²¹³ *Daffinà*, p. 439.

²¹⁴ Об этих терминах, см.: *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных, с. 128.

²¹⁵ Там же, с. 127.

²¹⁶ *Histoire Secrete des Mongols / Par L. Ligeti.* (Monumenta Linguae Mongolicae). Budapest, 1971, p. 235.

²¹⁷ *The Secret History of the Mongols. For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary by F. W. Cleaves.* Cambridge Mass. London, 1982. Vol. I, p. 202, 267.

²¹⁸ *The Secret History of the Mongols* (Translation by Igor de Rachewiltz). Kap. XI. 30 // *Papers on Far Eastern History* 30 (1984), p. 99. (§ 260); *comm.*, p. 153. И. де Рахевильц ссылается на свидетельство Марко Поло о тибетских псах, ценимых за свою выносливость: «Есть у них большие собаки с осла, и ловки они диких зверей ловить» (*Марко Поло*, с. 135). Но без собак не обходился ни один кочевой народ в

Азии. Из сведений Марко Поло не вытекает необходимость престижного сравнения монголов с тибетскими псами. Следует также учитывать тот факт, что во времена Чингис-хана Тибет не был дружеской территорией для монголов.

²¹⁹ *Histoire Secrète des Mongols (Mongghol-un ni'uca tobciyan). Chronique mongole du XIIIe siècle, traduit du mongol, présenté et annoté par M.-D. Even et R. Pop; préface de R. N. Hamayon. Paris, 1994, p. 226; comm., p. 306.*

²²⁰ *Manghol un niuca tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen aus der chinesischen transkription im mongolischen wortlaut Wiederhergestellt von E. Haenisch. Wiesbaden, 1962, s. 91, komm., s. 122.* Хениш пишет в комментарии: «*tobodut nohat* tibetische Hunde, beachte den Plural des Attributs: Tibeter-Hunde».

²²¹ «От захода солнца до восхода есть много враждебных народов. Если вы пошлете нас, своих *Тободов-слуг*, мы все враждебные народы милостью Неба и Земли покорим и золото, серебро, ткани и товары тебе отдадим!», см.: *Сокровенное сказание монголов*. Анонимная монгольская хроника 1240 года / Пер. П. А. Дарваева и Г. Г. Чимитова. Элиста, 1990. С. 244. В вольном переводе монгольское *нохои* — 'собака' превращается в «слуг».

²²² По мнению У. Онона: «The Chinese interlinear note gives 'Tibetan dogs' for *töböd-üt noxod*. However, *töböd* (plural *töböd-üt*) meant '(large) sheep dog'...», см.: *The History and the Life of Chinggis Khan. (The Secret History of the Mongols). Translated and annotated by Urgunge Onon. Leiden; New York; Kobenhaven; Köln, 1990, p.154, comm., p. 344.*

²²³ В «Сокровенном сказании» отмечены тюркские элементы, но слово *töböd* не вошло в их число, ср.: *Рассадин В. И.* Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995. С. 108—115.

²²⁴ *Коновалов П. Б.* Об историческом и этническом сознании средневековых монголов // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995. С. 36—37; Например, этноним *йэти-бөри* — 'семь волков' см.: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 33; К вопросу о «роде собаки» у тюрков см. также: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 102—105.

²²⁵ О различных формах написания термина *Тибет* в средневековых источниках см.: *Róna-Tas A. Tibet // Documenta Barbarorum. Festschrift für W. Heissig / K. Sagaster, M. Weiars (Hrsg.). Wiesbaden, 1983, ss. 326—329.*

²²⁶ Коновалов П. Б. Об историческом и этническом сознании, с. 46.

²²⁷ Richard J. Sur les pas de Plancarpin et de Rubrouck: la lettre de Saint Louis à Sartaq // Journal des Savants. 1977, p. 53.

²²⁸ Ср.: Kotwicz W. L. Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIIIe siècle // RO. 1950. 16, ss. 428–439.

²²⁹ Risch, s. 122; Painter, pp. 44–47; Daffinà, pp. 434–436; Schmieder, s. 133, komm. 80.

²³⁰ По мнению Менгеса, в данном случае Ибир = 'Ibhria, т. е. Грузия, см.: Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 196.

²³¹ Painter, p. 46.

²³² Daffinà, p. 435.

²³³ Sinor D. On Mongol Strategy // Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference, ed. Ch'en Chien-hsien. Tainan, Taiwan, 1975, pp. 238–249.

²³⁴ Рерух Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 336–337.

²³⁵ Другие примеры, где фигурирует тюрк. *коин* — «овца», см.: Навширванов З. Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывающих на юге Руси и в Крыму // Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. III (60). С. 88–89. Отметим также любопытное совпадение: греческое название реки Дон — «Танаис» означает 'река овцы'.

²³⁶ Sinor, pp. 550–551.

²³⁷ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1. С. 79. Др. примеры см.: Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 110, 113.

²³⁸ Önnertfors, s. 15.

²³⁹ Орлов А. С. Об особенностях формы русских повестей. М., 1902. С. 21–22.

²⁴⁰ Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. М., 1980. С. 79–103.

²⁴¹ В Средние века немцы называли кипчаков *falones* ~ *phalagi* ~ *valvi* ~ *velven* ~ *valven*.

²⁴² См. также: Куник А. А. 1) Выписки из Генриха Лотышского о русских событиях 1221–1223 годов // Учен. записки имп. АН по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 2. С. 317–330; 2) Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского и некоторых русских летописей // Уч. зап. имп. АН по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 2. С. 297–317.

²⁴³ *Caesarius von Heisterbach*. Dialogus miraculorum X, 47. Ed. J. Strange. Köln, 1851. II, s. 250f.; *Ryccardus de S. Germano*. Chronica zu 1223. Ed. C. A. Garufi. Bologna, 1936–1938, p. 209f. (L. A. Muratori. Rerum Italicarum Scriptores. 2. Aufl., Bd. VII, 2). Анализ этих источников см.: *Sinor D.* Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // *Cahiers d'Histoire Mondiale* III. 1956. 1, p. 40. В Хронике Ричарда фигурирует название *Plauti*, что передает рус. «половцы».

²⁴⁴ Цит. по: *Кычанов Е. И.* Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. СПб., 1999. Вып. XVIII. С. 161.

²⁴⁵ См. также: *Куник А. А.* 1) О признании 1223 года временем битвы при Калке // *Учен. записки имп. АН по I и III отделениям*. СПб., 1854. Т. II. Вып. 5. С. 765–787; 2) Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны, с 1220 по 1224 г. [Пер. Н. И. Ильминского] // *Уч. записки Имп. АН по первому и третьему отд.* СПб., 1854. Т. 2.. Вып. 4; 3) О походе татар в 1223 г. по Нейбургской хронике // *Уч. записки Имп. АН по 2-му и 3-му отд.* СПб., 1854. Т. 2; *Ляскоронский В.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 г. // *ЖМНП*. 1907. Май; *Сердобольская Л. А.* К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке // *Сборник трудов Пятигорского гос. педагог. ин-та*. Ставрополь, 1947. Вып. 1. С. 135–143; *Кудряшов К. В.* О местоположении реки Калки // *ВИ*. 1954. № 9; *Свердлов М. Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // *Вестник ЛГУ*. 1963. № 2. Сер. истории, яз. и лит-ры. Вып. 1. С. 139–144.

²⁴⁶ Историческую легенду о Горном старце, главе исмаилитов, пересказывает Марко Поло, см.: *Марко Поло*, с. 70–71. См. также: *Olschki L.* Marco Polo's Asia. Berkeley and Los Angeles, 1960, pp. 362–381.

²⁴⁷ Ср.: *Эрдеи И.* «Большая Венгрия» // *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1961. 13.

²⁴⁸ Имя *унгар* — «венгр» происходит от тюрк. *оногур*, прим. перевод.; ср.: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 37.

²⁴⁹ *Pascatur*, см. коммент.: *Ciociltan V.* Wilhelm von Rubruks Angaben über Rumänen und Baschkiren im Lichte der orientalischen Quellen // *Südostforschungen*, XLII. 1983, ss. 113–122.

²⁵⁰ PL 82. IX. II. 334.

²⁵¹ *Илас*. По мнению Ю. А. Зуева, *илак* — древнетюркский этноним «алаты»; см.: *Зуев Ю. А.* Из древнетюркской этнонимии по

китайским источникам (*бома, гуй, яньмо*) // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1962. Т. 15. С. 113.

²⁵² См. также: *Корзухина Г. Ф.* Путь Абу Хамида ал-Гарнати из Булгара в Венгрию // Проблемы археологии. Сб. ст. Л., 1978. Вып. II.

²⁵³ *Гарипов Т. М.* Новые версии происхождения этнонима *башкорт* // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.

²⁵⁴ *Филоненко В.* Башкиры. III: Название башкир // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. № 5. С. 167–169.

²⁵⁵ *Илимбетов Ф. Ф.* Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима *башкорт*) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Вып. 4.

²⁵⁶ *Räsänen M.* Versuch einer etymologischen Wörterbuchs der Türkprachen. Helsinki, 1969. S. 303.

²⁵⁷ *Гарипов Т. М.* Новые версии происхождения этнонима *башкорт*, с. 18.

²⁵⁸ *Бикбулатов Н. В.* Этноним *башкорт* // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 40–42.

²⁵⁹ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 72.

²⁶⁰ *Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М.* «Башкиро-мадьярская» проблема (краткий обзор основных источников) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Вып. 1. С. 336.

²⁶¹ См.: *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974.

²⁶² См.: *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар ибн-Даста. СПб., 1869. С. 113–114.

²⁶³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий. М.; Л., 1939. С. 102.

²⁶⁴ *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991, s. 866; *Вереш П.* Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-алтаистика. Новосибирск, 1985. С. 114.

²⁶⁵ *Ligeti L.* A magyar nép mongol kori nevei (magyar, baskir, király) // Magyar nyelv. Budapest, 1964. Köt. 60; *Perényi J.* A Magna Hungaria kérdésehez. I // Magyar nyelv. Budapest, 1959. Köt. 55. № 3. Old. 488–490.

²⁶⁶ Cp.: *Bogyay Th.* Das Schicksal der östlichen Ungarn des Julianus im Lichte moderner Forschung // Ural-Altaische Jbb 50. 1978, ss. 25–30.

²⁶⁷ См.: *Németh Gy.* Magna Hungaria. Leipzig ; Wien, 1921; *Fodor I.* Vekerse hires utján... A magyar nép ostörténete és a honfoglalás. Budapest, 1980.

²⁶⁸ *Perényi J.* Op. cit.

²⁶⁹ *Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М.* «Башкиро-мадьярская» проблема.

²⁷⁰ *Vasary J.* A Volga-vidéki magyar töredékek a mongol kor után // Magyar ostörténeti tanulmányok. Budapest, 1977.

²⁷¹ Magyar szókészlet finnugor elemei / Szerk. Gy. Lákó, K. Rédei. Budapest, 1967–1978. Köt. I–III. Old. 478.

²⁷² *Немет Ю.* Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Вып. 4. С. 254–259.

²⁷³ *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. М., 1976. № 3.

²⁷⁴ См. также: *Грот К. Я.* 1) Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881; 2) Мадьяры. СПб., б/г; *Халикова Е. А.* Magna Hungaria // ВИ. 1975. № 7; *Левицкий Т.* «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; *Иванов В. А.* Magna Hungaria — археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

²⁷⁵ *Moule A. C.* Table of the Emperors of the Yüan Dynasty // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1914. Vol. 45; *Abramowski W.* Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük. Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shi // ZAS. 1976. Bd. 10. ss. 117–167; Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. From the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997, p. 178–236.

²⁷⁶ Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. From the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997, p. 40, 42, 86–90, 266–267.

²⁷⁷ *Pelliot*, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 18.

²⁷⁸ Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. From the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997, p. 40, 124–128, 187, 255, 271–273.

²⁷⁹ См. также: [*Бичурин Н. Я.*] История первых четырех ханов из дома Чингисова, переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.

²⁸⁰ Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. From the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997, p. 40, 150–152, 160–162, 176–178, 191–193, 549–550.

²⁸¹ О Тулуе см.: *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 102–113; *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 102–103, прим. 77.

²⁸² [Бичурин Н. Я.] История первых четырех ханов из дома Чингисова, переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829. С. 298–302; Moule A. C. Table of the Emperors of the Yüan Dynasty // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1914. Vol. 45; Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük. Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shi // ZAS. 1976. Bd. 10. ss. 117–167; Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. From the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997, p. 43, 192, 199, 236, 248–261, 269.

²⁸³ Hambis L. Le chapitre CVII du Yuan-che: Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945, p. 176; Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. From the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997, p. 251, 566–567, 591–592.

²⁸⁴ Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 46.

²⁸⁵ Hambis L. Le chapitre CVII du Yuan-che: Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945, tabl. 23.

²⁸⁶ Ср.: Pelliot. Recherches, pp. 37–38.

²⁸⁷ Утверждение переводчика хроники Фомы Сплитского О. А. Акимовой о том, что Кадан — брат Чингис-хана, описка или недоразумение.

²⁸⁸ Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 29–34.

²⁸⁹ Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 46–47.

²⁹⁰ Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 47–51.

²⁹¹ Ср.: Pelliot. Recherches, p. 37.

²⁹² Рашид ад-Дин. Т. II. С. 89, 186. Ср.: SDS, s. 195.

²⁹³ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 63–65.

²⁹⁴ Pelliot. Recherches, pp. 37–38; Daffinà, p. 445, n. 36; SDS, s. 195, n. 86.

²⁹⁵ О нем см.: Рашид ад-Дин. Т. II. С. 126–148; Moule A. C. Table of the Emperors of the Yüan Dynasty // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1914. Vol. 45; Abramowski W. Die chinesischen Annalen des Möngke. Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shi // ZAS. 1979. Bd. 13. [Бичурин Н. Я.] История первых четырех ханов, с. 303–354.

²⁹⁶ Pelliot P. Le vrai nom de «Seroctan» // T'oung Pao. Vol. 29, № 1–3, pp. 43–54; Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 33–34.

³⁰⁰ *Hambis L.* Le chapitre CVII du Yuan-che: Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945, p. 88.

³⁰¹ *Moule A. C.* Table of the Emperors of the Yüan Dynasty // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1914. Vol. 45.

³⁰² См. перевод из «Юань-ши»: *Кычанов Е. И.* Субудай-боходур // Кюнеровские чтения. 1995–1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 43–46; *Кычанов Е. И.* Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII. С. 160–169.

³⁰³ Ср.: *Pelliot.* Horde d'Or, p. 39.

³⁰⁴ *Hambis L.* Le chapitre CVII du Yuan-che: Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945, p. 71.

³⁰⁵ *Hambis L.* Le chapitre CVII du Yuan-che: Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945, tabl. 23.

³⁰⁶ *Juvaini.* Vol. I, p. 87, 90. Ср.: *Painter*, p. 79, n. 24. 6–7.

³⁰⁷ *Altisoldani.* Филологическая интерпретация этого термина сталкивается с известными трудностями, см.: *Risch*, s. 147; *Painter*, p. 78, n. 24. 3., в частности, неясно, что означает *alti*.

³⁰⁸ *Rockhill*, p. 15; *Beazley*, p. 283; *P. Van den Wyngaert*, p. 113.

³⁰⁹ *Pelliot.* Recherches, pp. 39–40; *Daffinà*, p. 449, n. 46.

³¹⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1817. Т. 4.

³¹¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. С. 349.

³¹² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / 2-е изд.; Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. I. С. 252.

³¹³ *Räsänen M.* Versuch einer etymologischen Wörterbuchs der Türkspachen. Helsinki, 1969, s. 90.

³¹⁴ В летописи по Воскресенскому списку на год 6854 (ок. 1346 г.) значится: «Бысть морь силенъ на бесермины и на Татары и на Ормены» (цит. по: *Срезневский. I.* Стб. 73, s. v. *бесермень*). И. И. Срезневский, видимо, полагал, что в данном случае имеются в виду 'хивинцы' или 'бухарцы'. Количество фонетических вариантов у Срезневского не велико: *бесермень*, *бисерменинь*, *бесурманинь*, *бесурменинь* (Там же. Стб. 73, 79).

³¹⁵ Хождение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н. А. Кузнецовой. М., 1958. С. 55.

³¹⁶ Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967. Köt. I. Old. 365.

- ³¹⁷ Кельмаков В. К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Ижевск, 1987. Т. 1.
- ³¹⁸ Белицер В. Н. К вопросу о происхождении бесермян // Тр. Института этнографии. М.; Л., 1947. Вып. 1.
- ³¹⁹ Ср.: Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению М.; Л., 1964. С. 51–56.
- ³²⁰ См.: Ахметзянов М. И. Кипчакский компонент в этногенезе татар Поволжья и Приуралья // Идел. Казань, 1992. № 3–4.
- ³²¹ Painter, p. 78, n. 24.2.
- ³²² Pelliot. Recherches, p. 40.
- ³²³ Pelliot. Recherches, p. 40.
- ³²⁴ Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, 1960. С. 192, с указанием литературы.
- ³²⁵ Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (ТИИАЭ АН КазахССР. Т. 8). Алма-Ата, 1960. С. 91.
- ³²⁶ Об этимологии среднеазиатского *кент*, канд см.: Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974. С. 116–119.
- ³²⁷ Бартольд Б. Б. Сочинения. Т. 2. Ч. 1.
- ³²⁸ О христианах Хорезма см.: Март Н. Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. СПб., 1905. С. 53–54; Толстов С. П. Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI в. // СЭ. 1946. № 2.
- ³²⁹ Pelliot. Recherches, pp. 40–41; Daffinà, p. 449, n. 49.
- ³³⁰ Сокровенное сказание. § 258, 260, 263; ср.: Cleaves, pp. 200, 201, 203.
- ³³¹ См. специальный экскурс в исследовании Пейнтера: Painter, pp. 102–104.
- ³³² Извлечения из «Китаб му'джам ал-булдан» Йакута / Пер. С. М. Богдановой-Березовской // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. I. Ч. II. С. 415.
- ³³³ Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. С. 547–548; См. также: Бунятов З. М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М., 1986. С. 151–153; Кдырнязов М. III. Изучение истории городов Хорезма XIII–XIV вв. // Вестник МГУ. 1977. № 6. История.
- ³³⁴ Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. С. 50.
- ³³⁵ Йакут ал-Хамави. Му'джам ал-Булдан. (Сведения об Азербайджане). Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-Кулуб. (Материалы по Азербайджану). Баку, 1983. С. 61. См. также: Бартольд В. В. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море в XIV–XV вв. по

данным тимуридских источников // Сочинения. М., 1965. Т. 3. С. 248–251.

³³⁶ Пейнтер и польские издатели (SDS, s. 258, ком. 55) не комментируют сведения о море.

³³⁷ Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков / Составление и текст Н. А. Борисковсой. М., 1992. С. 32–33; Существует мнение, что изображенное на карте Дженкинсона «озеро Китай» есть Арал, см.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV–XVI века. М., 1974. С. 40.

³³⁸ Берг Л. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908. с. 14–16; См. также: Бартольд В. В. Сведения об Аральском море // Сочинения. Т. III. С. 15–94.

³³⁹ Цит. по: Из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского / Пер. и прим. Г. С. Баранковой // Русская речь. 1993. № 2. С. 70.

³⁴⁰ Комментарий к названию «Гирканское» море см.: Армянская география VII века по Р. Х. (приписываемая Моисею Хоренскому) / Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных прим. издал К. П. Патканов. СПб., 1877. С. 55; Заходер Б. Н. *Maḡe Nuhṣanūt* в арабской географической литературе IX–X вв. М., 1960; Фролова О. Б. Описание Каспийского моря в «Космографии» ал-Казвини // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тез. докл. науч. конф. вост. фак. Л., 1966.

³⁴¹ По мнению А. Гумбольда, у Аристотеля речь идет лишь о двух частях одного и того же моря; Помпоний Мела различал три залива: Гирканский, Скифский и Каспийский, подробнее см.: Берг Л. Аральское море. СПб., 1908. С. 20. Ср.: «Вторая часть Азии начинается у Каспийского моря, у которого кончается первая часть. Это море называется также Гирканским» (Страбон. XI. VI. 1).

³⁴² Из Шестоднева Иоанна, Экзарха Болгарского / Пер. и прим. Г. С. Баранковой, с. 75–76, прим. 11.

³⁴³ В последних итальянском и немецком издании книги Иоанна де Плано Карпини на цветных вклейках маршрут миссии показан севернее Аральского моря; ср.: *Schmieder*, s. 141, комм. 116; см. также: Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962. Т. III. С. 40, 45; Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева; Ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 252, прим. 15.

³⁴⁴ Подробное описание см.: Маньков Ю. П. 1) О пути Ибн-Фадлана из Хорезма через плато Устюрт // СА. 1979. № 2; 2) Археологические исследования караван-сараев центрального Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. 1.

³⁴⁵ Ставиский В. И. полагает, что речь идет о 200 знатных горожанах Киева, с которыми встречался папский посланник, см.:

Ставиский В. И. К анализу известий о Руси в «Истории монгалов» Плано Карпини в свете ее археографической традиции // ДГ. 1986. М., 1988. С. 207–209.

³⁴⁶ *Pelliot. Recherches*, pp. 73–74. Ср.: Коновалова И. Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // ДГ. 1987. М., 1989. С. 302–303.

³⁴⁷ В этом сообщении только Менгу из всех монгольских предводителей назван ханом. Приставка к имени (Менгу-хан = Менгу-каан) показывает, что летописец знал о том, что Менгу стал великим ханом. Менгу вступил на престол в 1251 г.

³⁴⁸ В тексте *Боуроундаи багатырь*, что в цитируемом по ПЛДР ошибочно переведено как два имени «Бурундай, Бастырь».

³⁴⁹ *Юрченко П. О.* О происхождении названия Лядских ворот в Киеве // Труды III археологического съезда. Киев, 1878. Т. 2.

³⁵⁰ О сложном составе известий Лаврентьевской летописи, касающихся нашествия Батыя на Русь, см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 180–188; *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 27. С. 77–98; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 22–36.

³⁵¹ Ср.: *Ставиский В. И.* «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // ДГ. 1990. М., 1991.

³⁵² *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 103.

³⁵³ *Расовский Д. А.* О роли черных клобуков в истории Древней Руси // ССAB. Praga, 1927. Т. I; *Айтмуратов Д.* О тюркских этнонимах «каракалпак», «черные клобуки» // Вестник Каракалп. фил. АН УзССР. 1981. № 2.

³⁵⁴ *Березин И. Н.* Нашествие Батыя на Россию // ЖМНП. 1885, май. Ч. 86. Отд. 2. С. 106, прим. 101; *Брун Ф. К.* О разных названиях Киева в прежнее время // ТАС III. Киев. 1878. Т. 1. С. 294.

³⁵⁵ См. также: *Каргер М. К.* Киев и монгольское завоевание // СА. 1949. Т. XI. С. 55–102; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1; *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII–XV веках. Киев, 1982; *Высоцкий С. А.* Золотые ворота в системе оборонительных укреплений древнего Киева // Древнерусский город (материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984; *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 122–123.

О монгольском нашествии на Русь см.: *Березин И. Н.* Первое нашествие монголов на Русь // ЖМНП. 1853. № 79; *Иванов А. И.* По-

ходы монголов в Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества. Пг., 1914. Т. 3; *Максимович М. О.* О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом (письмо М. П. Погодину) // Максимович М. О. Киев явился градом великим... Киев, 1994; *Вернадский Г.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. 1927. Т. V; *Лихачев Д. С.* Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949; *Лихачев Д. С.* К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963; *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в. (По материалам археологических исследований). Киев, 1982; *Довженко В. О.* Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978; *Насонов А.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940; *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977; *Горский А. Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и в средневековье. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1978; Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (*История и археология*). Киев, 1985.

³⁵⁶ *Painter*, p. 80, n. 26. 3.

³⁵⁷ *Марко Поло*, с. 45; см. коммент. *Pelliot*. Notes on Marco Polo. I, pp. 98–99.

³⁵⁸ Анализ этнонима *Bulgar* см.: *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949, pp. 135–137; 224–230. По мнению Пейнтера, латинская форма *Bileri* соответствует мусульманскому *Belér* и монгольскому *Bolar*, см.: *Painter*, p. 80, n. 27.1.

³⁵⁹ *Халиков А. Х.* О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3.

³⁶⁰ *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 93–97.

³⁶¹ *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар ибн-Дафта. СПб., 1869. С. 88–89; *Семенов А. А.* Таджикиские ученые XI века н. э. о булгарах, хазарах, руссах, славянах и варягах // Докл. АН ТаджССР. 1953. Вып. 7. С. 17–21; *Булатов А. Б.* К этимологии этнонима болгар // Уч. зап. Чуваш. НИИЯЛ. 1965. Т. 29; *Полосин В. В.* Этноним «булгары» в арабских источниках // Крат. сообщ. VII науч. сес. ЛО ИВ АН СССР. Л., 1971.

³⁶² *Györffy Gy.* Anonimus. Rejtély avagy történeti főírás? Budapest, 1988. Old. 74.

³⁶³ Подробнее см.: *Халиков А. Х.* Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

³⁶⁴ Цит. по: *Арсланова А. А.* Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 41–42.

По вопросу о Волжской Булгарии см. также: *Березин И. Н.* Булгар на Волге. Казань, 1853; *Григорьев В. В.* Волжские булгары // Россия и Азия. СПб., 1876; *Высоцкий Н. Ф.* Несколько слов о древностях Волжской Булгарии // ИОАИЭ. Казань, 1908. Т. XXIV. Вып. 4; *Ашмарин Н. И.* Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Т. II. Казань, 1921. Отд. отт.; *Смирнов А. П.* 1) Волжские булгары // Труды ГИМ. М., 1951. Вып. XIX; 2) Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА. 1954. № 42; 3) О столице государства волжских булгаров // СА. 1972. № 1; 4) Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Булгары // Города Поволжья в Средние века. М., 1974; *Фахрутдинов Р. Г.* Последствия монгольского завоевания в Волжской Булгарии (историография и постановка вопроса) // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978; Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987; Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988; *Губайдуллин А. М.* Булгарские городища XIII–XIV вв. в Предволжье // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994; *Zimonyi I.* The Volga Bulgars between wind and water (1220–1236) // АОН 46:2–3. 1992–1993, pp. 347–355.

³⁶⁵ *Иванов А. И., Веселовский Н. И.* Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши. СПб., 1914. С. 3. См. также: *Кычанов Е. И.* Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII. С. 160–169.

³⁶⁶ *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах, с. 114.

³⁶⁷ См. также: Русь и асы в Китае, на Балканском полуострове, в Румынии и в Угорщине в XIII–XIV в. / Заметки преосв. Палладия, Бретшнейдера, архим. Руварца и редактора // Живая старина. Отделение этнографии ИРГО. Вып. I. Год. 4. СПб., 1894. С. 65–77.

³⁶⁸ *Иванов А. И., Веселовский Н. И.* Походы монголов на Россию, с. 79; *Чхао Чху-Ченг.* К вопросу о составе народностей армии монгольской империи XIII–XIV вв. // Идель. Казань, 1996. № 5–6.

³⁶⁹ Школяр С. А. 1) Об артиллеристах юаньской армии XIII века // Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1972. Вып. I; 2) Мусульманские камнеметы в Китае XIII–XIV вв. // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1974. Вып. I; 3) Китайская доогнестрельная артиллерия. (Материалы и исследования) / Отв. ред. Е. И. Кычанов. М., 1980.

³⁷⁰ В «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа излагается иная версия гибели князя Генриха (см. коммент 42). См. также: SDS, s. 38, 199, здесь же указана новая польская литература.

³⁷¹ См. также: *Bachfeld G.* Die Mongolen in Polen, Schlesien, Böhmen und Mähren. Ein Beitrag zur Geschichte des großen Mongolensturmes im Jahre 1241. Innsbruck, 1889; *Iwamura Sh.* Mongol Invasion of Poland in the Thirteenth Century // Memoirs of the department of the Toyo Bunko. X. Tokyo, 1938, pp. 103–157; *Szczesniak B.* Hagiographical Documentation of the Mongol Invasions of Poland in the Thirteenth Century // Memoirs of the department of the Toyo Bunko 16. Tokyo, 1957, pp. 167–195; *Pelliot P.* Jean de Plan Carpin en Pologne // Mémoires de l'Institut National de France. XLIV, 1. 1960, pp. 43–48; *Kubanek J. K.* *Perimmane Velillum Thartarorum.* Chrzescinanie w wojskach mongolskich w bitwie pod Legnica 1241 roku // Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich (Uniwersytet im Adama Mickiewicza w Poznaniu, seria Historia, 117). Poznań, 1984, ss. 167–174; *Göckenjan H., Sweeney J. R.* (Hg.). Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250, übersetzt, eingeleitet und erläutert. Graz; Wien; Köln, 1985; *Schmieder F.* Der Einfall der Mongolen nach Polen und Schlesien - Schreckensmeldungen, Hilferufe und die Reaktionen des Westens // U. Schmilewski (Hg.). Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen. Würzburg, 1991, ss. 77–86.

³⁷² См.: *Painter*, p. 81, n. 28.3; SDS, ss. 259–260.

³⁷³ См. также: *R. von Donat.* Militärische Aspekte der Schlacht von Wahlstatt. Schlesisches und mongolisches Heer im Vergleich // Wahlstatt 1241: Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen. U. Schmilewski (Hg.). Würzburg, 1991, ss. 87–108.

³⁷⁴ См. также: *Смирнова О. И.* Очерки по истории Согда. М., 1970. С. 205.

³⁷⁵ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 3. С. 875.

³⁷⁶ *Вамбери Арм.* Путешествие по Средней Азии. М., 1874. С. 123–124.

³⁷⁷ *Брегель Ю. Э.* Хорезмийские туркмены в XIX в. М., 1961. С. 183.

³⁷⁸ Параллельные материалы на эту тему см.: *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1983. С. 268–270.

³⁷⁹ *Nova de ipsis certa audire non possumus; quia praecedunt eos quaedam gentes quae Mordani vocantur, qui interficiunt omnes homines indifferenter; et nullus de eis audet calciare pedes suos, donec interficiat hominem.* Выражение «не осмеливается одеть обувь на ноги свои» в данном случае является идеоматическим оборотом и указывает на неполноправный статус. В. И. Матузова переводит это выражение буквально, что лишает сведения какого-либо смысла.

³⁸⁰ Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962. С. 33.

³⁸¹ *Ахмед Эфенди Ресми.* Список достопримечательного / Пер. с тур. О. Сенковского // Библиотека для чтения. М., 1842. Т. 51. Ч. 1. С. 109.

³⁸² *Ходжа Самандар Термези.* Дастан-Мулак (Назидание государям) / Пер. с перс., предисл., прим. и указ. М. А. Салахетдиновой. М., 1971. С. 107; ср.: Бум-Эрдени // Монголо-ойратский героический эпос. Пг., 1923. С. 90; *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические. СПб., 1883. Вып. 4. С. 291.

³⁸³ *Дмитриев С. В.* Тема отрубленной головы в политической культуре народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) // *Stratum.* Структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории. СПб., Кишинев, 1997.

³⁸⁴ Материалы по истории кочевых народов в Китае, III–V вв. В четырех выпусках / Пер. с кит., введение и примеч. В. С. Таскина. М., 1989. Вып. 1. Сюнну. С. 133–134, 140.

³⁸⁵ *Ибн Тагриберди.* Ан-Нуджум аз-захира фи мулак Миср ва-л-Кахира. Каир, 1935. Т. XII. С. 266. (на араб.)

³⁸⁶ *Гаврилов М. Ф.* Материалы к этнографии «тюрок» Ура-Тюбинского района. Ташкент, 1929. С. 11.

³⁸⁷ *Материалы и исследования по истории туркмен и Туркмении.* Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. -Иванова. М.; Л., 1938. С. 51; *Экаев О.* Битва под Мервом в 1510 г. // Изв. АН ТуркССР. Серия обществ. наук. № 2. Ашхабад, 1978. С. 17.

³⁸⁸ Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958. С. 172, 237, 254–255, 277, 371–372, 384.

³⁸⁹ Ср.: *Painter*, p. 82, n. 29.5; *Daffinà*, 453; *SDS*, s. 199; *Schmieder*, s. 142, komm. 119; *Mediaeval researches from eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, by E. Bretschneider. London, 1910. Vol. I, p. 331.

³⁹⁰ *Painter*, p. 46.

³⁹¹ *Fontes autentici itinera (1235–1238) fratres Juliani illustrantes* / Ed. L. Bendefy // *Archivum Europae Centro-Orientalis*. Budapest, 1937. Т. III, pp. 1–47; *Pálffy I.* A tatárók és a XIII századi Európa. (Hefte des Collegium Hungaricum in Wien II). Budapest, 1928; *Dienes M.* Eastern Missions of the Hungarian Dominicans in the first Half of the Thirteenth Century // *Isis* 27/2. Bruges, 1937, pp. 225–241; *Sinor D.* 1) Un voyageur du treizième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie // *BSOAS* 14/3. 1952, pp. 594–595; 2) Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // *Cahiers d'Histoire Mondiale* III. 1956. 1, pp. 42–43.

³⁹² *Ледерер Ф.* Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие // *Международные связи России до XVII в.* / Под ред. А. А. Зимина, В. Т. Пашуто. М., 1961.

³⁹³ *Rogerii Carmen miserabile* // *SRH* / Ed. E. Szentpetery. Budapest, 1937. Т. II, pp. 569–571.

³⁹⁴ *Babinger F.* Maestro Ruggero delle Puglie relatore pre-poliano sui Tartari // *Nel VII centenario della nascita di Marco Polo*. Scritti di R. Almagia u.a. Venezia, 1955, pp. 53–61; *Bezzola*, ss. 86–90.

³⁹⁵ См. также: *Ледерер Э.* Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи // *Acta historica Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1953. Т. II. Fasc. 1–2; *Бертенъ Й.* Международное положение Венгрии после татарского нашествия // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978. С. 315–319; *Пашуто В. Т.* Монгольский поход в глубь Европы // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1970. С. 210–227; *Юрасов М. К.* Источники по исторической географии похода Бату в Венгрию // *Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения*. Тез. докл. М., 1990. С. 150–155; *Rady M.* The Mongol invasion of Hungary // *Medieval World* 3. 1991, pp. 39–46; *Sweeney J. R.* Identifying the medieval refugee: Hungarians in flight during the Mongol invasion // *Forms of Identity (Definitions and Changes)*. Ed. L. Löb, I. Petrovics and G. E. Szönyi. József Attila University. 1994, pp. 63–74.

³⁹⁶ *Пашуто В. Т.* Монгольский поход в глубь Европы // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1970. С. 210–223; ср.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 26–27.

³⁹⁷ Дата не верна. Интронизация Гуюка была назначена на 15 августа 1246 г., однако вследствие чрезвычайных обстоятельств, вызванных обильно выпавшим градом, осуществилась только 24 августа. 15 августа по китайскому календарю было первым днем седьмой луны; этот день открывал новое полугодие, и с этого дня начинала прибывать молодая луна, ср.: *Pelliot*. *Recherches*, pp. 58–60. Иными словами, придворные астрологи выбрали для интронизации наибо-

лее благоприятный день. Ошибка наблюдателей, называющих 25 июля, вызвана тем, что в этот день начался традиционный курултай, чьи пышные церемонии и были восприняты как начало коронации великого хана, см.: *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников // *Altaica*. IV. М., 2000.

³⁹⁸ То есть на 15 августа.

³⁹⁹ В рукоп. ошибочно — *Romanorum*.

⁴⁰⁰ Латинский текст см.: LT, p. 117. Подробнее о приведенном документе с дальнейшей литературой см.: *Pelliot*. *Recherches*, p. 14. (Дополнение Ж. Довилье).

⁴⁰¹ *Rossabi M. Khubilai Khan: His Life and Times*. Berkeley, Los Angeles, London, 1988, p. 10.

⁴⁰² LT, VIII. 4; ср.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 25.

⁴⁰³ *Ставиский В. И.* К анализу известий о Руси в «Истории монголов» Плано Карпини в свете ее археографической традиции // ДГ. 1986. М., 1988. С. 200.

⁴⁰⁴ *Risch*, ss. 154—155; *Painter*, p. 84, n. 31.2; только польские исследователи привлекли китайское известие, принадлежащее Чжао Хуну, в качестве этнографической параллели, см.: SDS, ss. 200—201.

⁴⁰⁵ Ср.: *Daffinà*, pp. 457—458, n. 58.

⁴⁰⁶ *Бичурин*. Т. I. С. 353.

⁴⁰⁷ По мнению П. Лерха, название божества *Куар*, с которым гунны связывали молнии и небесный свет, происходит от иран. *hware* 'солнце' (в Авесте), см.: *Лерх П.* Библиография // Отд. отд., извлечено из III тома Известий Имп. Археологического об-ва. СПб., 1861. С. 6.

⁴⁰⁸ *Спентодат* (сын земли) авест. «созданный (дарованный) благочестием».

⁴⁰⁹ *Бичурин*. Т. I. С. 230.

⁴¹⁰ *Тохтабаева Ш. Ж.* Семантика казахских украшений // СЭ. 1991. № 1. С. 96.

⁴¹¹ Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 891. Табл. XXII; *Дьяконов М. М.* Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 34—44.

⁴¹² См. коммент. к этим сведениям: *Ковалева П. А., Рапопорт Ю. А.* Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // ВДИ. 1991. № 2. С. 209—210.

⁴¹³ *Дьяконова Н. В., Смирнова О. И.* К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. 1967. № 1.

⁴¹⁴ *Daffinà*, p. 458, n. 60.

⁴¹⁵ Подробнее см.: *Орбели И. А.* Асан Джалал, князь Хаченский // Известия императорской Академии наук. СПб., 1909. Сер. VI. Т. III. № 61.

⁴¹⁶ См. также: *Аветисян В.* Монгольское нашествие на Армению (XIII в.) // Тр. МИВ. 1939. Сб. № 1; *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М., 1969; *Всеобщая история Вардана Великого* / Пер. с др.-арм. Н. О. Эмина. М., 1861; *Галстян А.* Армянские источники о монголах. М., 1962; *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952.

⁴¹⁷ Слово *ureperum* означает *византийский золотой солид*, или *бизанций* (последний термин употребляет и сам брат Иоанн в качестве синонима к первому в VII. 8, где он вновь обращается к вопросу о грузинской дани). Подробнее см.: *Daffinà*, p. 459, п. 61. О том, что золотые монеты *безанты* активно использовались в восточной торговле, сообщает Марко Поло. Например, при описании порта Аден: «А ладан — его тут много — царь покупает до десяти золотых безантов за кантер, а сам продает народу и пришлым купцам по сорока безантов за кантер; с ладана царю большой доход и большая прибыль» (*Марко Поло*, с. 208–209). Путешественник и купец XIV в. из Флоренции Лионардо ди Никколо Фрескобальди описывает металлические деньги, ходившие в Египте в его время. Монету из золота он называет бизантом. «Монета у них — нечеканное золото и серебро кусками. Золото зовут *бизантом*, и стоит кусок чеканный дукат с четвертью». Использование четырнадцати арабских верблюдов для перехода из Каира в Святую Землю стоило 96 дукатов, см.: Путевые записки итальянских путешественников XIV в. // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., Вступ. ст. И. М. Фильштинского, пер. со староитал. и прим. Н. В. Котрелева. М., 1982. С. 29, 32.

⁴¹⁸ *Всеобщая история Вардана Великого* / Пер. с др.-арм. Н. О. Эмина. М., 1861. С. 142.

⁴¹⁹ *Мал* (от араб.) — имущество вообще, богатство, скот, лошади. А также налог на имущество, скорее всего, десятая часть. Петрушевский считает, что *мал* в период монгольского завоевания имел и другое значение — поземельная подать, см.: *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.; Л., 1960. С. 373.

⁴²⁰ *Тагар* — собственно хлебная мера. Подробную характеристику этой повинности дает сам же Киракос: «Пришел приказ Хулагу о взыскании повинности с каждой души, которую называли *тагаром*, что и было внесено в казенные списки. [В уплату его] требовали сто литров пшеницы [1 литр = 408 г.], пятьдесят литров вина, два литра очищенного и неочищенного риса, три мешка, две веревки, одну [серебряную] монету, одну стрелу, одну подкову, не считая иных взятков. С двадцати голов скота — одну голову и двадцать монет, а у кого не было [скота], отбирали по [их] требованию сыновей и дочерей.

И так была притеснена и страдала вся страна» (*Киракос Гандзакец*. 59). О налоговой политике монголов в Армении см.: *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М., 1969. С. 237–273.

⁴²¹ *Бердзенишвили Н.* История Грузии. Тбилиси, 1960. С. 122; См. также: *Горгиджанидзе П.* История Грузии / Пер. Кикнадзе Р. К., Путьридзе В. С. Тбилиси, 1990; *Михалева Г. А.* О грузинских источниках по средневековой истории Средней Азии // *Общественные науки в Узбекистане*. 1961. № 2; *Капанадзе Д. Г.* Продолжительность и характер монгольского владычества в Грузии по нумизматическим данным // *СА*. 1964. № 2.

⁴²² С конца XI в. название «Рум» относится лишь к Малой Азии, в которой после завоевания ее тюрками-огузами образовалось государство, возглавлявшееся малоазиатской ветвью династии Сельджукидов. Во время завоевания монголами Малой Азии султаном Рума был Ала-ад-дин Кей Кобад I (1219–1236).

⁴²³ Область Халев находилась в северной части Сирии, столицей ее был город Ма'арра, вторым по величине считался одноименный с названием этой области Халев (современный Алеппо). Область была во владении мелика Захира Гияс-ад-дина Гази (1186–1216 гг.) из династии Эйюбидов. В «Летописи» епископа Степаноса сообщается: «В году 693 армянского летосчисления (1244) татары дошли до ворот Халеба и захватили [город] Багеш» (*Армянские источники*, с. 35).

⁴²⁴ См. также: *Бартольд В. В.* Халиф и султан // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VI. С. 15–78.

⁴²⁵ *Михайлова И. Б.* Средневековый Багдад (некоторые аспекты социальной и политической истории города в середине X — середине XIII в.). М., 1990. С. 90–91.

⁴²⁶ *Михайлова И. Б.* Средневековый Багдад. М., 1990. С. 98, 109.

⁴²⁷ Ср.: *Painter*, p. 85, n. 33.3.

⁴²⁸ *Risch*, ss. 191–194; Риш ограничился комментарием к каждому этнониму; Список воспринимается им как некая реальная информация, в которую внесены некоторые искажения; ср.: *Daffinà*, pp. 467–471. В отечественной историографии проблема Списка осталась незамеченной, см., например: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 28.

⁴²⁹ См. также: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. I. С. 48–56.

⁴³⁰ Ср.: *Сокровенное сказание*. § 196; см. также: *Кадырбаев А. Ш.* «Юань ши» как источник по истории кераитов и найманов // *Пись-*

менные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1976–1977. М., 1984.

⁴³¹ *Pelliot*. *Recherches*, p. 36; *SDS*, s. 190, kom. 68.

⁴³² См. также: *Васильев Ф. Ф.* Об этнонимах «кыргыс», «хоро» и «тумат» (К вопросу о ранней этнической истории якутов) // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем*. Вып. 3. История и культура народов Сибири. Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конфер. (13–22 октября 1981). Новосибирск, 1981.

⁴³³ О термине «лесные народы» (*hoi'in irgen*) см.: *Позднеев А. М.* О древнем китайско-монгольском памятнике Юань-чао-ми-ши. СПб., 1882. С. 19.

⁴³⁴ Комментарий к этим сведениям см.: *Pelliot*, *Recherches*, p. 173; см. также: См. также: *Эрдеи И.* «Большая Венгрия» // *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1961. 13; *Кузеев Р. Г.* Об историческом соотношении территорий «Великой Венгрии» и древней Башкирии // *Этнография Башкирии*. Уфа, 1976.

⁴³⁵ *Филоненко В.* Башкиры. III: Название башкир // *Вестник Оренбургского учебного округа*. Уфа, 1913. № 5. С. 167–169.

⁴³⁶ Цит. по: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 154.

⁴³⁷ *Painter*, p. 84, n. 31.2; ср.: *Risch*, s. 130–131, 154–155.

⁴³⁸ Ср.: *Daffinà*, pp. 439–441, n. 24.

⁴³⁹ Ср.: *Pelliot*, *Notes on Marco Polo*. I, pp. 195, 242; *Daffinà*, p. 468.

⁴⁴⁰ См.: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 74.

⁴⁴¹ *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. (Методология и историография). М., 1976. С. 215.

⁴⁴² См. также: *Тихомиров М. Н.* Бесермены в русских источниках // *Исследования по отечественному источниковедению* М.; Л., 1964. С. 51–56. (Тр. Лен. отд. Института истории АН СССР. Т. 7); *Благова Г. Ф.* Историко-этимологические заметки о словах басурман-мусульманин и магометанин-мухаммеданин (мохаммеданин) // *Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка*. М., 1969; Ср.: *Painter*, p. 72.

⁴⁴³ *Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 67, прим. 2; см. также: *Беляев В. И.* Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX–XIII вв. // *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. М.; Л., 1939. Т. I; *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. Сведения Джувейни о Туркменистане, см.: *Хатиби С.* Из истории Туркменистана и некоторых сопредельных

стран в первой половине XIII столетия // ИАН ТССР. Сер. общ. наук. 1961. №. 3.

⁴⁴⁴ Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма. Проблемы этнополитической истории. Алма-Ата, 1981. С. 73.

⁴⁴⁵ Puxard. О существовании Великой Венгрии. 3. 14.

⁴⁴⁶ См. ниже прим. 482; ср.: Pelliot, Notes on Marco Polo. I, p. 114.

⁴⁴⁷ Juvaini. Т. I, pp. 199, 270–271.

⁴⁴⁸ Daffinà, p. 468.

⁴⁴⁹ Daffinà, pp. 468–469.

⁴⁵⁰ Painter, p. 105.

⁴⁵¹ Хвольсон Д. А. Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье // Восточные заметки. Сборник статей Факультета восточных языков СПб. ун-та. СПб., 1895; Мapp Н. Я. Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. // ЗВОРАО. 1893–1894. Т. VIII. Вып. 3–4; Кокцов П. К. 1) Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка // ЗВОРАО. 1905. Т. XVI; 2) К сиро-тюркской эпиграфике Семиречья // ИАН. 1909; Джумагулов Ч. Д. 1) Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии / Под ред. И. А. Батманова. Фрунзе, 1971; 2) Караджигачские несторианские памятники XIV в. // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1985. С. 65–71; Bernard S. J. La découverte de Nestoriens Mongols aux Ordos et l'histoire ancienne du Christianisme en Extrême-orient. Tientsin, 1935; Richard J. Le christianisme dans l'Asie Centrale // JAH 16. 1982, pp. 101–124.

⁴⁵² См.: Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана // СВ. 1940. № 1. С. 213, 219. Существование несторианской колонии в XIII в. в городе тангутов Хара-Хото засвидетельствовано записками несторианских монахов, уйгуров Ябалахи и Саумы, см.: История мар Ябалахи III и раббан Саумы / Пер., предисл. и коммент. Н. В. Пигулевской. М., 1958. С. 66–67. См. также: Пигулевская Н. В., Пайкова А. В. Несторианские памятники // Эпиграфика Киргизии. 1963. Вып. 1.

⁴⁵³ См. коммент.: Dauvillier J. 1) Les Provinces Chaldéennes «de l'Extérieur» au Moyen Âge // Mélanges F. Cavallera. Toulouse, 1948, pp. 261–316; 2) Guillaume de Roubrouck et les communautés chaldéennes d'Asie centrale au Moyen Âge // L'Orient Syrien II. Paris, 1957, pp. 223–242; A.-D. von den Brincken. Eine christliche Weltchronic von Qara Quorum. Wilhelm von Rubruck OFM und der Nestorianismus // Archiv für Kulturgeschichte 53. 1971, ss. 1–99.

⁴⁵⁴ Цит. по: *Дробинский А. И.* Русь и восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. 1948. № 26. С. 120–123.

⁴⁵⁵ *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 123; *Ахинжанов С. М.* 1) Кыпчаки и Хорезм в канун Монгольского нашествия // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1970. № 1; 2) Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989; *Кумеков Б. Е.* Об этническом составе кыпчаков XI — нач. XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2; *Арсланова А. А.* Кыпчаки и термин Дашт-и Кыпчак (по данным персидских источников XIII–XVIII вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990; *Гуркин С. В.* К вопросу об исторической географии половецких земель // Дон и Северный Кавказ в древности и Средние века. Ростов-на-Дону, 1990.

⁴⁵⁶ *Кляшторный С. Г.* Кто были половцы // *Altaica*. II. М., 1998. С. 88–91.

⁴⁵⁷ *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 116–138; см. также: *Яйленко В. П.* Миграция кунов-курыкан из Южной Сибири в Поднепровье в свете письменных и археологических источников // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2.

⁴⁵⁸ *Daffinà*, p. 469; SDS, s. 211, gomm. 181.

⁴⁵⁹ О торках см.: *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // УИ, год 23. Киев, 1883. № 1, 3, 5, 6, 9–12; 1884. № 4; *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // ССАВ. Praga, 1933. Т. VI; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях. МИА. 1958. Т. I. № 62.

⁴⁶⁰ *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995. С. 19.

⁴⁶¹ *Смирнов В.* Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОИРАО. СПб., 1887. Т. I. Вып. IV. С. 15; *Старокадомская М. К.* Солхат и Каффа в XIII–XIV вв. // Федальная Таврика. Киев, 1974. С. 162.

⁴⁶² *Григорьев А. П., Фролова О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII.

⁴⁶³ О возможной причине отсутствия этнонима самоеды в «Слове», см.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 122–123, 90; текст на с. 154.

⁴⁶⁴ *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. С. 82–83.

⁴⁶⁵ См.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М., 1964. С. 122–123; см. также: *Minorsky V.* *Tat* // *EI. Vol. IV*, pp. 733–736; ср.: *Pelliot.* *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, p. 155. О значении термина в позднесредневековых тюркских памятниках, см.: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинения Абу-ль-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 96–97; *Расовский Д. А.* Сведения о тюркской основе *tat* // *ССАВ. Praga*, 1933. Т. VI; *Маматов М. Е.* К вопросу о татском этносе // *СЭ*. 1981. № 5. С. 109–112.

⁴⁶⁶ *Daffinà*, p. 470.

⁴⁶⁷ По вопросу имени «Русь» см.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 85; *Мельникова Е. А.* Древняя Русь в исландских географических сочинениях // *ДГТ. М.*, 1976; *Шталь И. В.* Русь в компиляции Гервазия Тильберийского // *Летописи и хроники*. 1976. М., 1976; *Назаренко А. В.* Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах // *ДГТ*. 1982. М., 1984; *Ведюшкина И. В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // *ДГВЕ*. 1992–1993 гг. М., 1995.

⁴⁶⁸ См. также: *Рашид ад-Дин*. Т. III. С. 195; *Spuler B.* *Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken* // *Handbuch der Orientalistik*, erste Abt. Leiden-Köln, 1966. V. 5. S. 171; *Очирова Г. Н.* К интерпретации термина «сарт» // *Владимирцовские чтения / II Всесоюзная конф. монголоведов. Тез. докл. и сообщ.* М., 1989.

⁴⁶⁹ Ср.: *Painter*, p. 104.

⁴⁷⁰ *Dorn B.* *Caspia*. СПб., 1875. С. 20.

⁴⁷¹ *Jacut's geographisches Wörterbuch*. Leipzig, 1866. I. S. 225.

⁴⁷² См. также: *Федоров-Давыдов Г. А.* Город и область Саксин в XII–XIV вв. // *Древности Восточной Европы*. М., 1970.

⁴⁷³ *Painter*, p. 68. Ссылка на: *Sbaralea H.* *Bullarium Franciscanum*. Rome, 1759. Vol. 1, pp. 360–364.

⁴⁷⁴ *Painter*, pp. 104–106.

⁴⁷⁵ *Painter*, p. 47.

⁴⁷⁶ Кливс считает, что речь идет о багдадском халифе Nas(i)r; титул султан он не комментирует, см.: *Cleaves*, p. 202.

⁴⁷⁷ Ср. с переводом Кливса: «<...> to campaign against Aru [Herat ?], Maru [Merv], and the city of Abtu [?] of the Madasari [?] people between both the Hindus people and Baytad people» (*Cleaves*, § 261). См. также: *Boyle J. A.* *Iru and Maru in the Secret History of the Mongols* // *HJAS*. 17. 1954, pp. 403–410.

⁴⁷⁸ *Канлин* — тюрки канлы. Qanglin ~ Qangli, см.: *Cleaves*, p. 202; *Pelliot.* *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, p. 128; ср.: *Kangitas* в *HT*. § 20.

Это было самое многочисленное и самое привилегированное тюркское племя в Хорезмском государстве. О ранней истории тюрков канлы см.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 163–167, 179; Ср. у Махмуда Кашгарского: «Канглы у кыпчаков — наименование знатного человека» (*Махмуд Кашгарский*. III, 379).

⁴⁷⁹ *Кибчаут* — кипчаки; Kibča'ud, Kipčay (= Qipčay), см.: *Cleaves*, p. 202; происхождение названия см.: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. Л., 1986. С. 160–162. В персидских словарях Хафчак — «название области тюрков, которые являются жителями степи», см.: *Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI–XV вв.) // *Страны и народы Востока*. М., 1980. Вып. XXII. С. 89.

⁴⁸⁰ *Бачжигит* — башкиры; Bajigid — *Bajigir (= Bačyird ~ Bašyird), см.: *Cleaves*, p. 202; *Pelliot*. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 128.

⁴⁸¹ *Оросут* — монгольская форма этнонима «русские», см.: *Палладий*. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам, с прим. В. В. Григорьева // *Восточный сборник*. СПб., 1877. Т. I. С. 47; *Orosut* — *Orus*, см.: *Pelliot*. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 129.

⁴⁸² *Мачжарат* — мадьяры (венгры). В биографии Субедея, помещенной в Юань-ши, говорится, что он напал на *це-лянь* (*кэрэл) — владыку *ма-чжа-р* (*маджар), т. е. мадьяр. Слово *кэрэл* означает «король», см.: *Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2, с. 67, прим. 6; Ал-Гарнати (XII в.) сообщает о правителе Венгрии: «Царя башкирд зовут *кирали*» (*ал-Гарнати*, с. 41).

⁴⁸³ *Asud* — *As*, аксы, см.: *Pelliot*, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 129.

⁴⁸⁴ *Sasud* (*Sas или *Sasun), см.: *Cleaves*, p. 202.

⁴⁸⁵ *Serkesüid*, *Serkes* (= Čerkes), см.: *Cleaves*, p. 202; Об этнониме *черкес* в описании монгольских походов по Рашид ад-Дину, см.: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 195–196.

⁴⁸⁶ *Kešimir* — вероятно, область Кашмир; по мнению Кливса, идентификация проблематична, см.: *Cleaves*, p. 202; *Pelliot*, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 129, n. 22. Скорее всего, *Kešimir* и *Cosmir* брата Иоанна означают одну и ту же область — Кашмир.

⁴⁸⁷ В оригинале *Buqar*. Кливс соотносит с названием *Buqar* из § 270, исправленное чтение *Bolar*, см.: *Cleaves*, p. 203; возможно, что это область Болор, расположенная на восточной окраине Памира. Ее упоминает Марко Поло (*Марко Поло*, с. 76, 269). Болор — название, прилагавшееся мусульманскими авторами к горной области Кафиристан в сев.-восточной части современного Афганистана

(ныне Нуристан). Интересные сведения об этой области содержатся в «Чудесах мира» (с. 53–54). Однако в древнетюркской надписи в честь Кюль-тегина имеется загадочный термин *bugar*, означающий какой-то неизвестный народ, см.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники, с. 127–129.

⁴⁸⁸ *Raral*. Идентификация затруднена. Кливс исправляет чтение на Kerel, см.: *Cleaves*, p. 203; *Pelliot*. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 121, n. 2 and p. 129, n. 3; ср. *Corola* у брата Иоанна.

⁴⁸⁹ *Kiwa Menkermen*. Кива-менкермен; принято считать, что речь идет о Киеве, см.: *Cleaves*, p. 203; ср.: *Сборник материалов*. Т. II. С. 37. См. также коммент. 37.

⁴⁹⁰ Брат Вильгельм де Рубрук к восточным «соответствиям» европейских названий Болгарии и Венгрии добавил Валахию, сравнил название тюркского племени с территории современной Башкирии *Illac* с восточно-европейским *Blac* — 'валах': «*Illac quod idem est quod Blac*»; брат Вильгельм пишет: «А вблизи [народа] паскатур живут илак (что есть то же самое, что [и] блак, но тартары не умеют произносить [звук] “б”)» (*Вильгельм де Рубрук*. XXI. 5). Брат Вильгельм путает созвучные названия *влахи* (он пишет — блаки) и *илак* (Пас).

⁴⁹¹ См. дискуссию по этому вопросу: *Лавров Л. И.* «Обезы» русских летописей // СЭ. 1946. № 4. С. 161–170; Рец.: *Сулава Т. Г.* Что понимали в Древней Руси под названием «Обезь» // История СССР. 1957. № 2. С. 159; *Цулая Г. В.* Обезы по русским источникам // СЭ. 1975. № 2.

⁴⁹² *Шепелева Л. С.* Культурные связи Грузии с Россией в X–XVII веках // ТОДРЛ. 1953. Т. IX. С. 229; ср.: ан-Насави, говоря о походе султана Джалал ад-Дина в Грузию, называет ее «страной Абхаз» (ан-Насави. 49).

⁴⁹³ *Шепелева Л. С.* Культурные связи Грузии с Россией, с. 299.

⁴⁹⁴ *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. IV. С. 75.

⁴⁹⁵ *Сулава Т. Г.* Что понимали в Древней Руси под названием «Обезь», с. 57.

⁴⁹⁶ *Скрипиль М. О.* Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 130.

⁴⁹⁷ Ср.: *Pelliot*, Recherches, p. 16. Пелльо предлагает следующую этимологию: *qara + küriyän (> kürän)* 'le camp noir'.

⁴⁹⁸ *Ткачев В. Н.* Каракорум в XIII веке // *Mongolica*. М., 1986. С. 226.

⁴⁹⁹ *Boyle J. A.* The Seasonal Residences of the Great Khan Ögedei' // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker / G. Hazai and P. Zieme (eds.). Berlin, 1974, ss. 145–151.

⁵⁰⁰ Ср. со свидетельством Сюй Тина (*Хэй-да ши-люе*, с. 142).

⁵⁰¹ *Caracoron* соответствует *Qara Qorum* «Сокровенного сказания», § 273; у брата Вильгельма — *Carachorum*; у Марко Поло — *Caracoron*.

⁵⁰² Подробнее о среднинековом Каракоруме см.: *Минаев И. П.* Путешествия Марко Поло // Зап. ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1902. Т. XXIV. С. 81–82.

⁵⁰³ Цит. по: *Мэн-гу-ю-му-цзи*. Записки о монгольских кочевьях / Пер. П. С. Попова // Зап. ИРГО по отд. этнографии. СПб., 1895. Т. XXIV. С. 382.

⁵⁰⁴ *Егоров В. Л.* Причины возникновения городов у монголов XIII–XIV вв. // История СССР. 1969. № 4; *Кызласов Л. Р.* О понятии «город» в древности и средневековье // Вестник Московского ун-та. 1991. Сер. 8: История. № 4.

⁵⁰⁵ *Ткачев В. Н.* Каракорум в XIII веке, с. 223–227.

⁵⁰⁶ *Ядринцев Н. М.* Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракорума // Изв. ИРГО. 1890. Т. XVI. С. 257–272.

⁵⁰⁷ *Киселев С. В.* 1) Древние города Монголии // СА. 1957. № 2; 2) Древнемонгольские города. М., 1965. С. 123–165.

⁵⁰⁸ *Önnerfors A.* Zur «Hystoria Tartarorum» Kap. 39 // *Symbolae Osloenses. Auspiciis Societatis Graeco-Latinae*. Bergen, 1972. Fasc. XLVII, ss. 132–136.

⁵⁰⁹ *Bergh B.* Einige Bemerkungen zur Hystoria Tartarorum // *Symbolae Osloenses. Auspiciis Societatis Graeco-Latinae*. Bergen, 1971. Fasc. XLVI, s. 154.

⁵¹⁰ *Painter*, pp. 86–87, n. 38.3.

⁵¹¹ *SDS*, s. 247, kom. 82.

⁵¹² Цит. по: *Г. Э. фон Грюнебаум*. Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Пер. с англ. И. М. Дижур. М., 1986. С. 186.

⁵¹³ О значении слов, обозначающих налоги *тэгү*, *мал* и др. см. коммент. 48.

⁵¹⁴ *Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н.* Шаманство у бурят Иркутской губернии. Иркутск, 1883. С. 41–42. О культе орла см.: *Баторов П. П.* Культ орла у северобайкальских бурят // Бурятоведение. Верхнеудинск, 1927. № 3–4; *Штернберг Л. Я.* Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) // Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л., 1936.

⁵¹⁵ Анализ персидских и монгольских источников см.: *Conermann S.* Činkiz Hān — Organisator eines Weltreiches? // *Die Mongolen in Asien und Europa*. Frankfurt am Main, 1997, ss. 41–65.

⁵¹⁶ Ср. попытку объяснить эти сведения вне проблематики «Романа о Чингис-хане»: *Painter*, p. 82, n. 5; p. 84, n. 33. 4–5; *SDS*, s. 194, kom. 82; s. 199, kom. 102; *Schmieder*, s. 137, komm. 98; *Schmieder F.*

Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994. S. 258ff.

⁵¹⁷ *Risch*, s. 136.

⁵¹⁸ Ср.: *SDŚ*, s. 194, kom. 82.

⁵¹⁹ *Bezzola*, s. 147.

⁵²⁰ *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. St. Petersb., 1903, pp. 204–205.

⁵²¹ *Бартольд В. В.* К истории арабских завоеваний в Средней Азии // ЗВОИРАО. СПб., 1907. Т. XVII. Вып. IV. С. 0141–0142.

**ИСТОЧНИКИ
И
ЛИТЕРАТУРА**

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Александрия* — Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.; Л., 1965.
- Английские источники* — Матузова В. И. Английские средневековые источники, IX— XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979.
- Аристотель* — Аристотель. Метеорологика / Пер. с греч. Н. В. Брагинской. Л., 1983.
- Армянские источники* — Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII — XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962.
- Афанасий Никитин* — Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Л., 1986.
- Ахмед ибн Фадлан* — Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
- Барбаро и Контарини* — Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статья, подготовка текста, перевод и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.
- ал-Бируни*. Памятники минувших поколений. — Абу Рейхан Бируни (973 — 1048). Избранные произведения. Т. I: Памятники минувших поколений / Пер. с араб. и прим. А. М. Салье. Ташкент, 1957.
- ал-Бируни*. Книга о лечебных веществах — Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. IV: Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб) / Исслед., перевод, прим. и указ. У. И. Каримова. Ташкент, 1973.
- Бузург ибн Шахрияр* — Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии / Пер. с араб. Р. Л. Эрлих. Под ред. И. Ю. Крачковского. М., 1959.
- Великая хроника* — «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Пер. Л. П. Поповой, коммент. Н. И. Шавелевой. М., 1987.
- Вениамин из Туделы* — Три еврейских путешественника XI — XII ст. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахия Регенсбургский. Еврейский текст с русским переводом / Пер., прим. и карты П. Марголина. СПб., 1881.

- Вильгельм де Рубрук* — Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum rededit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi — Firenze, 1929. P. 164-332.
- Гардизи* — Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 23—62.
- ал-Гарнати* — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 — 1153 гг.). Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971.
- Генрих Латвийский* — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Изд. С. А. Аннинский. М.; Л., 1938.
- Георгий Пахимер* — Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах; XIII книг. СПб., 1862. Т. I: Царствование Михаила Палеолога, 1255 — 1282 / Пер. под ред. проф. Карпова. (Византийские историки, переведенные с греческого при СПб. Духовной Академии)
- Геродот* — Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1993.
- Гийасаддин Али* — Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с персид., предисл. и прим. А. А. Семенова. М., 1958.
- Григор Акнерци* — История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871.
- Дженкинсон* — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю. В. Готье. М., 1937.
- Джувейни* — Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Bruxelles. 1939.
- Жуанвиль* — Joinville. Histoire de Saint Louis. Texte original par Natalis de Wailly. Paris, 1906. (Пер. со старофранц. Ю. П. Малинина и Г. Ф. Цибулько)
- Закарийа ал-Казвини* — Демидчик В. П. «География» или «Памятники стран и предания о людях» Закарийа ал-Казвини. Душанбе, 1977.
- Ибн Баттута* — Ибрагимов Н. Ибн-Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Ибн Хордадбех* — Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с араб., коммент., исследование Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Иоанн Сольсберийский* — Иоанн Сольсберийский. Поликратик. О забавах придворных и путях, указываемых философами / Пер. И. П. Стрельниковой // Памятники средневековой латинской литературы X — XII веков. М., 1972.
- История монголов* — История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I. (Из-

- вращения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и конетабля Смбата).
- Йакут* — Yaqut (ar-Rumi al-Hamawi) šihab ad-Din Abu ‘Abd-Allah Ya‘qut b. ‘Abd-Allah. *Mu‘jam al-buldan* = Jacut’s Geographisches Wörterbuch / Hrsg. F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866 — 1873. Bd. I—VI.
- Киракос Гандзакечи* — Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. (Памятники письменности Востока. LIII)
- Китайское сказание* — Старинное китайское сказание о Чингисхане Шэн-ву-цин-чжен-лу. Описание личных походов священно-воинственного / Пер. с предисл. и примеч. архим. Палладия // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. I
- Коран* — Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М., 1986.
- Косма Индикоплов* — Cosmas Indicopleustes. Topographie chrétienne / Introd., texte critique, ill., trad. et. notes par W. Wolska-Conus. Paris, 1968—1973. Т. 1—3.
- Марко Поло* — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева, ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956.
- Моисей Каганкатвац* — История агван Моисея Каганкатвац, писателя X века / Пер. с древн.-арм. К. Патканова. СПб., 1861.
- Мэн-да бэй-лу* — Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Факсимиле ксилографа; Пер. с кит., введ., коммент. и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975. (Памятники письменности Востока. XXVI)
- ан-Насави* — Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султāн Джалāl ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996. (Памятники письменности Востока. CVII)
- Низами Гянджеви* — Низами Гянджеви. Искандер-Наме: [Поэма об Александре Македонском] / Пер. с фарси и коммент. Е. Э. Бертельса, А. К. Арендса. Баку, 1983.
- Одорик де Порденоне* — Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum rededit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi — Firenze, 1929. P. 413-495.
- Описание земель* — Чекин Л. С. «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. М., 1993. Вып. 56.
- Пандехово сказание* — Радойичич Г. С. Пандехово сказание 1259 г. (О Византии, татарах, куманах, русских, венграх, сербах, болгарях) / Пер. с серб. В. К. Петухова // ТОДРЛ. 1960. Т. 16.

- ПВЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1 — 2.
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978.
- НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1925 — 1962.
- ПСРЛ. Т. II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. 1908.
- Понс де Обон* — Савченко С. В. Письмо магистра тамплиеров к Людовику Св. о вторжении татар в Западную Европу // Университетские известия. Киев, 1919, № 1 — 4.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова; Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. А. А. Семенова. М.; Л., 1952; Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960; Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.
- Рихард* — Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII — XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3.
- Руи Гонсалес де Клавихо* — Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403 — 1406) / Пер. со староиспанск., пред. и коммент. И. С. Мироковой. М., 1990.
- Сборник материалов* — Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских собранные В. Г. Тизенгаузен. СПб., 1884; Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В. Г. Тизенгаузен и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.
- Симон де Сент-Квентин* — Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. Paris, 1965. (Documents relatifs a l'histoire des croisades publiés par l'Accadémie des Inscriptions et Belles-Lettres, VIII)
- Сирийские источники* — Гусейнов Р. А. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960.
- Си ю цзи* — Палладий [Кафаров П. И.]. Си ю цзи, или описание путешествия на Запад // ТЧРДМ. СПб., 1866. Т. IV.

- Сказание об Индийском царстве* — Баталин Н. Сказание об Индийском царстве. Воронеж, 1876. С. 127. (Филологические записки. Приложения)
- Смбат Спарпет* — Смбат Спарпет. Летопись / Пер. с древнеарм., пред. и прим. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974.
- Сокровенное сказание* — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niḡuḡa tobči-gan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Введение, перевод, тексты, глосарии. М.; Л., 1941. Т. I.
- Страбон* — Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского; Под общ. ред. С. Л. Утченко; Ред. перевода О. О. Крюгер; Репр. воспроизведение изд. 1964 г. М., 1994.
- Сун Цзы-чжэнь* — Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование. М., 1965.
- Сюй Мэн-синь* — Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Древняя Сибирь. Сб. ст. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. (Материалы по истории Сибири)
- ат-Табари* — История ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В. И. Беляева. Дополнения к переводу О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент, 1987.
- Утемиш-хаджи* — Утемиш-хаджи. Чингис-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В. П. Юдина. Коммент. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата, 1992.
- Феофилакт Симокатта* — Феофилакт Симокатта. История / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1996.
- Фома Мецопский* — Мецопский Фома. История Тимур-Ланка и его преемников / Пер. с древнеармянск. Т. Тер-Григоряна. Баку, 1957.
- Фома Сплитский* — Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997.
- Хроника* — Эрдели И. Извлечения из Хроники венгерского Анонима (XII — XIII вв.) // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1967. Вып. 7.
- Хронограф I* — Цулая Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
- Хронограф II* — Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане // СЭ. 1973. № 5.
- Хэй-да ши-люе* — «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5.

- Чжан Дэ Хой* — [О. Палладий] Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия // Записки Сибирского отдела имп. Русского географического общества. Иркутск, 1867. Кн. IX—X.
- Чудеса мира* — ‘Аджа’иб ад-дунйā (чудеса мира) / Критический текст, пер. с перс., введение, коммент. и указ. Л. П. Смирновой. М., 1993. (Памятники письменности Востока. LXXXIII)
- Шильтбергер* — Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф. К. Бруна. Изд., редакция и прим. З. М. Буниятова. Баку, 1984.
- Юлиан* — Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philol.-Hist. Kl. Göttingen, 1956. Nr. 6, ss. 125—202.
- LT — Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Edizione critica del testo latino a cura di E. Menestò; traduzione italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestò. Spoleto, 1989.
- Meng-Ta Pei-lu* — Meng-Ta Pei-lu und Hei-Ta shih-lüen. Chinesische Gesandtenberichte über die frühen Mongolen 1221 und 1237 / übersetzt und kommentiert von Olbricht P. und Pinks E. Wiesbaden, 1980.
- Hedwigs-Codex* — Der Hedwigs-Codex von 1353. Faksimile und Text, 2 Bde / Ed. W. Braunfels. Berlin, 1972.
- HT — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi / Ed. et annot. A. Önnersfors. Berlin, 1967.
- Honorius Augustodunensis* — Honorius Augustodunensis. Imago mundi / V. I. J. Flint // Archives d’Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Age. Paris, 1982. T. 52. P. 7—153.
- Relatio Fr. Benedicti Poloni* — Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi — Firenze, 1929. S. 135—143.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX – XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Агаджанов С. Г.* Огузские племена Средней Азии IX–XIII вв. // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10.
- Айтмуратов Д.* О тюркских этнонимах «каракалпак», «черные клобуки» // Вестник Каракалп. фил. АН УзССР. 1981. № 2.
- Акатаев С. Н.* К пережиткам культа Тенгри у казахов // ИАН КазССР. Серия обществ. наук. 1984. № 2.
- Акимова О. А.* Политическая направленность рассказа Фомы Сплитского о татарском нашествии на королевство Венгрию // Вопросы истории славян: Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в эпоху феодализма. Воронеж, 1985.
- Акимова О. А., Гальперин Ч. Дж.* Русь и Золотая Орда: монгольское влияние на русскую средневековую историю // Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.) (Зарубежная историография). М., 1988. Ч. 1.
- Аланы: Западная Европа и Византия.* Владикавказ, 1992.
- Алексеев В. П.* К оценке производительных сил в империи Чингисхана // Восток и всемирная история. М., 1989.
- Алексеев В. П.* Домашняя лошадь Монголии // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск. 1990.
- Андреева М. А.* Прием татарских послов при никейском дворе // ССАВ. Прага, 1926.
- Антонин, архимандрит.* Заметки XII – XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. 5.
- Аракин В. Д.* Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII–XV вв. // СТ. 1973. № 3.
- Аракин В. Д.* Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

- Арапов Д. Ю.* Русское востоковедение и изучение истории Золотой Орды // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Арапов Д. Ю.* Русь и Восток в XIII в.: к вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.
- Аристов Н. Я.* О земле половецкой: (Историко-географический очерк) // Известия ист.-филол. ин-та им. Безбородко. Нежин; Киев, 1877.
- Армянская география VII века по Р. Х. (приписываемая Моисею Хоренскому) / Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных прим. издал К. П. Патканов. СПб., 1877.
- Арсланова А. А.* Из истории изучения Золотой Орды по данным персидских источников XIII — первой половины XV вв. в отечественной историографии // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма.. Казань, 1986.
- Арсланова А. А.* Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Арсланова А. А.* Кыпчаки и термин Дашт-и Кыпчак (по данным персидских источников XIII — XVIII вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990.
- Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, 1960.
- Ахинжанов С. М.* Кыпчаки и Хорезм в канун Монгольского нашествия // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1970. № 1.
- Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Ахмед Эфенди Ресми.* Список достопримечательного / Пер. с тур. О. Сенковского // Библиотека для чтения. М., 1842. Т. 51. Ч. 1.
- Ахметзянов М. И.* Кыпчакский компонент в этногенезе татар Поволжья и Приуралья // Идел. Казань, 1992. № 3-4.
- Ашмарин Н. И.* Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань, 1921. Т. II. Отд. отт.
- Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958.
- Бадаланова Ф. К., Плюханова М. Б.* К проблеме средневековых исторических формул // ТЗС. 1989. Вып. XXIII.
- Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI—XV вв.) // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. XXII.

- Базен Л. Концепция возраста у древних тюркских народов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литература. М., 1986.
- Байпаков К. М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
- Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.
- Барсов Е. В. Объяснение летописного слова «куст», упоминаемого в Сказании об убиении князя Михаила Тверского // Древности. Труды имп. Московск. археологического общества. М., 1881. Т. 9. Вып. 1. Протоколы.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. I.
- Бартольд В. В. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море в XIV–XV вв. по данным тимуридских источников // Сочинения. М., 1965. Т. III.
- Бартольд В. В. Сведения об Аральском море // Сочинения. М., 1965. Т. III.
- Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турок и монголов // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966. Т. IV.
- Бартольд В. В. Образование империи Чингис-хана // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.
- Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении этнонима “кыргызы” // СЭ. 1964. № 2.
- Баторов П. П. Культ орла у северобайкальских бурят // Бурятоведение. Верхнеудинск, 1927. № 3–4.
- Баялиева Т. Д. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
- Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.
- Баяр Д. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Баяр Д. Прически монголов в XIII–XIV вв. // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993.
- Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
- Белицер В. Н. К вопросу о происхождении бесермян // Труды Института этнографии. М.; Л., 1947. Вып. 1.
- Белявский В. А. По поводу извечного антагонизма между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы // Славяно-русская этнография. Л., 1973.

- Берг Л. С.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии // ИТОРГО. СПб., 1908. Т. V. Вып. 9.
- Берг Л. С.* О названии «Хвалынское море» // Известия ВГО. 1949. Т. 81. Вып. 4.
- Березин И. Н.* Первое нашествие монголов на Русь // ЖМНП, 1853. сентябрь. № 79.
- Березин И. Н.* Нашествие Батыя на Россию // ЖМНП. 1855. Ч. 86. № 5. Отд. 2.
- Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // ТВО-РАО. 1864. Т. VIII.
- Бертагаев Т. А.* Монголизмы в русском языке // *Studia Mongolica*. 1971. Т. 1.
- Бертагаев Т. А.* Об этимологии хан - хаган, хатун и об их отношении к хат // Тюркологические исследования. М., 1976.
- Бертагаев Т. А.* Этнолингвистические этюды о племенах Центральной Азии // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1976. Вып. 6.
- Бертельс Е. Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке // Бертельс Е. Э. Избранные произведения. М., 1965. Т. 4.
- Бертенъ И.* Международное положение Венгрии после татарского нашествия // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Бижанов З., Лоховиц В.* Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // Вестник Каракалп. филиала АН Уз.ССР. Нукус, 1969. № 2 (36).
- Бишиев А. Г.* Еще раз об этнониме *башкорт* // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Бикбулатов Н. В.* Этноним *башкорт* // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.
- [*Бичурин Н. Я.*] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. СПб., 1828. Т. 1-2.
- [*Бичурин Н. Я.*] Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829. Ч. 1.
- Бичурин Н. Я.* История Тибета и Кукунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х. СПб., 1833.
- Благова Г. Ф.* Историко-этимологические заметки о словах басурман-мусульманин и магометанин-мухаммеданин (мохаммеданин) // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969.
- Благова Г. Ф.* О русском наименовании тюрков и тюркских языков // СТ. 1973. № 4.

- Благова Г. Ф. Опыт ареального изучения тюркизмов (орду/орда, сарай, кошк/киоск в тюркских языках, в русском, украинском) // СТ. 1975. № 4.
- Большакова С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник // ДГ. 1975. М., 1976.
- Борисов Н. С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. V.
- Брегель Ю. Э. Хорезмийские туркмены в XIX в. М., 1961.
- Брун Ф. К. О дипломатических сношениях египетского султана Бейбарса с золотоордынским ханом Берке // ЗООИД. 1867. Т. VI.
- Брун Ф. К. О резиденции ханов Золотой Орды до времени Джанибека I // ТАС III. Киев, 1878. Т. 1.
- Бум-Эрдени // Монголо-ойратский героический эпос. Птг., 1923.
- Булатов А. Б. К этимологии этнонима *болгар* // Ученые зап. Чуваш. НИИЯЛИ. 1965. Т. 29.
- Буниятов З. М. Военная организация государства Хорезмшахов (1097–1231) // ИАН АзССР. История, философия и право. 1982. № 1.
- Буниятов З. М. Государство хорезмшахов – Ануштегинидов. 1097 – 1231. М., 1986.
- Буряков Ю. Ф., Крамаровский М. Г. Поясной набор XIII в. из Самарканда // СА. 1974. № 2.
- Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 7.
- Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1986.
- Вамбери Арм. Путешествие по Средней Азии. М., 1874.
- Ванин Ю. В. Феодалная Корея в XIII–XIV вв. / Отв. ред. М. Н. Пак. М., 1962.
- Василевич Г. М. К вопросу о киданях и тунгусах // СЭ. 1949. № 1.
- Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Васильев Ф. Ф. Об этнонимах «кыргыс», «хоро» и «тумат» (К вопросу о ранней этнической истории якутов) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 3. История и культура народов Сибири. ТД Всесоюз. науч. конфер. (13–22 октября 1981). Новосибирск, 1981.
- Вельтман А. Исследование о свевах, гуннах и монголах. М., 1856.
- Вереш П. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-алтаистика. Новосибирск, 1985.
- Вернадский Г. В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Т. IV.

- Вернадский Г. В.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. 1927. Кн. 5.
- Вернадский Г. В.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // ССAB. 1927. I.
- Вернадский Г. В.* К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г. // ССAB. 1929. III.
- Вернадский Г. В.* Звенья Русской Культуры. Берлин, 1937. I.
- Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Bruxelles, 1939.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь, М., 1997.
- Веселовский Н. И.* О татарском влиянии на русский посольский церемониал до Петра Великого // ТАС IX. 1893. Т. 2.
- Веселовский Н. И.* Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911.
- Веселовский Н. И.* О религии татар по русским летописям. (Опыт комментария летописных известий) // ЖМНП. Новая серия. 1916. Ч. 64, июль, отд. 2.
- Виды тамги на джучидских монетах // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев, 1990.
- Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 3.
- Владимирцов Б. Я.* Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке // Известия Российской АН. 1917. Сер. VI. № 17.
- Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922.
- Владимирцов Б. Я.* По поводу древнетюркского *Otuken yis* // Доклады АН СССР. Серия В. 1929. № 7.
- Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII веков). Казань, 1997.
- Волин С.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (ТИИАЭ АН КазахССР. Т. 8). Алма-Ата, 1960.
- Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
- Гаврилов М. Ф.* Материалы к этнографии «тюрок» Ура-Тюбинского района. Ташкент, 1929.
- Галданова Г. Р.* Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 1995.

- Галкин Л. Л. Символика джучидских монет // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Галкин Л. Л. Некоторые новогодние монеты Золотой Орды // СА. 1985. № 4.
- Галстян А. Г. Смбат Спарпет // Ближний и Средний Восток. М., 1962.
- Галстян А. Г. Новые армянские источники о монголах. М., 1963.
- Гарданов Б. А. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII — XIX вв. Нальчик, 1974.
- Гарипов Т. М. Новые версии происхождения этнонима *башкорт* // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.
- Гарковец А. Н. В. В. Бартольд о вероисповедании у кипчаков в X — XIII вв. и проблема этногенеза армяно-, греко-кыпчаков и караимов // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. М., 1974.
- Гарустович Г. Н. и др. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — начала XV века). Уфа, 1998.
- Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987.
- Гаффаров М. А. Из области персидской историографии монгольского периода // Древности восточные. М., 1913. Т. 4.
- Георги П. Г. О монгольских народах // Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Ч. 4. Изд. 2-е.
- Гиблин Ч. Открытая книга пророчества // Символ. Париж, 1993. № 30.
- Голден П. Б. Половцы дикие // *Tatarica* 1997 — 1998. № 1.
- Головнев А. В. Югра и Самоядь // Сибирь в панораме тысячелетий. (Материалы междунар. симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.
- Голубинский Е. Г. Порабощение Руси монголами и отношения монгольских ханов к русской церкви или к вере русских и ее духовенству // Богословский вестник. 1893. № 7.
- Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
- Голубовский П. В. Половцы в Венгрии // УИ, год 29. Киев, 1889. № 12.
- Гордлевский В. А. [Рец. на кн.:] Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана. Bruxelles, 1939 // Труды Московского ин-та востоковедения. 1940. Сб. 2.
- Горелик М. В. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV—XV вв. // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Доклады и сообщения Всесоюзной научной конференции. М., 1983. Ч. 1.
- Горелик М. В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Се-

- верной и Центральной Азии. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1990.
- Городцов В. А.* Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. // ТАС XIII в Екатеринославе. М., 1905.
- Горский А. Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Горский А. А.* О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Гребнев Л. В.* Тувинский героический эпос: Опыт историко-этнографического анализа. М., 1960.
- Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мөнгке-Темюра // Востоковедение. Л., 1974. Вып. 1.
- Григорьев А. П.* Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII–XV вв. // ТС. 1974. М., 1978.
- Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.
- Григорьев А. П.* Официальный язык Золотой Орды в XIII–XIV вв. // ТС. 1977. М., 1981.
- Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7.
- Григорьев А. П., Фролова О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия ВГО. 1933. Т. XV. Вып. 5.
- фон Грюнебаум Г. Э.* Классический ислам. Очерк истории (600 – 1258) / Пер. с англ. И. М. Дижур. М., 1986.
- Гумилев Л. Н.* Древнемонгольская религия // Доклады отделений и комиссий ВГО. Л., 1968. Вып. 5. Этнография.
- Гумилев Л. Н.* Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий ВГО. Л., 1970. Вып. 15. Этнография.
- Гумилев Л. Н.* Монголы и меркиты в XIII в. // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1977.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
- Гумилев Л. Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб., 1992.

- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
- Гуревич А. Я. Язык исторического источника и средневековая действительность // ТЗС. 1975. Вып. 7.
- Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуркин С. В. К вопросу об исторической географии половецких земель // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990.
- Гурленд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия // ИОАИЭ. 1904. Вып. XX. № 4 -5.
- Гусейнов Р. А. Сирийские источники о верованиях и обычаях огузов VII – XII вв. // Византийские этюды. Тбилиси, 1978.
- Дамдинов Д. Г. О народном календаре монгольских народов // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX вв.). Улан-Удэ, 1986.
- Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.). М., 2001.
- Данилов В. В. «Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI.
- Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям // УИ. Киев, 1873. №№ 6, 9, 10.
- Дашкевич Н. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством // УИ. Киев, 1884. № 7.
- Дашкевич Я. Р. Codex Cumanicus – вопросы возникновения // Вопросы языкознания. 1985. № 4.
- Демидчик В. П. Описание шестого и седьмого климатов в «Асар ал-билад ва ахбар ал-‘ибад» Закарийа ал-Казвини // Восточная филология. Душанбе, 1974. Вып. III.
- Демин А. С. Элементы тюркской культуры в литературе Древней Руси XV–XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
- Дмитриев С. В. Отказ от власти как культурно-политическое явление (к постановке проблемы) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.
- Дмитриев С. В. Ритуальная трапеза – жертва – социальная иерархия в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. Октябрь 1996 г. СПб., 1996.
- Дмитриев С. В. Тема отрубленной головы в политической культуре народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) // Stratum.

- Структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории. СПб., Кишинев, 1997.
- Дмитриев С. В. Сульде: к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии // *Mongolica* — V. СПб., 2001.
- Добродомов И. Г. Происхождение названия *Тьмуторокань* // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1972. Вып. 1.
- Добродомов И. Г. «Черное молоко» в Ипатьевской летописи // Русская литература. 1982. № 3.
- Добролюбовский А. О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
- Довженко В. О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Древнемонгольские города. М., 1965.
- Дробинский А. И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. М., 1948. Т. 26.
- Думан Л. И. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Уч. зап. ин-та востоковедения. 1955. Т. XI.
- Думан Л. И. Учение о сыне Неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до Нового времени) // Китай: традиции и современность. М., 1976.
- Дьерффи Д. Время составления Анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // Летописи и хроники. 1973. М., 1974.
- Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // КСИИМК. 1951. Вып. XL.
- Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. 1967. № 1.
- Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. // История СССР. 1969. № 4.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
- Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2.
- Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII—XV вв. Тюмень, 1995.
- Емельянов. Путешествие Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413 — 1414 и 1421 годах // УИ. Киев, 1873. № 8.
- Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославовичу о латинянах) // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 2.
- Ермоленко Л. Н. Представления древних тюрков о войне // *Altaica*. II. Сб. статей и материалов. М., 1998.

- Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-е годы XIII в.) // ВВ. 1978. Т. 39.
- Жамцарано Ц.* Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // CAJ. The Hague - Wiesbaden, 1961. Vol. XI. № 3.
- Жамцарано Ц.* Пайзы у монголов в настоящее время // ЗВОИРАО. 1914. Т. XXII. Вып. I–II.
- Жуковская Н. Л.* Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.
- Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Жуковская Н. Л.* Календарная система монголов (народный и официальный календари, их функции в жизни общества) // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
- Зайончковский А.* Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XI вв.) // ТС. М. 1966.
- Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII – XIV вв.). М., 1966.
- Заседателев Н. И.* Древний обряд коронования у тюркских народов. Казань, 1894.
- Заходер Б. Н.* *Mare Hurcanum* в арабской географической литературе IX – X вв. М., 1960.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II.
- Зелинский А. Н.* О лунно-солнечном счислении в Азии // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1977. Вып. 2.
- Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев, 1985.
- Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция: язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984.
- Зубов А. Б.* Харизма власти // Восток. 1994. № 4–5; 1995. № 1.
- Зуев Ю. А.* «Тамги лошадей из вассальных княжеств» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8). Алма-Ата, 1960.
- Зуев Ю. А.* Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (*бома, гуй, яньмо*) // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1962. Т. 15.
- Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху фе-

- одализма. Проблемы этнополитической истории. Алма-Ата, 1981.
- Ибрагимов Н.* Ибн-Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII—XV веках. Киев, 1982.
- Иванин М. И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.
- Иванов А. И.* Походы монголов в Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археографии Имп. русского военно-исторического общества. Пгр., 1914. Т. 3.
- Иванов А. И.* История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. СПб., Т. II. Вып. III.
- Из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского / Пер. и прим. Г. С. Баранковой // Русская речь. 1993. № 2.
- Илимбетов Ф. Ф.* Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима *башкорт*) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Вып. 4.
- Ионов В. М.* Орел по воззрениям якутов // СМАЭ. 1913. Т. 1. Вып. 16. Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Сб. ст. Улан-Удэ, 1986.
- История и культура Центральной Азии: Сб. ст. М., 1983.
- Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян. XI—XV вв. А. Попова. М., 1875.
- Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследования и тексты. М., 1897.
- Кадырбаев А. Ш.* Тюрки-канглы в империи Чингис-хана // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. II.
- Кадырбаев А. Ш.* «Юань ши» как источник по истории кераитов и найманов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1976 — 1977. М., 1984.
- Кадырбаев А. Ш.* Китайские источники эпохи Юань о государственности кочевников средневекового Казахстана (XII — начало XIII в.) // Общество и государство в Китае. М., 1986. Ч. 2.
- Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII — XIV вв. Алма-Ата, 1990.
- Кадырбаев А. Ш.* Казахстан в эпоху Чингис-хана и его преемников. XII—XIV века // Актуальные проблемы истории Казахстана. Алма-Ата, 1992.
- Кайдаров А. Т.* К историко-лингвистической характеристике этнонима канглы / канлы // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.

- Каллаш В. В. Две заметки по древнерусской литературе. 1. Татары — печенеги — половцы // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества. М., 1913. Т. 4.
- Каминский А. А. Некоторые особенности климата северо-западной Монголии // Географический сборник. Пгр., 1915. Т. II.
- Карпенко Ю. А. Давня слов'янська назва десяти тисяч — *тьма* // Научный ежегодник Черновиц. ун-та за 1957 г. Черновцы, 1958.
- Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. В двенадцати томах. М., 1992.
- Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Пг., 1914.
- Карсавин Л. П. Культура средних веков. Киев, 1995.
- арсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992.
- Кдырнязов М. Ш. Изучение истории городов Хорезма XIII—XIV вв. // Вестник МГУ. 1977. № 6. История.
- Кельмаков В. К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Ижевск, 1987. Т. 1.
- Клепинин Н. А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М., 1993.
- Клюкин И. А. О чем писал иль-хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. К разбору древнейших памятников монгольской письменности. Владивосток, 1926 (на правах рукописи).
- Клюкин И. А. Письмо Улдзэиту иль-Хана к Филиппу Красивому, Эдуарду I и прочим крестоносцам. Владивосток, 1926. (Труды Гос. Дальневосточного ун-та. Сер. VI. 2).
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный С. Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. Л., 1986.
- Кляшторный С. Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.
- Кляшторный С. Г. Кто были половцы // *Altaica*. II. М., 1998.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
- Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962.
- Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Изд. подг. Бегунов Ю. К., Кирпичников А. Н. СПб., 1995.

- Князький И. О. Русь и Степь. М., 1996.
- Ковалева П. А., Рапопорт Ю. А. Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // ВДИ. 1991. № 2.
- Кожемякин А. В. Юлиан в Среднем Подонье // Научные записки Воронежского отд. ВГО СССР. 1970. Вып. 2.
- Козин С. А. Фрагмент из цикла эпических сказаний о Чингисе // Уч. зап. ЛГУ. № 20. Серия филологических наук. Л., 1939. Вып. 1.
- Колобанов В. А. К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского // УЗ Владимирского гос. пед. Ин-та. 1958. Вып. 4.
- Колобанов В. А. Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серапиона Владимирского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII.
- Коновалов П. Б. О культе неба у монголов // «Банзаровские чтения». Докл. и тез. науч. конф., посвященной 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1992.
- Коновалов П. Б. Об историческом и этническом сознании средневековых монголов // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995.
- Коновалова И. Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // ДГ. 1987. М., 1989.
- Коновалова И. Г. Тмутаракань в XII–XIV вв. (по данным арабских источников) // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.
- Кононов А. Н. Опыт анализа термина «турк» // СЭ. 1949. № 1.
- Коробейников Д. А. Византия и государство ильханов в XIII – начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
- Коротков А. А. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства // Изв. об-ва обследования и изучения Азербайджана. 1928. № 5.
- Котвич В. Л. Из поучений Чингис-хана / Пер. с монг. // Восток. М.; Пгр., 1925. Кн. 3.
- Котляр М. Ф. Данило Галицкий. Киев, 1979.
- Котляревский С. А. Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках. М., 1901.
- Котрелев Н. В. Восток в записках европейского путешественника («Миллион») // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
- Кощеев В. Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // ВИ. № 10. 1993.
- Крадин Н. Н. Некоторые аспекты иерархии социального пространства у кочевников Евразии // Пространство и время в архаических культурах. М., 1992.

- Крадин Н. Н.* Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
- Крадин Н. Н.* Трансформация политической системы от вожества к государству: монгольский пример 1080 (?) — 1206 // Альтернативные пути. Владивосток, 1995.
- Крамаровский М. Г.* О доблести и пряжке у Чингизидов (в связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения. Тезисы докладов. СПб., 1999.
- Крамаровский М. Г.* Поясной набор со сценой «спора о вере» из собрания Эрмитажа (XIV — первая половина XV в.) // Античная древность и средневековье. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
- Крамаровский М. Г.* Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры (можно ли харизму взять взаймы?) // Эрмитажные чтения 1995—1997 памяти В. Г. Луконина. СПб., 2000.
- Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Золотая Орда и ее наследие. Тюркологический сборник — 2000. М., 2002.
- Красносельцев Н.* Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. Казань, 1872.
- Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.
- Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII — XIV вв. СПб., 1999.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.). М., 1984.
- Кубарев В. Д., Черемисин Д. В.* Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987.
- Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948.
- Кудряшов К. В.* О местоположении реки Калки // ВИ. 1954. № 9.
- Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Кузеев Р. Г.* Об историческом соотношении территорий «Великой Венгрии» и древней Башкирии // Этнография Башкирии. Уфа, 1976.
- Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М.* «Башкиро-мадьярская» проблема (краткий обзор основных источников) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Вып. 1.
- Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.

- Кузнецов В. А. Алания в X — XIII в. Орджоникидзе, 1971.
- Культура и цивилизация Западной Европы в эпоху крестовых походов (1095—1270 гг.) / Пер. с предисл. В. Михайлова. М., 1905.
- Кумеков Б. Е. Об этническом составе кыпчаков XI — нач. XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2.
- Кун В. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Уч. зап. Ташкентского гос. педагог. и учительск. ин-та им. Низами. Серия обществ. наук. 1947. Вып. I.
- Куник А. А. О признании 1223 года временем битвы при Калке // Ученые записки имп. АН по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 5. С. 765—787, 791.
- Куник А. А. О походе татар в 1223 г. по Нейбургской хронике // Ученые записки имп. АН по II и III отд. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 5. С. 760.
- Куник А. А. О торкских печенегах и половцах по мадьярским источникам с указанием на новейшие исследования о черноморско-торкских народах от Аттилы до Чингис-хана // Ученые записки имп. АН по I и II отд. СПб., 1885. Т. 3. Вып. 5. С. 714—741.
- Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV вв.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX вв. М., 1990. Вып. I.
- Кучкин В. А. Александр Невский. Государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.
- Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке // ИАН КиргССР. Серия общественных наук. Фрунзе, 1963. Т. V. Вып. I (История).
- Кычанов Е. И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- Кычанов Е. И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.
- Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII—XIII вв.). М., 1986.
- Кычанов Е. И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.
- Кычанов Е. И. Чингис-хан // Кунсткамера. СПб., 1995. Вып. 7.
- Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

- Кычанов Е. И. Субудай-боходур // Кюнеровские чтения. 1995–1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998.
- Кычанов Е. И. Аккультурация как путь к ассимиляции (на примере тангутов Си Ся, XI – XIII вв.) // Кюнеровские чтения. 1995–1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998.
- Кычанов Е. И. Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII.
- Кюнер Н. В. Описание Тибета. Владивосток, 1907. Ч. 1. Географическая. Вып. 1. Имя. Границы. Обзор путешествий.
- Кюнер Н. В. Восточные урянхайцы по китайским источникам // Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. 6.
- Лавров Л. И. «Обезы» русских летописей // СЭ. 1946. № 4.
- Лебедев Н. Византия и монголы в XIII в. (По известиям Георгия Пахимера) // Исторический журнал, 1944. № 1.
- Левицкий Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Ледерер Э. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи // Acta historica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1953. Т. II. Fasc. 1–2.
- Ледерер Э. Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие // Международные связи России до XVII в. / Под ред. А. А. Зимина, В. Т. Пашуто. М., 1961.
- Литавин Г. Г. Влахи византийских источников X–XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.
- Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI – XIII веков // Исторические записки. 1946. Т. 18.
- Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V.
- Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949.
- Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961.
- Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности: Труды по русской и славянской филологии. 32: Литературоведение. Тарту, 1981 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 513).
- Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л., 1976.

- Лучицкая С. И. Мусульманские идолы // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича. М., СПб., 2000.
- Лышкин Г. С. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- Ляскоронский В. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 г. // ЖМНП. 1907. Май.
- Мажитов Н. А. Новые материалы по ранней истории башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. II.
- Мажитов Н. А. Происхождение башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. IV.
- Мажитов Н. А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних утров на Южном Урале. Уфа, 1989.
- Майнагашев С. Д. Жертвоприношение Небу у бельтиров // СМАЭ. Пг., 1916. Т. III.
- Максимович М. О. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом (письмо М. П. Погдину) // Максимович М. О. Киев явился градом великим... Киев, 1994.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малышев А. Б. Религиозно-политическая идеология несториан Монгольской империи XIII века // Актуальные вопросы истории: Сб. науч. работ аспирантов и студентов ист. фак. СГУ. Саратов, 1999. Вып. 1.
- Мальм В. А. Пайцза из симферопольского клада // Средневековая Русь. М. 1976.
- Мальм В. А. Украшения женского головного убора из Симферопольского клада // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
- Мальм В. А. Симферопольский клад. М., 1980.
- Мандельштам А. М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // ТИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. I. Археология.
- Маньков Ю. П. О пути Ибн-Фадлана из Хорезма через плато Устюрт // СА. 1979. № 2.
- Маньков Ю. П. Археологические исследования караван-сараев центрального Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. 1.
- Мартынюк А. В. «Поучения» Владимирского епископа Серапиона о причинах поражения русских княжеств в борьбе с монголо-татарским нашествием // Спорные проблемы русской общественной мысли (до начала XIX в.). Научная конференция. Москва, 12–14 мая 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992.

- Матузова В. И.* Монгольское нашествие в свете политических взглядов Матвея Парижского (по материалам «Великой хроники») // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1976.
- Матузова В. И., Пашуто В. Т.* Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia historica in honorem Hens Kruus*. Tallin, 1971.
- Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
- Мельникова Е. А.* Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998.
- Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.
- Мереник С. А.* Проблема взаимоотношений греков и татар в Крыму в XIII–XVIII вв. // Россия и Восток: основные тенденции социально-экономического и политического развития. Ярославль, 1998.
- Минаев И. П.* Сведения о странах по верхней Аму-Дарье. СПб., 1879.
- Минаев И. П.* Путешествия Марко Поло // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1902. Т. XXIV.
- Мирный С. М.* «La flor des estoires de terres d'Orient» Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов // Сб. 1956. № 5.
- Митиров А. Г.* Генетические связи тамг тюрко-монгольских народов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979.
- Митрошкина А. Г.* Термин «Золотая Орда» // Труды Иркутского гос. ун-та. Иркутск, 1968. Т. 65. Вып. 4. Серия языкознание.
- Михайлов А. Д.* Французский героический эпос. М., 1996.
- Михайлов Г. И.* Монгольский язык в летописях Рашид ад-Дина // КСИНА. М., 1964. № 65.
- Михайлов Г. И.* Мифы в исторических сочинениях XIII–XIX вв. монгольских народов // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.
- Михайлова И. Б.* Средневековый Багдад (некоторые аспекты социальной и политической истории города в середине X – середине XIII в.). М., 1990.
- Михалева Г. А.* О грузинских источниках по средневековой истории Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 2.
- Мункуев Н. Ц.* О «Мэн-да бэй-лу» и «Хэй-да ши-люе» – записках китайских путешественников XIII в. о древних монголах // Сб. «Китай, Япония. История и филология». М., 1961.

- Мункуев Н. Ц. О двух тенденциях в политике монгольских ханов в Китае в первой половине XIII в. // Материалы по истории и филологии Центральной Азии (Труды Бурятского Комплексного НИИ, вып. 8). Улан-Удэ, 1962.
- Мункуев Н. Ц. Основные китайские источники по истории Монголии XIII – XIV вв. // Современная историография стран Зарубежного Востока. М., 1963.
- Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. ст. М., 1970.
- Мургулия Н. П. Объективные основы для складывания стереотипа кипчаков (половцев) в земледельческих странах // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века. М., 1990.
- Мургулия Н. П., Шушарин В. П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII – XIII веках. М., 1998.
- Муродов О. М., Полякова Е. А. Трансформация мифологических и легендарных образов в таджикско-персидских хрониках XI–XV вв. Душанбе, 1986.
- Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста, 1978.
- Назаренко А. В. Русь и монголо-татары в хронике сплитского архидьякона Фомы (XIII в.) // История СССР. 1978. № 5.
- Напольских В. В. О происхождении названия югра // Сибирь в панораме тысячелетий. (Материалы междунар. симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.
- Насонов А. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969.
- Наумов П. Об отношениях российских князей с монгольскими и татарскими ханами от 1224 по 1408 год. СПб., 1823.
- Неклюдов С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // Etnografia Polska. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1980. Т. 24. Z. 1.
- Немет Ю. Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Вып. 4.
- Новгородова Э. А. Сулдэ и туг – хранители рода и племени // Всесоюз. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Б. Я. Владимирцова: Тез. докл. М., 1984.
- Новгородова Э. А. Знамя – вместилище души (сулдэ и туг) у тюрко-монгольских народов // Лингвистическая реконструкция и древ-

- нейшая история Востока: Тез. докл. междунар. конф. 29 мая — 3 июня 1989 г. М., 1989. Ч. 3.
- Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. М., 1984.
- Орбели И. А.* Гасан Джалал, князь Хаченский // ИАН. СПб., 1909. Сер. IV. Т. III. № 6.
- Орлов А. С.* Героические темы древней русской литературы. Обзор стиля «воинских» повестей XI—XVI вв. // ИАН. Отд. литературы и языка. 1945. Т. IV. Вып. 2.
- д'Оссон К.* История монголов от Чингис-хана до Тамерлана / Пер. и предисл. Н. Козьмина. Иркутск, 1937. Т. I. Чингис-хан.
- Охотина Н. А.* Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Очирова Г. Н.* К интерпретации термина «сарт» // Владимирцовские чтения / II Всесоюзная конф. монголоведов. ТД. М., 1989.
- [*Палладий*]. Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю // Известия ИРГО. СПб., 1902. Т. 28. Вып. 1.
- Пак Н. И.* Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // Литература Древней Руси. Сб. научных трудов. М., 1981.
- Панкратов Б. И.* Об этимологии титула «Чингис» // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия. Кн. 3. М., 1989.
- Панкратов Б. И.* Образцы переводов из «Юань-чао би-ши» (подготовка к печати и предисловие Ю. Л. Кроля) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.
- Пархоменко В.* Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. III.
- Пашуто В. Т.* Некоторые данные по истории монгольской политики папства // Вопросы социально-экономической истории России периода феодализма. М., 1961.
- Петрушевский И. П.* Хамдаллах Казвини как источник по истории Восточного Закавказья // ИАН. Отд. общественных наук. 1937. № 4.
- Петрушевский И. П.* Новый персидский источник по истории монгольского завоевания // ВИ. 1946. № 11 - 12.
- Петрушевский И. П.* К истории христианства в Средней Азии // Палестинский сборник. 1966. Вып. 16.
- Петухов Е.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888.
- Пиков Г. Г.* О столице государства западных киданей // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.

- Пиков Г. Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989.
- Пилявский В. И. Куня-Ургенч. Л., 1974.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. I. № 62). М.; Л. 1958.
- Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XIII—XV веках // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37.
- Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII—XV веках (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Позднеев А. М. Объяснение древней монгольской надписи на чугунной дощечке // Записки Академии наук. СПб., 1881. Т. XXXIX. Кн. II.
- Позднеев А. Монголия и монголы. СПб., 1896. Т. I.
- Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб, 1887.
- Полосин В. В. Этноним «булгары» в арабских источниках // Крат. сообщ. VII науч. сес. ЛО ИВ АН СССР. Л., 1971.
- Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1964.
- Полякова Е. А. Об этикетности и реалистичности в хрониках Джувейни и Рашид ад-Дина // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1979. № 10.
- Попов А. И. Татары. Монголы // Русская речь. 1973. № 1.
- Попов П. С. Яса Чингис-хана и Уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан // ЗВОИРАО. 1907. Т. XVII. Вып. 4.
- Поппе Н. Н. Золотоордынская рукопись на бересте // СВ. 1941. № 2.
- Потанин Г. Н. Тема об усеченной голове в орде // ЭО. Кн. XVI.
- Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
- Потанин Г. Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Томск, 1916.
- Потанин Г. Н. Круговращение ночного неба и грозное явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике // Записки Семипалатинского подотделения ЗСОРГО. 1919. Вып. 13.
- Потапов Л. П. Новые данные о древнетюркском Етүкэн *otukan* // СВ. 1957. № 1.

- Потапов Л. П. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1970.
- Прохоров Г. М. «Повесть о Батыевом нашествии» в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XVIII.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / [Пер. А. И. Малеина], ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957.
- Пучковский Л. С. Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1289) и Ульдзейту (1305) // СВ. М.; Л., 1949. Т. VI.
- Пятнов П. В. К вопросу о жанровом своеобразии «Жития Александра Невского» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 1.
- Радлов В. В. К вопросу об уйгурах // Приложение к XII тому Зап. Ипм. АН. 1893. № 2.
- Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929.
- Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989.
- Радойчиич Г. С. Пандехово сказание 1259 г. (О Византии, татарах, куманах, русских, венграх, сербах, болгарях) / Пер. с серб. В. К. Петухова // ТОДРЛ. 1960. Т. 16.
- Рамстедт Г. И. Этимология имени Ойрат // Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909.
- Расовский Д. А. О роли черных клобуков в истории Древней Руси // ССAB. 1927. Т. I.
- Расовский Д. А. К вопросу о происхождении *Codex Cumanicus* // ССAB. 1929. Т. III.
- Расовский Д. А. Сведения о тюркской основе *tat* // ССAB. 1933. Т. VI.
- Расовский Д. А. Половцы // ССAB. 1935–1938. Т. VII–IX.
- Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Рерих Ю. Н. Кочевые племена Тибета // Страны и народы Востока. М., 1961. Вып. II.
- Рерих Ю. Н. Les troupes alanes a l'époque mongole // Ю. Н. Рерих. Избранные труды. М., 1967.
- Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980.
- Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. М., 1980.
- Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия (послания Папы Римского Даниила Галицкому и Александру Галицкому) // Символ. Париж, 1988. № 20.
- Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по Отделению этнографии ВГО. 1961. Вып. 1.

- Рудов Л. Н. Кидани // Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии. М., 1961.
- Русь и асы в Китае, на Балканском полуострове, в Румынии и в Угорщине в XIII–XIV в. / Заметки преосв. Палладия, Бретшнейдера, архим. Руварца и редактора // Живая старина. Отделение этнографии ИРГО. Вып. I. Год. 4. СПб., 1894.
- Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV–XVI века. М., 1974.
- Рыкин П. О. «Обряды перехода» в системе русско-монгольских отношений XIII в.: Семиотические аспекты межкультурной коммуникации // Историческая психология и ментальность. Эпохи. Социумы. Этнотипы. Люди. СПб., 1999.
- Рыкин П. О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. Acta Eurasica. М., 2002. № 16.
- Рязановский В. А. Монгольское право (право обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.
- Рязановский В. А. Великая Яса Чингис-хана // Известия Харбинского юрид. факульт. Харбин, 1933. Т. X.
- Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // ВИ. 1993. № 7.
- Савельев Ю. В. Последствия монгольских завоеваний на Руси // Проблемы социально-политического развития российского общества. Воронеж, 1999. Вып. 6.
- Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
- Семенов А. А. Легенда об отрезанной голове у восточных христиан и у магометан тюрко-монголов // ЭО. 1899. Кн. XL–XLI.
- Семенов А. А. К вопросу о золотоордынском термине «баскак» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Вып. VI. № 2.
- Семенов А. А. Таджикские ученые XI века н. э. о булгарах, хазарах, русах, славянах и варягах // Докл. АН ТаджССР. 1953. Вып. 7.
- Семенов А. А. Очерк культурной роли уйгуров в монгольских государствах // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.
- Семенов А. И. Византийские инсигнии кочевнических комплексов // XVIII Междунар. конгресс византистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. II.
- Сердобольская Л. А. К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке // Сб. трудов Пятигорского гос. педагог. ин-та. Ставрополь, 1947. Вып. 1.
- Скржинская Е. Ч. Половцы: Опыт исторического истолкования этника // ВВ. 1986. Т. 46.

- Скрынникова Т. Д. Представления монголов о сакральности правителя // Тюркские и монгольские письменные памятники: Текстологические и культуроведческие аспекты исследования: (Сб. ст.) / Отв. ред. С. Г. Кляшторный и Ю. А. Петросян. М., 1992.
- Скрынникова Т. Д. Шаман или правитель/жрец? // VI Международный конгресс монголоведов. Сб. докладов членов российской делегации. М., 1992.
- Скрынникова Т. Д. Представления монголов XIII века о харизме и культ Чингис-хана // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995.
- Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Скрынникова Т. Д. Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время. М., 1998. (Сб. тез. XVII конф. памяти В. Д. Королюка)
- Смирнова О. И. Очерки по истории Согда. М., 1970.
- Сочнев Ю. В. Русь и Золотая Орда: некоторые аспекты конфессио-нальных взаимоотношений // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. II.
- Сочнев Ю. В. Христианство в Золотой Орде в XIII в. // Из истории Золотой Орды. Сб. ст. Казань, 1993.
- Спасский А. А. Сира-халдейские несториане и присоединение их к православной церкви // Богословский вестник. 1898. № 5.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. I—IV.
- Ставиский В. И. К анализу известий о Руси в «Истории монгалов» Плано Карпини в свете ее археографической традиции // ДГ. 1986. М., 1988.
- Ставиский В. И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // ДГ. 1990. М., 1991.
- Старинные гравированные карты и планы XV—XVIII веков / Составление и текст Н. А. Борисковсой. М., 1992.
- Степаненко В. П. Этно-культурный симбиоз на Ближнем Востоке в эпоху крестовых походов // Проблемы истории, филологии, культуры. Межвуз. сб. Магнитогорск, 1994.
- Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: Тез. докл. межд. науч. семинара. Донецк, 1992.
- Стратонитский К. А. Монгольское управление покоренным Китаем и Арменией. М., 1913.
- Строева Л. В. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута // Сб. в честь И. А. Орбели. М.; Л., 1960.
- Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI—XIII вв. М., 1978.

- Сулава Т. Г. Что понимали в древней Руси под названием «Обезь» // История СССР. 1957. № 2.
- Султанов Т. И. Небесный мандат Чингис-хана // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященные 275-летию Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999.
- Таскин В. С. Походные лагеря киданьских императоров // Китай: общество и государство. М., 1973.
- Таскин В. С. Киданьский император на китайском престоле // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Тер-Мкртчян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии. VIII–XVIII вв. М., 1985.
- Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению М.; Л., 1964.
- Топорова А. В. Создание и распространение средневековых текстов: На примере францисканской литературы XIII–XIV вв. // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990.
- Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Трепавлов В. В. Система крыльев в Монгольской империи XIII в. // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1993.
- Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Т. 4.
- Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24.
- Успенский Ф. И. Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII–XIV вв. // ВВ. 1949. Т. 2. (27).
- Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
- Фахрутдинов Р. Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Фахрутдинов Р. Г. Золотая Орда и ее роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Федоров-Давыдов Г. А. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке // Вестник Московского ун-та. М., 1965. № 6.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Филоненко В. Башкиры. III: Название башкир // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. № 5.
- Фишман О. Л. Хронотоп «путешествия» Рубрика // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1991. Ч. 3.
- Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1983.

- Фролова О. Б. Описание Каспийского моря в «Космографии» ал-Казвини // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. ТД. Л., 1966.
- Фролова О. Б. Ибн ал-Асир как историк и космограф и изучение его сообщений русскими востоковедами // Россия и арабский мир. СПб., 1994.
- Халиков А. Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3.
- Халиков А. Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.
- Халикова Е. А. Magna Hungaria // ВИ. 1975. № 7.
- Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. М., 1976. № 3.
- Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань, 1986.
- Халиуллин И. Х. О монгольском походе 1232 г. на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар ибн-Даста. СПб., 1869.
- Хефелс Ф. Э. Загадка одного иудейского табу // Психоанализ и религия. Полное собрание статей. Ahriman-International. 1999.
- Ходжа Самандар Термези. Даст ал-Мулук (Назидание государям) / Пер. с перс., предисл., прим. и указ. М. А. Салахетдиновой. М., 1971.
- Хождение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н. А. Кузнецовой. М., 1958.
- Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород в 50-е гг. XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Цулая Г. В. Обезы по русским источникам // СЭ. 1975. № 2.
- Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингис-хане // СЭ. 1973. № 5.
- Цулая Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
- Чекалин Ф. Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1890. Т. II. Вып. 2.
- Чернышевский Д. В. «Приидоша бесчислены, яко пружи» // ВИ. 1989. № 2.
- Чукаева В. А. Русские княжества и Золотая Орда. 1243—1350 гг. Днепропетровск, 1998.
- Чхао Чху-Ченг. К вопросу о составе народностей армии монгольской империи XIII—XIV вв. // Идель. Казань, 1996. № 5—6.

- Шенк Ф. Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263–1998) // *Ab Imperio*. 1–2. 2001.
- Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама // *Ислам, религия, общество, государство*. М., 1984.
- Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия. (Материалы и исследования) / Отв. ред. Е. И. Кычанов. М., 1980.
- Шукуров Р. М. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // *Причерноморье в средние века*. М., 1995. Вып. 2.
- Щавелева Н. И. Нищенствующие ордена как политические посредники между Орденом, Польшей и Русью // *Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века. Сборник тезисов*. М., 1991.
- Щавелева Н. И. Русь в донесениях польских путешественников XIII в. // *Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. Сб. тезисов*. М., 1989.
- Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // *Историческое развитие лексики тюркских языков*. М., 1961.
- Экаев О. Битва под Мервом в 1510 г. // *Изв. АН ТуркССР. Серия обществ. наук*. № 2. Ашхабад, 1978.
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889–1891. Т. I–II.
- Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
- Элита и этнос средневековья. Сб. ст. М., 1995.
- Эрдейи И. «Большая Венгрия». К вопросу о пребывании древних венгров в Башкирии // *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1961. 13.
- Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века: Сб. науч. тр. / Новосибирск, 1989.
- Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // *Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв.* Алма-Ата, 1983.
- Юрасов М. К. Источники по исторической географии похода Бату в Венгрию // *Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто*. Москва, 18–20 апр. 1990. ТД. М., 1990.
- Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*. Сб. ст. в честь В. К. Зиборова. СПб., 1997.
- Юрченко А. Г. Чингис-хан в стране «шумящего солнца» // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. СПб., 1998. Вып. 12.

- Юрченко А. Г. Игра с мифами и символами или империя Чингис-хана в обратной перспективе (Опыт интерпретации средневековых текстов) // Вестник Евразии. Acta Eurasica. 4 (11). М., 2000.
- Юрченко А. Г. Восточный ребус для западной историографии // Российское монголоведение. Бюллетень. V. М., 2001.
- Юрченко А. Г. Францисканская миссия 1246 г. во владениях Бату-хана // Золотая Орда и ее наследие. Тюркологический сборник 2000. М., 2002.
- Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников // Altaica. IV. М., 2000.
- Юрченко А. Г. Империя и космос. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингис-хана // Ab Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 1/2002.
- Яблонский Л. Т. Физикоантропологический аспект формирования этносоциального организма знати (на примере Золотой Орды) // Элита и этнос средневековья. Сб. ст. М., 1995.
- Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях: 1. Плано Карпини; 2. Асцелин / Лат. текст, пер. и коммент. СПб., 1825.
- Языков Д. И. Сартак. Батый. Мангу-хан / Труды Российской Академии. 1840. Ч. 3.
- Яйленко В. П. Миграция кунов-курыкан из Южной Сибири в Поднепровье в свете письменных и археологических источников // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2.
- Янин В. Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Яхонтов С. Е. Этнонимы «киргис», «хаас», «чик» в китайских исторических сочинениях // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991.
- Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük. Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shi // ZAS 10. 1976.
- Abramowski W. Die chinesischen Annalen des Möngke. Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shi // ZAS 13. 1979.
- Alinge C. Mongolische Gesetze. Darstellung des geschriebenen mongolischen Rechts (Privatrecht, Strafrecht und Prozess). Leipzig, 1934 (Leipziger Rechtswissenschaftliche Studien 87).
- Allsen T. T. Mongol census taking in Rus', 1245–1275 // HUS 5/1. 1981.

- Allsen T. T.* The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century // *M. Rossabi. China among Equals. Berkeley, Los Angeles; London, 1983.*
- Allsen T. T.* Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural region, 1217 – 1237 // *Archivum Eurasiae Medii Aevi III. 1983.*
- Allsen T. T.* Ever closer encounters: the appropriation of culture and the apportionment of peoples in the Mongol Empire // *Journal of Early Modern History* 1. 1997.
- Altaner B.* Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Forschungen zur Geschichte der kirchlichen Unionen und der Mohammedaner- und Heidenmission des Mittelalters (Breslauer Studien zur historischen Theologie, Bd. 3). Habelschwerdt, 1924.
- Altaner B.* Sprachstudien und Sprachkenntnisse im Dienste der Mission des 13. und 14. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Missionswissenschaft und Religionswissenschaft* 21. 1931.
- Altaner B.* Die fremdsprachliche Ausbildung der Dominikanermissionare während des 13. und 14. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Missionswissenschaft und Religionswissenschaft* 23. 1933.
- Altaner B.* Sprachkenntnisse und Dolmetscherwesen im missionarischen und diplomatischen Verkehr zwischen Abendland (päpstliche Kurie) und Orient im 13. und 14. Jahrhundert // *Zeitschrift für Kirchengeschichte* 55. 1936.
- d'Avezac, M. A. P.* Relation des Mongols ou Tartares par le Frère Jean du Plan de Carpin // *Recueil de Voyages et de Mémoires Publié par la Société de Géographie. Paris, 1839. Vol. 4.*
- Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan: A re-examination // *Studia Islamica* 33. 1971; 34. 1971; 36. 1972; 38. 1973.
- Babinger F.* Maestro Ruggero delle Puglie relatore pre-poliano sui Tartari // *Nel VII centenario della nascita di Marco Polo. Scritti di R. Almagia u.a. Venezia, 1955.*
- Batton A., O.F.M.* Wilhelm von Rubruk. Ein Weltreisender aus dem Franziskanerorden und seine Sendung in das Land der Tartaren // *Franziskanische Studien. Beiheft 6. Münster, 1921.*
- Beazley C. R.* The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. London, 1903. (Hakluyt Society, extra series)
- Beckingham C. F., Hamilton B.* Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes. Aldershot, 1996.
- Bendefy L.* Fontes authentici itinera fr. Juliani illustrantes (1235 – 1238) // *Archivum Europae Centro-Orientalis* 3. Budapest, 1937.
- Bergh B.* Einige Bemerkungen zur «Hystoria Tartarorum» // *Symbolae Osloenses* 46. 1971.

- Bezzola G. A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220 – 1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974.
- Bigalli D.* I Tartari e l'Apocalisse. Ricerche sull'escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze, 1971.
- Bogyay Th.* Das Schicksal der östlichen Ungarn des Julianus im Lichte moderner Forschung // UAJb. 50. 1978.
- Boyle J. A.* Kirakos of Ganjak on the Mongols // CAJ 8. 1963.
- Boyle J. A.* The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Möngke // CAJ 9. 1964.
- Boyle J. A.* The Seasonal Residences of the Great Khan Ögedei' // G. Hazai and P. Zieme (eds.). Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin, 1974.
- Brentjes B.* Die Ahnen Dschingis-Chans. Berlin, 1988.
- Breßlau H.* Juden und Mongolen 1241 // Zeitschrift der Geschichte der Juden in Deutschland 1. Braunschweig, 1887.
- Breßlau H.* Juden und Mongolen: ein Nachtrag // Zeitschrift der Geschichte der Juden in Deutschland 2. Braunschweig, 1888.
- von den Brincken A.-D.* Die «Nationes Christianorum Orientalium» im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts. Köln; Wien, 1973.
- von den Brincken A.-D.* Die Mongolen im Weltbild der Lateiner um die Mitte des 13. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung des «Speculum Historiale» des Vincenz von Beauvais OP // Archiv für Kulturgeschichte 57. 1975.
- Brunel C.* David d'Ashby, auteur méconnu des *Faits des Tartares* // Romania. Revue trimestrielle 79. Paris, 1958.
- Buell P. D.* The rôle of the Sino-Mongolian frontier zone in the rise of Cinggis-Qan // Schwarz H. G. (ed.). Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies. Bellingham, Washington, 1979.
- Buell P. D.* Early Mongol Expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): a Reconstruction // CAJ 36. 1992.
- Burnett C. S. F.* An apocryphal letter from the Arabic philosopher Al-Kindi to Theodore, Frederick II's astrologer, concerning Gog and Magog, the Enclosed Nations, and the scourge of the Mongols // Viator 15. 1984.
- Burnett C., Dalche P.-G.* Attitudes towards the Mongols in Medieval Literature: The XXII Kings of Gog and Magog from the Court of Frederick II to Jean de Mandeville // Viator 22. 1991.
- Cahen C.* Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Rum au moment de l'invasion mongole // Byzantion XIV. 1939.
- Campbell M.* The Witness and the Other World: Exotic European Travel Writing, 400 – 1600. Cornell Univ. Press, 1988.

- Ciociltan V. Wilhelm von Rubruks Angaben über Rumänen und Baschkiren im Lichte der orientalischen Quellen // Südostforschungen, XLII. 1983.
- Clark L. V. The Turkic and Mongol words in William of Rubruck's *Journey* // JAOS XCIII. 1973.
- Cleaves F. W. The Mongolian Names and Terms in the *History of the Nations of the Archers* by Grigor of Akanc' // HJAS 12. 1949.
- Cleaves F. W. A Chancellery Practice of the Mongols in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // HJAS 14. 1951.
- Cleaves F. W. Le sceau du Grand Khan Güyüg // HJAS 15. 1952.
- Connell C. W. Western views of the origin of the «Tartars»: an example of the influence of myth in the second half of the thirteenth century // The Journal of Medieval and Renaissance Studies 3. 1973.
- Corso R. Apporto all'etnografia di Fra Giovanni da Plano di Carpine // Fra Giovanni di Carpine nel VII centenario della sua morte / Ed. Porziuncola. Assisi, 1952.
- Dauvillier J. Les Provinces Chaldéennes «de l'Extérieur» au Moyen Âge // Mélanges F. Cavallera. Toulouse, 1948.
- Dauvillier J. Guillaume de Roubrouck et les communautés chaldéennes d'Asie centrale au Moyen Âge // L'Orient Syrien II. Paris, 1957.
- Dawson C. The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. London and New York, 1955.
- de Rachewiltz I. Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971.
- de Rachewiltz I. Prester John and Europe's Discovery of East Asia. Canberra, 1972.
- de Rachewiltz I. Some remarks on the ideological foundations of Chinggis Khan's empire // Papers on Far Eastern History 7. 1973.
- de Rachewiltz I. *Qan, Qa'an* and the Seal of Güyüg // Documenta Barbarorum. Festschrift für W. Heissig / Hrsg. von K. Sagaster, M. Weiers. Wiesbaden, 1983.
- de Rachewiltz I. Prester John and Europe's Discovery of East Asia // East Asian History 11. June 1996.
- de Rachewiltz I. The name of the Mongols in Asia and Europe: A reappraisal // Études mongoles et sibériennes 27. Actes de la 37e P.I.A.C. 1996.
- Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Göckenjan und J. R. Sweeney. Graz; Wien; Köln, 1985. (Ungarns Geschichtsschreiber; Bd. 3).
- Dictionnaire historique de la papauté. Sous la direction de Philippe Levillain. Fayard. 1994.
- Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine / Übersetzt und kommentiert von J. Giessauf. Graz, 1995 (Schriftenreihe des Instituts für Geschichte 6).

- Dienes M.* Eastern Missions of the Hungarian Dominicans in the first Half of the Thirteenth Century // *Isis* 27/2. Bruges, 1937.
- d'Istria D.* Russes et Mongols. Jean du Plan Carpin // *Revue des deux mondes* 97. 1872.
- Donat R. von.* Militärische Aspekte der Schlacht von Wahlstatt. Schlesisches und mongolisches Heer im Vergleich // *Wahlstatt 1241: Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen*. U. Schmielowski (Hg.). Würzburg, 1991.
- Expansione del francescanesimo tra occidente e oriente nel secolo XIII. Atti del VI conv. int. Assisi 12-14 ott. 1978. Assisi, 1979.
- Euler E.* Die Begegnung Europas mit den Mongolen im Spiegel abendländischer Reiseberichte // *Saeculum* 23. 1972.
- Europa und die Kaiser von China 1240 – 1816. Ausstellungskatalog / Hg. von Berliner Festspiele. Frankfurt am Main, 1985.
- Evans A.* (ed.). Francesco Pegolotti. *La Pratica della Mercatura*. Cambridge, 1936.
- Fennell J. L. I.* The Tale of Baty's Invasion of North-East Rus' and its Reflection in the Chronicles of the Thirteenth-Fifteenth Centuries // *Russia Mediaevalis*. 1977. III.
- Fennell J. L. I.* The Tatar invasion of 1223: source problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 27. 1980.
- Fodor I.* Verecke hires utján... A magyar nép ostörténete és a honfoglalás. Budapest, 1980.
- Fra Giovanni da Pian di Carpine. Nel VII centenario della sua morte (1252–1952). Assisi, 1952.
- Franke H.* Westöstliche Beziehungen im Zeitalter der Mongolenherrschaft // *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* 19. 1969.
- Franke H.* (hrsg.). Asien und Europa im Zeitalter der Mongolen // *Saeculum Weltgeschichte*, Bd. 5. Freiburg; Basel; Wien, 1970.
- Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty. (Sitzungsbericht der Bayer. Akad. der Wiss., Phil.-hist. Klasse vol. 2). München, 1978.
- Franke H.* A Sung embassy of 1211 – 1212: the Shih-Chin-lu of Ch'ehg Cho // *BEFEO*. 1981. T. LXIX.
- Fried J.* Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert // *Historische Zeitschrift*. 243:2. 1986.
- Friedman L. J.* Joinville's Tartar visionary // *Medium Aevum* 27. 1. 1958.
- Gazagnadou D.* Les postes à relais de chevaux chinoises, mongoles et mame-loukes au XIIIe siècle: un cas de diffusion institutionnelle? // *La Circulation des nouvelles au Moyen Age: XXIVe Congrès de la S.H.M.E.S. Avignon, juin 1993*. Roma, 1994. (Collection de l'École française de Rome, 190).

- Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. From the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997.
- Göckenjan H. Das Bild der Völker Osteuropas in den Reiseberichten ungarischer Dominikaner des 13. Jahrhunderts // Östliches Europa. Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellmann zum 65. Geburtstag. Wiesbaden, 1977.
- Göckenjan H., Sweeney J. R. (Hg.). Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235-1250, übersetzt, eingeleitet und erläutert. Graz; Wien; Köln, 1985.
- Golubovich G. Fr. Giovanni da Piancarpino. Note e osservazioni per una nuova edizione critica della sua edizione sui Tartari; segue il testo della sua prima redazione estratta da un codice torinese inedito ecc // Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano. I. (1215-1300) Quaracchi, 1906; Quaracchi-Firenze, II. 1913.
- Graf A. Die Tartaren im Spiegel der byzantinischen Literatur // Jubilee Volume in Honour of Prof. Bernhard Heller. Budapest, 1941.
- Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l'Empire Mongol. Ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1994.
- Guillaume de Rubrouck. Envoyé de Saint Louis. Voyage dans l'Empire Mongol (1253-1255) / Traduction et commentaire de Claude et René Kappler. Paris, 1985.
- Guzman G. G. Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission of the Mongol Baiju: A Reappraisal // Speculum 46. 1971.
- Guzman G. G. Simon of Saint-Quentin as Historian of the Mongols and Seljuk Turks // Medievalia et Humanistica, n. s. 3. 1972.
- Guzman G. G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and his Mongol extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // Speculum 49. 1974.
- Guzman G-G. Reports of Mongol Cannibalism in the Thirteenth-Century Latin Sources: Oriental Fact or Western Fiction? // Discovering New Worlds. Essays on Medieval Exploration and Imagination / Ed. by S. D. Westrem. New York; London, 1991.
- Györffy Gy. Anonimus. Rejtély avagy történeti forrás? Budapest, 1988.
- Hambis L. Le chapitre CVII du Yuan-che: Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945.
- Hambis L. Deux noms chrétiens chez les Tatar au XIe siècle // JA 241. 1953.
- Hambis L. Saint Louis et les Mongols // JA 258. 1970.
- Hambis L. L'histoire des Mongols avant Gengis-Khan // CAJ XIV. 1970.

- Helleiner K. F.* Prester John's Letter: A Medieval Utopia // *The Phoenix* III, 1. 1959.
- Hirotoshi S.* Two important Persian sources on the Mongol Empire // *Études mongoles et sibériennes* 27. Actes de la 37e P.I.A.C. 1996.
- Howorth Sir H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. 4 vols. London; New York, 1876 – 1928. Vol. I.
- Jackson P.* The Crusade against the Mongols (1241) // *Journal of Ecclesiastical History* 42:1. 1991.
- Jackson P.* William of Rubruck in the Mongol empire: perception and prejudices // *Travel Fact and Travel Fiction: Studies on Fiction, Literary tradition, Scholarly Discovery and Observation in Travel Writing*. Ed. Z. von Martels (Brill's Studies in Intellectual History, 55) Leiden, 1994.
- Jahn K.* Zum Problem der mongolischen Eroberungen in Indien (13. – 14. Jh.) // *Akten des 24. internationalen Orientalistenkongresses*. München, 1957.
- Jean de Plan Carpin.* Histoire des Mongols / Traduit et annoté par J. Becquet et par L. Hambis. Paris, 1965.
- Jenkin G.* A Note on Climatic Cycles and the Rise of Cinggis Khan // *CAJ*. 1974.
- Johann de Plano Carpini.* Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245–1247 / Übersetzt und erläutert von F. Risch. Leipzig, 1930.
- Johannes von Plano Carpini.* Kunde von den Mongolen: 1245–1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997.
- Jurow W.* Benedykt Polak jako średniowieczny zbieracz podań i legend o Tatarach // *Literatura Ludowa*. 20:1976, nr 6 (1977).
- Kałużyński S.* Dawni Mongolowie. Warszawa, 1983.
- Kämpfe H.-R.* Činggis-Khan // Weiers M. (Hrsg.). Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1986.
- Kappler C.* Premières Missions en Mongolie: rencontre de deux mondes / Images et signes de l'Orient dans l'Occident médiéval (Littérature et Civilisation). Marseille, 1982 (Sénéfiance. 11)
- Kappler C.* Monstres, démons et merveilles à la fin du Moyen âge. Paris, 1980.
- Kappler C.* L'Image des Mongols dans le *Speculum historiale* de Vincent de Beauvais // Vincent de Beauvais. Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du XIVe Colloque de l'Institut d'études médiévales, organisé conjointement par l'Atelier Vincent de Beauvais (A.R.Te.M., Univ. de Nancy II) & l'Institut d'études médiévales (Univ. de Montréal) 27-30 avril 1988. / Ed. M. Paulmier-Foucart, S. Lusignan and A. Nadeau. Paris, 1990.

- Khazanov A. M.* Muhammad and Jenghiz Khan compared: the religious factor in world empire building // *Comparative Studies in Society and History* 35:3. 1993.
- Kleinmichel S.* Der Wolf als Totem und als Metapher // *UAJb. Neue Folge.* Bd. 11. 1992.
- Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993.
- Kneepkens C. H.* Randbemerkungen zum Text der *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi // *Mittellateinisches Jahrbuch* 14. 1979.
- Knefelkamp U.* Die Suche nach dem Reich des Priesterkönigs Johannes. Dargestellt anhand von Reiseberichten und anderen ethnographischen Quellen des 12. bis 17. Jahrhunderts. Freiburg, 1985.
- Komroff M.* Contemporaries of Marco Polo, consisting of the Travel Records to the Eastern Parts of the World of William Rubruk (1253–1255), the Journey of John of Pian de Carpinì (1245–1247), the Journal of Friar Odoric (1318–1330) and the Oriental Travels of Benjamin of Tudela (1160–1173). New York, 1928.
- Kotwicz W.* Formules initiales des documents mongols au XIIIe et XIVe ss. / *RO* 10. 1934.
- Kotwicz W. L.* Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIIIe siècle. La Pologne au 7e Congrès international des sciences historiques, Varsovie, 1933. I // *RO* 16. 1950.
- Kubanek J. K.* *Perimmane Velillum Thartarorum*. Chrzescinanie w wojskach mongolskich w bitwie pod Legnica 1241 roku // *Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków srednich* (Uniwersytet im Adama Mickiewicza w Poznaniu, seria Historia, 117). Poznan, 1984.
- Kwanten L.* Chingis Kan's Conquest of Tibet. Myth or Reality ? // *JAH* 8. 1974.
- Lemercier-Quelquejay Ch.* Le paix mongole. Joug tatar ou paix mongole? Paris, 1970.
- Ligeti L.* A magyar nép mongol kori nevei (magyar, baskir, király) // *Magyar nyelv.* Budapest, 1964.
- Ligeti L.* Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // *AOH* XVIII:3. 1965
- Ligeti L.* Die Herkunft der Volksnamens *kirgis* // *Körösi Csoma Archivum* 1. Leiden, 1967.
- Limper B.* Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus. Eine Untersuchung zur politischen Geschichte Kaukasiens im 13. und beginnenden 14. Jahrhundert. Diss., Köln, 1980.
- Lupprian K. E.* Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. *Studi e Testi* 291. Città del Vaticano, 1981.

- Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967.
- Magyar szókészlet finnugor elemei / Szerk. Gy. Lákó, K. Rédei. Budapest, 1967–1978.
- Martin H. D.* The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China. Baltimore, 1950.
- Mason R. A. E.* The Mongol mission and Kyivan Rus' // UQ. 49:4. 1993.
- Mason R. A. E.* The Mongol mission and Kyivan Rus' (Conclusion) // UQ. 50:1. 1994.
- Matrod H.* Notes sur le voyage de Frère Jean de Plan-Carpin (1245–1247) // Études Franciscaines. Paris, 1912. 27–28.
- Mediaeval researches from eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century, by E. Bretschneider. London, 1910. Vol. 2.
- Mollat M.* Voyageurs du XIIIe au XVIe siècle. Paris, 1984.
- Morgan D. O.* Persian historians and the Mongols // Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds. Ed. D. O. Morgan. London, 1982.
- Morgan D. O.* The Mongols. Oxford, 1986.
- Morgan D. O.* The Mongols and the eastern Mediterranean // Mediterranean Historical Review IV. 1989.
- Morgan D. O.* The Great Yasa of Chingiz Khan' and Mongol law in the Ilkanate // BSOAS 49/1. 1986.
- Morgan D. O.* Persian Perceptions of Mongols and Europeans // Schwartz S. B. (ed.). Implicit Understandings: Observing, Reporting, and Reflecting on the Encounters between Europeans and Other Peoples in the Early Modern Era. Cambridge, 1994.
- Münküjev N. Ts.* A New Mongolian p'ai-tzu from Simferopol // AOH 31:2. 1977.
- Moule A. C.* Table of the Emperors of the Yüan Dynasty // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1914. Vol. 45.
- Németh Gy.* Magna Hungaria. Leipzig ; Wien, 1921.
- Noyè E.* OFM. Legatio Fr. Joannis a Plano Carpini ad Tartaros // Collectanea commissionis synodalis 8. Peiping 1935.
- Oliger L.* Franciscan Pioneers Amongst the Tartars // Catholic Historical Review XVI. 1930.
- Olschki L.* Marco Polo's Asia. An Introduction to His «Description of the World» called «Il Milione» / trans. from the italian by J. A. Scott. Berkeley and Los Angeles, 1960.
- Önnerfors A.* Textkritische und sprachliche Bemerkungen zur Hystoria Tartarorum des C. de Bridia. // Mittellateinisches Jahrbuch 3. 1966.
- Önnerfors A.* Zur «Hystoria Tartarorum» Kap. 39 // Symbolae Osloenses. Auspiciis Societatis Graeco-Latinae. Bergen, 1972. Fasc. XLVII.

- Orlini A.* OFM Conv. Fra Giovanni di Pian del Carpine ambasciatore di Roma // Miscellanea Francescana di storia, di lettere, di arte 43. 1943.
- Pálffy I.* A tatárok és a XIII századi Európa. (Hefte des Collegium Hungaricum in Wien II). Budapest, 1928.
- Pelliot P.* À propos des Comans // JA 15. 1920.
- Pelliot P.* La lettre du Grand Khan Güyük à Innocent IV // Revue de l'Orient Chrétien. 3e série 3. Vol. XXIII. Paris, 1922–1923.
- Pelliot P.* Les Mongols et la Papauté. Documents nouveaux édités, traduits et commentés par M. Paul Pelliot, avec la collaboration de M.M. Borghesio, Massé et Tisserant // Revue de l'Orient Chrétien. 3e série 3. Paris, 1922–1923. Vol. 23; 1924. Vol. 24; 1931–1932. 8. Vol. 28.
- Pelliot P.* Le vrai nom de «Seroctan» // T'oung Pao. Vol. 29, № 1–3.
- Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
- Pelliot P.* Jean de Plan Carpin en Pologne // Mémoires de l'Institut National de France. XLIV, 1. 1960.
- Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Paris, 1959, vol. 1; 1963, vol. 2.
- Pelliot P.* Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, opera postuma publicata a cura di J. Dauvillier e L. Hambis. Paris, 1973.
- Perényi J.* A Magna Hungaria kerdéséhez. I // Magyar nyelv. Budapest, 1959. Köt. 55. № 3.
- Petech L.* I francescani nell'Asia centrale e orientale nel XIII e XIV secolo // Espansione del francescanesimo tra Occidente ed Oriente nel secolo XIII. Atti del VI Convegno internazionale alla Società internazionale di studi francescani: Assisi, 12-14 ottobre 1978. Assisi, 1979.
- Pisani L.* L'attività politica d'Innocenzo IV e i Francescani (1243–1254). Neapel, 1957. (Pontificium Athenaeum Antonianum. Facultas Sacrae Theologiae - Theres ad Lauream 118)
- Plezia M.* Le rôle de la Pologne dans l'exploration de l'Asie Centrale au milieu du XIIIe siècle // Acta Poloniae Historica. Warschau. 22. 1970.
- Plezia M.* Historia Tartarorum // Studia Zródloznawcze 15. Warszawa; Poznan, 1971.
- Plezia M.* Das taktische Kapitel der neuentdeckten «Historia Tartarorum» // Philologus 115. 1971.
- Poppe A.* Michail, Fs. von Cernigov // Lexikon des Mittelalters VI. 1993, Sp. 607/8.
- Poppe N.* On some Mongolian words in the «Tartar Relation» // JSFOu 68, 3. 1967.
- Poucha P.* Majar(at), Mad(a)sari, Matzaroi. Ein Beitrag zur Erklärung der Geheimen Geschichte der Mongolen // AOH IV. 1955.
- Pullé G.* Viaggio a' Tartari di fratre Giovanni da Pian del Carpine (*Historia Mongalorum*). Milano, 1929. (Viaggi e Scoperte di Navigatori ed Esploratori Italiani 5).

- Rady M.* The Mongol invasion of Hungary // *Medieval World* 3. 1991.
- Räsänen M.* Versuch einer etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Ratchnevsky P.* Über den mongolischen Kult am Hofe der Grosskhane in China // L. Ligeti (ed.). *Mongolian Studies*. Budapest, 1970.
- Ratchnevsky P.* Die Yasa (*jasag*) Cinggis-Khans und ihre Problematik // *Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients* 5: Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker / Hrsg. G. Hazai, P. Zieme. Berlin, 1974.
- Ratchnevsky P.* La condition de la femme mongole au XIIe – XIIIe siècle // *Tractata Altaica*. Festschrift für D. Sinor / Hg. W. Heissig. Wiesbaden, 1976.
- Ratchnevsky P.* Cinggis-Khan. Sein Leben und Wirken. Wiesbaden, 1983.
- Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991.
- Richard J.* La limite occidentale de l'expansion de l'alphabet oumgour // *JA* 239. 1951.
- Richard J.* Les missions chez les Mongols aux XIIIe et XIVe siècle // *Histoire universelle des missions catholiques* 1. Paris, 1957.
- Richard J.* Une lettre concernant l'invasion mongole? // *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes* CXIX (1961). Paris, 1962.
- Richard J.* The Mongols and the Franks // *JAH* 3. 1969.
- Richard J.* Sur les pas de Plancarpin et de Rubrouck: la lettre de Saint Louis à Sartag // *Journal des Savants*. 1977.
- Richard J.* Les causes des victoires mongoles d'après les Historiens occidentaux du XIIIe siècle // *CAJ* XXIII. 1979.
- Richard J.* Le discours missionnaire: l'exposition de la foi chrétienne dans les lettres des papes aux Mongols // *Prédication et propagandes au Moyen Âge*. Islam, Byzance, Occident. Paris, 1983.
- Richard J.* Croisés, missionnaires et voyageurs. Les perspectives orientales du monde latin médiéval. London, 1983 (*Collected Studies Series* 182).
- Richard J.* Sur un passage de Simon de Saint-Quentin. Le costume, signe de soumission dans le monde mongol // *Études mongoles et sibériennes* 27. Actes de la 37e P.I.A.C. 1996.
- Róna-Tas A.* Tibet // *Documenta Barbarorum*. Festschrift für W. Heissig / Hrsg. von K. Sagaster, M. Weiers. Wiesbaden, 1983.
- Rossabi M.* Khubilai Khan: His Life and Times. Berkeley, Los Angeles, London, 1988.
- Rouhau G.* Innocent IV devant le Péril tatar: ses lettres à Daniel le Galice et à Alexandre Nevsky // *Istina* 6. 1959.
- Roux J.-P.* Tängri. Essai sur le Ciel-dieu des peuples altaïques // *Revue de l'histoire des religions*. Paris, 1955. Vol. 149, 150; 1958. Vol. 154.

- Roux J.-P.* La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux. Paris, 1963.
- Roux J.-P.* Les astres chez les Turcs et les Mongols // *Revue de l'histoire des religions* 195:2. 1979.
- Roux J.-P.* Les explorateurs au Moyen-Âge. Paris, 1985.
- Roux J.-P.* Histoire de l'Empire mongol. Paris, 1993.
- Rudolf K.* Die Tartaren 1241/1242. Nachrichten und Wiedergabe: Korrespondenz und Historiographie // *Römische Historische Mitteilungen* 19. Wien, 1977.
- Rutkowska-Plachcinska A.* L'image du danger tatar dans les sources polonaises des XIIIe – XIVe siècles // *Histoire et société: Mélanges offerts à G. Duby*. 4 vols. Publications de l'Université de Provence, 1992. IV.
- Saunders J. J.* Matthew Paris and the Mongols // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson*. Toronto, 1969.
- Saunders J. J.* John of Plan Carpin: The Papal Envoy to the Mongol Conquerors who traveled through Russia to eastern Asia in 1245–1247 // *History Today* 22. 1972.
- Schmieder F.* Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994 (Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters 16).
- Serruys H.* Mongol *Altan* 'Gold' = 'Imperial' // *Monumenta Serica*. XXI. 1962.
- Serruys H.* Mongγol: Moγal and Mangγus: Maγus // *AOH XXXVI*. 1982.
- Simonut N.* Il metodo d'evangelizzazione dei Francescani tra Musulmani e Mongoli nei secoli XIII-XIV. Milano, 1947.
- Sinor D.* Un voyageur du treizième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie // *BSOAS* 14/3. 1952.
- Sinor D.* Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // *Cahiers d'Histoire Mondiale* III. 1956. 1.
- Sinor D.* Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpini's *Journey to the Mongols* (1245 – 1247) // *Mongolian Studies* edited by Louis Ligeti. Budapest, 1970.
- Sinor D.* On Mongol Strategy // *Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference* / Ed. Ch'en Chien-hsien. Tainan, Taiwan, 1975.
- Sodnomyn C., Cenoma E.* Podbój Polski przez wojska Batu-chana // *Bitwa legnicka: Historia i tradycja* / Ed. W. Korta. Wrocław, 1994.
- Spotkanie dwóch światów: Stolica apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku: Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów* / Pod red. J. Strzelczyka. Poznań, 1993.
- Spuler B.* Die Religionspolitik der Mongolen // *Beiträge zur ostdeutschen und osteuropäischen Kirchengeschichte*. Fs. Bernhard Stasiewski / Hg. v. G. Adriányi und J. Gottschalk. Köln; Wien, 1975.

- Strzelczyk J.* Z nowszych badan i kontrowersji na temat Historii Tatarow C. de Bridia // *Zrodloznawstwo i studia historyczne* / Ed. K. Bobowski (Acta Universitatis Wratislaviensis 1112, Historia 76). Wroclaw, 1989.
- Szczesniak B.* The Mission of Giovanni de Plano Carpini and Benedict the Pole of Vratislavia to Halicz // *Journal of Ecclesiastical History* 7. 1957.
- Szczesniak B.* Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relations and the Vinland Map // *JAOS* 86. 1966.
- Sweeney J. R.* Thomas of Spalato and the Mongols: a thirteenth-century Dalmatian view of Mongol customs // *Florilegium: Carleton University Annual Papers on Classical Antiquity and the Middle Ages* 4. 1982.
- Sweeney J. R.* Identifying the medieval refugee: Hungarians in flight during the Mongol invasion // *Forms of Identity (Definitions and Changes)* / Ed. L. Löb, I. Petrovics and G. E. Szönyi. József Attila University. 1994.
- Tattersall J.* Anthropophagi and Eaters of Raw Flesh in French Literature of the Crusade Period: Myth, tradition, and reality // *Medium Aevum* 57. 1988.
- The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253-1255 / trans. and ed. W. W. Rockhill. London, 1900.
- The Mission of friar William of Rubruck. His journey to the court of the Great Khan Möngke 1253-1255 / Tr. by P. Jackson; Introduction, notes and appendices by P. Jackson with D. Morgan. London, 1990.
- The History of the World-Conqueror* by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Trans. J. A. Boyle. Manchester, 1958. 2 vols.
- The Vinland Map and the Tartar Relation / by R. A. Skelton, Th. E. Marston, and G. D. Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A. O. Vietor. New Haven; London, 1965.
- Topkapi. Sarayi-Museum. Manuskripte / Hrsg. und erweitert von J. M. Rogers. Tokyo (farbteil), Lausanne (text). 1986.
- Vasary J.* A Volga-vidéki magyar töredékek a mongol kor után // *Magyar ostörténeti tanulmányok*. Budapest, 1977.
- Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to European Power, 1245-1255 // *Byzantion*. 1941-1942. Vol. 15.
- Weiers M.* Herkunft und Einigung der mongolischen Stämme: Türken und Mongolen // *Die Mongolen in Asien und Europa* / Hrsg. S. Conermann und J. Kusber. Frankfurt am Main, 1997.
- Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng.* History of Chinese society: Liao (907-1125). Philadelphia, 1949.
- Wodzinowska-Taklinska G., Krzywiak L.* Dwa teksty do historii Wegier i Tatarów w XIII wieku // *Studia historyczne* 31:2. 1988.

- Wortley J. The Literature of Catastrophe // *Byzantine Studies* 4, 1. 1977.
- Wright D. C. The Death of Chinggis Khan // *Proceedings of the 39th P.I.A.C. Meeting*. Szeged 1996, erscheint voraussichtlich 1997/98.
- Wylie T. V. The First Mongol Conquest of Tibet Re-interpreted // *HJAS* 37. 1977.
- Yourtchenko A. Ein asiatisches Bilderrätsel für die westliche Geschichtsschreibung: Ein unbekanntes Werk aus dem 13. Jahrhundert (Der "Tschingis Khan-Roman") // *ZAS*. 28. 1998.
- Zalewska-Lorkiewicz K. *Ilustrowane mappae mundi jako obraz świata. Średniowiecze i początek okresu nowożytnego*. Warszawa, 1997.
- Zimonyi I. The Volga Bulgars between wind and water (1220–1236) // *AOH* 46:2–3. 1992–1993.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Малеин* — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика / Пер. с лат. А. И. Малеина, редакция, вступит. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.
- Bezzola* — Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220 — 1270). Bern; München, 1974.
- Cleaves* — The Secret History of the Mongols. For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary by F. W. Cleaves. Cambridge Mass.-London, 1982. Vol. I.
- Daffinà* — Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Edizione critica del testo latino a cura di E. Menestò; traduzione italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestò. Spoleto, 1989, pp. 403—496 (комментарий).
- Kneepkens* — Kneepkens C. H. Randbemerkungen zum Text der *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi // *Mittellateinisches Jahrbuch* 14. 1979.
- Önnerfors* — *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi / Ed. et annot. A. Önnerfors. Berlin, 1967.
- Painter* — The Vinland Map and the Tartar Relation / by R. A. Skelton, Th. E. Marston, and G. D. Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A. O. Vietor. New Haven; London, 1965, pp. 54-101 (перевод и комментарий).
- Pelliot. Recherches* — Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient, opera postuma pubblicata a cura di J. Dauvillier e L. Hambis. Paris, 1973.
- Risch* — Johann de Plano Carpin. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245—1247 / Übersetzt und erläutert von F. Risch. Leipzig, 1930.
- Sinor* — Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpin's *Journey to the Mongols* (1245 — 1247) // *Mongolian Studies* ed. by L. Ligeti. Budapest, 1970.
- Schmieder* — Johannes von Plano Carpin. Kunde von den Mongolen: 1245—1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997.
- SDS — Spotkanie dwóch światów: Stolica apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku: Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów / Pod red. J. Strzelczyka. Poznań, 1993.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВВ – Византийский временник. Л.; М.
ВГО – Всесоюзное географическое общество. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
Восток – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.
ДГ – Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования... М.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
ЗВОИРАО – Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАН – Известия Академии наук.
ИВ – Институт востоковедения.
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИРГО – Имп. Русское Географическое общество.
КСИНА – Краткие сообщения института народов Азии. М.
ЛО ИВ – Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. Л.
МНМ – Мифы народов мира. М.
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси. Л.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб. – Пг. – М.
СА – Советская археология. М.
СМАЭ – Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. Л.
СВ – Советское востоковедение. М.
СТ – Советская тюркология. М.
ССАВ – Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый ин-том имени Н. П. Кондакова. *Seminarium Kondakovianum. Praga.*
СЭ – Советская этнография. М.
ТАС – Труды Археологического съезда.
ТВОРАО – Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТД – Тезисы докладов

- ТЗС — Труды по знаковым системам. Тарту.
- ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л.
- ТС — Тюркологический сборник. М.
- ТЧРДМ — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб.
- УИ — Университетские известия. Киев.
- ЭО — Этнографическое обозрение.
- АОН — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- BEFEO — Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient, Hanoi (Paris-Saigon).
- Byzantion — Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.
- CAJ — Central Asiatic Journal, The Hague- Wiesbaden.
- DHGE — A. Baudrillart et al. (eds.). Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. Paris, 1909 -in progress.
- HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies, Harvard.
- HRF — Historia Regni Franciae.
- HUS — Harvard Ukrainian Studies, Harvard.
- HZ — Historische Zeitschrift.
- JA — Journal asiatique, Paris.
- JAH — Journal of Asian History, Wiesbaden.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
- JAOS — Journal of American Oriental Society. New York - New Haven.
- JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
- MGH SS — Monumenta Germaniae historica, Scriptores, 32 vol., Hannover; Leipzig, 1826–1934.
- Mittellateinisches Jahrbuch — Internationale Zeitschrift für Mediävistik
International Journal of Medieval Studies Revue Interna
- MS — Monumenta Serica
- PIAC — Permanent International Altaistic Conference
- Philologus — Zeitschrift für klassische Philologie. Berlin.
- RO — Rocznik Orientalistyczny.
- RPR — Regesta Pontificum Romanorum / ed. A. Potthast. Berlin. 1874 – 1875. T. I–II.
- UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
- UQ — Ukrainian Quarterly: A Journal of East European and Asian Affairs.
- Viator — Viator: Medieval and Renaissance Studies. Berkeley, Los Angeles, London.
- ZAS — Zentralasiatische Studien, Bonn.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig, Wiesbaden.

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абд ал-Латиф, врач 344
Абикэ-беги 304
Абу Хамид ал-Гарнати, купец и путешественник 331
Абу-л Фарадж бар Эбрей (Bar Hebraeus), историк 143, 164, 174, 191, 232, 328
Абу-л Фида, географ 152, 282
Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, ученый 155, 214, 308, 327, 355
Аваг, ишхан армянский 151
Авраамий Смоленский 63
‘Ала’ ад-Дин Абу-с-Са‘адат Мухаммад III, правитель Аламута («Горный Старец») 240
Ала ад-дин Мухаммад ибн Текиш, хорезмшах 14, 174, 258, 344
Александр IV, римский папа 336
Александр Македонский (Зул-Карнайн) § 12, 38, 70, 104, 142, 206, 210, 211, 243
Александр Невский 128
Алмуш, вождь венгров 242
Алтан-хан (Ай-цзун; Сусэ), китайский император 169, 186, 187, 188, 294
Альберт, епископ 237
Альтисольдан § 24, 111, 258, 265
Андре де Лонжюмо 49, 52, 55, 217, 218, 342
Андрей Лызлов 151, 157, 291
Андрей, князь Черниговский § 42, 118
Аристотель 274
Арпад, венгерский вождь 248
Ассан (Асень), болгарский царь 243
Асцелин (*Ascelin*), посол папы 24, 188, 312
Аттила 241
Афанасий Никитин 175, 211
Ахмед ибн ат-Тайиб ас-Серахси, математик и астролог 352
Ахмед ибн Фадлан 245, 293

Бабур 297
Байдар, сын Чагатая 254, 255, 278, 279, 284

- Байджу-нойон, (Baiioth-noy, Байот) 254, 256, 312, 313, 314
Бал 161
Бала-нойон 232
ал-Балхи 245, 246
Бартоломей Английский, энциклопедист 241
Барчук-арт-тегин, Barčuq-art-tigin, правитель уйгуров 162
Бати (Бату-хан, Батый) § 23–30, 16, 23, 53, 65, 73, 110, 111, 112, 227, 231, 242, 250, 252, 253, 255, 256, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 266, 267, 275, 276, 278, 279, 280, 283, 284, 286, 288, 289, 295, 298, 299, 300, 301, 302, 305, 310, 326, 327, 331, 334, 343
Бачу-хурчи, см. Байджу-нойон 256, 330
Бела IV, король Венгрии § 29, 34, 112, 113, 241, 288, 289, 300, 303, 304
Бенедикт Гозса 175
Бенедикт Поляк § 1, 18, 28
Берке, сын Джучи 252, 253, 255, 261, 276
Беркечар, (рус. Бичур) сын Джучи 253, 261, 278
Богуслав, францисканец § 1, 99, 203, 204
Болеслав сандомирский, князь 288
Бора, Ба-ла (Борак), внук Чагатая § 23, 252, 254, 255
Борте, жена Чингис-хана 178
Бугiek § 23, 110
Будда (Майтрея, Сакиа-муни) 213
Буйгет, Бечак – монг. Bööck, Бучек, сын Толуя § 23, 110, 252, 255, 256, 257, 278, 279, 280, 284
Бука-Тимур, сын Джучи 253
Бури (монг. Būgi, лат. Burim), сын Чагадая § 23, 110, 252, 255, 256, 257, 260, 279, 280, 284
Бургэ-Чино (Серый Волк) 226
Бурундай-нойон 278
Буюрук-хан найманский 175

Вассаф 152
Винцент из Бове 8, 27, 65, 137, 143, 153, 183, 188, 189, 206, 217, 301, 350
Вильгельм де Рубрук 13, 14, 20, 30, 40, 142, 152, 159, 162, 174, 196, 201, 220, 243, 247, 249, 282, 320, 321, 322, 325, 326, 327, 330, 334, 338
Владислав опольский 288

Газан-хан 8
Гардизи 245
ал-Гарнати 244

Геден (библ.) 153

Генрих III, английский король 28, 37, 56

Генрих Бородатый 288

Генрих Латвийский 129, 237

Генрих Лузиньян, король Кипра 40, 218, 350

Генрих, князь силезский (Генрих II) § 28, 58, 112, 288, 289, 290, 291

Георгий Арматол 50

Георгий Пахимер 36, 157

Герберштейн С., дипломат. 133, 192

Гийас ад-Дин Али 296

Гийас ад-Дин Кай Хусрау II, султан Рума 313, 330

Гийас ад-Дин Пир-шах, сын хорезмшаха 294

Гирподан, см. Джурмагун-нойон § 23, 31, 110, 113

Гонорий III, римский папа 129

Григор Акнерци 61, 157, 158, 256, 286, 311, 330, 345, 346

Григор Сисеци 61

Гурек, правитель Самарканда 351

Гуюк-хан, сын Угедея, см. Куюк-хан 14, 48, 143, 144, 161, 163, 188, 191, 218, 221, 255, 260, 262, 279, 285, 302, 305, 315, 316, 330, 337, 338, 346

Давид VI Нарин, сын Русудан 287, 310, 312, 330

Давид Строитель, царь Грузии 336

Давид, сын пресвитера Иоанна 217

Давыд Смоленский 276

Даниил Заточник 210

Даниил Романович Галицкий 128, 238, 239, 278, 279, 288

Джалал ад-Дин ал-Хасан III, глава исмаилитов 287

Джалал ад-Дин Манкбурны, султан 32, 135, 151, 186, 233, 258, 261, 262, 294, 310, 314, 334

Джебе-нойон (Чжебе), старший офицер 32, 206, 228, 231, 232, 235, 238, 266

Дженкинсон Антоний, английский купец 276

ал-Джуейни 'Ала' ад-Дин Ата' Малик ибн Баха' ад-Дин Мухаммад 167, 190, 246, 258, 261, 262, 279, 280, 284, 299, 300, 306, 324, 331, 334

Джучи-хан (монг. Jöči, тюр. Töči, лат. Tossuccan) 176, 187, 188, 189, 194, 197, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 251, 253, 254, 261, 263, 266, 268, 269, 281, 307, 322, 325

Джурмагун-нойон (Гирподан, Хирподан, Чармагун) 110, 255, 256, 259, 260, 261, 306, 307, 309, 311, 312

Дмитрий, посадник киевский 278, 279, 288, 289

Еке-нойон, прозвище Тулуя 261

Елюй Чу-цай, советник Чингис-хана 14, 166, 337

Жуанвиль, французский рыцарь 14, 46, 140, 150, 218, 220, 347

Закарийа ал-Казвини 140

Ибн аль-Асир 'Изз ад-Дин 32, 34, 237, 239, 283, 311, 315

Ибн Баттута, арабский путешественник 147, 175, 276

Ибн Васил 331

Ибн Исфандийар 331

Ибн Руст 245

Ибн Хордадбех 190

Ивон Нарбонский 58, 130, 135

Иисус Христос § 40

Илавдур 281

Илджидай-нойон 316

Иннокентий IV, римский папа 14, 18, 37, 39, 44, 57, 128, 129, 143, 188, 332, 346

Иоанн Экзарх Болгарский 271

Иоанн, пресвитер § 17, 149, 150, 159, 192, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 320, 330, 334, 347

Иоанн Сольсберийский 146

Иосафат Барбаро, дипломат 325

Иордан де Северак 65

Исидор Севильский, доминиканец 37, 242, 310

Искандер (Александр Македонский) 197, 200, 208, 230

Исмаил I 297

Исраил, епископ 307

Истахри, арабский географ 270

Йакут ал-Хамави, арабский географ 246, 270, 271, 331

Кадак, атабек Гуюк-хана 48, 161

Кадан (Cadan = Qadān, рус. Кайдан) сын Угедея § 23, 34, 110, 252, 253, 255, 256, 257, 278, 280, 343

Карагай 255, 257

Кара-Йусуф 292

Каули § 3

Каши, сын Угедея 325

Киракос Гадзакеци 32, 64, 66, 140, 151, 174, 189, 191, 250, 256, 258, 261, 267, 275, 310, 312, 313, 343, 346

- Киренен § 23, 110
Ко-дуань, монг. царевич 286
Кокошай (Кукдай, Кокетей), эмир 261, 283, 331
Коктен – монг. Ködön, Куден, Кутан, второй сын Угедея § 23, 110, 111, 252, 255
Коломан (Кальман), король Венгрии § 29, 112, 113, 288, 289, 299
Котян, половецкий хан 238
Коу-вэнь Бухуа 286
Ко-чу 286
Кулкан (монг. Kölgän), Колган, сын Чингис-хана 251, 255, 279, 284
Куремса, лат. *Kuremsa*, русск. форма Коренца, монг. *Qurumči*, третий сын Орду, внук Джучи 258
Кутан, Кудэн, сын Угедея, см. Коктен 281, 305
Кутлуг-хан 269
Кучлук, хан найманов 148, 162
Кучу, кит. Ко-чу, сын Угедея 252
Куюк-кан (Güyük, Гуюк) § 23, 26, 30, 33, 41, 110, 111, 113, 117, 278, 303, 310

Лев, царь 336
Ли Дэ-юй 131
Людовик IX, французский король 33, 36, 46, 130, 148, 217, 218, 290

Магог, сын Яфета (библ.) 241
Малик аль-Мансур, эмир Хомса 57
Марко Поло 8, 14, 28, 56, 70, 138, 142, 147, 150, 159, 160, 167, 174, 178, 179, 218, 219, 220, 254, 282, 296, 321, 326, 334, 338, 339
Матфей Парижский, автор хроники 13, 14, 28, 37, 43, 46, 52, 63, 73, 74, 129, 130, 136, 154, 156, 157, 183, 240, 343, 348
Мауци, лат. *Mauci*, Моѿи, сын Чагатая 255, 257
Махмуд Кашгарский 245, 329
Менгу (Мунке, сын Толуя) § 23, 110, 111, 191, 252, 254, 255, 262, 275, 276, 278, 279, 284, 338, 347
Мефодий Патарский 153
Михаил Асори, арм. писатель 158
Михаил Всеволодович, князь черниговский § 40, 12, 116, 278
Михаил Сириец, яковитский патриарх 142, 350
Моисей Каганкатваци, арм. историк 307
Мотукан (Mö'ätügän), сын Чагатая 254, 256
Моуцы 255, 257
Мстислав галицкий 237, 238
Мстислав Романович, киевский князь 237

Мстислав черниговский 238

Мунке, великий хан, см. Менгу 178, 254, 260

Мункету, Мункату, сын Кутана сына Угедея 260

Муса ибн Абдаллах, араб. полководец 296

ал-Муста‘сим, халиф 314

ал-Мустансир-биллах, халиф 314

Мутугэн 254, 256

Мухали, монгольский полководец 148, 165

Мухаммед Саид 295

Навуходоносор 150, 336

ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ибн ‘Али ибн Мухаммад ал-мунши, автор жизнеописания султана Джалал ад-Дина 32, 35, 135, 148, 169, 170, 178, 186, 233, 258

Низами Гянджеви 200, 208, 223

Оготур 260

Одорико де Пордононе (Odoricus de Portu Naonis), доминиканец 8, 14

Оккодай (лат. Occoday, монг. Ögödäi, Угедей-хан) § 23, 24, 30, 33, 110, 111, 113, 250, 258, 260, 265, 303, 306, 309, 338

Олег Курский 239

ал-Омари 270

Онг-хан, государь племени кераитов 158, 159, 185, 294

Орду-Ичэн (монг. Ördü, старший сын Джучи) § 23, 27, 110, 112, 252, 253, 255, 257

Отрок (Атрак), хан половецкий 336

Пегалотти Франческо 276

Петр, архиепископ русский 44, 45, 47, 48, 52, 55, 135, 156, 192, 343, 348, 350

Понс де Обон 33, 130, 290, 291, 343

Пор, индийский царь 219

Псевдо-Мефодий 45, 46, 59, 135, 350

Пэн Да-я, южносунский посол 152

Рангерий Луккский 44

Рашид ад-Дин, автор «Джами’ ат-таварих» 8, 14, 30, 47, 48, 70, 131, 132, 137, 144, 146, 147, 158, 159, 160, 167, 168, 169, 175, 178, 185, 192, 198, 221, 224, 230, 231, 232, 239, 246, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 261, 262, 266, 280, 281, 283, 296, 301, 304, 305, 306, 314, 316, 321, 323, 324, 325, 328, 332, 333, 337

- Рогерий, архиепископ Сплитский 301
Роджер Бэкон 133, 164, 192, 201, 243
Роман Галицкий 335
Ростислав Михайлович, князь 278
Руи Гонсалес де Клавихо, испанский посол 297
Русудан, грузинская царица 129, 287, 310, 312, 330, 343
- Салех-Айюб, египетский султан 57
Салам ат-Тарджуман 206
Салимбене из Пармы 21, 130
Сальвио де Сальви 241
Святослав Владимирович, русский князь 245
Серапион Владимирский 59, 60, 63
Серекта, Сероктан, Соркуктани-беги, монг. *Sorraqtani-bägi* § 23, 110, 252, 254, 304
Сиренен § 23, 111
Сибан (лат. *Siban*, монг. *Šiban*) Шейбан, пятый сын Джучи § 23, 110, 252, 253, 255, 256
Симон де Сент-Квентин (*Simon de Saint-Quentin*) 14, 143
Синокур, Шингкур, монг. *Šingqur*, сын Джучи 255, 257
Сиренум, Сирэмун, Ширамун, *Širemün* 255, 257
Смбат Спарапет 40, 140, 218, 296, 346, 350
Сонкур, сын Джучи, см. Шинкур 281
Стефан, епископ Вацкий, архиепископ Эстергомский 73, 137, 293
Стефан Орбелиани, митрополит Сюнийский 154, 259, 261, 327
Субедей-бахадур, эмир, из рода урянкат 32, 177, 197, 206, 228, 231, 232, 233, 235, 238, 254, 255, 256, 260, 261, 263, 266, 278, 279, 283, 284, 286, 316, 328, 331, 334
Сюй Тин, южносунский посол 15, 144, 152, 153, 158, 166
- ат-Табари, араб. историк 293, 308
Тангут (монг. *Tangqut*), сын Джучи 252, 253, 254, 255, 261, 279, 284, 286
Та-та-тун-а, хранитель печати 163, 164, 171
Таян-хан (Даян-хан), правитель найманов 159, 163, 165, 175, 176, 294
Темучин (Темуджин) 148, 170, 178
Тимур (Тамерлан, Тамурбек) 192, 193, 296, 297
Товрул 278
Токтай-беки 158, 159
Толуй, сын Чингис-хана (Тулуй-хан) 198, 230, 251, 254, 255, 261, 279, 284, 286
Тоорил-хан кереитский 177, 178

Тоссук-кан см. Джучи § 11, 20, 23, 104, 108, 110, 184, 196, 227, 228, 250, 252, 266

Туатемыр — монг. Тога Темүг, Тог-Темур, внук Тогуя 255, 257

Тука-Тимур 261

Угедей-хан, см. Оккодай 165, 171, 197, 198, 230, 231, 250, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 265, 266, 268, 279, 281, 283, 302

Унк 159

Фатима-хатун 305

Фахр-ад-дин, кази Багдада

Федор Котов 263

Феодосий, игумен 51

Фома Мецопский 297

Фома Сплитский, архидиакон, хронист (Thomas archidiaconus Spalatensis) 34, 58, 130, 135, 136, 138, 156, 203, 235, 253, 256, 285, 296, 298, 299, 343, 344

Фридрих II Гогенштауфен, германский император 56, 59, 65, 67, 136, 138, 156, 346

Халибо-султан 260

Хаут (Тангут) § 23, 110

Хетум, царь Малой Армении 140, 171, 174, 218, 267, 275, 310, 326

Хоранка, лат. *Choranca*, см. Куремса 255, 257

Хорду 261, 279, 284

Хубилай, сын Тогуя 167, 255, 338

Хугрин, архиепископ венгерский 299

Худұха-беки 176, 322

Хулагу 254

Хусейн-хаджи, посол 268, 269

Хэлянь Бобо, шаньюй 295

Ц. де Бридиа 14, 16, 17, 19, 20, 21, 27, 30, 40, 99, 128, 183, 194, 195, 199, 202, 203, 204, 289, 298, 299, 302, 303, 310, 315, 316, 332, 340, 341, 342, 348

Цезарий Гестербахский 33

Чагадай Čaǵatai, сын Чингис-хана § 23, 110, 251, 252, 254, 255, 256, 260, 266, 268

Чаган-нойон 316

Чань-Чунь, даос 15, 171, 344

Чеслав Богемский § 1, 99, 203

Чжамуха (Джамуха) 176

Чжан Дэ Хой 15

Чжао Хун, южносунский посол 35, 131, 148, 165, 170, 184, 185, 249, 266, 307

Чингис-хан § 41, 110, 114, 116, 117

Чинкай (Чингай, Чжэньхай, лат. Činqaï), глава канцелярии при Угедее и Гуюке 48, 161

Чин-Тимур 269

Шарукан, хан половецкий 336

Шейбан, см. Сибан 253, 255

Шильтбергер Иоганн 294, 296

Шингкур (Сонкур), сын Джучи 253

Ширемун (*Sirenen*), сын Гуюка 252, 255

Шихаб ад-дин Абу-л-Аббас Ахмед ибн Али ал-Калкашанди, энциклопедист 328

Элтин-Хатун 256

Юлиан, доминиканец 14, 72, 73, 130, 135, 153, 157, 240, 247, 248, 300, 325, 327, 331, 337

Ярослав Всеволодович, князь Владимирский 53

Яхья ибн ан-Нуман 153

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абхазия (Абхаз) 190, 196, 336
Австрия 243, 291
Агвания 311
Адарбадаган 151
Адриатика 34, 256, 300, 302
Азербайджан 190, 232, 250, 266, 328
Акра 278
Алмалык (Армалекко) 147, 260, 277
Алтай 158, 159, 171, 176
Ала-Куль, озеро 171
Аман, гора 139
Аму-Дарья (Сейхун, Джеон, Джейхун, Джаган, Гион) 151, 171, 173, 271, 272, 273, 275, 331
Ангрен 270
Аральское море 273, 274, 275
Аран 232, 328
Аргун 169, 187
Армения § 31, 34, 36, 63, 113, 114, 140, 151, 190, 191, 250, 256, 261, 310, 312, 332, 333
Армения Киликийская (Малая Армения) 171, 172, 218, 275, 296, 310, 326
Астрахань 276
Атиль (Этиль, Волга) 157, 167, 172, 231, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 253, 260, 274, 275, 276, 277, 330
Афганистан 173
Ахтуба 277
Ашнас 267
Аяс 311

Баб ал-Абваб, см. Дербент 233
Багдад (Балдак, Бодак) 9, 167, 287, 296, 297, 312, 313, 329, 332, 344
Бадахшан 178
Байкал 39, 158, 160, 322
Баласагун 173
Балдак (Багдад) § 31, 34, 113, 114
Балх 178
Баргуджин (= Barqujīn-töküm, Бангу, Баргу, Барху) 158, 159

- Барчин, Barčiliγ-känt, город § 24, 111, 265, 266, 267, 268
Баскарт, см. Паскатур § 34, 114, 241, 242, 244, 320, 322
Басра 205
Белая, река 249
Бенакет 268
Бешбалык 161, 260
Биляр 282
Богемия § 1, 18, 99, 243, 291
Болар (Buqar) 334
Болор (Кафиристан) 392
Бряхимов 283
Буир-нор 131
Булгар 282, 283, 284, 331
Булгария Великая (Magna Bulgaria, Волжская Булгария) § 27, 112, 227, 240, 242, 243, 245, 247, 248, 253, 261, 264, 282, 283, 320, 324, 335
Буритебет § 19, 34, 108, 114, 197, 212, 213, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 332, 335
Бухара 47, 147, 173, 266, 273
- Вавилон** 150, 336, 344
Великая Армения 201, 311
Венгрия § 23, 27, 30, 47 33, 34, 36, 46, 57, 65, 110, 112, 113, 120, 130, 135, 247, 253, 255, 279, 282, 283, 288, 290, 291, 298, 300, 301, 302, 303
Венгрия Великая (Хунгария) § 20, 34, 109, 114, 227, 228, 240, 241, 243, 244, 246, 320, 322, 335, 336
Висла 287, 288
Владимир 279
Войрат § 8, 34, 103, 114, 161, 176, 320, 321
Восточный Туркестан 132, 160, 174, 251, 323, 329
Вроцлав 287
- Ганг** 135, 178, 187
Гандза (Гянджа) 67, 234
Ганьсу 132
Ганьчжоу 177
Гаоли 333
Гатия (Готта, Хата, ас-Син), см. Китай 135, 140, 147, 151, 169
Георгиания, см. Грузия § 31, 34, 113, 114, 310, 311, 324, 332
Генуя 278
Герат 173
Гиркания 137
Греция § 2, 100

- Грузия 196, 233, 250, 256, 261, 310, 311, 312, 316, 312, 316, 328, 336
Гучия (?) 334
- Далмация 57
Дамаск § 23, 31, 113, 156, 255, 297, 313
Дамган 297
Дарьяльское ущелье (Железные врата) 196
Дельгер, приток Селенги 176
Дентумогер (Dentü-mogyer) 242
Дербент (монг. Тимур-кахалгэ — «Железные ворота») 228, 231, 233, 281, 292
Дешт-и Кипчак, см. Комания 132, 206, 229, 230, 231, 253, 275, 281, 283, 324, 327, 328, 333
Джабалка (Джабарса), легендарный город 208
Дженд, город 267, 268, 269
Джеон (Джейхун, Джаган, Гион), см. Аму-Дарья 151, 271, 272, 273
Джинтархан (Хаджи-Таркан) 277
Джукетау 264
Джунгария 161, 171, 275
Джурджэ, область 168, 321, 333
Диярбекр 316
Днепр 238, 249
Днестр 247, 249
Долон-нур, озеро 338
Дунай 33, 242, 288, 289, 296, 298, 300, 327
Дунайская Булгария 247
- Евфрат 45, 136, 139
Египет 57, 243, 294
Енисей 173, 323
- Завихвост 287
Зеравшан 270
Зихия (Зич) 334
- Иакинт, город § 24, 111
Иерусалим 137, 150, 254, 344
Израиль § 15, 106
Или, река 277
Имаус, гора 157
Инд, река 178, 214
Индийское море 178
Индия 135, 138, 151, 175, 197, 201, 214, 218, 219, 232, 260, 261, 296, 313, 351

- Индия Великая § 11, 104, 106, 193, 194, 197, 212, 214, 215, 221, 228, 320, 330, 332, 334
Индия Малая § 17, 106, 212, 320, 332
Ирак 140, 233, 234, 266, 271, 313, 328
Иран 151, 154, 232, 254, 271, 339
Иртыш 171, 172, 251, 276, 326
Исфахан 313
Италия 44
- Кавказ 62, 142, 194, 196, 201, 232, 242, 287, 328
Казалинск 269
Казахстан 251, 253
Кайпин, город 338
Калка (река) § 20, 33, 108, 129, 197, 227, 228, 229, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 263, 266, 283
Кама, река 191
Канана 161, 176
Канчу 277
Каппадокия 58
Каракарон (Каракорум, город) § 38, 39, 40, 115, 140, 151, 159, 171, 206, 235, 250, 255, 275, 281, 284, 296, 337, 338, 339, 350
Каракитай 114, 174, 276
Кара-мурен (Хуанхэ, Желтая река) 158, 168
Карачанак 333
Каспийские горы § 12, 15, 38, 104, 105, 156, 193, 194, 197, 201, 202, 320, 323
Каспийское море (Дарубандское море) 157, 172, 206, 235, 242, 273, 277, 331
Кашгар 147, 270
Кашин (Тангут) 324, 325
Кашмир 178, 179, 187, 262, 323
Каффа 328
Керман 294
Киев § 25, 48, 73, 111, 191, 237, 277, 278, 279, 280
Киргиз § 31, 34, 113, 114
Китай § 34, 9, 114, 132, 147, 164, 165, 168, 172, 174, 175, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 190, 204, 254, 255, 256, 276, 277, 316, 321, 344
Козельск 256
Коломна 251, 279
Комания (Куспкас, Кусскара = Кыпчаки) § 20, 30, 34, 108, 113, 232, 174, 275, 298, 302, 334
Комания Великая § 25, 111
Кониуззу, река § 20, 108, 236
Константинополь 243, 276

- Корея, см. Солангия 153, 286
Космир (Cosmir, Кашмир) § 8, 103, 320, 323
Краков 287, 288
Краковское княжество § 27, 112
Красное море 214
Крым 276, 277
Куку-нор, озеро 223
Кутаиси 312
Кухистан 348
Куявия 288
Кэрулен 158
- Лак 334
Ленчица 288
Лигница 287, 288, 289, 291
Ливония § 2, 100
Лион 18, 203
Люблин 287
Ляотунд 153
- Мавераннахр 171, 173, 174, 275
Магриб 132
Малый Енисей 176, 322
Малый Черемшан, река 324
Манзи, Manzi = Man-tseu, Южный Китай 174, 316, 321, 330
Манчжурия 172
Мачин (Манзи — Южный Китай) 168, 333
Мекрит § 4, 34, 101, 114
Менгиар 334
Меотидские болота 275
Мерв 297
Меркит § 4, 34, 101, 114
Миср (Египет) 190, 333
Моал § 2, 100, 101, 143
Монголия 130, 131, 147, 158, 160, 167, 171, 177, 218, 253, 256, 276,
280, 283, 321, 326, 332
Моравия § 28, 112, 130, 290, 291
Мосул 316
Мултан 194
Мургаб 270
- Найман § 7, 34, 102, 114, 174
Нараирген 'люди солнца' § 13, 104, 194, 211, 320
Нахшеб 266

- Никея 36
Нишапур 35
Нохой-Кадзар 'Земля псов' § 18, 107, 320
Нубия § 31, 34, 113, 331, 332
- Обь 253
Ордубалык 111, 268, 271, 273
Орнас (Эрнак), город, см. Ургенч § 24, 111, 268, 271, 273, 274
Орхон, река 160, 177, 337
Отрар 266, 277
- Палестина 173, 214
Паннония 241, 242, 243
Парма 21
Паскатур (лат. Pascatur = Basyïrd) 242, 243
Пекин 184
Пенджаб 232
Персия 142, 150, 151, 212, 232, 263, 276, 313, 328, 344
Пешт 283, 300
Польша § 1, 23, 27, 18, 34, 46, 65, 68, 99, 110, 112, 130, 135, 172, 253, 255, 287, 288, 290, 298, 301, 303
Пруссия § 2, 100
- Рей 313
Рига 238
Рим 59
Рум, султанат 49, 261, 310, 316, 330, 333
Россия § 25, 27, 34, 111, 112, 114, 118, 237, 277, 278, 298, 334
Русь 33, 36, 46, 132, 191, 238, 253, 286
- Саксин (Саджсин) 229, 262, 282, 283, 330
Самарканд 173, 192, 218
Сандомир, город § 28, 112, 287
Сандомирское княжество § 27, 112
Сарай-Бату 253, 274, 276, 277
Сарайчик 276, 277
Сарыкамыш 273
Селенга, река 158, 176, 322
Семиречье 163, 173, 323, 326
Серадз 288
Силезия § 28, 112, 288
Син (= Cathay, Северный Китай) 169, 313
Сира Орда (Желтая Орда) § 38, 39, 116

Сирия 57, 154, 333
Сис, столица Киликийской Армении 171, 275, 311
Скифия 137, 157, 241
Словакия 300
Согд 308
Солангия (Sulangqa = Корея) § 12, 34, 104, 114, 230, 261, 333
Солон, река 289
Солхат, город в Крыму 328
Сплит, город 34
Сувар, город 282
Сугнак (Сыгнак) 267
Судак 262
Сыр-Дарья 171, 267

Тавриз (Тебриз) 324
Тамгадж (ас-Син) 186, 188
Тана 277
Танаис, река 241
Тангут (Великое Ся) 176, 252, 322, 326, 333
Танкара 257
Танхо, река 277
Тартар (река) § 3, 101, 144, 153, 154, 155, 156
Тендук (Tenduc = T'ien-tö)
Термез 296
Тибет 9, 223, 224, 261, 262, 333
Тигр, река 45, 136, 139, 205, 272
Тифлис 233, 328
Тола, река 256
Туран (страна тюрок) 151
Туркия § 31, 34, 113, 114, 332
Тянь-Шань 171, 275

Увек, город на Волге 276
Узгенд 267
Уйгурский каганат § 5, 34, 101, 114
Унгария, см. Венгрия 241
Уральские горы 25, 251
Ургенч (лат. Ornas; Ürgänj, Гургандж) 241, 272, 273
Урумсолдан (см. Рум) § 34, 114
Устюрт, плато 271, 273, 274, 275, 276, 277, 327

Фарс 190
Фарфар, река 156
Франция 33, 44, 130, 242, 243, 290, 291

Хабеш (Абиссиния) 230
Хазария (Газария) 328, 334
Халеб (Алеппо) 261, 316
Халха 147
Хамадан 232, 328
Хангай 159, 171, 176
Ханфу, город 204
Харберт 36
Хива 293
Хиндустан 262
Хлат 311
Ходжент 268
Хорасан 34, 262, 266, 297, 313, 348
Хорезм 171, 173, 191, 233, 258, 262, 263, 265, 266, 267, 269, 270, 271,
172, 273, 274, 275, 276, 283, 323, 324
Хотан 147
Хуан-хе, река 325
Хумдан 204

Черное море 45, 136, 241
Чжун-ду, Джун-ду (Средний стольный город) 181, 255, 339
Чирчик 270
Чугучак (Çuğuçak = Tarbagatai) 173

Шайо, река 298, 300
Ширван 190

Эбер, река 155
Эдзин-гол, река 177
Эзурскакита § 6, 101, 167
Эмиль, Имиль (Omyl = Emil) 171, 173, 275
Эфиопия § 17, 34, 45, 106, 114, 213, 214, 320, 329, 332

Юньчжун 249

Яик (Джайх, река Урал) 172, 242, 249, 260, 275, 277, 283, 331
Янгикент (лат. *Ienikint*; *Yāngi-kānt*, Джанкент, Ианкинт) 171, 266, 267,
268, 269, 270, 271, 275
Япония 194

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ДИНАСТИЙ, СЕКТ

австрийцы § 4, 101

агари 320

адыги, см. зихи 329

азы (*Az*, асы, ос) см. аланы § 11, 34, 104, 114, 230, 239, 262, 281, 284,
287, 283, 300, 320, 324, 325, 331, 333, 336

аланы § 24, 26, 34, 111, 114, 196, 228, 262, 320

алеманы 259

арабы 234, 292, 293, 308, 323

аркауны 167

армяне 309, 320, 336

астомы 134

ат-темурчи (племя) 187

Ашина, династия 160

бастархи (= Баскарт), см. башкиры § 20, 109, 134, 241, 242, 243, 282,
320

башкиры (*bašqort*) 230, 244, 245, 246, 247, 295, 324, 333

билеры (*bileri*) см. болгары § 27, 34, 112, 114, 134, 240, 282, 320

бисермины (*bisermini* = мусульмане) § 20, 24, 34, 108, 111, 114, 228,
229, 234, 235, 262, 264, 265, 266, 320, 335

богемцы § 4, 101

брутахи (*brutachi*) 320, 332

болгары 241, 242, 243, 256, 259, 282, 327, 328, 333

буряты 322

вальвы (нем. *valven* — кипчаки) 237

вандалы 242, 243

венгры § 29, 33, 113, 135, 230, 241, 242, 244, 246, 247, 256, 299, 300,
303, 324, 327, 332, 333, 336

вестфальцы § 4, 101

влахи (*blac*) 242

газары, см. хазары § 24, 26, 34, 111, 114, 336

Гог и Магог § 12, 104, 137, 139, 140, 142, 189

готы 336

грузины 235

гунны 241, 243, 259, 307

джалаиры 144

египтяне § 15, 106, 164

еламиты 313

зинджи 292

зихи 329, 336

илак (*Илак*) 243

индийцы § 17, 106, 107, 212, 214, 217, 336

исмаилиты 154, 307, 323

иудеи § 12, 15, 104, 106, 320, 327, 335

йека-монгалы 145, 152, 155, 158

калачи 154, 324

канана, племя (?) 177, 320, 321

кангиты (канглы, канлин) § 20, 25, 34, 108, 111, 114, 153, 228, 229, 234, 242, 266, 275, 320, 324, 326

канлью, см. кангиты 326

кара-китаи § 7, 34, 102, 114, 162, 168, 174, 175, 320, 321, 334

караниты (вар. кераниты) § 8, 34, 103, 114, 161, 176, 177, 178, 320, 322, 334

карлуки 154, 190, 324

касоги, см. зихи 329

кассиды (*cassidi*) § 34, 114

касы (*cassi*) 320

каты (кахетинцы) 281

келары (венгры) 230, 324, 333

кереиты (караиты) 144, 159, 163, 177, 178, 334, 344

кибчаут (кипчаки, команы) 33, 154, 228, 234, 235, 237, 238, 239, 256, 257, 262, 281, 300, 326, 327

кидани (кара-кытай) 163, 166, 171, 172, 174, 285, 287

кимаки 245

киркасы § 34, 114

- китаи § 6, 9, 10, 102, 103, 178, 198, 320, 321
китайцы 40, 166, 167, 177, 178, 287, 329
киргизы (кыргызы, хирхизы) 40, 160, 199, 200, 201, 306, 307, 309, 323, 334
команы (куманы) § 11, 20, 34, 33, 104, 108, 114, 118, 196, 197, 210, 227, 228, 229, 230, 236, 242, 266, 275, 285, 320, 325, 326, 327, 336
комуки (*comuchi*) 320, 324
корейцы 198
корола § 34, 114, 320, 332
куны 33
кунгираты 177
- ломбардцы § 4, 101
Ляо, династия 172
- маджары 262
мадианиты 153
мадьары (*magyar*), см. венгры 245, 246
мекрит § 4, 34, 101, 145, 152, 158, 159, 160, 320, 322
меркит § 4, 34, 101, 145, 152, 153, 158, 159, 160, 177, 178, 320, 322, 334, 344
моал (монгали) § 2, 101, 104, 133
монгали (монголы) § 5, 7, 10, 101, 102, 104, 161, 175, 215
мордваны (мордва) § 27, 34, 112, 114, 240, 264, 282, 285, 295, 320, 327
- найманы § 7, 40, 102, 103, 144, 153, 163, 168, 171, 175, 176, 177, 178, 320, 321, 334, 344
нангасы 154
нараирген («люди солнца») § 13, 104
народ журавлей 200
народ змей 200
народ стрелков, см. монгали
несториане § 5, 34, 101, 114, 320, 326, 336
ногайцы 245
нохойтерим («песьеголовые») § 21, 109, 197, 229
нубийцы 336
- обезы 320, 335
огузы (гуззы) 171, 174, 190, 330
огуз-татары 174
ойрат (войрат) 144, 176, 321, 322, 334

онгуты (Öngüt, «белые татары») 144, 307, 326
он-уйгур 160

паросциты (parossiti, «паром сытые») § 21, 34, 109, 114, 134, 229, 282,
320, 328, 332, 335
персы 164, 313, 320, 328
песьи народы (см. нохойтерим) § 34, 114, 153, 235, 282, 328
половцы 130, 236, 237, 282, 327, 331
поляки § 4, 27, 29, 101, 112, 113, 243, 262, 291, 300

римляне § 4, 101
русские (рутены, урусы) § 4, 20, 42, 101, 108, 130, 133, 192, 230, 234,
237, 238, 243, 256, 259, 262, 320, 324, 327, 329, 331, 333, 336

саксонцы § 4, 60, 101
саксы (saxi) 320, 331
самоеды § 21, 34, 109, 114, 197, 227, 228, 229, 282, 320, 328, 332, 335
саррацены (*sarraceni*), мусульмане § 24, 31, 34, 36, 111, 113, 114, 115,
212, 265, 320, 323, 326
сарты (*sarti*) 153, 320, 329
сары-уйгуры § 8, 34, 103, 105, 161, 176, 177, 320, 322, 334
сельджуки 323
Сельджукиды, династия 313, 330
сирийцы 155, 167, 313, 336
скифы 241, 308
соланги (корейцы) § 12, 104, 198, 320, 321,
су-моал («водные монголы») § 3, 101, 145, 152, 154, 155, 158, 320, 322

табгач 174
таджики 154, 167
тангуты 144, 162, 177, 287
тартары § 7, 14, 15, 17, 18, 20, 60, 102, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111,
112, 113, 114, 117, 123, 125, 140, 153, 164, 214, 215, 236, 241, 243
тархуны 322
татабыйцы 174
татары 130, 132, 133, 139, 152, 157, 158, 170, 178, 234, 237, 238, 239,
260, 264, 291, 311, 336, 344
тат-тавадж (китайцы)
таты 320
теркемен (туркоманы), см. туркмены § 20, 25, 108, 111, 323, 324, 320
тибетцы 40, 177, 190, 287

тогузгузы 160, 190
торки 320, 327
тубасы 322
тұғары (тоғары, тохары) 157
тумат, племя 320, 321, 334
тумен-кергизы 322
тунгусы 160
турки-османы 245
туркмены 111, 154, 228, 229, 234, 235, 266, 320, 323, 329
тюринги § 4, 101
тюрки 46, 141, 142, 170, 190, 264, 292, 293, 295, 307, 313, 323, 327, 329,
336
тюрки-тугю 308

угры 288, 289
узбеки 245
уйгуры § 5, 34, 40, 154, 160, 161, 162, 163, 164, 167, 176, 177, 260, 287,
320, 322, 324, 329, 334
уорколоны («быченогие») § 21, 109, 197, 228, 229, 282
унгары (хунгары)— венгры, от тюрк. *оногур* 242, 259, 327
унипеды («одноногие») § 22, 110, 228, 309
урсуты 153, 322
урянкаты 256

фламандцы § 4, 101
франки 240, 244, 259, 327
фриульцы § 4, 101

хабханасы 322
хазары (газары) § 24, 190, 245, 259, 281, 320, 327, 331
халдеи 154, 156
ханхасы 322
ханьцы 285

Цзинь, династия 250, 320
цзубу (племя) 178

черемисы 264
черкесы 199, 201, 230, 259, 281, 287, 306, 324, 327, 329, 333
чжурчжэни 158, 166, 167, 168, 172, 173, 251, 285, 287, 307, 320

швабы § 4, 101

эфиопы 212, 214, 230, 332, 336

яджуджи 100, 223

якобиты 336

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издателя</i>	5
Экспозиция	7
1. Империя как текст	8
2. Цели и задачи францисканской миссии 1245 года	18
3. Библиографические парадоксы	22
<i>Часть первая. ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ ВАВИЛОНСКОЙ</i>	
БАШНИ	31
1. Сила слухов	32
2. Девять вопросов о деяниях монголов	41
3. Бич Божий	57
<i>Часть вторая. КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ПЕРЕВОД</i>	
«ИСТОРИИ ТАРТАР» БРАТА Ц. ДЕ БРИДИА	75
Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia	77
«История Тартар» брата Ц. де Бридиа	99
<i>Часть третья. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ</i>	127
1. Посол апостольского престола (НТ, § 1)	128
2. Этноним татары (НТ, § 1)	129
3. Земля тартар (НТ, § 2)	134
4. Термин монголы (НТ, § 2)	142
5. Чингис-хан. История возвышения глазами современ- ников (НТ, § 3)	145
6. Су-монгалы (НТ, § 3)	152
7. «Река Тартар». Средневековые этимологии имени «татар» (НТ, § 3)	153
8. Меркиты и мекриты (НТ, § 4)	158
9. Уйгуры (НТ, § 5)	160
10. Монгольская письменность XIII в. (НТ, § 5)	163
11. Монгольские походы в Китай (НТ, § 6)	167
12. Область найманов (НТ, § 7)	171
13. Кара-кытай (кидани) (НТ, § 7)	172

14. Найманы и монголы (НТ, § 7)	175
15. Войрат, сари-уйгуры и другие народы (НТ, § 8)	176
16. Осада китайской столицы (НТ, § 9)	179
17. Титул хан (НТ, § 9)	184
18. Приказ о покорении мира (НТ, § 11)	193
19. Соланги (Solangia) (НТ, § 12)	198
20. Адамант или магнитная гора (НТ, § 12)	202
21. Загадочный инструмент «людей солнца» (НТ, § 13)	208
22. Малая Индия, или Эфиопия (НТ, § 17)	212
23. Чингис-хан и пресвитер Иоанн (НТ, § 17)	214
24. Покорение Буритебета (НТ, § 19)	221
25. Мнимый поход Джучи (НТ, § 20)	227
26. Битва при Калке (НТ, § 20)	235
27. Баскарт, или Великая Венгрия (НТ, § 20)	240
28. Сыновья Чингис-хана (НТ, § 23)	249
29. Внуки Чингис-хана (НТ, § 23)	252
30. Имена монгольских вождей (НТ, § 23)	255
31. Военные походы хана Угедея (НТ, § 24.1)	258
32. Земля бисерминов (НТ, § 24)	263
33. Город Барчин (НТ, § 24)	265
34. Город Янгикент (НТ, § 24)	267
35. Орнас (Ургенч) (НТ, § 24)	270
36. Аральское море (НТ, § 24)	273
37. Нашествие на Русь (НТ, § 25)	277
38. Смерть хана Угедея (НТ, § 26)	280
39. Волжская Булгария (НТ, § 27)	282
40. Чужеземцы в составе монгольских армий (НТ, § 27)	285
41. Монгольское вторжение в Польшу (НТ, § 27)	287
42. Смерть Генриха Силезского: миф и реальность (НТ, § 28)	289
43. Монгольское вторжение в Венгрию (НТ, § 29)	297
44. Ханский суд в красном шатре (НТ, § 30)	302
45. Разногласия между Гуюком и Бату (НТ, § 30)	305
46. Траурный обычай (НТ, § 31)	306
47. Монгольский поход на Армению (НТ, § 31)	309
48. Монгольский поход на Грузию (НТ, § 31)	311
49. Земли халифа Багдада (НТ, § 31)	312
50. Мнимый поход на Запад (НТ, § 33)	315
51. «Список покоренных народов» (НТ, § 34)	317
52. Каракорум в XIII в. (НТ, § 38)	337
53. Что не смогли выяснить францисканцы? (НТ, § 39)	339

54. Постановление Чингис-хана о покорении мира (НТ, § 41)	342
55. «Пророчество Чингис-хана» (НТ, § 41)	348
ПРИМЕЧАНИЯ	353
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	399
Использованные источники	400
Избранная библиография	406
Библиографические сокращения	448
Сокращения	449
УКАЗАТЕЛИ	451
Именной указатель	452
Географический указатель	461
Указатель этнических названий, династий, сект	469

Научное издание

**ХРИСТИАНСКИЙ МИР
И «ВЕЛИКИЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ»**

Материалы францисканской миссии 1245 года

А. Г. Юрченко, С. В. Аксенов

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Принимающий редактор *Антонов Т. В.*

Выпускающий редактор *Трофимов В. Ю.*

Художественный редактор *Лосев П. П.*

Составление и подготовка указателей *Кирюкова Ю. С.*

Корректор *Мартьянова Г. Н.*

Верстка *Столяровой М. Г.*

ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.

Подписано в печать 28.10.2002. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 15,0. Гарнитура «Ньютон». Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 3725

ООО «Издательская группа «Евразия»
197433, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая, д. 3
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Осень—зима 2002 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЕВРАЗИЯ»

***Представляет вниманию
отечественных читателей
следующие книги:***

В серии «СЛЮ»

Филипп Эрланже

**РЕЗНЯ В НОЧЬ
НА СВЯТОГО ВАРФОЛОМЕЯ**

Марселен Дефурно

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВО ВРЕМЕНА ЖАННЫ Д'АРК**

Бруно Глогер

ИМПЕРАТОР, БОГ И ДЬЯВОЛ.

Фридрих II Гогенштауфен в истории и легендах

В серии «BARBARICUM»

Дитрих Клауде

ИСТОРИЯ ВЕСТГОТОВ

В серии «ПИЛИГРИМ»

Джузеппе Туччи

РЕЛИГИИ ТИБЕТА

В серии «MAGICUM»

Эдмунд Вебер

РУНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Представляем в серии
b a r b a r i c u m

КНИГУ

АЛЕКСАНДРА
ГРИГОРЬЕВИЧА
ЮРЧЕНКО

ИМПЕРИЯ И КОСМОС

*Реальная и фантастическая
история походов Чингис-хана
по материалам францисканской миссии
1245 года*

В середине XIII в. неизвестный восточный автор создал небольшое по объему литературное сочинение о Чингис-хане и передал свой труд дипломатам с Запада — францисканской миссии 1245 г. Содержание сочинения выглядит в высшей степени загадочным. Три армии Чингис-хана ведут непрерывную войну с монстрами и диковинными народами и сталкиваются с необычными природными феноменами.

В исследовании историка А. Г. Юрченко предпринята попытка ответить на вопрос: кто и с какой целью решил представить Чингис-хана героем, испытывающим на прочность границы Космоса? В итоге проблема, будоражившая воображение ученых на протяжении двухсот лет, находит свое оригинальное решение. По мнению исследователя, сочинение о Чингис-хане принадлежит представителю интеллектуальной элиты, бросившему вызов химере имперских мифов.

Тринадцатое столетие в истории Евразии было столетием катастроф. Так считало большинство средневековых писателей и современные историки разделяют этот взгляд. Речь идет о монгольской экспансии, в результате которой была создана империя Чингис-хана. А как смотрели на события те, кто мог реально влиять на их ход и направленность?

Поразительным образом наблюдения и мысли францисканцев, совершивших в 1245 г. дипломатическое странствие ко двору великого хана монголов, не совпадают с представлениями их западных современников. Осведомленность интеллектуалов и открытый взгляд на события способствовали созданию новой картины мира. Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк были в числе первых западных дипломатов, раздвинувших культурный горизонт европейцев. Впервые публикуемое на русском языке донесение Бенедикта Поляка демонстрирует умение средневековых дипломатов находить важные источники информации и противостоять натиску нелепых домыслов и апокалиптических слухов. События середины тринадцатого века приобретают новое звучание.

ISBN 5-8071-0111-1

9 785807 101112